

АНАСТАСИЯ ЗАВЕНЦКАЯ

Неприкосновенное

серия

Ты - то лучшее, что есть во мне

Донна Картер и Адам Майколсон — успешные независимые люди. Только вот получили эту независимость в разном возрасте и разным причинам. Донне не нужен мужчина, так как для её одиночества есть причина. Адаму же нужна одна единственная женщина, которой он откроет свое сердце и душу, настоящего себя... того кого скрывает за высокомерием перед женщинами и сарказмом. На что готов пойти Адам ради женщины, которая покорила и украла его сердце? И насколько долго Донна сможет ограждать себя от мужчины, с которым обречена быть вместе?

Пролог

— Эмили, черт возьми, — вошла я в номер. — У тебя девичник, а ты оставила нас.

— Милая, — улыбнулась подруга. — Мне нужно доделать возможно последний договор в жизни, и я приду. Если что-то случится, зовите полицейского. Если он начнет раздеваться, значит, он не настоящий.

— Все, — забрала бумаги Эбби. — Я забираю это. Хочешь забрать — догони.

— Эмили, иди уже за ней, — смеялись все.

— Куда? — хохотала невеста. — В шкаф?

Из нас шестерых нет никого, кто бы смотрел, что делает другая. Но мы всегда присматриваем друг за другом. Мы есть друг у друга, и эту дружбу нужно оберегать. Благодаря красоте и характеру всегда есть страх потерять семью. Этим пользуются, и понимание, что все эти девушки — моя слабость, может однажды погубить жизнь.

— Эмили, — сняла с себя платье Стейси. — Там обалденный стриптиз, и тебе нужно это увидеть перед тем, как выйти замуж.

— Вообще-то я замужем, дорогая, — все еще смеялась подруга. — И у тебя как бы есть парень.

— Нет, — отмахнулась та. — Я сейчас как в юности.

— Спишь со всеми подряд? — спросила Долорес.

— Эй, какой вы представляете меня?

— Доступной, — ответила Эбби, снова появившись на горизонте.

— Похотливой, — добавила я, наливая шампанское.

— Грустной, — улыбнулась Эмили. — Ну да, и слегка шлюховатой.

— Вообще-то правильно — желанной, — включила музыку Стейси. — Потрясающе красивой, веселой и сексуальной.

Жизнь мчит птицей, и этой ночью я размыла границы. Мы пили коктейли, танцевали, смеялись и проигрывали деньги на ставках в казино. В этом дне была написана еще одна часть истории. «История» — интересное слово. Когда я умру, хочу, чтобы именно его высекали на моем надгробии. В этом месте меня больше не будет, и оно также сохранит свою историю. Каждый день, каждая улыбка и сердце хранит свою другую жизнь. Даже цепляясь за пустоту, мы и в ней оставляем свой след.

Я до сих пор не могла поверить, что Эмили выходит замуж. Это сейчас по-настоящему. Она всегда была со мной, а с появлением Брайана мне пришлось делиться. Пусть звучит глупо, но по большому счету, у меня больше никого нет. Я смотрела на бассейн во дворе нашего номера и слушала музыку в наушниках, сидя на шезлонге уже под утро. Я люблю черный цвет. Книги. Кофе. Путешествия и семью. Я люблю все то, что живет в моем сердце, и то, что является частью меня. И больше всего я люблю Эмили, и только сейчас я осознала в полной мере то, что она больше не «моя». Я увидела тень рядом, и, когда повернула голову, улыбнулась Стейси.

— Почему не спишь? — сняла я наушники.

— Могу задать тебе тот же вопрос.

— Кажется, что теперь все изменится.

— Так и будет, Ди, — закрыла она глаза, откинувшись на спинку шезлонга. — Хоть я давно перестала делить пару Прайсонов на Эмили и Брайана, это чувство, что внутри — странно. Но Эмили светится, и я рада, что она счастлива.

— Я видела твои глаза сегодня, Эс, — посмотрела я на нее. — Ты любишь его?

— Мне жаль, что ты это увидела.

— А мне жаль, что у меня не было видеокамеры.

Стейси засмеялась, и я взяла ее за руку, сжимая. Она не совсем обычная девушка. Она никогда не говорит, что любит, но, когда берет твою ладонь, такое чувство, что над тобой появляется купол, и ты становишься защищеннее и счастливее.

— Ты храбрая, Эс, — не сводила я с нее глаз. — Ты очень храбрая, особенно если дело касается любви.

— Я боюсь, — прошептала она. — В какое-то время страх парализовал меня.

— Да, но ты все равно храбрая. Больше всего на свете ты боишься впустить кого-то еще в свою жизнь, но сделала это.

— Я не хотела. Просто так вышло само собой. Но как насчет тебя, Донна?

— А я умерла очень быстро. В один момент я улыбалась, а в следующий больше не смогла этого делать.

Глава 1

— Боже, мне страшно, — прошептала Эмили.

— Ты потрясающе выглядишь, — сказала Ева.

— Ты такая красивая, очень красивая, — обняла я подругу. — Он обалдеет, когда увидит тебя.

— Тебе нужно выпить, — открыла бутылку шампанского Стейси. — Нам всем нужно выпить.

— Не переживайте. Все под контролем, — вошла в комнату Эбби, читая что-то в своем блокноте.

— Кто бы сомневался, — усмехнулась я.

— Не умничай. Десять минут до начала церемонии.

Мы остановились в отеле Sirenis Punta Cana Resort Casino&Aquagames. Это шикарнейший отель в зоне Уверо Альто. Свадьбу готовили три месяца, так как Брайан подключил все связи, и все пытались облегчить Эмили жизнь в это время. Эбби была главной. Она сурова, строга и любительница контроля, но это также делает её уникальной и незаменимой. Эмили не хотела свадьбу в Нью-Йорке и выбрала Доминикану, райский остров Саона, который омывается Карибским морем. Здесь было чудесно. Песчаный пляж, красочная природа, много разной тропической флоры и любви. Да, тут было на удивление много любви.

С тех пор, как мы приземлились на самолете Адама, вся наша семья отдыхала и проводила время с удовольствием. Мы словно жили тут всю жизнь. Все забыли о работе и отдались ощущениям и счастью. Я наблюдала за проявлением чувств Стейси к Майклу, любви Брайана и Эмили и весельем подруг. Я тоже улыбалась, но что-то было не так. И у этого «что-то» было имя.

— Раз и навсегда, Эм, — улыбалась я. — Я желаю тебе счастья. Ты как принцесса из волшебной сказки. Ты потрясающая, и фата тебе к лицу.

Роберт повел её к алтарю, и я вытерла слезу со щеки. Выглядела Эмили изумительно. Платье было аристократичным и сексуальным в то же время. Шифоновое белое, которое покрывало тоненькое кружево со шлейфом. Бретельки средней толщины, с открытой спиной до поясницы, и цепочки из белого золота свисали на обнаженной спине. Эмили брала в плен всех, кто ее встречал. После всего пережитого она изменилась, и доброта была ей к лицу. Она расцветала цветами, и каждый, кто смотрел, ловил ее смех. Нежные слова и потрясающая улыбка, которая всегда затрагивала глаза. Невеста предпочла в украшениях жемчуг. Также из жемчуга были сделаны босые сандалии, которые держали её ножку и соединялись на указательном пальце. Макияж был легким, идеально подходящим. Букет складывался из лиловых орхидей, нежно-розовых пионов и красных калл. Она светилась, и не только благодаря освещению.

— Итак, — начал священник. — Сегодня важный день для всех вас. С любовью очень трудно, но без нее невозможно. Ваша жизнь — череда компромиссов, ссор, но в то же время любви, радости и счастья. Пока мы не испытаем потери, никогда не поймем, насколько нужно ценить то, что имеем.

Брайан смотрел на нее с вожелением, и Эмили отвечала ему тем же. Они многое пережили, но Эмили сказала мне однажды: «Он научил меня любить, и за это я перед ним в долгу на всю жизнь».

— Вы будете произносить свои клятвы? — спросил священник.

— Да, — ответили они в унисон.

Все засмеялись. Это было красиво и даже чуть-чуть волшебно. Я совсем не сентиментальна, но все, что я видела сейчас, заставляло сжаться мое сердце. Взглянув на маму Эмили, я взяла её за руку. Она улыбалась сквозь слезы. Слезы счастья.

— Эмили. Любовь моя. Я полюбил тебе с того дня, когда впервые увидел. Я никогда не рассказывал тебе, где мы встретились. Но я понял, что хочу жениться на тебе, после вечера, когда сел на мотоцикл после длительного застоя. Был ужасный ливень, и когда я остановился на выезде из города, увидел тебя. Ты вышла из своего мустанга и подняла голову к небу. Дождь стекал по твоему лицу, и ты определенно была чем-то расстроена, а я смотрел на тебя, не имея возможности отвести взгляд. Уже тогда ты покорила меня. Ты была властная, строгая и даже немного агрессивная, но в то же время податливая, нежная и добрая. День изо дня ты заставляешь меня меняться и менять все стереотипы. Ты не знаешь, как много для меня значит каждый проблеск твоей улыбки. Я сделаю все ради тебя. Я хочу прожить с тобой каждую секунду, неважно, в ссоре или согласии, но всегда в любви. Я обещаю, что буду ставить твои желания и интересы всегда на первое место, и что бы не случилось, буду рядом. Ты единственная, с кем я вижу свое будущее. С кем я вижу свою жизнь.

Он любил её, и день изо дня доказывал это. Брайан притянул к себе Эмили за талию и воткнулся носом в ее шею. Она засмеялась, и он сказал, что не хочет даже шевелиться. У меня всегда складывалось такое впечатление, что им нужно было друг к другу хоть как-то прикасаться. Их лица светились счастьем, и они всегда были рады видеть друг друга. У Брайана чаще всего исключительно легкомысленный вид, в отличие от Эмили, но теперь даже я поняла, что эти люди созданы друг для друга.

— Брайан. Ты также изменил меня. Ты научил меня любить, и за это я всегда буду у тебя в долгу. Каждую минуту нашей жизни ты бросаешь мне вызов, но в то же время подхватываешь, когда думаешь, что я не выдержу. Хоть ты и знаешь, что выдержу, ты не

оставляешь меня одну. И я обещаю, что не оставлю тебя. Я буду рядом, каким бы несносным ты не был, как бы сильно не опекал, я буду заботиться о тебе. Если бы мне пришлось измерять нашу любовь, это было бы невозможно. Вечности не хватит, чтобы сделать это.

— Если кто-то против этого брака, пусть скажет сейчас или замолчит навеки, — никто не сказал ни слова, и священник продолжил: — Скрепите ваш союз обручальными кольцами.

Когда они делали это снова, я невольно взглянула на Адама. Он наблюдал за нашими друзьями и улыбался. Со временем во мне просто умер человек, но спустя все эти события, которые произошли, я и дальше очаровательно вру, что меня совершенно не привлекает этот мужчина.

— А теперь можете поцеловать невесту.

Руки Брайана сжали талию Эмили, и он притянул ее для поцелуя. После был фуршет, танцы, музыканты, песни и много веселья. Мне захотелось пройтись. Я смотрела на море, слушая смех и крики моих близких, и искренне радовалась. Я устала все время быть чудовищем. Быть той, кто ничего не чувствует, отталкивая от себя всех, кому я могу стать небезразличной.

— Милая, ты ошиблась местом. Конкурс «Мисс Вселенная» уже был, — сказал мужской голос позади меня.

Я знала, чей он. Этот голос я узнаю из миллиона других, даже будучи глухой.

— Правда в том, что ты думаешь, что все женщины ведутся на твои дешевые фразы и дорогой костюм, — ответила я, не поворачиваясь. — Но я не одна из твоих воздыхательниц. Пончики, которыми я завтракаю, стоят дороже.

— Почему ты ушла? — спросил Адам, игнорируя мое хамство.

— Захотелось побыть одной. И это значит без тебя.

— Тебе не надоело быть одной?

— Ужасней быть не с теми.

— А с кем ты хочешь быть? Что этому человеку должно быть присуще, чего нет у меня?

— Ум, например. Слушай, у меня есть все, что мне нужно для счастья: моя семья, шикарная квартира, любимая работа и машина.

— Нет, — вздохнул он.

— Что нет? — спросила я в замешательстве.

— У тебя нет человека, от которого у тебя дрожали бы коленки, чаще билось сердце, и к которому ты хотела бы прикоснуться, а значит, ты несчастна.

— Так что же ты прохода не даешь этой несчастной?

— Какого черта ты ненавидишь меня? Мы еще даже не трахались, а я тебе уже противен. Ты меня не хочешь и не пытаешься привлечь моё внимание, понял, — качнул головой Адам. — Но что я сделал не так, что ты бесишься от одного моего присутствия?

— Просто ты не единственный мужик на этой планете. И если бывает любовь с первого взгляда, то почему не может быть неприязни?

— Ты сводишь меня с ума, — видела я раздражение в его глазах. — Можно, я просто пройду с тобой? В тишине?

— Нет.

— Пошли.

— Куда?

Он взял меня за руку и повел по пляжу. Мне были приятны его прикосновение. Адам

был бабником, какого в мире больше не существовало, и я просто оберегала свое сердце, не выпуская никого. Мужчина привел меня на мост, который был также украшен, и единственные звуки — наше дыхание и шум моря. Все в этом дне было волшебным и легко. Все время тут я была счастлива.

Адам стал позади и положил руки мне на талию.

— Что ты чувствуешь?

— Убери руки, — попыталась я вырваться, хоть сделать это с его хваткой на бедрах было нелегко.

— Просто помолчи десять минут, а потом иди. Что ты чувствуешь?

— Свободу, — прошептала я, закрывая глаза. — Я чувствую свободу.

— Нет, что ты чувствуешь стоя тут, без друзей? Представь, что меня нет, и ты слышишь только звуки моря.

Ага, представь тут, когда он стоит позади, прижимаясь всем телом, и его потрясающий аромат витает будто повсюду.

— Что ты чувствуешь, Донна? — снова спросил Адам.

— Одиночество, — прошептала я.

— Ты способна любить, просто не хочешь.

Меня как током ударило. Я не могла терпеть вранье и фальшь мужчины. Я не нужна была Адаму. Он просто на какое-то время хотел того, кто бы слушал его и любил со всеми недостатками. А после своих последних отношений в моих глазах ни один мужчина не стоит того, чтобы я мучилась обувая туфли.

— Знаешь, порой тебе нужно просто заткнуться, — вырвалась я, отходя от него. — Не прикасайся ко мне. Не ходи за мной, не заигрывай и не говори комплименты. Я не хочу иметь с тобой ничего общего, кроме друзей.

Я подобрала подол своего красного платья и направилась в номер. Мое сердце стучало как сумасшедшее, почти выскакивая из груди. Адам не пошел за мной, судя по всему, понимая хоть что-то. Войдя в номер, я почти разорвала на себе платье, вцепившись в подоконник. Я смотрела через окно, видя, как Брайан обнимал Эмили, кружась с ней в танце, и они над чем-то смеялись. Я понимала, почему Эмили так быстро сдалась ему. Эмили Харисон любила объятия. Она получала сумасшедшую энергетику, обнимая тех, ктс ей был дорог, в отличии от меня. Я же делала это, чувствуя практически физическую боль. Но я никогда не смогу рассказать об этом ни одному мужчине. Никто не узнает, что произошло и что я скрываю.

Я расстегнула бюстгальтер и сняла бикини, собираясь в душ, когда дверь распахнулась, и я смотрела, как взгляд Адама остановился на моей груди.

— И родила королева вскоре дочку. И была она бела, как снег, как кровь румяна, и такая черноволосая, как черное дерево, и прозвали ее поэтому Белоснежкой.

— Ты что тут делаешь? — вскрикнула я, беря первую попавшую футболку из кровати, прикрываясь. — И зачем ты цитируешь мне Белоснежку? Или это последняя книга, которую ты прочел?

— У меня есть к тебе предложение, — сказал Адам, не сводя с меня глаз.

— Сразу нет, — ответила я со злостью. — Вали отсюда.

— Никто не узнает, что мы скроем, — направился он ко мне, выхватив футболку. — Никогда. Я не хочу иметь единственную возможность оказаться между твоих бедер — подстроить трагедию, посадить к себе на мотоцикл и ехать, не останавливаясь.

Он схватил мою ногу, закидывая себе на бедро, и когда я пошатнулась, Адам другой прижал к себе за талию. Его горячие ладони прожигали мое тело, и я молчала, не говоря ни слова.

— Ты говорила, что я туп и бабник, но я хочу тебя. Я хочу тебя самым примитивным способом. Я знаю, что, если ты будешь выбирать между любым мужчиной и возможностью заработать, ты всегда выберешь второе. Но, Донна, мне нужна одна ночь, и я уйду из твоей жизни.

— Какова твоя философия? — прошептала я, держась за его бицепсы.

— Главное — не волноваться. Ведь волнение только добавляет боли, убирая иллюзию, которая осталась от беззаботности.

У меня пересохло во рту, и я с трудом сглотнула. Его слова сопровождалось таким желанием и страстью в глазах. Каждая женщина ценит что-то определенное в мужчине, и для меня это был смех, глаза и страсть. Слово «желание» было слишком просто для химии между нами. Реакция моего тела на его слова была поразительной, но теперь по-другому на Адама Майколсона я и не реагировала. В этот момент я поняла, что он мне нравится, но я не признаюсь, даже если мне будут угрожать.

— Хорошо, — потянула я его за волосы. — Одна ночь, и мы больше никогда не останемся наедине.

Я закрыла глаза и положила ладони на его грудь. Адам обхватил руками мое лицо и прикоснулся к моим губам. Он смотрел на меня со страстью и тоской в глазах, словно я уйду, и он почувствует что-либо, кроме удивления.

— Поцелуй меня, — прошептала я. — Сейчас.

Теперь я заметила страх. Я не хотела видеть это в глазах Адама и двинулась вперед, коснувшись его губ. Адам на секунду замер, но вскоре ответил с таким рвением.

— Ты был прав, — сказала я, снимая его рубашку. — Ты слишком хорош.

Он выгнул бровь, и уголки его губ дернулись вверх.

— И что я должен сделать, чтобы ты не смотрела на меня так?

— Забить мне гвозди в глаза.

— И чем это сделать?

— Подушкой Адам, — улыбнулась я. — Молоток возьми.

— Ты улыбаешься, — не отводил он взгляд. — Я смог рассмешить тебя.

— Но ты все равно болван.

Наши глаза встретились. Они умели бить и ласкать в одно и то же время. В этот момент они казались почти черными. Я вздрогнула, задаваясь вопросом, не совершаю ли ошибку? Но отогнала эту мысль спустя секунду, напоминая, что это всего одна ночь. Я потянула руки к его молнии на брюках, и Адам схватил меня за запястье.

— Это мое условие, — сказала я. — Рискни, Адам Майколсон. Пусти в себя кого-то другого, кроме своего эго.

Он забрал руку, и я стянула с него брюки, доставая горячий член. Проведя ладонью по всей длине, немного сжала, облизывая губы в предвкушении.

— Черт бы тебя побрал, Донна. Я умом тронусь.

— Я на это и рассчитываю, — усмехнулась я, опускаясь на колени.

Адам втянул воздух, когда я облизала головку члена, проталкивая его глубже с каждым движением бедер мужчины. Пальцы Адама скользнули к моим волосам, мягко их сжимая.

— Ты дурно на меня влияешь, — прорычал он.

Я ощущала власть, которую имела над его телом. И каждый раз поднимая глаза, сильнее возбуждалась от его реакции. Его глаза говорили гораздо ярче, и я с ума сходила от осознания власти. Адам резко поднял меня на руки, впиваясь поцелуем в мои губы. Он сжимал мою попку, а я вцепилась ногтями в его руки.

Я спала с мужчинами, но большинство из них не могли сделать и половины при помощи языка и пальцев, в отличие от Адама, который мастерски владел и тем и другим. Адам опустил мои ноги, и я широко распахнула глаза, когда он достал презерватив из лежащих на полу брюк и разорвал зубами обертку. Я тяжело дышала, и его мужской аромат был таким сильным.

— Я хочу тебя, — прорычал он. — Я хочу попробовать тебя. Каждую частичку тебя, а затем трахать, пока ты не упадешь на кровать от невозможности двигаться.

Это все усугубило, и желание быть с ним стало почти невыносимым. Я отвела взгляд, стараясь смотреть куда угодно, но только не на него. Я ненавидела свое тело за реакцию на Адама.

Он стал передо мной на колени и провел языком по моим складочкам. Я вцепилась в его волосы, чтобы хоть как-то удержаться на ногах. Я почти не могла дышать. Дрожь и агония прошли сквозь мое тело, и только руки Адама удержали меня от падения. Я опустила взгляд на него и хотела посмотреть в глаза, но меня ослепили слезы. Он предупреждал, что будет делать со мной, и я согласилась. И я знаю, что потом будет только хуже, но, черт возьми, он был богом. Его тело заставляло девушек просить добавки даже после унижения, а язык дарил необычайное наслаждение.

— Адам, — почти задыхалась я. — Еще.

Он всосал в рот клитор и стал трахать меня языком. Боль превращалась в удовольствие, и я практически инстинктивно зажала его волосы между пальцами.

Агония, которая преследовала меня, после каждого прикосновения растворялась в сексуальной потребности. В этот момент меня не заботило ничего, кроме Адама. Громкие стоны вырвались из моей груди, и он резко поднял меня на руки, легко бросив на кровать. Адам надел презерватив, нависая надо мной, и раздвинув мои ноги, одну из них закидывая себе на плечо. Я не отводила от него глаз, находясь до сих пор в оцепенении. Не знаю, это было оттого, что я забыла ощущение «тело к телу» или из-за самого Адама, но я словно стала сумасшедшей. Я вцепилась в его волосы, притягивая к себе для поцелуя. Меня не заботило ничего, кроме ощущений, которые я сейчас испытывала. Он за несколько мгновений практически стал моим спасением. Адам просто пришел и делал то, что мне было нужно. Когда он схватил меня за талию, я смогла вдохнуть воздух в легкие и почувствовала, как головка его члена медленно проникает в мое лоно. Я вскрикнула и услышала вздох Адама, который проник мне в разум, затронув самые темные уголки моей сущности. Он делал это так медленно, проходя дюйм за дюймом, и теперь был целиком во мне.

— Адам...

— Я понял, детка.

Он массировал мой клитор, и я ощутила реакцию каждой клеточкой тела только от его прикосновений. Он улыбнулся, держа весь свой вес на руках, и смотрел на меня с напряжением, сверкая голубыми глазами. Я не покорялась ему, но желала того же, чего и он. Адам был таким красивым и нежным. Порой диким и необузданным. Он нуждался во мне, как и я в нем в этот момент. Адам увеличивал темп, и я сжала его член внутри себя. Спустя мгновение он перевернул нас, и я оказалась верхом на нем. Он взял мое лицо в руки и жадно

впился поцелуем в губы. Несмотря на то, что я хотела чувствовать к нему, точнее, не чувствовать, мое тело думало по-другому. Он помогал мне, поднимая за талию, и я обвила ноги вокруг его бедер.

— Донна, — зарычал он. — Помедленней.

— Нет, — задыхалась я. — Ты мне нужен.

Адам укусил мою шею, и после того, как я почувствовала боль, провел языком по болючему месту.

— Проклятье, — закричала я, когда волна удовольствия прошла сквозь мое тело.

Я была почти в отчаянии, и мое сердце спустя, наверное, целую вечность снова начало нормально биться. Я не была впервые сосредоточена на удовольствии мужчины, а только на своем. Такого интенсивного оргазма я не испытывала никогда ранее. Я открыла глаза и встретилась с глазами Адама. Я обнимала его руками за шею и ногами за талию. Он держал мое тело и смотрел, словно пытался прочесть.

Я почувствовала неловкость, и реальность происходящего свалилась мне на голову. Адам положил меня на кровать и лег рядом, накрывая шелковой простыней.

— Кто ты? — спросил он, смотря на луну в окне.

— Я — человек, которому жизненно необходимо одиночество, — ответила я шепотом. — Луна будоражит, правда?

— Да, — слышала я улыбку. — Люди всегда считали ее чем-то таинственным и непостижимым.

— Она такая и сейчас. Пусть на данным момент многое известно, но она все такая же таинственная, как и много веков назад.

— Чарльз Буковски сказал: «Я — человек, для которого уединение жизненно необходимо. Я не могу без него, как и другие не могут без воды и пищи. Каждый день без одиночества отнимает у меня силу. Я не гордился своим одиночеством, но я от него зависим».

Я вздохнула и, повернув голову к нему, напомнила себе, почему именно мне следует держаться от него подальше. То, что произошло, совсем на меня непохоже, и мне захотелось самой на себя накричать за то, что я разрешила произойти тому, что теперь будет преследовать меня несколько недель.

— Ты не убегаешь от меня.

— Вообще-то это мой номер.

— Точно, — улыбнулся он. — Какие были твои прошлые отношения?

— Тебе нужно поспешить, Адам, — поднялась я с кровати.

— Мы куда-то идем?

— Нет, ты куда-то идешь. А я приму душ и лягу спать. Ты знаешь, где дверь.

Я прикрывалась напыщенным безразличием, делая вид, что он не единственный мужчина, который заставил меня чувствовать что-либо за столько лет. Прошлые мои отношения закончились не лучшим образом, и после я убежала в другую страну, только чтобы уйти от боли. Боли и страха.

— Нет, я останусь тут, — схватил он меня за руку. — И буду заниматься с тобой сексом до тех пор, пока Брайан не скажет, что аренда номеров закончилась.

Адам прижал меня к стене, опуская руки вниз и сжимая мои бедра. Наши глаза встретились, и я мгновенно почувствовала притяжение. Я провела пальцами по его волосам, и он вздохнул, прикрыв глаза. Затем взял мою вторую руку и положил себе на грудь.

— Завтра тебе будет тяжело ходить.

— Убери руки, Адам, — попыталась я оттолкнуть его. — Одна ночь, и больше не будет ничего.

— Неужели ты думаешь, что я сделаю тебе больно, Донна? Думаешь, я смог бы?

— Да, — не отводила я взгляд. — Все могут. Почему ты просто не можешь игнорировать меня?

— Не знаю, — ответил он чуть слышно.

Адам прижался губами к моей шее, и я почти сдалась. Его голос был таким уязвимым, и он практически вдавил меня в стену.

— Мне просто нужно тебя разгадать, — прошептал он после нескольких вздохов. — Дай мне шанс.

Закрыв глаза, я лихорадочно стала искать выход. Именно Адам должен был уйти после секса, ведь он именно тот тип мужчины. Найдя своими губами мои, он оставил самый нежный поцелуй.

— Я хочу попробовать, — сказал он прежде чем уйти. — Меня интересует твоя история, а не твоя сила. Моей хватит на нас двоих, а шрамы все умеют залечивать, если дать другому человеку эту возможность.

Я сходила в душ, освежив не только тело, а затем залезла в постель, укрываясь одеялом в надежде уснуть. В любой непонятной ситуации я просто ложусь спать. Когда на диете, или злая, или занялась сексом с Адамом Майколсоном, и мне понравилось, да и хотелось еще — просто нужно лечь спать и все пройдет само собой.

На завтрак я не пошла, и когда был уже пятый час, в дверь постучали.

— Ди, ты в порядке? — спросила Эмили, когда я открыла.

— В полном, — натянуто улыбнулась я, надевая футболку поверх нижнего белья.

— Что случилось? — не унималась она.

— Ничего, я просто устала.

— Я не о тебе, Донна, а о тебе и Адаме. Что между вами происходит?

— Ничего.

— Ага, и поэтому сексуальное напряжение витало в воздухе на фоне сексуального раздражения, да?

— Почему ты не со своим мужем? — открыла я бутылку текилы.

— Не переводи тему, Донна Картер, — покачала она головой, улыбаясь.

— Согласись, что он сексуален, — услышала я Стейси, которая вошла в номер.

— Кто?

— Адам.

— Ты с ума сошла.

— Ты знаешь, что я права.

— Может быть, — смотрела я на Эмили. — Но это не меняет того факта, что он — Адам Майколсон.

— Ты так говоришь, словно это диагноз.

— Так и есть.

— Переспи с ним, — сказала Стейси.

— Звучит, как тост, — бросила я дольку лайма в рот.

— Серьезно, — улыбалась Стейси, а Эмили наблюдала за мной. — Секс решает проблему.

— Так, как решаешь её ты? Нет уже, спасибо. Без обид.

— Я не вижу ничего плохого в сексе, если он не угнетает и приносит удовольствие.

— Эс, ты так долго не протянешь, — покачала я головой. — И ты не решаешь проблему, ты убегаешь от нее, пытаешься скрыть правду от самой себя.

— Не начинай! Я не хочу об этом говорить.

— Когда ты поняла, что не выносишь Адама? — спросила Эмили спустя какое-то время молчания.

— В тот день, когда увидела.

— Иронично, не так ли? — наполнила она еще одну стопку текилой. — В тот же день он потерялся в тебе.

Спустя всего несколько часов я что-то чувствовала. Мне не хватало ощущений, которые я испытала, и я хотела снова его увидеть. Я прокручивала в голове ночь, и меня разрывали противоречивые чувства. Черт, я хотела, чтобы он делал это со мной снова и снова, но никогда не оставался на утренней кофе. Он зажег меня, и теперь я боялась сгореть. Меня раздражало, когда Адам смотрел на других женщин, хоть и четко осознавала, что мы никогда не будем вместе.

С того момента прошло три дня. Мы отдыхали, и выпивка с музыкой почти не давали мне времени думать о чем-то еще. Адам вернулся к тому, что умеет лучше всего — соблазнять и трахаться. Мне было жаль горничных, которым приходилось убирать его номер, так что я предпочла полностью игнорировать его и злость, которую чувствовала.

«Я не перестаю думать о тебе».

Я удивилась, прочитав сообщение от Адама, но пальцы словно сами набрали текст в ответ.

«Чего ты ждешь от меня?»

«Ты сводишь меня с ума даже одетая».

«Если я свожу тебя с ума в одежде, что будет, если я останусь снова без нее?»

«Я погибну».

«Я не верю ни одному твоему слову».

Я собирала вещи, смотря на море, и думала о том, что в Нью-Йорке сейчас холодно. Эмили любила холод, в отличии от меня, хоть я и была гораздо холоднее внутри. Если ты однажды обжегся, то всю жизнь будешь опасаться. Я не та, кто будет жить в страхе. Я переступлю и пойду дальше, но уже без людей и этой боязни.

В дверь постучали, и я улыбалась, ожидая Еву. Но открыв, скрестила руки на груди, показывая все презрение во взгляде.

— Адам, — покачала я головой. — Не время.

— Время.

— Уйди, — поставила я ногу, преградив ему путь.

— Почему ты всегда ведешь себя со мной, как стерва?

— О чем ты? Я стараюсь показать свои лучшие качества.

— Стервозность?

— Это то лучшее, что есть во мне.

— Донна, — притянул он меня к себе за талию. — Никогда не понижай планку и желание достичь цели только из-за того, что ты увидела красный свет. В моих глазах азарт охотника, и я выбираю тебя, как свою самую желанную добычу.

У меня не было матери, с которой я могла бы поговорить. Женщина, которая меня родила, всегда могла выслушать, но для нее в приоритете была жизнь с комфортом и желанием быть материально-независимой, а не матерью. Я же хотела саму жизнь. Я хотела искусство и хотела чувствовать, что на своем месте. Порой мне кажется, что все мои подруги нашли себя в жизни, кроме меня. И как бы я не пыталась исправить мать или жизнь, стремление к чему-то, что я до сих пор не обрела, дает мне желание идти дальше.

От Адама не было ни слова. Он пропал. Испарился. Я направилась в старбакс прихватить кофе и насладиться последними лучами солнца. Это был мой идеальный день. Планы на ремонт в главном офисе, хорошая погода и вечерняя встреча с подругами. По крайней мере я так думала, пока на горизонте не появился Адам, который вышел из машины и направлялся прямо ко мне.

— Привет, красавица, — сказал он.

— Ты следишь за мной?

— Да. Ты же не думала, что скажешь мне «пока», и я уйду? Я ждал достаточно, и раз не происходит того, что я планировал, значит, я буду брать по-своему.

— Губозакаточную машинку тебе заказать или сам купишь?

— О, милая, я люблю твой острый язычок, — улыбнулся Адам, подойдя ко мне вплотную.

Я покачала головой и обошла его, направляясь в офис.

— Донна, — схватил он меня за руку.

— Зачем ты приехал, Адам?

— Признай, ты хочешь меня, Донна. Ты все время думаешь о том, что я проделывал с тобой той ночью.

Не успела я послать его к черту, как он притянул меня к себе и впился страстным поцелуем в губы. Адам обхватил руками мою талию, отрывая от земли, и я вдохнула его аромат. Аромат его духов я всегда могла учуять лишь слегка, и я наслаждалась запахом его тела.

— Я позабочусь о тебе, Донна, — прошептал он, поставив меня на землю.

— Ты о себе позаботиться не можешь, — все еще находилась я в оцепенении. — И ты разлил мой кофе, идиот.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Да.

— Ты до сих пор держишь меня за локоть, — расплылся он в улыбке. — И, по-моему, тебе понравилось.

Я одернула руку, словно от ожога. Из ниоткуда появился папарацци, и вспышки камер застали меня врасплох.

— Давайте еще несколько снимков, — говорил фотограф, и я отвернулась. — Адам, кто эта женщина?

— Эта моя девушка, — ответил он с улыбкой.

— Ты идиот? — смотрела я на него со злостью.

— Зато теперь для окружения ты моя.

— Я тебе задницу надеру, Майколсон, — выругалась я сквозь зубы, сжимая кулаки.

— С твоим ростом ты только до нее и дотянешься.

Как только я собралась уйти, Адам поцеловал меня в щеку и направился к машине так же эффектно, как и появился, оставив меня потрясенно смотреть ему в след.

Я всегда считала Брайана очаровательным. Но теперь, когда начала узнавать Адама, поняла, насколько слово «очаровательный» может по-разному истолковываться в собственном мозгу. Он испорчен, самоуверен, немного эгоистичен, но все же он очарователен. Все очаровательные люди немного испорчены, именно поэтому они так привлекательны.

Я пришла на работу и заперла дверь в кабинет. Я хочу не думать о нем, но не могу. Каждый раз, когда говорю «прощай», лгу сама себе. Это словно наваждение. Безумие, которое я не в силах остановить. Чертово сумасшествие, и порой мне кажется, что, если бы Адам исчез в одно мгновение из моей жизни, какая-то часть моего сердца исчезла бы вместе с ним.

Я думала сейчас о чем угодно, кроме самой работы. О ночи и утре, проведенных однажды с Адамом, о кофе, который попробовала сразу после его поцелуя сегодня, о сумасшедшем сексе и разговорах, и эмоциях, которые испытывала при каждой встрече с ним.

— Привет, милая, — сказала Ева, входя в мой кабинет.

— Ты пораньше, — ответила я, смотря на часы.

— У меня есть время до вечера.

— А вечером что?

— Я иду на свидание.

— Снова? — улыбнулась я.

— Я ищу мужчину своей мечты.

Спустя пятнадцать минут я была занята локонами Евы, в то время как та сидела и улыбалась, смотря на меня в зеркало. Это дало мне возможность отвлечься от мыслей, которые не переставали посещать мою голову. Ева удивительно красива. Женщины-блондинки, которым идет эта масть, исключение, и Ева входит в их число. Она выглядит, как актриса на красной дорожке, но на самом деле в ней столько любви, страсти, спасения и желания менять мир. Мне кажется, она порой одинока, но никогда сама в этом не признается. На ее свет в глазах оборачиваются ангелы и бьются стекла в одно и то же время.

— Я буду покупать новую машину, — улыбнулась подруга.

— Какую?

— Я в активном поиске.

— Машины? — усмехнулась я.

— Машины тоже.

— Что с твоими картинами?

— А что у вас с Адамом?

— Ничего, — нахмурилась я.

— Вы целовались? — я покачала головой, предупреждая опасность этой темы, но Еву это не волновало. — Какой это был поцелуй?

— Ева, давай закончим эту беседу, — старалась я держать себя в руках.

— Есть поцелуи, где выражается любовь, страсть, нежность, привязанность, дружба, похоть и желания.

— У тебя в мозгу затуманилось. Не все видят значение в поцелуе, и я не нахожу в них

ничего особенного.

— Так же, как Стейси не находит ничего особенного в сексе?

— У нас разные ситуации, — взяла я лак для волос, чтобы закрепить проделанную работу. — Мы с Адамом в одной компании, и мы будем связаны всю жизнь, так как Эмили замужем за его лучшим другом. Да скорее ангелы начнут вылетать из задницы, чем я соглашусь на что-то с Адамом. Кроме того, он не мой типаж.

— Ты сама знаешь свой типаж?

— Нет.

— Не сопротивляйся сердцу, оно лучше знает, что тебе нужно.

— Мое сердце слишком неприкосновенное, — натянуло я улыбку. — И оно молчит.

— Неправда, — отрицательно покачала головой Ева.

Мы выпили кофе, и после подруга поцеловала меня в щеку на прощание. Я не могла сказать, что была счастлива. Мне просто спокойней, уверенней и легче, когда я одна. Когда ты закрываешься и перестаешь бояться, что в твою пустую душу ворвется свежий ветер и поменяет все, к чему ты привыкла. И вот сейчас после вопроса Евы я снова теряю почву под ногами. Как странно. Вчера ты на дух не переносил человека, а сегодня ждешь встречи с ним. Я всегда делю людей на два типа: мороженое и наркотик. Если ты все время будешь есть мороженое, то когда-нибудь оно все равно надоеет. Но наркотик — совсем другое.

— Мисс Картер? — вошла в кабинет моя помощница Линдси. — К вам пришли.

— Кто?

— Мистер Майколсон.

— Выпроводи его.

— Он сказал, что не уйдет, пока вы не примите его.

— Я сказала выпроводи! — повысила я голос. Девушка покраснела, и я поняла все без слов. — Господи Боже! И ты туда же!

Когда Адам вошел, у меня снова ускорился пульс. Я привыкла все держать под контролем, но мое тело не подчинялось мне при встрече с ним, и это раздражало и изумляло в одно и то же время.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросила я, смотря ему в глаза.

У Адама были удивительно красивые глаза. Синие-синие, и смотрели так, словно ни на кого другого смотреть в этот момент больше не хотят.

— И я рад тебя видеть, — протянул он мне кофе. — Я возмещаю убытки. Спрашиваешь, как дела? Хорошо, а твои как?

— Не прикидывайся дурачком, у меня нет времени на это. Так что говори зачем пришел или уматывай.

— Поехали поужинаем.

— Это вопрос?

— Нет.

— Ты меня достал. У тебя какие-то проблемы? — поднялась я с места, забирая кофе.

— Единственная моя проблема — это ты. Ты как учебник с готовым домашним заданием, и только ты можешь сделать так, чтобы я получил верное решение.

— Кто-то вообще ведется на это? — изобразила я презрение.

— Ты даже не представляешь, какое количество женщин, — самодовольно усмехнулся Адам.

— Выбери любую, и не беси меня, Майколсон.

— Мне нравится.

— Что?

— Когда ты злишься. В этот момент ты еще сексуальней.

— Ты когда-нибудь думаешь о чем-то еще, кроме секса?

— Я заеду за тобой в шесть.

— Нет, я ужинаю с подругами, — ответила я, пытаюсь спрятать улыбку.

— Тогда заеду завтра.

— Ничего не изменится, Адам.

— Черта с два.

— Не будь настолько самоуверенным напыщенным придурком, — сделала я глоток кофе. — То, что мы занимались сексом, не меняет того факта, что я не хочу того, чего хочешь ты.

— Еще как хочешь, — улыбался он, сев напротив. — У тебя есть, что выпить?

— Мало того, что ты шлюха, так еще алкоголик.

— Ты мне очень нравишься, Донна, но иногда я хочу выбросить тебя в окно.

— Это мой офис. Иди в свой и выбрасывай тех, кого туда приведешь.

— Вдруг это будешь ты? — перегнулся Адам через стол. — Я не хочу тебя выбрасывать.

Внутри все сжалось в комок. Его лицо было на уровне с моим, и его дыхание обдавало жаром мою кожу, когда я почти перестала дышать. Собрав все свое самообладание, я попыталась оттолкнуть Адама, но он лишь усмехнулся, и я потеряла контроль. Я потянулась к нему и впиалась поцелуем в его губы. У него был вкус кофе и Адама. Тот самый запах сексуального мужчины, которого я не переносила, но также только он мог заставить мое сердце биться чаще. Адам ответил на мой поцелуй моментально, прижимая к себе поближе.

— Стоп, — оторвалась я от него. — Это не может продолжаться.

— У меня есть предложение, — прожигал он меня взглядом. — Одно свидание, и может, ты изменишь свое мнение.

— Ладно, — пыталась я отдышаться. — Одно свидание.

Адам запечатлел краткий поцелуй на моей щеке и ушел с улыбкой на лице. Я прошла к двери, закрыла ее на ключ, и спустилась вниз по стене. Господи, что я творю? Я играю с огнем и собираюсь сгореть и превратиться в пепел.

Я привыкла к разочарованию. Все совершают ошибки, но, когда тебя предают, ты понимаешь, что, возможно, сам виноват в этом. Жестокость и злоба толкают человека на немислимые поступки. Я слишком быстро влюбилась, желая любви и счастья. И когда другие люди совершали ошибки и учились на них, меня оберегал тот, кто был со мной слишком долгое время. Я любила раньше, а потом удача покинула меня, когда дело доходило до отношений, и я смирилась с этим. Я думала, что буду любима. Всегда буду любима, несмотря ни на что. Я готова была рвать на части ради этого чувства, но потом поняла, что просто не смогла больше ничего сделать. Я оплакивала не мужчину, а свою жизнь. Я любила, несмотря ни на что, а со временем перестала видеть в себе человека.

Я приехала домой, набрала горячую ванную и решила никуда не идти. Я люблю своих подруг, но не хочу расспросов об Адаме. Играла тихая музыка, и только свечи дарили свет. После дня, наполненного словами, я любила предоставить свое сердце и мысли самой себе. То, что случилось в день встречи с Адамом, меняет меня теперь каждый день. Я чувствую опасность, но в то же время, он лучшее, что я встречала за долго время. Он сам по себе ничего для меня не значит, но как объяснить то, что только он — главный смысл моих

последних прожитых дней?

— Когда я говорила, что хочу отдохнуть, — открыла я дверь подругам, когда они помешали моему одиночеству. — То имела ввиду, что действительно хочу отдохнуть.

— Мы этого никогда не узнаем наверняка теперь, — ответила Эбби, доставая японскую еду из пакетов.

— Устала проводить время с Адамом? — спросила Долорес. — Вас видели! И как понимать то, что ты не сказала нам об этом?

— Это все вранье, — ответила я, доставая бутылку вина, и шесть бокалов. — Он просто достаёт меня.

— А ты не думала, что причина в том, что нравишься ему? — спросила Эмили.

— Слушайте, даже после того, как он сказал дать ему шанс и выглядел вполне правдоподобно, я все равно не верю ни одному его слову, — перевела я взгляд на каждую из подруг.

— Что? Когда? О боже! Почему ты не сказала раньше? — слишком эмоционально отреагировала Ева.

— Не смотрите на меня так. Это очередная уловка Адама Майколсона.

— Он милый, — все еще улыбалась подруга.

— Неправда, — фыркнула я. — В нём нет ничего милого. Он лгун, мерзавец и придурок.

— Он ей нравится, — покачала головой Эмили с ухмылкой на губах.

— Это точно, — подтвердила Долорес.

— Вы меня замечаете? — спросила я со злостью.

— Конечно, мы же у тебя дома, — ответила Эбби, легкомысленно пожимая плечами.

— Ты бы хотела чего-то с ним? — спросила Эмили.

— Ты действительно адвокат, — покачала я головой, когда мы все сели за стол. — Ехидная улыбка, отвечаешь вопросом на вопрос и сохраняешь спокойствие даже сейчас, когда эта встреча помешала твоему сексу с мужем, и я вот-вот начну вопить от отчаянья.

— Однажды тебе придется открыть свое сердце кому-то, кроме меня, — смотрела на меня с нежностью подруга. — Ты умеешь любить, просто не хочешь. Но запомни мои слова, Ди, однажды кто-то ворвется в твою жизнь ветром, и ты перестанешь замечать всех остальных. Мир остановится на нем и все, что нужно будет — время вместе. Я думаю, вы не плохо смотрелись бы, хотя, о чем я говорю, — взмахнула она рукой. — Вы великолепно смотрите вместе. И то, что он сказал тебе правду насчет своих чувств, заметили все, кроме тебя. Он боготворит тебя, по крайней мере, когда тебя нет, потому что такой уж он есть, скрывается за сарказмом, меняет женщин, но он хочет тебя, и я надеюсь, что он добьется своего. И потом вспомни мои слова в свои шестьдесят, что ты поняла это слишком поздно.

Мгновение я молчала. Все молчали. У меня сложилось впечатление, что Эмили читала написанную речь, и, если бы я не знала ее, посмеялась и ушла. Я всегда свято верила в фразу, сказанную Катрин Денов: «Лучший способ сохранить любовь мужчины — не выходить за него замуж».

— Ты прочла весь текст?

— Ты замечательная, и знаешь об этом. Просто думаешь, что все будет, как раньше, самой себе позволяя висеть на волоске. Но, Донна, не все люди одинаковы.

Я не собиралась наряжаться для Адама и даже не знаю, зачем иду с ним на свидание, но, как и он, я поняла, что хочу разгадать его. Хочу убедиться в том, что была права, или

доказать, что все же тоже могу ошибиться. Я надела кожаные штаны, белую майку с V-вырезом, белые лодочки на небольшом каблучке и черную кожаную куртку. Работая сегодня, не покладая рук, я была в предвкушении. Если Адам придет, заберет меня на лимузине и повезет в самый дорогой ресторан, то он не глубже, чем детский бассейн. Но черт возьми, я осознала, что хочу проиграть это пари самой себе.

— Привет, — сказал Адам, войдя в мой кабинет ровно в шесть.

Он был с огромной охапкой розовых роз, и я улыбнулась. Я всегда любила розы. Они вкусно пахнут и имеют шипы. Адам передал мне их, и от его касания я еле заметно вздрогнула. Его руки всегда были теплыми, в отличие от моих, и мои друзья теперь часто говорили, что я сдамся Адаму Майколсону. Меня это злило и забавляло в одно и то же время, несмотря на то, что я избегала разговоров об Адаме с близкими.

— Мне нравится, — сказала я, склонив голову. — Я про розы.

— Мне тоже, — смотрел он на меня с улыбкой. — Я про тебя. Ты очень красивая.

— Я знаю, Адам.

— Ты знала, что иногда скромность украшает?

— Слышала когда-то, но не до конца верю в это. Я считаю это выражение одним из легенд человечества.

Он засмеялся, а я не могла отвести от него взгляд. Адам был красивым, и я начала теряться в нем. Я была рада его приезду и решила, что за один вечер ничего сверхъестественного произойти не должно. Адам был одет в синие джинсы, белую майку и кожаную куртку. Его волосы не были слишком длинными или короткими. Они были идеальными. Он умел смотреть и улыбаться так, чтобы все женщины в десяти милях вокруг исходили от него слюной.

— Скажешь мне, что я нравлюсь тебе? — скрестил он руки на груди, смеясь.

— Я только научилась тебе улыбаться, не порти момент.

— Влюбляются не в лица, не в фигуры. И дело, как ни странно, не в ногах. Влюбляются в тончайшие натуры и трещинки на розовых губах, — сказал он, глядя мне в глаза.

— Красиво.

— Люблю стихи.

— Ну надо же, Адаму Майколсону нравятся стихи, — надела я куртку, и мы вышли из офиса.

— Ты думала, я люблю только покер и виски?

Я снова засмеялась. Он заставил меня что-то чувствовать, кроме неприязни, и это странно. Очень много лет, я никого не подпускала и привыкла к одиночеству. Всю жизнь я задавала себе сотни вопросов, и самые частые были обо мне самой. Кто я? Где мое место? Где я должна быть? Что делать? Мы сами выбираем город, в котором умрем, но я обзавелась пламенем вокруг себя. Может быть, все, кто окружал меня, были правы, и Адам в том числе? Но все же в глубине души я знала, что причина моего отстранения от людей и мира в целом — страх снова обжечься. Боязнь снова искать половину себя где-то еще.

— Куда мы едем?

— Ты любишь море? — улыбался Адам.

— А кто не любит море? — спросила я, как само собой разумеющееся. — Ты везешь меня на море? Не далековато?

— Возможно, — взял он меня за руку. — Но не сейчас.

Я хотела ухватить ладонь, но не смогла. Он был другим сегодня. Не таким, каким я

привыкла его видеть. В этом мужчине не было ни грамма серьезности. Не понимаю, как он добился такого успеха. Мы молча спускались на стоянку, и Адам сильнее сжал мою руку, когда я не могла даже в мыслях быть ближе к нему.

— Мы поедем на этом? — спросила я, увидев Харлей.

— Да. Тебе не нравится?

— Нравится, — улыбнулась я, мысленно вычеркивая еще один пункт.

Он завел мотор и, взяв мои руки в свои, обернул их вокруг талии. Автоматически напрягся, когда мои ногти вонзились в его торс, а я сама осталась практически без воздуха.

— Держись крепче, малышка.

Это была вечность ради одного мгновения. В жизни нет одинаковых дней, как и двух одинаковых людей. Адам словно искал, чего нет в этом мире. Огонек, который каждое утро уходил от него все дальше и дальше, и он больше не мог коснуться его кончиками пальцев. Может, поэтому этот мужчина и был таким интересным? Адам не был таким, как все. Он выживал и жил, но также просто был, а не существовал. Этот человек никого не менял и никого никогда не звал за собой, пытаясь лишь остаться хозяином своей жизни.

Когда мы приехали, Адам помог мне стать на ноги и снова взяв меня за руку, повел в ресторан.

— Я сделал заказ за тебя, чтобы больше времени было на разговоры. Ты не против?

— Нет, — все еще находилась я под впечатлением. — Но, если мне не понравится, я буду делать другой.

— Договорились, — сел он напротив. — Расскажи о себе.

— Что ты хочешь узнать?

— Твоя семья?

— Мама — Мари, у нее новый муж, и живет она во Франции.

— И все?

— Нет, родни у меня много, но большая семья — заноза в заднице.

— Когда у тебя были последние отношения? — спросил он.

Я совсем не ожидала этого вопроса. Во мне перемешались множество чувств — злость, потерянности и грусть от воспоминаний. Я смотрела на Адама и каждый раз изумлялась его красоте, хоть это и не было мне присуще. Именно этому мужчине подходила фраза Маргарет Тэтчер: «Он так молчит, что хочется раздеться». Но в то же время при помощи своего напора и умения манипулировать он хотел раскопать меня. Раскопать то, что я слишком давно похоронила в глубинах, куда сама добраться не смогу.

— Ты знаком со мной даже не три года, и мы первый раз ужинаем. С чего ты взял, что имеешь моральное право лезть мне в душу и пытаться достать оттуда то, что и так лежит уже на своем месте?

Он смотрел на меня некоторое время, не проронив ни слова, а потом сказал:

— У тебя общее образование идет впереди специального, и иногда мне это мешает.

— Твоя очередь, — сказала я, когда нам принесли заказ.

— У меня богатое прошлое, но я, как и ты, не люблю о нем говорить.

— Я-то даже думать о своем не люблю.

— Зря ты так, — смотрел он на меня. — Ты удивительная. Ты красива, умна, добра и даже не отрицай это. Я видел, как ты заботишься об Эмили, и она о тебе.

— Это другое, — отрицательно покачала я головой. — Она не просто моя подруга, она моя семья. Я всегда буду с ней.

— Почему женщина, в сердце которой столько любви, до сих пор не дарит ее?

— С чего ты взял? Я официально влюблена в свою постель.

— Если бы я заказал что-то слишком изысканное, ты бы просто ушла, — перевел тему Адам. — Тебе нравится?

— Все хорошо, — улыбнулась я. — Я люблю пиццу, фри и крылышки, а кола — мой любимый напиток, не считая вина, конечно, — Адам засмеялся. — Какое твое самое смешное воспоминание?

— Я учился на юридическом, и у нас была практика в морге. И один из моих друзей на тот момент, он, кстати, был в два раза больше меня, все время терял сознание, смотря на трупы, а когда их разрезали...

— Знаешь, разговоры о трупах и их органах портят мой аппетит, — перебила я его.

— Это твоя прихоть? — спросил он, улыбаясь.

— Скорее, моя особенность: не говорить об органах, когда ем.

— А твой?

— О, это стыдно, так что я тебе не расскажу, — ответила я, делая очередной глоток колы.

— Что ты любишь читать?

— Я люблю современную прозу, классика не позднее восемнадцатых, фильмы не позднее двухтысячных, также мне нравятся комиксы. А тебе?

— Джейн Остин. Фредерик Бегбедер и считаю Кристину Лорен — одну из лучших писателей современности.

— Никогда бы не подумала, что ты читаешь романы, — засмеялась я. — Гордость и предубеждение?

— То, что можно читать вечно, — улыбнулся Адам.

— А что насчет твоей семьи?

— Моя семья, — еще больше расплылся он в улыбке. — Я думаю, ты слышала о ней.

— Нет, — отрицательно покачала я головой.

— Ну это семья в Британии...

— Стоп, ты хочешь сказать, что британцы Майколсоны — твоя семья?

— Да, длинная история, и сейчас не время рассказывать, — ответил он, грустно улыбаясь и делая глоток из стакана.

Время пролетело незаметно, и мы сидели, разговаривая о всяких мелочах, почти четыре часа. Он открыл мне нового себя. Адам сказал сегодня: «Пустые женщины на каждом шагу, но разве это стоящее? Должно быть то, за что мужчине нужно будет бороться». Возможно он эгоист и самовлюбленный нарцисс, но честный, а я это ценю.

— Как ты начала свой бизнес?

— Деньгами, — вытерла я руки об салфетку. — Разве не все так начинают?

— Ты меркантильна?

— Я бережлива, — качнула я головой. — И, кстати, моя бережливость имеет вполне разумную основу.

— Что ты имеешь в виду?

— Практичная необходимость. Деньги не падают мне с неба, и я ценю их. Но чем тяжелее я их зарабатываю, тем легче трачу.

— Мне нравится, — улыбался Адам. — Ты слишком сексуальна, когда говоришь.

— Знаешь, обычно я нахожусь в состоянии одиночества и бесстрастия, и мне это

нравится.

— Ты мне нравишься. Кстати, у тебя раньше всегда была такая большая... только грудь?

— А у тебя всегда был такой длинный... только язык?

Несколько секунд он смотрел мне в глаза, но потом взорвался хохотом, и я самодовольно улыбнулась в ответ. Я не уступала в пререканиях и не простила бы себе, если бы Адам был первым. В его глазах искрилась улыбка, и он думал о чем-то своем, что знал только он.

— Самодовольная улыбка, отвечаешь вопросом на вопрос, и такое чувство, что у тебя акция в жизни против эмоций. Ты случайно не адвокат? — спросил он.

— Нет, это к Эмили. Просто на свете для меня есть ненужные вещи — чувства. Мне пора домой, Адам.

— Хорошо.

Он расплатился, и мы снова сели на Харлей. Улицы были пустые и тихие. Я люблю такое время суток. Подъехав к моему дому, я сняла шлем и передала его Адаму. Этот байк идеально подходил своему хозяину: угрожающий, но соблазнительный.

— Мне понравилось, — сказала я.

— Может, мы еще раз встретимся?

— Адам, я...

Он взял меня за талию и притянул к себе. Его поцелуй был обжигающим, властным и нежным. Меня за несколько секунд периодически бросало то в жар, то в холод. Эти объятия отличались от привычных, и я уткнулась носом в его грудь. Мурашки по коже пробежали, когда Адам прикоснулся губами к моему лбу. Его глаза завораживали, и сейчас он полностью овладел моими мыслями.

— Думать я буду потом и каяться тоже, — сказал он мне в губы.

— Ты хорошо целуешься, — прошептала я.

Его вкус остался на моих губах, и он держал меня в своих объятиях. Я была такой хрупкой, чувствуя себя маленькой, даже поразительно нежной. Эти эмоции были новыми, но все же чересчур приятными.

Я легла спать почти в половине второго. Возникло желание позвонить Эмили, но я снова вспомнила, что теперь у нее совершенно другая жизнь. Обрывочные моменты воспоминаний все время появлялись перед глазами. Придерживаться серьезных отношений — самое сложное в жизни, и я уверена, что не готова к такой ответственности. Но почему мне так нравится, когда он рядом? Все так изменилось за последнее время, да и за последние года. Я узнала, что такое терять, забывать и идти дальше. Поняла, что запирать сердце так же легко, как и дверь. Не стоит изображать драму даже из трагедии мирового масштаба, ведь это ничего не изменит. Нужно принимать решения и отвечать за свои поступки. Люди всегда врут, это неизбежно, стоит лишь научиться принимать ложь важных. Замужество, кома, планирование детей и выбор дома — все это появилось в моей жизни, пусть и не у меня лично. Ипотека и работа стали самыми используемыми словами, и самое главное, что искренности почти не стало. Она исчезла во мне, и в других видеть ее не было больше смысла.

С самого утра мне позвонила Ева и поздравила с началом отношений. Я никак не могла понять, о чем она говорит, пока не открыла ноутбук уже на работе, попивая кофе. Я привыкла к своему темпу жизни — утро, душ, мотор машины, работа. Сегодня сумасшедший день, и клиентов не становилось меньше, несмотря на то, что это были будни.

— Донна, — спросила одна из моих работниц. — Что я должна с ней делать? Ее лицо совершенно не подходит.

— Подними наверх волосы, — ответила я. — И закрой дверь с другой стороны, — я включила видео и почувствовала нарастающую злость. — Черт! Как он меня бесит! — прорычала я, стуча рукой по столу.

Я взяла телефон и спустила в гараж, набирая номер единственного человека, который знает историю.

— Эм, ты где?

— В офисе, — ответила она. — Что-то случилось?

— Да. Я еду.

— Хорошо. Будь осторожна.

Я вдавливала ногу в педаль газа и злилась на саму себя. Я думала, что он мог оказаться другим. Почти вбежав в офис, даже не поздоровавшись с новой помощницей за стойкой, я открыла дверь и заперла её за собой на замок.

— Что случилось? — спросила Эмили, направляясь ко мне.

— Я видела интервью.

— Воду или покрепче?

— Я за рулем, — отмахнулась я. — Ты смотрела его?

— Да, милая, — ушла она делать кофе. — Не люблю кофе этой новой девушки.

— Так почему не уволишь?

— Я почти не работаю сейчас, — пожала плечами подруга. — Все тут теперь Кристофера.

— Он мне нравится, — сказала я чуть слышно. — Адам. Но я не могу быть с ним по определенным причинам.

— Ты никого не хочешь, в этом вся проблема, — перебила Эмили. — Дело не в Адаме, а в том, что ты думаешь, что все мужчины такие, как он, но на самом деле это не так.

— То есть, ты думаешь, что Адам Майколсон другой? Каждая третья женщина Нью-Йорка побывала с ним, и он точно не мой единственный.

— Что он сказал?

Я взяла ноутбук Эмили и включила тот момент, где говорилось обо мне.

«Когда вы встретились?»

«Почти три года назад».

«И она сразу влюбилась в тебя?»

«Посмотрите внимательно, и скажите, как можно это не любить?»

«Что вы всегда носите с собой, когда вместе с Донной?»

«Презервативы. Поверьте, без них с ней вообще невозможно выходить из дома, да и в дом нет смысла заходить.»

«У вас надолго, или как всегда, обычная интрижка?»

«Обычно я не отвечаю на такие вопросы, но скажу, что она только моя и больше ничья».

Я выключила эту пародию, снова выругавшись сквозь зубы.

— Я больше никуда не пойду с этим идиотом. Возомнил черт знает что о себе.

— Он не так плох, — принесла она кофе.

— О твоём муже не сочиняют истории по всему Нью-Йорку.

— Нет, не сочиняют, — засмеялась она. — Сопротивляться настырным красавчикам — наша специальность, Донна.

— Что это за улыбка во весь рот, Эм? Я даже не знала, что у тебя столько зубов. И моя специальность — тройной сэндвич, мороженое и пицца, а не всякие там Адамы.

— Ты из-за прошлого боишься настоящего.

— Ты уверена, что выбрала правильную профессию?

— Брайан тоже это спрашивал.

— Прокатишься со мной?

— День, когда я откажу тебе, будет последним в моей жизни, — нежно улыбнулась подруга.

— Спасибо тебе.

— Никогда не благодари меня. Мы с тобой до конца.

Мы поехали на гоночную автостраду. Получать кайф от езды я научилась благодаря Эмили. Езда помогала ей, и однажды, когда она посадила меня за руль механики, я научилась справляться с гневом. Я одиночка. Я всегда была настолько одна, что об этом даже не говорили.

— Наперегонки? — прокричала Эмили, опуская стекло машины.

— Давай.

Мы сорвались с места. Это не только отвлекало от мыслей, но также заряжало адреналином и помогало справиться со всем дерьмом, которое окружает. Прошное навсегда остается с нами, и не важно, это шрам от побитой коленки или от прошлых отношений. На втором повороте я обошла Эмили, правда ненадолго, как и всегда. Она выигрывала, и машина для нее — не просто страсть. Это её слабость, и в этом она сильна. Мы выровнялись вскоре, но Эмили снова обогнала меня на четвертом повороте и дошла до финиша.

— Я хороша, да? — засмеялась она, выходя из своего мустанга. Я улыбалась и также вышла из машины. — Так что насчет Адама?

— А что насчет Адама?

— Может, попробуешь?

— Смысл?

— Когда ты последний раз была на свидании?

— Не помню, — отмахнулась я, не говоря ей о вчерашнем. — Они мне не нужны.

— Конечно нужны, они всем нужны.

— Нет, — села я на капот. — У меня есть мама, вы, работа, любимая квартира, машина, уважение и деньги. Зачем мне мужик, который будет отбирать у меня личное пространство и дышать моим воздухом? Кроме того, ты знаешь, что перемены сбивают меня с толку.

— Я так же думала, пока в моей жизни не появился Брайан. Он никогда не говорил об этом, хоть знает сам, но как только я увидела его, моя «идеальная жизнь», — показала она кавычки в воздухе, — полетела к чертям.

— У тебя помутнение рассудка на фоне фрустрации.

— Или ты просто сопротивляешься обаянию Адама, — сказала она, посмеиваясь.

— О, поверь, особого труда мне это не стоит.

Ночное одиночество — самая страшная вещь на земле, которую человек может испытывать из-за жалости к себе. И пусть в твоей жизни все идеально, и тебе нравится так называемая «свобода», но с наступлением ночи все меняется. Камнями заваленная душа становится слишком досягаемой, и накопления сумасшествия в сердце начинают съедать тебя из-за недостатка любви. Одиночество отбирает сказку без спроса, делая этот мир еще более чудовищным в глазах человека.

Адам позвонил и сказал, что придет. Не скажи он этих слов в интервью, я бы пустила его в дом и позволила влезть мне под кожу. Но после того, как я пытаюсь не появляться на обложках много лет, он влез туда, куда не следовало, и я снова не хотела его видеть.

— Придунок, — сказала я, проходя в прихожую.

Подойдя к двери, я распахнула ее и напоролась на взгляд голубых глаз Адама.

— Я ненавижу тебя, — сказала я, сверля его взглядом. — Мы никогда не будем вместе.

— Если ты высказалась, можно я войду?

— Нет! — ответила я со злостью.

— Я все равно войду, — усмехнулся он.

— Тебя приличию учили, Майколсон? — спросила я, когда он взял меня за талию, продвигая в прихожую.

— Да. В детстве у нас была гувернантка и она пыталась, но, когда мне исполнилось четыре, поняла, что все равно человека из меня не сделать, — ответил он, шагая напрямиком на кухню. — Ты такая сексуальная.

— Тебе и палка будет сексуальной, если у нее будет вагина.

— Одевайся, — достал он содовую из холодильника.

— Куда? — нахмурилась я.

— Одевайся.

— Никуда я с тобой не поеду.

Он приблизился ко мне, и мое дыхание снова сбилось. Каждый раз, когда мы оставались наедине, меня словно парализует, но в то же время я чувствую покой. Я привыкла видеть все либо черным, либо белым, и непосредственность Адама меня изумляла и даже приводила в ступор. И теперь все чаще, когда этот человек молчал, я задавала себе вопрос: «А что, если?..»

— Ты поедешь со мной и будешь в безопасности, — не сводил он с меня глаз. — И, откровенно говоря, мне плевать, хочешь ты или нет.

— Я никогда не буду делать то, чего не хочу, или то, что не приносит удовольствия, — отпихнула я его. — Никогда не буду с тем, с кем не чувствую комфорта.

Он посмотрел на меня так, будто я выжгла его сердце.

— Ты боишься меня? Тебе плохо со мной?

— Ты ничем не заслужил мое доверие. С чего ты взял, что я могу доверять тебе?

— Хорошо.

— А теперь выметайся из моего дома.

— Черт! — направился он к двери. — Я сильный. Я руковожу компанией и практически всеми в моем окружении. Но ты, — запнулся он на мгновение. — Ты руководишь мною.

— Адам, не начинай. Мы провели всего одну ночь и сходили на единственное свидание.

— Какое нахрен раз? Я настолько сильно пытался заставить тебя полюбить меня, что сам влюбился.

— Майколсон, ты думаешь, я поверю? — слышала я стук своего сердца в ушах.

— За что ты так со мной? У тебя совсем нет сердца?

— Из проверенных источников тебе сообщат, что я без него.

Просто однажды, сидя за компьютером после работы, ты понимаешь, что чего-то не хватает. Есть семья, друзья, машина, дом, деньги, успех, но ты не чувствуешь себя счастливой до конца. Не хватает того, кто бы пришел к тебе домой со свежими кексами, сделал чай, укрыл одеялом и обнял. Нет чувства счастья. Того, кто взял бы тебя за руку и сказал, что ты самая красивая во вселенной, даже если ты сама знаешь, что это не так. Раньше я думала, что слова ничего не значат, но я ошибалась. Первый раз в своей жизни я ошиблась, и это чертовски меня пугало. Слова — это много. Нам, женщинам, важно слышать, что мы самые красивые, милые, нежные, уютные и даже эгоистичные, но все равно самые нужные. Нам важно видеть любовь в мужских глазах, важно чувствовать ее. Ведь малейшее безразличие мы замечаем. Я любила, когда-то и казалось, была любима. И только сейчас поняла, что в этом и состоит счастье. Даже для нескольких жизней я уже слишком много чувствовала.

Мне часто говорят, что я красива и являюсь воплощением сексуальности. Но на данном этапе жизни я просто ходячий парадокс. Я хочу быть счастливой, но думаю о вещах, которые расстраивают меня. Я ленива, но в то же время амбициозна. Я не нравлюсь себе, но часто люблю ту, кем являюсь. Я говорю, что мне плевать, но есть вещи, которые волнуют меня сильнее, чем жизнь. Я жажду внимания, но отвергаю его, когда сталкиваюсь с ним. Я ужасно противоречива. Я сама не могу в себе разобраться и, наверное, никто никогда не сможет.

В очередной вечер я сидела рядом с камином и читала книгу. Я люблю читать. Ты сбегашь от всего мира и остаешься в своем собственном. Именно в такие моменты я счастлива и боюсь только одного — что мне не хватит жизни прочесть все, что я планирую. Все хорошие книги схожи в одном: когда ты дочитываешь до конца, тебе кажется, что это твоя история. В конечном итоге, каждая книга, которую ты читаешь, меняет тебя, и ты сам не замечаешь, как становишься другим человеком. Но не потому что видишь в себе героя из книги, а потому что начинаешь узнавать новое, умнееешь, а все люди, которые читают, слишком часто не замечают глупостей, которые совершают другие. Им не интересны ошибки посторонних людей, ведь они слишком сосредоточены на собственных. Только глупый человек может думать, что он умный, потому, что умный понимает, скольких вещей он еще не знает. На самом деле я не воспринимаю людей, которые не читают.

Зазвонил телефон, тем самым оторвав меня от книги.

— Какого черта? — встала с кровати, направляясь ко входной двери.

В моей гостиной горел камин, и единственным освещением был неоновый потолок. Я была одета в халат толщины колбасной нарезки, и пучок на голове придавал мне «особого шарма».

— Я рад тебя видеть, — сказал Адам, улыбаясь, входя в квартиру. — Одевайся.

— На улице час ночи, и я никуда не поеду, пока ты не скажешь, что вел себя, как козел, — скрестила я руки на груди.

— Ты шутишь?

— Я никогда не шучу. У меня нет чувства юмора, — ответила я без тени улыбки на лице.

— Когда именно? — спросил Адам, смеясь.

— Знаешь, ты должен доминировать как мужчина, а не как идиот.

— Я вел себя как козел, — исчезла улыбка с его лица. — Всегда. Ты в растрепанных чувствах, — прошел он в кухню, и я последовала за ним.

— У меня растрепаны только волосы. Я не бываю в растрепанных чувствах.

Адам засмеялся, открывая холодильник, и достал бутылку воды, делая несколько жадных глотков. Его кадык при каждом глотке двигался, и на мгновение мне стало интересно, все ли Адам делает с такой жадностью?

— Время ужина. Будем есть? — спросил он с ухмылкой, заметив, что я наблюдаю за ним.

— В задницу засунь себе свой ужин, — резко ответила я, направляясь в комнату.

— Леди так не говорят, ты знала? — последовал за мной мужчина.

— Я не леди, ты знал?

— После таких слов моя мама вымыла бы твой рот самым дорогим средством для посуды, — подошел он ближе.

Его голос звучал ужасно громко в моих ушах. И чем тише он говорил, тем громче был звук. Его походка была грациозна, словно он перемещался не по кухне, а по подиуму. Адам влез в мое личное пространство, а я никому не позволяла этого делать. И все же все было на удивление легко.

— Только после того, как вымоет твой, я подставлю свой.

— Ты — девушка без фильтра на языке, верно? — усмехнулся он.

— А ты — парень, чокнутый на всю голову, верно?

Мы стояли друг напротив друга и просто перекидывались репликами, и все же я чувствовала что-то близкое к счастью. Мне нравилось говорить с ним, пусть даже в таком формате.

— В каком смысле? — спросил он в недоумении.

— Ты владеешь казино. Весь день проводишь с алкоголем, но не алкоголик. Ты не мой тип. Ты не умеешь ловить момент.

— Умею.

В следующее мгновение Адам притянул меня к себе, и я оказалась в плену его губ. Он обнимал меня за талию, и я целовала самого красивого мужчину. Того, кто бросал мне вызов после каждой фразы. Он был требовательным, и в такие моменты я чувствовала то, что хотела — он видел только меня. Когда мы оторвались друг от друга, Адам все еще не выпустил меня из объятий.

— Поехали со мной, — сказал он смотря мне в глаза.

— Куда?

После такого поцелуя еще несколько минут я не контролировала себя, чего нельзя было сказать об Адаме. Он же был мастером контроля, который напоминал мне Эмили, только в мужском обличье. Сам по себе, но всегда по близости с другими.

Я направилась в спальню одеться, и, когда вышла, Адам держал в руках книгу, которую я читала.

— Самое сексуальное в женщине — это мозг. Я видел столько ягодиц и грудей, больших и маленьких, что в какой-то момент размер перестал иметь значение. Тут-то и выяснилось, что самое главное в женщине — это мозг. Даже когда с ней спишь. Нет. Особенно, когда с ней спишь, — смотрел на меня Адам.

— Это не то, что я читала, — ответила я.

— Знаю, — отложил он книгу. — Знаешь, кто сказал эти слова?

— Это слова Питера Линдберга, — положила я телефон в карман. — Поехали.

— Ты не спросишь, куда мы едем? — спросил Адам отдавая мне шлем.

— Мне не важно.

Мы приехали на Бруклинский мост. Я начинала привыкать к нему, и это пугало. Ведь в прошлый раз осколки моей души долго склеивались воедино.

— Почему именно сюда? — спросила я в недоумении, слезая с мотоцикла и отдавая Адаму шлем.

— Не знаю, — ответил он. — Люблю это место. Мне всегда кажется, что люди ночью совершенно другие, и на мосту говорить спокойней.

— Только если ты социопат, ведь с моста скинуть проще. У тебя неправильные понятия спокойствия, Адам.

— Поговори со мной.

— О чем?

— О себе, — пожал он плечами.

Я подошла к краю моста и вдохнула аромат воздуха и воды. Нью-Йорк я полюбила именно за этот запах. Мы стояли в полной тишине. Где-то в центре города было слышно сигналы машин, и вдали плыл речной трамвайчик. Но я игнорировала это, слушая лишь наше дыхание и шум воды.

— Я не люблю говорить о себе, Адам. Давай лучше ты.

— Мою биографию можно узнать на любом сайте интернета.

— Расскажи то, чего там нет, — ответила я, все еще смотря в даль.

— Ты правда хочешь узнать?

Я не смотрела на него, но чувствовала его прожигающий взгляд.

— Да.

— Я не такое чудовище, каким ты считаешь меня, Донна.

— Я не считаю тебя чудовищем, Адам, — перевела я взгляд на него. — Возможно, самоуверенным, высокомерным, самодовольным, но не чудовищем.

— Может, еще какие-то недостатки бросишь мне в лицо? — улыбнулся он.

— Дай мне неделю, и я составлю список.

— Ты скучаешь по чему-то?

— Иногда я скучаю по себе, — прошептала я. — Я скучаю по той, кем была.

Он подошел ближе, пытаясь обнять меня за плечи.

— Даже не думай. Я не люблю всего этого, — отмахнулась я.

— Как скажешь, детка, — я посмотрела на него со злостью, и он понял причину. — Донна. Просто Донна.

Вскоре начался дождь. Я смотрела на капли, которые падали в реку. Адам стоял рядом, и наши плечи соприкасались. Я слышала его дыхание и чувствовала тепло тела. Я не доверяла Адаму. Не только ему. Я просто никому не доверяла. Даже когда Эмили начала встречаться с Брайаном, я скептически относилась к этому. Я боялась за нее. За ее сердце. Она сильная, но, если ей сделают больно, она закроется даже от вселенной. А мы всегда слишком заботились друг о друге, чтобы разрешить боли разрушить наши жизни.

— Любишь смотреть, как падает дождь? — спросил он.

— Да.

Я поняла, что никому не говорила раньше об этом. До него. Не знаю почему эта мысль

пришла мне в голову, но я определенно была не против, чтобы он знал.

— Ты привыкнешь ко мне, Донна, — сказал Адам.

— Я даже к кокаину не привыкаю.

— Ты иногда такая нелепая, такая грубая, — развернул он меня к себе за плечи. — Но чем чаще ты себя так ведешь, тем больше я хочу смотреть на это безобразие в твоём исполнении.

— Если ты не заткнешься, внутри меня проснется маньяк, который захочет убивать.

Он улыбнулся, и его взгляд стал мягче. Когда уголки его губ приподнимались, у него появлялась складка над носом, и ямочки были очень четко видны. Адам становился похож на семнадцатилетнего мальчишку.

— Ты не сможешь меня убить, — сказал он с улыбкой, держа меня за талию.

— Нет, не смогу. И только потому, что буду первой подозреваемой, — попыталась я отойти, вцепившись в его руки. — Чего ты хочешь?

— Провести с тобой неделю.

— Значит, если я проведу с тобой гребаную неделю, то ты от меня отстанешь?

— Солнышко, я почти уверен, что ты этого не захочешь, — подмигнул мне Адам.

— Ты слишком самоуверен.

— Именно это тебе во мне и нравится.

— Вообще-то мне ничего в тебе не нравится.

— Врунишка, — поцеловал он меня в щеку.

Я пыталась оттолкнуть его, и день со днем у меня все хуже и хуже получалось.

— Слушай, давай уже потрахаемся, и ты отвалишь от меня, тем самым получив свою прихоть, — сказала я выругавшись сквозь зубы.

Он взял мое лицо в руки, нежно касаясь своими губами моих. Этот жест не говорил об обещании, но объяснял, что чувства — не слабость. В касаниях Адама нежности было больше на целую жизнь, чем в сексе со всеми остальными.

— Ты не просто очередная прихоть, — сказал он, явно сдерживая злость. — Да, я вел себя как задница, но в моей жизни все изменилось с твоим появлением. Ты заставила меня посмотреть на кого-то, кроме своей персоны, тем самым привлекая внимание. Мой мир застыл на тебе, понимаешь?

— Я не верю в это, — прошептала я. — Я мало во что верю очень долгое время.

— Во что ты веришь?

— В секс и смерть. Это вещи, которых не избежать.

— Поехали ко мне, Донна.

— Отвези меня домой.

— Да не нужен мне секс, Ди, — выругался он. — Я просто хочу поговорить.

Адам не выпускал меня из своей хватки, и я перестала сопротивляться. Капли дождя стекали по нашим лицам, и в этот момент мне было чертовски хорошо. Впервые за долгое время я чувствовала биение сердца у себя в груди. Адам молча взял мне за руку, сел на мотоцикл, и я обняла его за талию. Он накрыл ладонями мои руки, прежде чем тронуться с места. Этот жест был настолько интимным, и моя броня начала падать с той же скоростью, которую показывал спидометр во время езды.

Войдя в дом, я удивилась его чистоте и порядку. Я ожидала холостяцкую квартиру с разбросанными банками пива на барной стойке. Но здесь все было по-другому. Стерильная чистота. Белая мебель, черные кожаные кресла и неоновые потолки. В столовой посредине

находился деревянный стол с двенадцатью стульями и висело множество картин на стенах.

— Ты умеешь рисовать? — спросила я, осматривая каждую.

— Нет, но ценить умею, — ответил Адам, наблюдая за мной. — Иди в ванную. Там есть свежие полотенца и банный халат, а когда выйдешь, я накормлю тебя лазаньей.

У него была очень большая ванная, и я никогда бы не подумала, что тут обитает холостяк. Помещение цвета слоновой кости, черный рукомойник с белыми проделками и белая тумба, на которой стоял букет белых роз. Не думала, что увижу тут цветы. В углу была душевая кабина и огромное зеркало во всю стену. С другой стороны находилась ванная гигантских размеров, и, включив воду, я собрала волосы в пучок и стала напротив зеркала. Раз умирать, то с музыкой. В твоём стиле, Донна.

Я пыталась собрать воедино все мысли, которые на данный момент крутились в моей голове. Меня бросало то в жар, то в холод. Я и дрожала, и успокаивалась. Адам готовил мне еду, запах которой я уже могла учуять, и ухаживал за мной. Кажется, даже заботился периодически. Но все же мне необходимо было уединение. Было время, когда мы с Эмили жили вместе и идеально понимали друг друга. Обычно мы молчали или читали. Каждый думал о своем и понимал, когда другой хочет тишины и одиночества. А сейчас вся моя жизнь перевернулась верх дном. С первого дня, как Адам появился, он не оставлял меня, не давал забыть о себе, и все это время я обманывала лишь себя, пытаюсь уйти как можно дальше.

Я взглянула на себя в зеркало, прежде чем выйти за дверь. Надела белый банный халат и, покинув ванную, смотрела на спину Адама. Он выглядел потрясающе, с какого ракурса не поставь. Слишком красив, умен, обаятелен, но порой я чувствовала фальшь, хоть и не могла понять, в чем именно. Он словно каким-то шестым чувством так же почувствовал меня и обернулся. Подойдя ко мне, Адам взял в ладони мое лицо и поцеловал в щеку. Совершенно не было настойчивости или властности, и даже его обычной дерзости, а только проявление заботы и отдаленной попытки защитить.

Он взял меня за руку и повел к столу. Адам подал бокалы с вином и тарелки с лазаньей, приступая к еде.

— Пахнет восхитительно, — улыбнулась я, смотря на него.

— Рад, что тебе нравится, — усмехнулся мужчина. — Ты веришь в судьбу?

— Нет.

— Это довольно грустно.

— Почему?

— Ты не веришь, что есть что-то сильнее наших возможностей, и это слишком, — запнулся он на мгновение. — Скучно что ли.

— Я реалист, — ответила я, делая глоток вина.

— Если мы перестанем верить в чудеса, зачем тогда жить?

На несколько секунд я задумалась над его словами. Иногда с ним гораздо приятней просто помолчать, но сейчас, чем чаще я с ним разговаривала, тем больше мне хотелось еще. Я замечала, что порой скучаю за ним, даже когда он был рядом. Он дополнял что-то внутри меня. Я была земная, а Адам умел мечтать. Я не умею красиво говорить, тогда как он, еще не родившись, получил это предназначение.

— Почему ты такой? — спросила я, смотря на него.

— Какой? — не отводил взгляд Адам.

— Ну такой мечтатель что ли, — хмыкнула я. — Романтичный и немного

сентиментальный. Говоришь о своих чувствах, но иногда я знаю, что ты фальшивишь.

— Ты всегда счастлива? — отложил столовые приборы Адам.

— Некрасиво отвечать вопросом на вопрос.

— Ответь.

— Нет, — покачала я головой. — Я могу быть счастлива, но я несчастна.

Впервые я сказала ему о том, что чувствую. Это так глубоко сидело во мне, и я ни с кем никогда не делилась, не считая Эмили.

— Я не ожидал от тебя правды. Было больно?

— Немного, — усмехнулась я, смотря на его улыбку. — Ты слишком талантливый оратор, Адам.

— Нет.

Этот человек всегда смотрел так, словно видел меня насквозь. Будто знал обо мне все, о чем я сама о себе никогда пыталась узнать.

— Да, — оспорила я.

— Нет. Я просто гений, Донна, — улыбнулся он. — Талантливые — говорят вещи, на которые не способны другие, а гении — которые другие не видят.

— Это у тебя в крови, верно? — покачала я головой, смотря на его замешательство. — Ты же Адам Майколсон, и у тебя в организме есть отдельный ген, который отвечает за умение чертовски правильно говорить.

— Почему ты не рассказываешь о себе?

— Потому что я всегда думаю, а потом говорю, в отличие от тебя.

— Это было жестоко.

— Зато правдиво.

— Что в тебе такого?

— В каком смысле?

— Что в тебе такого, из-за чего я не могу быть не рядом и как слепой следую за тобой?

— Ну, знаешь, в этой жизни мы можем спланировать, предугадать и даже обойти все, кроме налогов, привязанности, смерти и любви.

У нас был диалог, перепалка и страсть во всем, что мы делали, и только сейчас я это заметила. Когда мы разговаривали, все было лучше, и я была счастливее, чем в другие моменты существования.

— Ты хочешь меня, — сказал он, и я задержала дыхание. — Ты нервная и сжала ноги, пытаюсь изменить то, что не в силах.

Мое дыхание сбилось, и да, я хотела его. Я сжала колени до боли, пытаюсь держать себя в руках, а ведь он даже ничего не сделал. Я просто говорила с мужчиной на равных.

— До тех пор, пока ты не женишься на мне и не будешь оплачивать мои банковские счета, я не буду отвечать на эти слова, — сказала я.

Я не могла ни дышать, ни говорить. Какого черта я так реагирую на него?

— Я женюсь на тебе, если ты этого хочешь, — сказал он, направляясь ко мне.

— На этом спектакль окончен, — сорвалась я с места. — Я только начала впускать хорошие мысли о тебе к себе в голову.

— А теперь выпусти хорошие и просто отпусти.

Я не знала, что сказать. Я действительно начала понимать, как он действует на женщин. Адам не только сногшибательно красив, он также умеет заставить тебя хотеть. Хотеть его до сумасшествия.

Я была у него в объятьях, и его язык пробовал пробиться ко мне в рот. Я пыталась сопротивляться, но это было тщетно, и я сдалась, отвечая ему с такой же страстью. Никто не мог сопротивляться, и я была такой же слабой куклой в его руках. В его поцелуях была животная страсть, властность и настойчивость, а руки сжимали мою талию до боли. Мои же находились у него на плечах, сначала пытаюсь отпихнуть, пока не оказались в волосах. В этой удивительно густой и шелковистой шевелюре. Его волосам любая женщина позавидует, это я как профессионал говорю.

Адам оторвался от меня, но не ослабил хватку.

— Было больно? — спросил он с ухмылкой на лице.

— Немного, — пыталась я отдышаться.

— Извинись за сказанное, — сказал он, проведя языком по пульсирующей вене на моей шее.

— Я буду просить прощение только под морфием, — откинула я голову для лучшего доступа. — И даже после, уже физически не буду способна на слова.

Адам поднял меня на руки, и я обернула ноги вокруг его талии. Он направился в спальню, и снова делал обыкновенный день непредсказуемым. Мы были, как одно целое, сливаясь воедино и забывая обо всем на свете. Единственное, что имело значение, были мы сами, и пусть горит весь мир дотла, главное, чтобы потом я не осталась пеплом.

— Я хочу смотреть на тебя до конца своих дней, — прошептал Адам.

Адам прижал меня своим телом сверху, и я схватила его за волосы. Одна его рука была на моей щеке, другая развязывала пояс халата. Кровь текла по венам, словно вода по коже, и каждая частичка закипала от жара. Он удивительный. В нем столько страсти, о которой я никогда не догадывалась, и сегодня был первый раз, когда я просто сдалась, понимая, что не хочу сдерживаться. Лучший способ избавиться от искушения — поддаться ему. Я не ушла из его объятий ни на секунду этой ночью, и даже если бы попыталась, он не отпустил. Это сочетание мужества и подчинения. Когда он оказался во мне, я почти растаяла у него в руках. Возможно, это из-за того, что у меня долго никого не было, а возможно и то, что это был именно Адам.

В сумерках, когда мы засыпали, я чувствовала его прикосновения и, проснувшись, поняла, что они не прекращались или возобновились снова. Мы лежали на серых атласных простынях со сплетенными ногами, и, кажется, я была счастлива. Не знаю, что, черт возьми, со мной творится. Я боялась дальнейшего падения, но в то же время взлетала.

— Если ты не перестанешь водить пальцем по моему телу, то я из тебя все соки выжму, — пробормотала я, открывая глаза.

Адам засмеялся, и я повернулась к нему. В нем что-то изменилось. Он смотрел на меня, словно я сказала что-то в высшей степени замечательное. Как будто у него никогда не было более горящего желания, чем проснуться со мной рядом. Адам умел так смотреть. Сколько женщин видели этот взгляд? Я не хотела сейчас думать об этом. Но я все-таки женщина, а мы известны тем, что думаем о вещах, которые делают нас несчастными.

— Донна, кажется, ты сводишь меня с ума, — сказал он с улыбкой. — Нет, ты действительно делаешь это. Ты чертовски красива.

— Ты спал? — улыбнулась я.

— Я смотрел на тебя несколько часов, и это была лучшая ночь в моей жизни, — легко дотронулся он своими губами к моим. — Я люблю Стивена Кинга. Мне кажется, его книги трудно понять, но, несмотря на это, они настолько очевидны.

— Ты блещешь оригинальностью, Майколсон, — изобразила я удивление. — У тебя есть мораль?

— Она нужна?

Мы лежали на спинах и смотрели в потолок, иногда поворачивая головы, чтобы взглянуть друг на друга.

— Ты безнравственен?

— Нравы меняются или идут в ногу с нашим поведением, но это фактически одно и то же. А что любишь ты, Донна?

— Книги, — улыбнулась я. — Когда я читаю старинные книги, то понимаю, что есть вещи, которые всегда будут уникальны и всегда будут жить.

— Я тоже люблю читать, но зачем ты так много читаешь? — увидела я наигранный ужас на его лице.

— Некоторым людям просто нравятся книги, — пожала я плечами.

— Знаешь, когда-то я слышал фразу: «Если хотите узнать человека, посмотрите, что он читает».

— Многообещающе, — усмехнулась я.

— В твоём случае это действительно так.

Многие вещи и ситуации меняют нас, но есть те, которые остаются неизменными. Мы не можем контролировать наши чувства к другому человеку. Никогда. Я очень люблю моменты, когда чувствую себя важной, когда чувствую себя человеком, а рядом с Адамом это чувство меня не покидает.

— Где бы ты хотела побывать, Донна?

— Не знаю. У тебя есть предложения? — засмеялась я.

— Да, — притянул он снова меня к себе, обнимая за талию. — У меня конференция скоро. Мы можем соединить приятное с полезным.

Я видела осторожность в Адаме, и то, что Майколсон боится отказа женщины, определенно повышало мою самооценку.

— Посмотрим, — встала я с постели, поднимая халат с пола.

— Ты куда? — спросил Адам.

— Я не хочу встречаться и спать с тобой, Адам. Это было ошибкой. Я уезжаю.

— Ты не можешь уехать от меня, — направила я в ванну, слыша позади голос Адама.

— Я как раз это и делаю.

Я хотела захлопнуть дверь, но он блокировал ее ногой. Я не смотрела ему в глаза. Как я могу объяснить, что не верю во все эти чувства, точнее, в долгосрочные чувства мужчины к женщине?

— Посмотри на меня, — в его голосе были злость и отчаянье, и я подняла глаза. — Я придумал тебя себе, — продолжил Адам. — Твой идеальный облик, и мучил себя этим. Но когда попробовал, понял, что все мои представления о тебе просто ничтожны в сравнении с оригиналом. Ты владеешь мной, даже не прикасаясь. Я хочу тебя до умопомрачения, до боли, до непреодолимого желания подчиниться и подчинять.

Эти слова привели меня в ужас, изумление и даже разозлили. Он провел со мной еще одну ночь, но все же остальные наши встречи я ни разу не намекнула, что хочу чего-то большего.

— Я привыкла быть одна, понял? А ты привел меня домой, ухаживал, готовил ужин, заботился обо мне, и я струсилась, ясно? Что ты хочешь услышать от меня? Что я одиночка?

Да! Что я эгоистка? Конечно да, — повышала я голос. — Что я ненавижу почти всех людей в этом мире? Естественно. Но ты, Адам, черт тебя дери, отстань от меня! Дай мне просто вернуться к той жизни, к которой я привыкла!

— Я тебе нравлюсь?

— Никогда бы не подумала, что ты будешь мне нравиться, — покачала я головой в отчаянии. — Я не хотела думать о тебе или спать с тобой. Я не хотела, чтобы ты занял какое-то место в моей жизни.

Мой голос сорвался на последнем слове, и Адам притянул меня к себе, сильно сжав в объятьях. Он гладил мои волосы, и весь мир вокруг начал растворяться в небытие. Мы не шевелились, и сколько я себя помню, я тщательно прятала свое сердце от любого мужчины. Но вот сейчас я обнимаю его. Того, с которым провела ночь уже с пониманием, что нуждаюсь в этом.

— Попробуй, Донна. Расскажи мне, что тебя тревожит. Я не такой подонок, как ты думаешь. Да, у меня было много женщин, но с тех пор, как мы впервые провели ночь, я перестал искать случайные связи. Ты что-то перевернула во мне. Если ты скажешь да, я больше никогда в жизни даже не посмотрю на другую женщину.

Я взглянула на него, не понимая, куда делся Адам, которого я знаю.

— Жертву, — прошептала я.

— Что? — в недоумении спросил он.

— Жертву, а не женщину.

Он поднял меня на руки, еще сильнее прижимая к себе, и направился обратно в спальню. Когда я попыталась вырваться, Адам закрыл мне рот поцелуем и обернул руки вокруг меня, положив на кровать.

— Просто помолчи, Донна.

Адам прижал меня к себе, укрывая своим телом, и только сейчас я поняла, что перешла черту. Черт, с Адамом. С человеком, с которым зарекалась никогда не иметь ничего общего.

— Помнишь, ты говорила, что скорее крокодилу скормишь себя, чем пойдешь со мной на свидание? — слышала я улыбку в его голосе.

— Я сейчас встану и уйду, — пробормотала я.

— Не уйдешь, — поцеловал Адам мою шею. — Как только ты вошла в бар, я сразу вспомнил маму, — он запнулся на мгновение, а я нахмурилась, пребывая в недоумении. — Мама всегда говорила, что в мире есть мало чего стоящего нашего внимания. Главное — стать человеком, а после сохранить его в себе. Это простой закон, и я должен жить по нему. В тот момент произошло что-то странное. Сначала я думал, что это простое увлечение, но со временем все стало пустым. Мало что имело значение, и мой пульс заводила только ты. Пусть были люди и города, но они мелькали словно тени. Знаешь, вся суть в простых словах, и родители нам говорят их много раз за нашу жизнь, а мы никогда не слушаем. В нашу первую встречу ты выглядела такой невинной и в то же время человеком, знающим жизнь. Тогда-то я и удивился, насколько много говорит о нас взгляд. Когда ты появилась в моей жизни, это был как удар молнии. Ярко. Резко. Я знал, что все еще стою на земле, но вся моя система ценностей полетела к чертям.

— Ты хочешь меня только потому, что я не иду тебе в руки, — отодвинулась я, чтобы посмотреть ему в глаза. — Тысячи фраз, и твоя правда будет тебя смешить. Ты так часто врешь, Адам, я это чувствую, что ты сам уже веришь в то, в чем где-то в глубине души нуждаешься.

Он ничего не ответил, а лишь снова подался вперед и провел носом по моей щеке. Когда Адам в очередной раз за сегодня укутал меня в объятьях, я улыбнулась. Он почему-то слишком любил обниматься, несмотря на знание, что я терпеть этого не могу.

— Я дам тебе все, что ты хочешь, Донна.

Мы совершаем поступки. Маленькие и большие. Маленькие, конечно, имеют ценность гораздо больше. Я не хотела, чтобы он становился слабым и извинялся за каждый поступок. Не хочу я привычки, но и в любовь поверить не могу. Человек не всегда жалеет о том, что делает, по одной причине — результат после так называемой ошибки непредсказуемо-идеальный. Ты чувствуешь тяжесть тела и до поры до времени не чувствуешь тяжести души. Я никогда не была ангелом, но всегда стремилась быть человеком. И хоть я не могу утопить своих демонов, так как они все время побеждают и всплывают наружу, я просто хочу, чтобы обо мне заботились. Совсем немного, совсем чуть-чуть. Время лечит, я согласна, но главное — до этого времени не умереть от тоски.

Когда Адам уснул, я слушала его дыхание. Я наблюдала за ним при свете утра. Он щекой прижался к подушке, и его тело было теплым ото сна. Мой взгляд остановился на обнаженной груди Адама и затем простыни, прикрывающей его бедра. Я направилась в ванную, оделась и, словив такси, уехала не попрощавшись. Да, я знаю, что сбегала, но так будет проще. Проще и легче, а я — именно тот человек, который ищет такой путь. Я позвонила Эмили, и сейчас она была в адвокатской конторе. Хоть подруга и бросала это дело, но все же порой работала кое с какими клиентами. Кристофер же стал еще одним человеком, которого мы приняли в семью. Он был хорошим, чистым, веселым, и, если ты делал к нему шаг, он готов был сделать три, чтобы сохранить тебя.

Я вошла в кабинет, и Эмили как раз разговаривала с клиентом. Она качнула мне головой, и я села на диван, слушая их диалог.

— Я слышала, вам нужна рука помощи, и насколько я знаю, у нас мало времени, — сказала подруга.

— Мало, — ответил мужчина, сидящий напротив нее. — А мне еще пришлось ждать вас целый час, миссис Прайсон. Так что убедите меня, почему я вообще должен с вами работать.

— Ладно. До свидания, смотрите, чтобы дверью на обратном пути не пришибло.

— Что вы сказали?

— Вы слышали меня, мистер Стенфорд. Только один из нас на грани банкротства, и это не я. Это вам нужен спасательный круг, так что вместо того, чтобы отчитывать меня за опоздание, убедите, почему я должна связываться с вами. Было приятно познакомиться, — она поднялась с места и направилась ко мне.

Я же просто наблюдала за происходящим. Поведение Эмили было настолько другим и даже немного пугающим.

— Вы цените преданность, миссис Прайсон.

— Что вы сказали?

— Через две недели я смогу подписать контракт, который все изменит, и я снова буду на плаву, если покажем платежеспособность.

— Кто дает гарантии? — развернулась она к мужчине.

— Мой партнер.

— Если скажите об этом банкирам, то пойдут слухи, что контракт выставлен на торги. Конкуренты обойдут вас, и партнер ничем не поможет.

— Но, если продержимся это время, вернемся в игру. И я гарантирую, что не уйду от

вас. Я тоже ценю преданность, Эмили.

— Вот какое дело, — усмехнулась она. — Плевать я хотела на регионального перевозчика, который повысит мой доход на 1 %. Если я вытащу вас, то ваши акции взлетят до небес.

— Вы хотите долю.

— 20 %.

— Ну уж нет, — покачал он головой, смотря на нее со злостью.

— Это вы пришли ко мне. Восемьдесят процентов от дохода — это лучше, чем сто процентов от нуля.

— И вы будете вести себя так же, как сейчас? Вы будете за меня сражаться? — видела я отчаянье в его глазах.

— Я даже не напрягалась.

— Вы и правда лучшая.

Когда мужчина покинул кабинет, Эмили села за стол, открыла ноутбук и начала что-то печатать, словно это был обыденный разговор.

— Ты в курсе, что в этом сценарии это было не очень круто, Эмили? — спросила я.

— Я крута в любом сценарии, — улыбнулась подруга.

— Знаешь, многим людям жилось бы проще, если бы ты хоть изредка ошиблась.

— Если бы я ошибалась, милая, то сейчас бы пустые бутылки собирала.

Она что-то заполнила, а потом набрала кого-то по телефону, и через три с половиной минуты в кабинет вошел мужчина лет двадцати.

— Мне нужен отчет по делу Стенфорда, — резко сказала Эмили, поднимая на него глаза.

— Но я не успею, миссис Прайсон. Мой рабочий день заканчивается через час, — попытался возразить парень.

— Мне плевать. Ты тут работаешь, и если хочешь сохранить эту работу, отчет будет завтра на столе.

Эмили настолько отделяла работу от жизни, что такой я не хотела бы ее знать. Но в то же время, если бы я попала в передрагу, лучшего адвоката не нашла бы во всем мире. Парень качнул головой в знак согласия и, прежде чем выйти, ответил:

— Я бы сказал, что духовно погибаю, но вы правы, работаю тоже.

— Привет, родная, — сказала Эмили, подходя ко мне и сжимая в объятьях, игнорируя ответ работника.

— Ты выглядишь отвратительно счастливой, — фыркнула я.

Она засмеялась, понимая, что я не имею именно это в виду.

— Чего ты такая злая?

— Я не злая, — ответила я. — Просто кое-что произошло.

— Ты начинаешь пугать меня, — села подруга напротив.

— Я целовалась с Адамом, и...

— Ты? — перебила Эмили. — С Адамом?

Эмили — мастер контроля и выдержки. Она никогда не поднимает голос, но все же улыбка и глаза ее выдают. Она удивилась, но насмехалась надо мной.

— И как? — засмеялась Эмили.

— Горяч, — улыбнулась я. — Настолько горяч, что я до сих пор чувствую огонь.

— Ты хотела мужчину, который бы любил, ценил и был сильнее. А он, как принц, о

котором ты всю жизнь мечтала.

— Да все женщины хотят иметь мужчину сильнее себя. И да, я хотела принца, а встретила Адама Майколсона. И, Эм, ты все усложняешь, — покачала я головой.

— Чем? — снова засмеялась она.

— Эмоциями.

— Дорогая моя, если бы я не усложняла, как ты выразилась, то не была бы женщиной по имени Эмили Прайсон, — она встала с места и взяла чашку с кофе со стола, делая глоток. — Переспи с ним.

— Ты с ума сошла, — сказала я тихо, все еще не признаваясь.

— Заткнись и послушай меня. Если у вас все будет плохо, тогда он перестанет тебе нравиться, и ты сможешь снова вести себя, как стерва.

— Во мне столько типов стервозности, что я сбилась со счета.

— Переспи с ним.

— Я уже, — прошептала я.

Эмили подошла ко мне впритык, смотря с серьезным выражением лица.

— Посмотри на меня, — сказала она. — Посмотри мне в глаза.

— Что? — нахмурилась я, делая как она говорит.

— Ты под кайфом, Картер?

Мне кажется, что по фамилии друг друга называют только близкие люди. По-настоящему близкие. Я ужасная неряха, иногда говорю во сне и далека от идеала девушки. Я награждена от рождения взрывным характером, бываю импульсивной и грубой. Люди обычно любят мечтать и строить планы на совсем нереалистическое будущее, я же земная и практична до мозга костей. Если ты хочешь чего-то в жизни, то просто делай это, а не строй планы. Ты сам творец своей судьбы.

Персонаж фильма «Контакт» Палмер Джос сказал: «Во все времена люди стремились обрести смысл жизни, но это единственная вещь, которую не смогла дать им наука».

— Что вы думаете о потерях, Донна? — спросила доктор.

— Не знаю, — смотрела я ей в глаза. — После них нельзя верить.

— Они делают сильнее?

— Нет, слабее. И я устала бояться.

— А как же Эмили? — снова записала она что-то в своем блокноте.

— Я за ней в ад пойду, но не позволю прийти за мной.

— Я вам кое-что скажу, Донна, — улыбнулась врач. — А после вы уедете, и мы увидимся через неделю. Вселенная помогает, но не нужно ждать ее помощи. Если что-то не задается, уходите. Выходов из каждой ситуации есть как минимум два, а вам нужно вырваться не из собственного тела, а из повседневности.

Шесть утра. Я села в машину и уехала домой. Каждую неделю в среду в это же время я разговаривала с женщиной, которая задавала вопросы о моих чувствах и мыслях, и я держалась, просто, чтобы найти на них ответ.

Я боюсь неизвестности и неконтролируемых событий. Мне нужно подумать. И сегодня я поняла Эмили. Она не убегала от Брайана или проблем, ей просто нужно было побыть одной наедине с мыслями.

Взглянув на телефон, я увидела десятки пропущенных от мамы, и совсем не удивилась. Приехав домой, выпила утренний кофе, смотря на потрясающий вид. На улице светило солнце, но все же зима была на подходе. Я скучала по теплу. Теплота. Одно слово, а вызывает массу эмоций и мыслей. Я бы хотела объездить весь мир и ни разу не появиться в одном месте дважды. Мне нравятся маленькие деревушки, которые так необычайно красивы. В сумерках, когда люди еще спят, я люблю смотреть на дома, другие здания и природу. Они живут собственной жизнью, отдельной от нашей — человеческой. И это к лучшему, ведь мы, люди, уничтожаем все прекрасное.

Больше всего я боялась болеть кем-то. Ты перестаешь думать обо всем, кроме этого человека, и становится совсем не важно, что было до нас в том или ином месте. Кажется, очень просто сказать о чувствах, но я не могу игнорировать, что мне физически больно бежать от правды, но в тоже время говорить о ней.

Телефон издал сигнал, и я ответила на звонок, улыбаясь.

— Привет, мама.

— Донна, — сказала она с французским акцентом. — Мы ходили на выставку картин Боттичелли, и Жан был так рад. Мы думаем приехать в Нью-Йорк.

— Мам, — прервала я ее. — Я, конечно, давно тебе не видела, но зачем?

— Мне нужно тебе помочь.

— Не знала, что у меня проблемы, — фыркнула я, направляясь в спальню.

— Я внуков хочу, а ты и не думаешь об этом.

— Боже мой, началось, — достала я из шкафа джинсы и шелковую блузу.

Моя мама — моя противоположность. Она проявляет заботу и нежность к каждому, и всю жизнь пытается меня с кем-то познакомить и поженить. Когда она вышла замуж за

Жана, кстати, это ее третий брак, я думала, хватка ослабнет, но все вышло совсем наоборот.

От продолжения спектакля меня спас звонок в дверь.

— Все мам, мне пора.

— Люблю тебя, девочка, — лепетала она без умолку. — Потом позвоню. И подумай над моими словами.

Когда я открыла дверь, увидела улыбающуюся Стейси с букетом роз.

— Ты от кого? — нахмурилась я.

— Я к тебе. Просто решила сделать приятно, — ответила она, входя в квартиру.

— Я для своей мамы проект «пожалейте меня», — набирала я воду в вазу для цветов.

— Она любит тебя, поэтому переживает.

— Ты избавлялась от парней, если у них рецессия десен или грязные ботинки.

— Это правда, — улыбнулась Стейси.

— Как с Майклом? — взяла я телефон, заказывая еду из ресторана.

— Никак.

— Ты всегда ноешь, что мужчины, с которыми ты раньше встречалась, не понимают или на дух не выносят твою работу. А он относится к тебе с уважением, — села я напротив после того, как поставила кипятить чайник.

— Хватит, — покачала головой подруга. — Обрывать нити всегда надо резко. Потому что потом, несмотря на величину мира, мы не найдем в нем места для нас двоих.

— Ты считаешь его политически и финансово озабоченным животным, — не обращала я внимания на ее слова. — Но этот облик мигом растворяется в небытие, когда он находится рядом с тобой. Потому что хочет произвести на тебя впечатление.

— Это присущее самцам брачное поведение, и Майкл не исключение, — направилась Стейси к холодильнику.

— Ты обманчиво сложное существо, — улыбнулась я, смотря на нее. — Я думаю, это мило.

— А я думаю, ты рехнулась. Черная невеста всегда не в масть. И сколько бы мы не пытались переубедить весь мир, счастье и чернота всегда останутся несочетаемыми.

— Знаешь, ты можешь казаться и даже быть стервой, Эс, но иногда твоя истинная чуткая душа вырывается наружу. Ты самый сильный человек, которого я знаю. Страх не останавливает тебя. Он дает толчок двигаться дальше.

Девушка ничего не ответила, и за это качество я уважала ее. Она всегда высказывала свое мнение, но не настаивала, чтобы оно стало истиной.

Я позвонила подругам, но лишь Эмили была свободна. Она привезла с собой Лидию, и мы все устроились в гостиной с японской едой, смотря «Железного человека». Это была очередная среда, но что-то было не так. Я все время посматривала на Стейси, замечая ее нервозность. Затем перевела взгляд на Эмили, и ее выражение лица говорило: «ты тоже это заметила?»

— Ну хватит этого молчаливого неловкого разговора, — выключила телевизор Эс. — Мы расстались.

— У тебя есть текила? — спросила меня Эмили.

— У меня всегда есть текила, — ответила я, находясь в замешательстве. — Несу.

Взяв бутылку и четыре стопки, я вернулась к подругам.

— Я влюбилась в него, — продолжила она. — Я влюбилась в него и ненавижу себя за это. Я знала, что мы все равно расстанемся, но несмотря ни на что, позволила залезть мне под кожу.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Эмили, наливая жидкость в рюмки.

— Майкл. Одно слово. Пять букв. Воплощение сексуальности и brutality. Доброты и злости. Заботы и отталкивания. У меня все было под контролем, понимаете? Мы просто занимались сексом, иногда смотрели фильмы, ходили гулять, и он готовил мне еду. Самое смешное, что я до последнего верила, что смогу выжить. И я, как всегда, не смогла. Я слабая.

— Ты не слабая, — смотрела я на подругу. — Ты никогда не была слабой. У тебя свои раны, и ты почти всю жизнь была одна. Ты просто искала человека, сильнее себя. Это нормально, понимаешь? Все мы ищем того, кто сможет быть с нами добрым и нежным, но в то же время жестким и строгим. Это и привлекает нас в людях — многогранность. Со всем твоим бредом в голове и легкомыслием ты потрясающая. Не сходи с ума, поняла? — взяла я ее за руку. — Ты не можешь иметь хотя бы одну бессонную ночь.

Вот почему я не влюбляюсь. Это больно и преувеличено. Где те бабочки, которые все так описывают? Где чувство счастья и окрыленности? Ни черта это не правда. В момент влюбленности мы танцуем. Танцуем с демонами, и ничего больше.

— Ты думаешь, он тебя не любит? — спросила Лидия, и я улыбнулась понимая, что только она задала правильный вопрос.

— Мы несовместимы, — покачала головой Стейси.

— А какое это имеет отношение к любви?

Стейси всегда была самая безбоязненная, бесцеремонная, грубая, но искренняя. А искренность я ценю больше всего на свете. В нашем мире ее так мало. Но что бы не случилось дальше, я попробую уберечь ее, и сама подальше буду держаться от привязанности и зависимости.

Вскоре Эмили и Стейси уехали, и мы с Лидией отправились в спортивный зал. Я занималась на беговой дорожке, слушая музыку в наушниках, и все время прокручивала слова из фильма: «Стало ли счастливее человечество? Стал ли наш мир существенно лучше, благодаря научным и техническим открытиям? Мы делаем покупки, не выходя из дома, пользуемся интернетом и в то же время чувствуем себя опустошёнными, одинокими и более друг от друга изолированными, чем в предыдущие периоды истории. Мы становимся синтезированным обществом. И мы начинаем искать смысл жизни. А в чём он заключается? Мы делаем бессмысленную работу, отдыхаем в спешке, ходим в магазины, не имея достаточно денег для приобретения вещей, которые должны заткнуть те или иные дыры. Стоит ли удивляться, что мы перестали понимать, к чему стремимся?»

Что потом от меня останется? Я нашла людей, которые пытаются меня понять, но, если быть честной до конца, они не смогут сделать этого. Я сама не могу понять своих поступков и чувств. У меня не было тихих дней, которые я отдала бы только себе. Что я потом запишу в своем дневнике? Что расскажу своим внукам? Ведь в старости количество открытых салонов не будет иметь значения.

— Донна, я полюбила человека, — сказала Лидия, когда мы сели в машину, уже возвращаясь домой.

— И что ты думаешь об этом? — не отводила я взгляд от дороги.

— Объяснений нет. Но, наверное, душа ждет порой десятков веков, прежде чем

встретить равную себе.

— Послушай меня, детка, — припарковалась я, выходя из машины. — Жить нельзя без подруг, тувель и книг, а без мужика вполне реально. Но только в случае, если он не любит тебя.

— Не любит, — прошептала она.

— Ты должна быть королевой, — поднимались мы на лифте в дом. — Но, знаешь, падение королевы всегда неизбежно. Потом на престол взойдет ребенок, и смена королей происходила, происходит и будет происходить.

— Ты считаешь меня королевой?

— Сейчас да. Но чтобы остаться ею, мало получить лишь титул.

— А чего будет достаточно?

— Твою историю должны запомнить.

«Вы интересные особи. Забавная смесь: вы сочетаете в себе прекрасные мечты и отвратительные кошмары. Вы чувствуете себя потерянными и одинокими, но это не так. И мы со временем поняли, что пустоту можно перенести, только общаясь между собой». Контакт.

Мы вошли в холл, и я увидела Адама. Он сидел на диване, и возле него лежал очередной букет роз. Он никогда не забывал о цветах, и каждый раз мне приходилось напоминать себе, что нужно отстраняться.

— Донна, — направился он к нам с улыбкой на лице. — Привет, малышка.

— Привет, Адам, — улыбнулась Лидия ему в ответ. — Тебя прислал мой брат?

— Нет, меня прислало возбуждение.

— Заткнись, Майколсон, — открыла я дверь, войдя в квартиру. — Зачем ты приехал?

— Я приму душ, — ушла Лидия.

— Ты решил, что я показала тебе зеленый свет, и можно делать, что вздумается? — прошла я к холодильнику, доставая содовую.

— Поужинаем? — положил он цветы на стол.

— Боже мой, — покачала я головой, вздыхая.

— Что будешь делать тогда?

— Медитировать, — пожала я плечами. — Спорить с тобой — один стресс.

— Если ты не поедешь добровольно, я посажу тебя в машину, когда ты будешь спать.

— Как долго человек может не спать?

— Галлюцинации начинаются на четвертый день, — осматривал он мою кухню. — Затем у тебя будет несвязная речь и кратковременная ясность сознания.

— Ты лучше, чем Википедия, Адам.

— Википедия изобилует неточностями, — улыбнулся он. — Крайне редко в ней можно встретить точные рецензии профессионалов.

— Боже, я в такую депрессию впаду из-за тебя, что даже кофе не поможет.

— Хорошо, дорогая, — поцеловал он меня в щеку и направился к двери. — Я заеду завтра. И еще мне нравится, что ты заводишься с полуоборота, независимо от ситуации.

Мне нравилось, когда он называл меня так. Его прикосновения были сексуальны сами по себе. Я, кажется, переставала быть его мечтой и становилась слабостью, которую он не мог не видеть. Я чувствовала. Как бы я не пыталась вести себя безразлично и непринужденно, Адаму не нужны были мои слова. Я все время думала, а он улыбался и говорил: «Донна, перестань делать это так громко. Я же слышу твои мысли».

Адам ушел, и Лидия вышла ко мне с самодовольным выражением лица.

— Ничего себе новость, — сказала она.

— Я думала, ты в душ ушла, — взглянула я на нее.

— Ой, да ладно, мы обе знаем, что это не так. Тебе нравится Адам?

— Нет.

— Он тебе нравится?

— Нет.

— Какими духами он пользуется?

— Terre d'Hermes, Hermes, — улыбнулась я. — Но этот запах всегда очень далекий.

— Если ты хочешь убежать от чувств, но помнишь запах мужчины, это хреновое начало,

Ди.

— А ты хреновая подруга, — нахмурилась я.

— Зато честная.

Зипп Майран сказал: «В мире столько красивого неизведанного и мощного, а мы заиклены на будничных мелочах и сером мире».

Я подумала о том, чего хочу. Хуже от наших отношений с Адамом мне не будет, по крайней мере я так думаю. Адам — первый мужчина, с которым я смогла проснуться спустя долгое время одиночества и решила, что, если он заведет разговор о каком-то исходе, у меня уже готов ответ.

Возможно, ждать чего-либо глупо, особенно после слов моего психотерапевта, но мой страх преодолеть я не могу. Я предпочитаю быть рядом с человеком, с которым мне комфортно, который понимает меня с полуслова. Как бы я не пыталась доверять, не знаю, смогу ли любить его. Но я отметила, как Адам входит каждый раз в мою квартиру. Он рассматривает помещение, как и меня. Он вникает и словно пытается увидеть что-либо такое, чего не видел ранее.

Мне снился сон. Я проснулась и подумала, что видела что-то важное, хоть и не помнила, что именно. Но уверенность, что увиденное облегчило мое тело в духовном смысле, заполнила меня. Я словно вылезла из плена.

На следующий день с самого утра я отправилась на работу, оставляя Лидии ключи и пустую квартиру. Я пила кофе, разговаривала с клиентами, искала место для открытия еще одного салона, и когда пришла Ева, улыбнулась впервые за день, смотря на человека, которого люблю.

— Появился новый заказчик, с которым я по глупости подписала контракт, — говорила Ева, когда я делала ей новую стрижку. — И он не очень приятный тип.

Ева — тот человек, который даже мысленно никогда не обидит другого. Но я, хвала небесам, не страдаю такой ерундой.

— То есть, мудака? — улыбнулась я, смотря на нее в зеркало.

— Понимаешь, иногда он говорит такие вещи, из-за которых мне хочется... — замялась она мгновение.

— Запихнуть палку ему в задницу?

— Ты просто ужасна, Ди, — засмеялась Ева. — Но да, именно это и сделать.

— Я говорю, что думаю, — пожала я плечами. — А ты, прежде чем сказать, пропускаешь фразу через семь фильтров.

— Нет, просто... — возразила Ева.

— Да, — перебила я ее, посмеиваясь.

Огонек в глазах Евы, очаровательная наивность и вера в одну любовь на всю жизнь делают ее особенной и изумительно уникальной. Она хранит счастье в глазах, и чаще всего, уходя, забирает его с собой.

— Что ты думаешь о путешествии? — спросила Ева. — Я хочу уехать отсюда на какое-то время. Хочу походить босиком по черному песчаному пляжу.

— Ты не сможешь ходить босыми ногами по черному песку, — улыбнулась я. — Из-за своего цвета эти пляжи быстро нагреваются, и по нему можно ходить лишь в обуви.

— Ты была на таком пляже?

— Да, — ответила я, все еще сосредоточив свое внимание на ее волосах. — В Ла-Пальме. Это Карибские острова в Испании.

— Ты лучше, чем Википедия, Ди, — засмеялась Ева.

— Я то же самое говорила Адаму.

— Поэтому вы друг с другом не миритесь. Вы слишком похожи.

Мой телефон заиграл песней Ross Copperman «Hunger», и не смотря на дисплей, я ответила:

— Эмили.

— Ты где? — спросила подруга.

— На работе.

— Когда будешь дома?

— Сегодня? — ответила я вопросом на вопрос с ноткой иронии в голосе.

— Чем будешь заниматься? — продолжила она в том же стиле.

— Я что, в суде, Эм?

— Черт, извини, — слышала я улыбку. — Приедешь?

— Сейчас пять, — посмотрела я на часы. — В шесть буду.

— До встречи, родная.

Положив телефон на стол, я снова вернулась к Еве. Я делала ей стрижку длиной до плеч, обрезая шикарные волосы, которые накрывали ее талию. Когда мы закончили, Ева поцеловала меня в щеку и направилась к выходу. Прежде чем покинуть салон, улыбнулась и помахала своей крошечной ладонью. Я сделала то же в ответ и отправилась за вещами.

Сев в машину, включила музыку и поехала к Прайсонам. На данный момент они все еще жили в пентхаусе Эмили, делая ремонт в новом доме, который купил для них Брайан. Они не спешили с детьми, путешествуя и все время проводили вместе. После комы моей подруги у каждого изменились приоритеты.

Алексадро Д'Авения сказал: «Любовь не дает покоя. Любовь — это бессонница. Любовь придает силы. Любовь — это скорость. Любовь — это завтрашний день. Любовь — это цунами».

Я поздоровалась с Томми, который, кажется, все время улыбался, и постучав в дверь, спустя минут пять, не меньше, увидела Брайана в нижнем белье.

— Ты немного раздет, — сказала я, войдя.

— У нас с Эмили был секс, — ответил он, как ни в чем не бывало.

— И поэтому вы не открывали?

— Мы наслаждались оргазмами.

— Ты отвратительный, — улыбнулась я.

— Ты просто не занималась со мной сексом.

— Теперь я понимаю почему вы друзья с Адамом, — прошла я к холодильнику.

— Сейчас позову свою жену.

— Ты все время будешь это говорить?

— Ты просто не была жената на Эмили.

«Карьера — чудесная вещь, но она никого не может согреть в холодную ночь». Мерлин Монро.

Они подходили друг другу. Такие разные, но в то же время нереально похожи. Эмили романтичная и строгая. Брайан жесткий и добрый. Они как огонь и пламя, не существуют друг без друга.

Я налила себе стакан воды, когда услышала звук босых ног по паркету.

— Моя мать хочет приехать, — сказала я, делая глоток. — Это будет ужас.

— Да ладно тебе, — улыбалась Эмили. — Время, проведенное с семьей, бывает незабываемым.

— Ага, и каждый раз это время я хочу забыть. Хотя смысл семейных встреч — ужасно провести время.

Она смотрела на меня и улыбалась. Эмили всегда была очень уверенной и расслабленной. Если подытожить — полной противоположностью меня. Моя подруга светилась, сияла и всегда смеялась, воодушевленная счастьем ее родных. Эмили была как живая аномалия, и жизнь без нее не имела смысла. Она любила смотреть и наслаждалась, когда наблюдали за ней. Она неслась на скорости двести миль в час и всех тащила за собой, молча крича: «Не надо, не останавливайтесь. Двигайтесь все время». Эта женщина переворачивала мир так же легко, как проблему, которая появлялась у ее родных. Да, именно у родных. Если у кого-то случалось «неудачное стечение обстоятельств», это всегда было решение Эмили. Так странно. Мы привыкли к этому. Привыкли к тому, что она всегда рядом и всегда слышит. Она не ждет, пока мы спросим, а говорит сама. Эмили умела включать жизнь в самую судьбу, а судьбе она была неподвластна.

— Каждый раз после визита этой женщины я становлюсь похожа, — задумала я на мгновение, — на свою мать.

— Ты меня пугаешь, — вошел Брайан в кухню, доставая сок из холодильника. — Как мой друг?

— Какой? — изобразила я замешательство, хоть и знала, кого он имеет в виду.

— Твой парень, — улыбнулся он.

— Не поняла, — сели мы за стол, когда Эмили подала сырны палочки в кляре.

— Сегодня все новости гласили: «Плейбой Нью-Йорка смог покорить неприкосновенное сердце», — показал он кавычки в воздухе.

— Какая нахрен новость? Какой парень? Какое сердце?! — чувствовала я нарастающую злость.

— Брайан, просто заткнись и поднимай свой зад наверх, — посмотрела на него со злостью Эмили. — У нас девчачьи разговоры.

Они словно молча разговаривали глазами, и Брайан поцеловал Эмили в лоб, сказав мне: «Пока», и направился наверх. Я же сидела и ждала объяснений подруги.

— Милая, не переживай. И не думай, что это плохо... — начала она, взяв меня за руку.

— Что, черт возьми, вы оба несете? — постаралась я взять себя в руки, убирая свою ладонь.

— У меня вопрос, — не отводила она взгляд.

— Ты имеешь в виду несколько миллионов?

— Донна, сарказм тут неуместен.

— Я знаю все, что ты хочешь спросить, Эмили. Но он как солнце вблизи. Словно я прикоснусь к нему и сгорю заживо, — покачала я головой, смотря на свои ногти. — Вспомни меня несколько лет назад. Да, ты помогла мне уехать, подарила мне чувство безопасности, но дни проплывали слишком быстро. Я до сих пор посещаю мозгоправа, и она засыпает меня вопросами, думая, что я не замечаю, как она держит меня этими дурацкими фразами, пребывая в железной уверенности, что вылечит все терзания, которые меня до сих пор ранят.

— Ты в порядке? — прошептала подруга, когда слеза скатилась по ее щеке.

— Да, — взяла я ее за руку, натянуто улыбнувшись. — Спасибо, что поймала меня.

— Я тебя всегда поймаю, Донна. Пусть мне и самой придется упасть. Но я не знаю, как тебя помочь.

— Ты и не сможешь, Эм, — встала я с места, направляясь к выходу. — Никто не сможет.

По дороге я заехала в Landmark за свежим хлебом и занялась готовкой, приехав домой. Я не скажу, что мастер, но люблю это делать. Я позвонила Стейси и вскоре ожидала ее, слушая музыку в колонках.

Я никогда не была разговорчивой. Меня раздражает все выражать словами. Все, что происходит в моей голове, в ней должно и оставаться. Я не хочу заполнять тишину разговорами, даже наедине с собой.

«Когда тебе плохо — прислушайся к природе. Тишина мира успокаивает лучше, чем миллионы ненужных слов». Конфуций.

— Ты что-то быстро... — открыла я дверь, уставившись в замешательстве на Адама. — Ты преследуешь меня?

— Мне казалось, мы сблизились, — вошел он в дом, расстегивая пиджак.

— У меня есть личное пространство, и ты в него слишком часто лезешь.

Он поставил руки на пояс, и, боже, этот мужчина выглядел как грецкий бог. Лицом и телом Адама не обделил всевышний, и его мальчишеская улыбка для женщин все только усугубляла. Но я заметила, что, несмотря на маску, его глаза все расставляли по местам. Его взгляд всегда возвращал в реальность настоящей жизни, о которой я до сих пор не знала.

— Я хочу тебя, Донна, — не сводил он с меня взгляд. — Где у тебя спальня?

Я улыбнулась и направилась в кухню, проходя мимо.

— Я не занимаюсь сексом в своей кровати, я там ем, — пожала я плечами. — Секс в моей постели звучит так же ужасно, как жертвоприношение.

Он засмеялся и подошел ко мне, щекоча мое ухо теплым дыханием.

— Ты ведь не такая бесчувственная, какой хочешь казаться.

— С чего ты взял?

— Ты боишься. Ты перестала доверять людям, и в этом виноват мужчина.

— Чего ты хочешь, Адам? — чувствовала я нарастающее возбуждение.

— Что ты имеешь ввиду под фразой: «Что ты хочешь?» Потому, что у меня сейчас в голове ни одной приличной мысли.

— По-моему, ты слишком самоуверен, Майколсон, — ответила я, когда он прижал меня к себе. — Ты как голубоногий олуш.

— Кто это? — слышала я улыбку.

— Боже мой, — отошла я, смеясь.

— Его грация так восхитительна? — сел он на барный стул.

— Да, — достала я соевый соус из холодильника. — И, кажется, он умнее тебя.

Почему мне так трудно признаться в собственных чувствах? Я смеялась, находясь с ним рядом, и как только начала понимать, что счастье возможно находить в обыкновенных вещах, у моего психолога появилось лишнее время.

— Чем мне тебя соблазнить, чтобы остаться с тобой? — спросил Адам скрестив руки.

Я покачала головой, и он в мгновение ока оказался напротив. Адам накрыл мой рот губами, одной рукой сильнее прижав к себе, а другой сжав мою грудь. Когда он оторвался от моих губ, снял с меня блузку и бюстгальтер, резким движением посадив на стол.

— Какая ты соблазнительная, — прошептал он.

С моего лица Адам перевел взгляд на шею, затем грудь, и мои соски отреагировали на его прикосновения. Адам усмехнулся и облизал один, сжимая в то же время другой. Он ласкал их по очереди, и я чувствовала невыносимый жар, который появился между бедер.

— Ты пойдешь со мной на свидание? — спросил он, остановившись.

— Не останавливайся, — прошептала я.

— Пойдешь?

— Продано, а теперь возвращайся обратно.

Он спустился поцелуями вниз до пупка, облизывая его и стягивая вниз мои джинсы, скользнул губами ниже, прикусив нежную кожу на лобке. Я смерила его взглядом, и зажав между пальцами его волосы, выгнулась навстречу.

— Господи, я так хочу тебя, Донна, — зарычал он, сжимая между пальцами бугорок.

— Да, — ответила я, стоном. — Адам...

— Я знаю. Ты такая мягкая.

Он разорвал ткань кружевных трусиков и провел пальцем по складочкам. Затем опустился на колени и всосал в рот мой клитор.

— Господи Боже! — вскрикнула я.

Адам облизывал и сосал то, что давно нуждалось во внимании. Войдя в меня сначала одним, а потом и двумя пальцами, ускорял темп, трахая меня. Я вцепилась в его плечи и молила небеса, чтобы он не останавливался. Его глаза горели, и он все время менял темп, все еще узнавая реакцию моего тела, которое теперь принадлежало ему больше, чем мне.

— Черт, где ты научился этому?

Он улыбнулся, и легко укусив меня, проник тремя пальцами, все еще посасывая клитор. Я извивалась от удовольствия и не была готова попрощаться с ним. Он был великолепен, и когда убрал пальцы, трахая меня лишь языком, я не выдержала и забилась в оргазме. Я цеплялась за его руки, как за последний глоток воздуха.

— Я сделаю все, что захочешь, Донна, — облизал он губы. — Тебе нужно просто попросить.

Я посмотрела на него расплывчатым взглядом и улыбнулась. Он сделал то же самое в ответ, придерживая меня за талию.

«Зачем ждать до утра? Начать новую жизнь можно и с вечера». Дмитрий Соло.

Я схватилась за его шею, уткнувшись носом в висок. Надежность пропиталась в нем с угрозой, и то, что меня привлекала его тьма, начало мне объяснять, что я не так чиста, как надеялась. От его близости я почувствовала покой. От Адама пахло теплом. Я поцеловала его еще раз и расслабилась.

— Одна ночь в неделю, — прошептала я. — Я согласна лишь на это.

— Не понял, — оторвался он от меня, смотря в глаза.

— Если ты все еще хочешь меня, я могу предложить тебе лишь одну ночь в неделю.

Адам пригласил меня в ресторан — Masa. Он рассчитан всего на двадцать шесть человек, и шеф-повар встречает каждого гостя лично. Все продукты доставляют из Японии, а я обожаю японскую кухню. Зеркала создавали сказочный интерьер, и большие люстры светили очень тускло, тем самым делая обстановку слишком интимной. Войдя в зал, я сразу увидела наш столик. Хрустальные бокалы, белый фарфор, и в центре стола букет из красных роз. Все это выглядело восхитительно. Стол был уже накрыт на две персоны, и взглянув на Адама, я знала, как теперь выглядит совершенство. Мужчина рядом со мной выделялся из всех присутствующих, и так было всегда. Он улыбнулся мне самой соблазнительной улыбкой и отодвинул стул, помогая занять свое место. Я всегда считала, что самые интересные мужчины — те, которые внешне не привлекательны. Но Адам был исключением из правил. Из всех правил.

— Боже, ты такая красивая, — улыбнулся он, делая заказ. — И я обязательно попробую твою курицу, когда ты ее пригостишь.

— Если в следующий раз ты не будешь мне мешать, — ответила я, не отрывая глаз от меню. — Но я не жалею.

— Милая, я знаю, — слышала я его улыбку. — Мне нравится, когда ты в хорошем расположении духа.

— Почему? — посмотрела я на него.

— Потому что тогда я понимаю, что ты стоишь того, чтобы ради тебя перевернуть этот мир к чертям.

Мне нравилось ужинать с ним, быть объектом его ухаживаний и обожания. Знаете, то чувство, когда сердце начинает стучать очень быстро, но тебе не страшно? Жизнь — это удовольствие. И как только ты понимаешь это, все меняется к лучшему.

— Когда ты смотришь на меня так, мне становится неловко, — сказала я тихо.

— Что ты чувствуешь чаще всего? — отложил он меню, сосредоточившись на мне.

— Я чувствую свободу, когда сбегая или когда одна. Хотя многие чувствуют одиночество.

— Потому что по-настоящему ты никогда не бываешь одинока.

Я улыбнулась ему. Искренне улыбнулась. За это время я поняла, что он не такой, каким я его представляла. Мы столько знакомы, а я совсем его не знаю. Он хороший. Он умный. И я уважаю его. День с ним никогда не будет скучным, и без него длится гораздо дольше. Не знаю, как это могло случиться, но я ждала его прихода, звонка, шуток, улыбки и взглядов. Адам открывался мне с новой стороны. У него была выдающаяся черта — невозмутимость. Я могла кричать, спорить, не соглашаться, но он никогда не перебивал меня, а просто слушал и мог лишь спросить в конце: «ты высказалась?» или «по-моему, оба наши мнения великолепны, не так ли?»

— Раньше ты никогда не одаривала меня такой особенной улыбкой, — сказал Адам, смотря на меня с изумлением.

— Мне сейчас хорошо, — ответила я, надевая маску безразличия, когда официант принес напитки. — Но ты часто олицетворяешь все, что я ненавижу.

— Ты находишь это сексуальным, — улыбнулся он.

— Не делай этого, — покачала я головой, делая глоток вина.

— Чего не делать? — не переставал он улыбаться.

— Не усмехайся так.

— Как, милая?

— Вот так. Из-за этой улыбки я хочу бросить тебя на кровать и делать такие вещи, из-за которых сейчас даже кончики моих пальцев покраснеют от стыда, а мы ужинаем, так что перестань так себя вести, — он засмеялся, и я наклонилась ближе. — И вообще, ты думаешь, если будешь все время выглядеть настолько хорошо и способен впечатлить всех женщин в радиусе ста миль, это поможет тебе найти со мной общий язык?

— Милая, нет такой необходимости, — откинулся он на спинку стула. — Для того, чтобы впечатлить женщин, мне нужно утром просто посмотреть в окно, ну или в крайнем случае раздеться.

— Ты отвратительный, — откинулась я назад, улыбаясь.

Он встал с места, присел напротив меня, беря за руку.

— Я не хочу больше сдерживаться, — сказал Адам тихо, не отводя взгляд.

Этот поцелуй был полон страсти, нежности, желания обладать и дарить. Я отвечала ему тем же, не задумываясь ни на секунду о последствиях или о том, что скажут люди. Было просто плевать. Весь мир исчез, кроме нас, и все в один момент стало бессмысленным.

— *Per aspera ad astra*, — сказал Адам, прерывая поцелуй.

— Через тернии к звездам, — прошептала я ему в губы.

— Ты меня поражаешь. Ты знаешь латынь.

— Ты тоже, — провела я рукой по его волосам.

Я всегда любила вечера, только потому, что вечером никуда не спешишь. Можно читать, пить кофе, смотреть фильм или просто гулять, не думая о том, что опаздываешь. Теперь эти вечера с Адамом были словно в сказке. Он не идеален, но он человек, и как бы скучно было жить, будь мы все с одинаковыми недостатками.

— Какой дурак придумал, что стечение обстоятельств — не судьба?

Скорее, это был не вопрос, но молчание никогда не было моей сильной стороной.

— Ага, конечно, — хмыкнула я. — Станем с тобой счастливыми родителями дерьма из прошлого. И после назовем это судьбой.

Мы разговаривали какое-то время, а после Адам расплатился, и мы прошли к автомобилю. Водитель тронулся с места, и Адам снова взял меня за руку. Он смотрел каким-то особенным взглядом. Я ведь всегда все замечаю. И под все, я действительно имею в виду «все».

— Ты нанял водителя?

— Я ведь пил, — улыбнулся он. — А я все делаю правильно.

— Ты, наверное, гордишься своей возможностью все контролировать? — смотрела я на него. — Особенно свои чувства.

— Нет, не горжусь. Я этим пользуюсь.

Синяя машина — BMW i8. Я любитель машин, но не такой, как Адам или Эмили. У него их целая коллекция, и его бережное отношение к ним умиляет и смешит одновременно.

— Адам?

— Что?

— Давно хотела спросить, у тебя мания величия или ты действительно болееешь машинами?

— Детка, — засмеялся он. — У меня каждая принцесса ездит со своим индивидуальным именем.

— Боже, ты знаешь имена своих машин? — с воображаемым ужасом на лице спросила я.

— А ты своей не знаешь?

— Я даже не знаю имени своего отца, — ответила я, будто это было самое очевидное в мире.

— Ты уникальная женщина, Донна, — поцеловал он мою руку. — Женщина особой масти. Ты умная, целеустремленная, страстная, тебе не бывает больно. Ты идеально скрываешь свои эмоции и защищаешь личную жизнь. Ни один мускул на твоём лице не дрогнет, даже когда тебе чертовски больно. Почему ты никогда не просишь о помощи? — Я попыталась забрать руку, но Адам не отпустил ее. — Поговори со мной, Донна.

Я не испугалась. Просто не люблю говорить о чувствах.

— Поверь, тебе это не нужно, — покачала я головой. — У меня слоев сумасшествия больше, чем на праздничном торте.

— Ты идеальна.

— Нет идеальных людей.

— Ты права. Но ты именно с тем набором недостатков, которые мне нравятся. Я не знаю, почему ты мне не веришь, но если мне нужно бороться с тобой за тебя, то я выиграю эту войну.

Адам не отпускал моей руки, пока мы не приехали, а затем помог выйти из машины. Мы находились на Острове Эллис. Как раз возле музея иммиграции, я подняла голову вверх, смотря на здание целиком.

Уильям Шекспир сказал: «Я всегда чувствую себя счастливым. Ты знаешь, почему? Потому что я ничего ни от кого не жду».

— Ты знаешь историю? — спросил Адам.

— Нет, — покачала я головой. — Порази меня.

— Остров Эллис был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, — улыбнулся Адам. — Музей посвящен не только тому, что происходило на острове, но и истории иммиграции в США в целом. Для американцев остров Эллис — священная земля место высадки предков ста миллионов человек — 40 % нынешнего населения страны.

— Так далеко, — прошептала я, приседая на скамейку.

— Что? — в замешательстве спросил Адам.

— Наша первая встреча. Она так далеко.

— Обычно говорят «было давно», — засмеялся он, присаживаясь рядом.

— Так говорят талантливые люди, — пожалала я плечами. — А гении способны видеть и говорить то, что другие просто не в состоянии даже заметить или услышать.

Я была потеряна. Адам держал мою руку в своих ладонях и был таким необычным. Он был добрым, нежным и... своим. Да, именно своим. Каждое его новое касание ещё пару дней согревало меня, и я была сбита с толку. Я не знала, как реагировать. Но с нашей встречи что-то определённо изменилось. Во мне. Мы подшучивали друг над другом, и мне нравилось находиться рядом с ним. Он был подонком, иногда козлом, но все равно лучше многих. Он всегда говорил правду, какой бы она не была.

— Если ты попробуешь сделать мне больно, — прошептала я тихо. — Я разорву тебя на части. Обещаю.

Он промолчал, и я понимала остальных. В Адама было чертовски легко влюбиться и продолжать любить всегда.

— Поедем к тебе, — сказал он спустя какое-то время, накидывая на меня свой пиджак.

— Думаю, не стоит, — посмотрела я на него. — Мы слишком много времени проводим вместе.

— Давай же, Донна. Не будем притворяться, что мы влюблены, а лишь до завтра останемся спокойны. Отложим все на потом и погасим свет. Мы так редко можем отдаться ночи. Давай о хорошем, и я никуда не буду спешить. Я буду говорить только приятные вещи, чтобы ты не накапливала обиды из-за которых возненавидишь меня.

Все вышло именно так. Мы говорили и смеялись несколько часов. Меняли кофе на вино и засыпали. Это была лучшая ночь в моей жизни. На улице был уже рассвет, а в спальне до сих пор мы предпочитали ночь. Не было насмешек, горьких улыбок и замков. Я смотрела периодически на небо сквозь окно, и, когда поворачивалась к Адаму, каждый раз он обнимал меня за плечи, встречая взглядом. Я не знала, что понимать. Не знала, где он говорит правду, а где недоговаривает. Но пусть все было не до конца прозрачно, с появлением Адама в книгу моей жизни добавились множество страниц.

— Спасибо за лучшее свидание в моей жизни, — прошептала я, когда Адам снова отправился на кухню делать кофе.

Мы целовались. Эмили однажды сказала мне: «Попробуйте больше целоваться, и тогда вам понравится находиться рядом». Поцелуи гораздо интимней секса, как, впрочем, и взгляды. Ведь по-настоящему любящий взгляд можно подарить лишь единицам, а секс... сейчас такое время, что, наверное, не важно, сколько у тебя было сексуальных партнеров. Мы стали так циничны, что нет цифры, которая удивила бы другого человека.

Сработала сигнализация, и сказав Адаму, что я вернусь через пять минут, я спустилась на стоянку.

— Девочка, — погладила я капот машины. — Что случилось?

— Донна, — услышала голос за спиной. — Давно не виделись. Помнишь меня?

Шок прошел сквозь мое тело, и я обернулась, чтобы посмотреть на него. Я снова почувствовала себя эмоционально мертвой. Сильные руки схватили меня за талию, и я посмотрела в глаза этому человеку. Я ни на минуту не забыла насколько Алекс красив, привлекателен и опасен. Как он заставлял мою кровь быстрее течь по жилам. Мужчина, стоящий напротив, был столько же жесток, сколько и притягателен.

— У меня плохая память на лица, которые я не хочу больше встретить в своей жизни, — ответила я, отходя от него и сжимая ключи в кулаке.

— Мне всегда нравилось твое чувство юмора, — усмехнулся он.

— В таком случае ты жалок.

— В таком случае тебе нужно к психологу.

— Спасибо. Я лучше матом, — собиралась я уйти, когда Алекс схватил меня за локоть. — Оставь меня в покое.

— Милая, ты первая в списке, кого я не оставлю.

Я вырвалась и направилась медленным шагом в лифт. Я не хотела, чтобы он думал, что я боюсь его или нервничаю. Я нажала кнопку «stop» и сползла по стенке вниз. Слезы хлынули с моих глаз, и я не могла их остановить. Да и не хотела, если честно. Мне нужно было поплакать, и я не могла делать это при мужчине, который сейчас находился в моей квартире.

Почему, как только я становлюсь чуточку счастливей, жизнь делает так, чтобы я снова выстраивала стену вокруг себя? Мое прошлое убило веру в людей, особенно в мужчин, и с

появлением Алекса на мгновение я снова напомнила, что даже если Адам Майколсон будет каждый день говорить, что любит, я не поверю ни одному его слову.

«Странно, да? Пройти через сотни имен, чтобы снова вернуться к ней. Чтобы узнать, что тебя так отчаянно любили». Сергей Минаев.

Я вошла в квартиру и отправилась напрямик в спальню. Адам уснул на кресле возле камина, и я не хотела, чтобы он находился тут. Я легла на левую часть кровати, завернувшись в одеяло, и вспомнила момент, когда снова увидела Алекса. Ужас охватил меня, и я застыла на месте, не имея возможности закричать. При его виде страх пронзил меня, и наши глаза встретились. Я не хотела его видеть. Не хотела вспоминать. Я не хотела прощения за прошлое. Я хотела лишь мести.

— Ты читала Гарри Поттера? — услышала я голос за спиной.

— Я думала, ты спишь, — ответила я.

Адам подошел ко мне и лег рядом, накрываясь одеялом.

— Счастье можно найти даже в самые темные времена, если не забывать обращаться к свету.

— Гарри Поттер и узник Азкабана, — посмотрела я на него. — Зачем ты пришел?

— Если не хочешь ничего говорить, просто поспи, — убрал он прядь волос с моего лица.

— Мы начали с ней с нуля, — опустила я взгляд. Я долгое время не говорила об этом никому, боясь признаться даже себе. — Собрали чемоданы и уехали. Эмили всегда была со мной. Во всем. В любой ситуации я находилась за ее спиной. Я продолжала жить только благодаря ей.

— Эмили мой друг, — взял он меня за руку. — И теперь я люблю ее еще больше. Если бы не она, я не встретил бы тебя. Но если бы ты хотела, то сделала все сама.

— Выше головы все равно не прыгнешь.

— Если захочешь, то сможешь даже выше неба, Донна.

— Черт возьми, Адам. Я и так делаю то, что нельзя.

— Учишься играть на пианино и смотришь Блудливая калифорния по второму кругу?

— Нет, — улыбнулась я. — Я не могу влюбиться в тебя, Адам Майколсон. Просто не могу.

Больше мы не сказали друг другу ни слова, и, проснувшись утром, я позвонила своему психологу, снова пытаюсь найти «спасательный круг» в ее обличье.

— Донна, какие у тебя отношения с матерью? — спросила она, смотря на меня спустя час, когда я сидела напротив.

— Нормальные.

— Вы часто выясняете отношения?

— Мы их не выясняем никогда.

— Почему?

— А смысл? Она далеко и мне нравится это.

— После бурного всплеска эмоций человеку порой становится легче. Главное — выпустить их во время ссоры. Ты подавляешь свои эмоции, но, если покричать или поплакать, настроение улучшается. Это доказано, что женщина не от чего так не устает, как от самой себя.

— Вы хотите, чтобы я стала больше говорить и выплескивать эмоции, чтобы почувствовать себя лучше? — в непонимании уставилась я на нее.

— А как насчет доброты?

— Что вы имеете ввиду?

— Есть два способа думать о ней, Донна, — записала что-то доктор и снова обратила свой взгляд ко мне. — Первый: как о фиксированном казачестве, то есть она либо есть, либо ее нет.

— Я не могу думать о доброте, как о мышцах или силе, — впервые я заметила напряжение в глазах этой женщины. — Есть люди, которые сильны. А есть те, которые становятся сильными с помощью тренировок. Но есть такие, как я, которые не хотят быть сильными.

— А что, если сила тебе жизненно необходима? Другими словами, чтобы выжить, нужно проявлять доброту. Никто не в силах у тебя что-то отнять. Лишь ты сама. Пока ты будешь человеком, мир вокруг будет сильным.

Я вышла из офиса и, сев в машину, положила голову на руль. Сколько бы продолжались такие отношения? Мы уничтожали друг друга, находя сумасшествие во всем. Мы были огнем, нарушая законы и устанавливая свои правила. Моя история с Алексом всегда напоминает мне, что я больше не почувствую такого. Он был сумасшедшим. Ненормальным. Он мог приехать за мной, увезти в другой город, превышая скорость, и ветер летел наперегонки с нами. Мы ели странную еду и никогда не сидели дома, смотря телевизор. Я была до безумия ранимой, а он перевернул мой мир. Вот что я имела ввиду, говоря о том времени, когда Эмили была королевой самопознания. Она узнавала себя сама, а я себя через Алекса.

Услышав сигнал телефона, я открыла диалог с Адамом.

А.: «Я собираюсь с мыслями».

Д.: «Ты говоришь сам с собой?»

А.: «Я всегда говорю сам с собой. Это называется молитва».

Д.: «Надеешься пройти в Эдем?»

А.: «Больше не надеюсь. Я скучаю по тебе, Донна».

Д.: «Тогда можешь поднять свою задницу с дивана и приехать на Бруклинский мост».

«Если бы вы знали, как редко нас правильно понимают, вы бы чаще молчали». Йоган Гете.

Я завела мотор машины и поехала на место встречи. Я знала, что Адам приедет. Он был предсказуем в плане чувств и действий, в отличие от Алекса. Его образ заново воскрес в моей памяти, и, взяв этого человека впервые за руку, я хотела лишь новизны. Первая любовь может разрушить города, а с умением Алекса манипулировать, он сделал из меня уничтоженный воздух.

По дороге я заехала в Старбакс и купила чашку латте. Стоя на мосту, я вспоминала многие вещи. Если подумать, то я раскрывала свою душу только Эмили, психологу и Нью-Йорку. Все плохое, что случилось в моей жизни, произошло только из-за лжи. Меня пытались защитить ложью, а потом и я врала самой себе тоже в большой необходимости уже привычной защиты. Но однажды горю, которое практически сокрушило меня, пришел конец, и я почувствовала покой. Я ускользнула от себя и поняла, что надолго не задержусь нигде. Я никому не принадлежу. Этот город, работа, машина и мужчины — все это я могу сменить, как и новый телефон.

Спустя десять минут я увидела Адама. Он поцеловал меня в щеку и всматривался в мои глаза некоторое время.

— Знаешь, что я подумал впервые, когда встретил тебя?

— Нет, — ответила я чуть слышно.

— Сколько жизней она прожила до этого.

— Я живу лишь в мыслях, Адам. И когда я сказала утром те слова, именно это я и имела в виду.

— Что ты думаешь, живя в Нью-Йорке? — спросил он, игнорируя сказанное мной.

— Я думаю, что многие сокровища природы скрыты от глаз людей, однако порой нам выпадает шанс увидеть некоторые из них, — ответила я, смотря за движением других людей. — А ты?

— А я думаю, что рай на земле — это Мальдивы. Пляж, который в безлунную темную ночь переливается волшебным синим цветом, — улыбнулся он. — И пустыня Намиб в это время прекрасна, встречаясь с Атлантическим океаном.

— Ты там был? — спросила я, смотря на него с изумлением.

— Да, — забрал он мой латте. — Это одна из самых зрелищных песчаных дюн в мире. Она растягивается вплоть до океана и создает поистине волшебный вид.

— То, что я сплю с тобой, — забрала я обратно свой напиток, — не значит, что ты можешь пить мой кофе.

— Ты не только спишь со мной, — обнял за талию меня Адам. — Я тебе нравлюсь, даже если ты сама еще этого не поняла. Мы смотрим фильмы. Порой завтракаем и ужинаем. Я знаю, что ты не любишь холод и получаешь кайф от скорости. Тебе нравятся мои волосы. И у тебя самая обезоруживающая улыбка.

Я смотрела на Адама, а затем легко прикоснулась к его губам. С ним я чувствовала себя живой. Я хотела его общества в последнее время все чаще и чаще, и ничего не могла с собой поделаться.

Он сжал меня в объятьях, оставляя поцелуй на щеке.

— Я хочу целовать тебя взасос и душить, — прошептал Адам. — Чаще всего в одно и то же время.

— Ты хочешь, чтобы я боялась?

— Нет, — сильнее прижал меня к себе. — Никогда. Бояться должны те, кто попробует тебя обидеть. Помни об этом, что бы не произошло.

Адам часто был милым и жестким. Он перевоплощался в мгновение ока, и в эти моменты я видела его сходство с Алексом.

— Ты ведь действительно веришь в свои слова? — смотрела я ему в глаза. — Это то же самое, что поверить в другую жизнь, Майколсон.

— Я верю, что все возможно, — взял он меня за руку, и мы отправились к машине. — Такой, как ты, я никогда не встречал ранее. Я мечтал о тебе. Я знал и оберегал тебя, как в мыслях, так и наяву. Я знал, что однажды произойдет этот момент.

— Какой?

— Мы — не наши друзья, Донна. У нас своя история.

«Они без конца спорили и редко соглашались. Вечно ссорились. Терзали друг друга ежедневно, но их объединяло одно: они с ума сходили друг по другу». Николас Спаркс.

Я всегда была уверена, что всем нравятся яркие люди. Люди без шрамов и недостатков. Никто не хочет рядом демона в женском обличье или бесконечность масок в человеке.

— Чего ты не хочешь никогда забыть? — спросил Адам.

— Запах моря, — прошептала я, следя за дорогой. — Это самое чистое и восхитительное, что я когда-либо испытывала.

Мы приехали ко мне домой и разговаривали. Это странно, но он не включал телевизор или музыку. Сейчас Адам даже не был инициатором секса, а лишь разговоров. Он приготовил пасту, и мы говорили о таких глупых, но в то же время глобальных вещах.

— Я бы не хотела помнить себя в прошлой жизни, — улыбалась я, отвечая на его вопрос. — Мы не смогли бы жить несколько жизней подряд, помня свои плохие поступки, привязанности и убийства. Нельзя развивать будущее, застряв в прошлом.

— Да, — отложил он приборы. — Но ведь отсутствие определенных воспоминаний вовсе не означает, что мы ничего не помним на подсознательном уровне.

Эмоции — самое главное, что есть в жизни любого человека. Их нельзя подавить, уничтожить или перестать испытывать по выключателю. Мы чувствуем. Мы, люди, всегда все чувствуем и испытываем. Может, поэтому и не помним прошлых жизней, иначе, умирая каждый раз, не хотели бы возродиться заново.

На следующий день я сидела на работе, разбиралась с бумагами и читала новости. Я выпила почти бутылку вина, и мои мысли были заняты всем, кроме планов на нормальную жизнь. Мне нужно было себя чем-то занять после сообщения мамы, в котором говорилось, что она завтра будет тут.

Я решила сходить за чашкой кофе. Выйдя на улицу, вдохнула свежий воздух и улыбнулась. Падая снег, и я сильнее закуталась в шарф. Войдя в Старбакс, сделала заказ и села за стол, наблюдая за людьми и ритмом их жизней. Люди или куда-то спешили, или наслаждались первым днем зимы. Погода предвещала снегопад, и я почти расслабилась, когда услышала голос, который мечтала забыть.

— Ты очень сексуальна, когда злишься, ты знала об этом?

Я вздрогнула. Сглотнув, повернула голову к Алексу, стараясь выглядеть бесстрастно.

— Твоя рожа напоминает мне страну, в которой я родилась, — сказала я со злостью.

— Мило, — улыбнулся он, садясь напротив.

— Я долго там не была, и хочется съездить.

— Скорее всего, ты не приезжала из-за меня, — забрал он мой кофе. — Пыталась забыть?

— Что же вы все забираете у меня кофе? — ударила я его по рукам, вернув чашку.

Когда-то я считала эту улыбку самой красивой в мире, а сейчас меня тошнило. Он — человек, из-за которого я уехала из страны. Человек, который разрушил мою жизнь и убил частичку меня внутри. Боже, я надеюсь, что когда-нибудь при моей жизни в моду все-таки вернуться мужики, похожие на мужиков.

— Может, мы найдем более уединенное место, чтобы поговорить? — не сводил с меня глаз Алекс.

— Сейчас пригоню воздушный шар, и мы полетаем над городом.

— Ты чертовски умна, — улыбнулся он. — Все так же.

— И без тебя знаю.

Я попыталась встать, но Алекс схватил меня за локоть и сильно дернул к себе.

— Ты ведь не хочешь, чтобы он узнал о тебе правду?

Он смотрел на меня со злостью, и мне стало страшно. Я сейчас хотела, чтобы рядом был Адам. Он бы защитил меня.

— Что ты хочешь? — прошептала я.

— Я хочу, чтобы ты вернулась, — обнял он меня за талию. — Я хочу снова бросить тебя на свою постель. Пробовать на вкус, целуя каждый сантиметр твоего тела, Донна, — убрал он прядь волос с моего лица. — Довести до состояния, в котором ты всегда пребывала, находясь рядом со мной. Заставить тебя кончить столько раз, чтобы единственное, что ты могла кричать — мое имя. Ты сама снова попросишь об этом. Только со мной, Донна, ты чувствовала себя живой.

— Этого никогда не будет, Алекс, — оттолкнула я его от себя, направляясь к двери.

— Посмотрим, Донна Картер, — пошел он вслед за мной. — Кстати, раньше я не замечал, чтобы ты так сексуально произносила мое имя.

Перед моими глазами появился Адам, и мгновением позже Алекс согнулся пополам, а я была в сильных объятьях. Его запах я узнаю из миллиона. Адам был тут.

— Мне плевать, кто ты, — зарычал Адам. — Еще раз прикоснешься к ней, и я обещаю, что в следующий Старбакс ты попадешь на костылях.

Люди смотрели на нас, а Адам поднял меня на руки, и через минуту я сидела в машине, осматривая красные следы на руке.

— Кто он? — спросил Адам, смотря на следы на моих руках.

Я ненавидела вранье, но не могла сказать правду. Адам пронзал меня взглядом, и я отвела свой, не желая подчиняться нажиму. Не собиралась я ничего объяснять, и мы оба об этом знали.

— Не важно, — сказала я.

Мое сердце стучало так громко, что я не слышала собственных слов. Адам обнял меня, не ответив ничего. Затем я прислонилась головой к окну, и он завел мотор, направляясь к дому. Приехав, хотел снова взять меня на руки, но я отпрянула.

— Адам, со мной ничего не случилось.

— Ты моя, слышишь? — смотрел он на меня. — И никто не смеет делать тебе больно.

— Я не твоя Адам. Я ничья.

Он промолчал, взяв меня за руку и направляясь в его пентхаус. Войдя, я улыбнулась. Тут витал запах его хозяина.

— Убери руку с моей задницы, — покачала я головой.

— Я не специально, — слышала я улыбку.

— Тогда убери ее специально. Потому что она до сих пор там.

— Это все еще не специально.

«Она не знала, в чем причина ее одиночества. Она могла выразить это только словами: Это не тот мир, на который я надеялась». Айн Рэнд.

За остаток дня я сказала Адаму лишь два слова: «Спокойной ночи». Он одолжил мне свои брюки, футболку и кровать. Я не вышла из комнаты до конца вечера, а затем и всю ночь. Я закрыла дверь и не отвечала ни на один звонок, пытаюсь уснуть. Я бы хотела упасть на зеленую траву и смотреть на облака. Лежать так долго-долго, пока не усну. Пока не смогу снова собрать себя по кусочкам. Мне хватило лишь двух коротких встреч, чтобы вспомнить то, что было почти целую жизнь назад.

Утром, проснувшись, я увидела множество пропущенных и через три часа должна была встретить маму. Я вышла на кухню сделать кофе. На часах было шесть утра, и я была благодарна Адаму, что он дал мне возможность побыть одной.

На его холодильнике висела фотография, где он с двумя девушками находился, судя по

всему, в раю.

— Это на острове Мариетас, — услышала я голос за спиной.

— Черт, — испугалась я. — Я думала, выпью кофе и уеду.

— В начале двадцатого века, — подошел ко мне Адам. — Мексиканское правительство проводило испытание в этой местности. Одна из ракет проделала огромную дыру, и миру открылся природный бассейн.

— Ты был там, — улыбнулась я. — И судя по всему, тебе понравилось.

— Это мои сестры, — усмехнулся он в ответ. — И, да, мне очень понравилось. Этот остров обладает статусом Национального парка, и его включили в список важнейших биосферных заповедников мира ЮНЕСКО.

— Я хочу есть, — сказала я. — Но мне нужно поехать за мамой и еще кое что от тебя.

— Я тебя слушаю, — сосредоточился на мне Адам.

— Мне нужно забрать маму с ее мужем из аэропорта.

— Ты хочешь, чтобы я был водителем? — усмехнулся он.

— Мне нужно, чтобы ты изобразил моего парня.

На улице была ужасная погода, и мы ехали в аэропорт. Я смотрела в окно и молчала всю дорогу. Адам понимал, что это всего лишь роль, и не более того. Все повторялось. История снова повторялась, и я не знала, что с этим делать.

Я всегда была слабой, и пока не сгорела до тла, не знала, что такое сила. Мне есть чем гордиться. Та сила, которую я взрастила в себе, держит меня каждый чертов день. Порой я бываю жестока, но также я «залижу раны», если понадобится, и отдам жизнь. Я умею быть лезвием и гордо поднятым знаменем, пока это величие нужно мне самой. Мои инстинкты всегда преобладали над разумом, несмотря на то, что я сотнями глотала книги. Меня долго прижимали, доминировали и морально давили. Со мной были агрессивны и подминали под себя. Я всегда пыталась изменить свой разум. Я хотела, чтобы он контролировал мои инстинкты, но страх потери Алекса преследовал меня почти полжизни. Этот человек всегда резко реагировал, решал вопросы и открыто врывался в конфликты, заявляя о себе. Он был героем в каком-то смысле. А все знают, что герои долго не живут.

«Ты всегда найдешь меня в своих воспоминаниях». Хардли Хевелок.

Так и было. Я всегда находила его там. Спустя много лет другой жизни.

— Я сама ее заберу, — сказала я Адаму. — Подожди в машине.

Я видела, как им овладевала злость, и он сжал руль так, что побелели костяшки пальцев, но все же согласился. Я спасалась бегством. Хотя до этого практически привязала к себе.

— Донна, — услышала я визг мамы.

Я закатила глаза, но, улыбаясь, направилась к ней. Она выглядела, как и прежде. Казалось, она была неподвластна времени. У нее были длинные золотистые волосы, черные ресницы и голубые глаза. Осиная талия, которая позволяла носить любую одежду, и высокий рост. Моя мать всегда клин из себя выбивала клином, в то время как я любила, бросала, ловила и, падая, снова поднималась, пытаясь стать сильнее. Мари находила того, кто бы поднял ее. И спустя столько лет я поняла, что она зря читала мне сказки перед сном.

— Привет, мам, — обняла я ее.

Мать всегда говорила, что я похожа на отца. Более молчаливая, чем она, более скрытая и скованная. Были времена, когда я хотела спросить о нем, или хоть увидеть, как он выглядит. Но раз он никогда не искал меня, значит я не была ему нужна.

— Как я рада тебе видеть, доченька. Ты похудела, — покачала она головой, осматривая

меня. — Ну ничего, я откормлю тебя.

У нее был такой взгляд, словно расписание нескольких дней промелькнуло в ее в голове за долю секунды.

— Ты не будешь откармливать меня, знакомиться со всеми, мы не будем ходить в зоопарк и вырезать снежинки, ясно? — не отводила я взгляд.

— Да, да, конечно, — ответила она легкомысленно.

— Где Жан? — перевела тему. — Или он не выдержал и все-таки сбежал?

— Очень смешно. Ты, как твой отец, совсем не умеешь шутить. Жан пошел за чемоданами.

— Боже мой, только не говори, что вы прилетели больше, чем на три дня, — подняла голову к небу. — Потому что моя душа не выдержит, и все нервные окончания впадут в депрессию.

Мама улыбалась, воспринимая мои слова как шутку. Хоть и в каждом моем слове действительно была доля шутки. Спустя минуту вышел Жан с чемоданами.

— Bonjour, Donna. Long time no voir, comment etes-vous? — сказал он, целуя меня в щеку.

— Он сказал: «Здравствуй, Донна. Давно не виделись, как поживаешь?» — перевела мама.

— Привет, Жан. Хорошо, в отличии от тебя. Ты ведь живешь с моей мамой, — улыбнулась я.

— Bonjour, Jean. Eh bien, contrairement a vous. Vous vivez avec ma mere, — снова перевела мама.

Ее муж засмеялся и поцеловал мою маму в щеку, шепча ей что-то на ухо. После мама снова обратила свой взор ко мне.

— Он говорит, что у тебя есть чувство юмора, — покачала она головой, закатывая глаза. — Иногда он странный.

Я засмеялась, а она обняла меня за плечи, направляясь к выходу из аэропорта. Мы пошли напрямик к машине Адама, и как только открылась дверь со стороны водителя, я поняла, что он, не сказав ни слова, очаровал мою мать.

— Какой красавец. Почему ты не можешь встречаться с таким мужчиной? — спросила моя мама, смотря на меня грустным взглядом.

— Боже мой, и это за мои же деньги, — нахмурилась я, сверля своего родителя взглядом.

Мы подошли к Адаму, я стала между ними.

— Мама, это Адам. Адам, это моя мама, — я закатила глаза, зная, что сейчас будет сказано. — Три, два, один.

— Наконец-то ты нашла кого-то, милая, — пролепетала мама. — Жан, у нашей доченьки появился мальчик.

— Господи, Боже, убей меня, — сказала я, смотря на Адама.

Он засмеялся, поцеловав руку моей маме.

— Рад познакомится с вами, миссис Делан. Очень рад знакомству.

— И я с вами, мистер, — не прекращала Мари улыбаться. — Как вас зовут?

— Адам.

Адам посмеивался и все время посматривал на меня. Его забавляла вся эта ситуация, меня же заполнило чувство неловкости до краев моего физического тела. После Адам подошел к Жану и, пожав ему руку, спросил:

— Bonjour. Qu'est-ce vol? (Здравствуйте, как долетели?)

— Vous parlez francais. Vous toiletter Dona? (Вы говорите по-французски. Жених Донны?)

— Je l'espere. (Надеюсь на это)

Они пожали друг другу руки, а после упаковали чемоданы в багажник.

— Адам, — сказала мама, когда мы сели в машину. — Долго вы ухаживаете за моей дочерью?

— Я пытался действительно долгое время, но ее не так легко заинтересовать.

— Это в ее стиле. Так вы уже назначили дату свадьбы?

Адам говорил с моей мамой, словно старые друзья, а мое терпение было на пределе.

— Эй, вы видите меня? — спросила я, смотря на мать в зеркало заднего вида.

— Конечно, милая, — улыбнулся Адам, целуя меня в висок. — Я всегда тебя вижу.

— Во что я вляпалась? — вышла я из машины, подойдя к стороне водительской двери. — Я за рулем.

Он лишь улыбнулся и отдал мне ключи. Я села на водительское сидение, а Адам рядом. Они смеялись, а я напоминала, что это всего лишь на несколько дней.

— Донна, почему ты такая вредная? — спросила мама, когда я тронулась с места.

— Я дева. А у тебя какое оправдание? — не сводила я глаз с дороги.

— Ты, как твой отец, — покачала она головой. — Ты, кстати, отлично выглядишь, милая.

— Ага, — переключила я передачу.

— Ты сейчас должна сказать, что я тоже.

— Я лучше скажу, что у меня вши, и три только что сбежали.

Адам засмеялся, делая музыку тише. Из всех присутствующих больше всех мне нравился Жан. Он молчал и просто улыбался, не понимая, о чем мы говорим.

— Адам, как ты терпишь мою дочь?

— Я стал слабохарактерным подкаблучником. Господи, я ведь и правда таким стал.

Я посмотрела на Адама, и на его лице было выражение наигранного ужаса. Да, в актерском мастерстве ему не было равных.

— Ты просто джентльмен, — слышала я улыбку в голосе матери.

— Размазня, — прошептала я.

— Такими темпами я перееду к маме, — сказал мне Адам.

— Хорошо, давай, — пожала я плечами.

— К твоей маме.

— Удачи, — засмеялась я, смотря на него лишь мгновение, остановившись на светофоре. — Терпение в чемодан не забудь положить.

Он смотрел на меня с такой нежностью, и я улыбалась ему в ответ. Он делал то, что я попросила. Только для полноты всего этого вранья не хватало моих счастливых глаз.

Я остановилась около своего дома, и Адам помог донести Жану чемоданы. Когда он стоял рядом, возвышался надо мной в росте. Мне нравилось то, какой я была миниатюрной рядом с ним. С Адамом я чувствовала себя не только женщиной, но и другом, которого он был готов закрыть собой от всего мира.

Поставив чемоданы, Адам пришел на кухню, обняв меня за талию, и уткнулся лицом в мою шею.

— Я остаюсь, ты ведь знаешь?

— Где? — спросила я в недоумении.

— У тебя. Ты сказала, что не хочешь, чтобы мы жили у меня, пока твои родители тут, зная, что мое предложение гораздо логичней. Значит, я остаюсь у тебя, — поцеловал он мою шею, легко прикусив кожу.

— Тут моя мама.

— Я не сказал, что буду трахать тебя каждый час. Я сказал, что остаюсь с тобой.

— Разве это не одно и то же? — толкнула я его локтем.

— Нет, — сильнее прижал меня Адам к себе. — С тобой я начал путать день с ночью.

В кухню вошли мама с мужем, и Адам снова сказал Жану что-то на французском, целуя меня в щеку. Затем мужчины ушли в комнату, и я смотрела Адаму в след. Планировка моей квартиры для Эмили была отвратительной, но мне нравилась — кухню с гостиной разделала только арка, и я в такой момент могла смотреть на Адама, наслаждаясь его видом.

— Что готовим? — повернулась я к матери.

— Какие у тебя есть продукты? — открыла она холодильник.

— Практически ничего. Я жила у Адама, — избегала я смотреть ей в глаза.

— У вас будут потрясающие дети, — улыбалась она.

— Мам, перестань, — покачала я головой без тени улыбки. — Пожалуйста.

— Он на тебя так смотрит, — все не успокаивалась она. — Как на кусок мяса.

— Мужчина не должен смотреть на женщину, как на кусок мяса, — нахмурилась я.

Она достала несколько пакетов из морозилки, кладя их в микроволновую печь. Я же достала макароны из тумбы, собираясь делать стандартное блюдо.

— Милая, поверь, несколько лет в браке, и тебе будет нравится, что он смотрит на тебя, как на кусок мяса.

— Я часто причиняю ему боль, — смотрела я на спину Адама.

Мужчины сидели на диване и смотрели футбол. Я была дома. Нет, не в плане территории, просто тут был Адам. Я застыла на нем.

«Долго единственной целью моей жизни было саморазрушение. А потом мне вдруг захотелось счастья». Фредерик Бегбедер.

— Ты тонешь, Донна, — сказала мама, вырывая меня из раздумий.

— В чем?

— В Адаме. Он, можно сказать, твой океан, но в то же время твой спасательный круг.

— Нет, он тот, кто разбудил меня, — открыла я бутылку вина, наполняя им бокалы. —

А на плаву меня держала Эмили.

— Красиво сказала, — сделала мама лоток.

— Слова порой бывают непредсказуемы. Мои причиняют боль тем, кого я люблю.

— Потому что ты такая, Донна. Ты говоришь, что думаешь, но... — посмотрела она на меня, прервавшись на мгновение. — При этом часто не думая совсем.

— Это правда, — грустно улыбнулась я. — Так что приготовим?

— Пасту.

— Пасту? — спросила я, с отвращением.

— Доченька...

— Давай, еще один совет, — перебила я ее.

— Донна, нельзя, чтобы мужчине слишком нравилась домашняя еда.

— Почему?

— Потому что он никогда не поведет тебя в ресторан.

— Ты только что сделала такое выражение лица, словно открыла для меня мир

истины, — засмеялась я. — Что ты делаешь, когда хочешь уйти от мира?

— Покупаю платье, — улыбнулась мама. — Я серьезно, милая. Купи платье, и все решится само собой.

Вечером, когда мама с Жаном ушли в комнату для гостей, я приняла душ и, войдя в свою спальню увидела Адама, который лежал на кровати и читал какую-то книгу. Он был в очках, и я остановилась в дверях, наблюдая за ним. Мне кажется, что в какой-то момент я смогу все начать заново с кем-то, и, скорее всего, этим человеком будет Адам.

«Какие моральные ценности могут быть в мире, где курить начинают в двенадцать, а читать книги почти никогда?» Хит Леджер.

Я не помню, когда впервые прочла книгу и получила удовольствие. Но помню, что потом каждый раз, дочитывая очередную, начинала что-то заново. Кажется, так было всегда — моя непреодолимая жажда быть где-то в другом месте и чувствовать себя другой. Эти ощущения давали мне только книги. Меня часто мучает бессонница, и я никогда не тратила ее на мысли или любовь. Это всегда были книги, и я видела в бумаге свою жизнь. Свои чувства, как и пустоту небытия, я заполняла лишь этими страницами.

«Смысл жизни не в том, чтобы ждать, когда закончится гроза, а в том, чтобы учиться танцевать под дождем». Вивиан Грин.

Адам поднял голову и отложил книгу, улыбаясь.

— Не знала, что ты читаешь в очках, — не могла я перестать смотреть.

— Иногда. А ты?

— Я никогда не носила очки, — легла я на другую сторону кровати. — У тебя бывает такое, что ты хочешь оказаться в любом другом месте, кроме того, где сейчас?

— Да, — снял он очки.

— И что ты делаешь в тот момент?

— Я еду к тебе, — ответил Адам, обнимая меня, прижав к себе за талию. — Где бы ты ни был, тебе всегда нужен лучший друг.

— Сесилия Ахерн сказала это, — прижалась я к нему. — О чем ты думал в юности?

— О том, что после окончания школы у подростков должен быть год, когда он сможет насладиться самыми лучшими годами в своей жизни и понять, чего он по настоящему хочет.

Как я влипла? Как купидон мог стрелять, даже не спрашивая у меня, хочу ли я этого? Мы живем в циничное время, и больше нет такого понятия, как роман. Теперь это называется интрижка, которая сегодня есть, а завтра больше нет.

Адам прижал меня к себе, поглаживая мою кожу. Наши сердца так громко стучали, словно жили отдельной жизнью. Мне нужен был тихий причал после Алекса.

Любовь — это всегда хорошо. Просто мне нужна свобода и чуть-чуть времени разобраться в себе.

— Когда ты живешь в таком городе, как Нью-Йорк, встречаешься со многими женщинами, — тихо говорил Адам. — Со временем это так приедается, что в конечном итоге ты встречаешь женщину, которая не смотрит на тебя. И потом понимаешь, что тебе нужна та, которая просто сможет тебя рассмешить.

— Мне кажется, я не создана быть с кем-то.

— Ты создана для меня, Донна, и мы со всем разберемся.

— Почему ты все время встречался с разными женщинами?

— Я проводил с ними время, вот и все.

— То есть, ты знал, что у вас ничего не выйдет, но все равно с ними встречался?

— Нет, — хмыкнул он. — Я спал с ними. Они были как новый костюм, но последний размер, который явно маловат для меня. Я понимал, что костюм не мой, но все равно хотел примерить.

— Господи, ты отвратительный, — улыбнулась я.

— Ты на кровати, и ты со мной. Я знаю, что твоя мама через две комнаты, но выключи свой мозг и делай то, что я говорю.

Голос Адама был как снотворное, но его тело было полной противоположностью, и я снова утопала в нем.

— Сосредоточься на мне, Донна, — смотрела на меня Адам. — Забудь обо всем. Есть только мы вдвоем.

Его глаза сверкали, и я видела в них свет. Удивительный оттенок, не похожий ни на какой другой, и Адам обхватил мое лицо ладонями.

Когда я проснулась, первой моей мыслью было сбежать. Но второй, как прекрасно это утро. Те люди, которые его не любят, просто никогда не просыпались рядом с Адамом Майколсоном. От нежных прикосновений, вибраций, проходящих по телу. Обычно так было, но не сегодня. Я почувствовала в квартире запах кофе. Солнце освещало комнату, но Адама не было рядом. Он всегда ждал, пока я проснусь, лежа рядом.

Я надела его рубашку и отправилась на кухню. Кофе стоял на барной стойке, и какие-то бумаги были разбросаны по столу. Шум воды слышался через дверь ванной. Я постучала, но Адам ничего не ответил. Я взяла чашку, наслаждаясь странным вкусом любимого напитка. Адам делал всегда потрясающий кофе, немного горьковатый, но такой удивительно вкусный.

Мои глаза метнулись к бумагам, и первое, что я заметила, это свои инициалы. Прочитав несколько строчек, я заметила, что мои руки дрожат, и я поставила чашку на стол. Там была вся моя биография. И под «все» я действительно имею ввиду все — детство, семья, родня, первая разбитая коленка, друзья, школа, институт и какой сэндвич я ела на завтрак двадцатого марта 2000 года. Дверь открылась, и Адам вышел из ванной. Я подняла на него глаза, пытаюсь сохранять спокойствие. Его лицо было в ссадинах, кожа на руках стерта, и грудь в синяках.

— Что случилось? — спросила я шепотом.

Он вздохнул и направился к кофеварке. Обычно Адам целовал меня утром, и сегодня, когда он впервые не сделал этого, я поняла, как привыкла к этому жесту.

— Я думал, ты будешь еще спать, — ответил он без каких-либо эмоций на лице.

Полотенце прикрывало его бедра, но его торс был весь в ушибах. Я все чувствую. Малейшее изменение его настроения или отношения я почувствовала сразу. Я хотела дотронуться к нему, но Адам отпрянул, как только я подошла ближе.

— Поговори со мной, — сказала я.

— Донна, я почти убил того мужика утром, и как бы мне не было с тобой хорошо, я не люблю вранья.

Его взгляд был страдальческим, но в то же время устрашающим.

— Я не вру тебе, Адам.

— Да, ты просто не договариваешь. Я знаю. Я могу смириться с тем, что ты умалчиваешь о многих вещах, но не о том, что узнал.

— Что ты узнал?

— Ты была с ним. Он издевался над тобой, бил тебя. И ты была с ним! Почему ты, черт возьми, не ушла?

Я столько лет пытаюсь забыть Алекса. Столько лет пытаюсь начать все заново, но чем больше думаю об этом, тем медленнее иду к чему-нибудь, что не связано с ним. Такое чувство, что он сломал меня для всех остальных. Он не бегал за мной, он слушал меня. Он говорил. Я помню, как впервые увидела его. Как впервые он улыбнулся мне, и то, как мы смотрели друг на друга. Я не видела больше никого, кроме Алекса, даже если бы мир исчез совсем.

А потом я увидела его настоящего, но бежать было поздно. Я так хотела быть гордой, быть сильной все эти годы, но все прекращалось с наступлением ночи. Каждый парень после него был мне в тягость, и меня преследовало чувство, что я не смогу быть больше ни с кем по-настоящему в этой жизни.

Мир затих. Я снова оказалась в том времени, в том ужасе, в который никогда не хотела возвращаться. Я просто молчала. Я не знала, как сказать ему о том, чего боялась. Многие люди думают, как можно бояться и не уходить? Но на самом деле я боялась исхода того, что будет после.

— Я на минуту, — сказала я, отходя от него.

— От меня ты уходишь, когда я повысил голос и даже не говоришь мне перестать, а он издевался над тобой, и ты была с ним, несмотря ни на что. Нужно было убить его, — выругался Адам.

— Нет! — смотрела я на него со злостью. — Ты не знаешь всей правды, Адам. И ты не такой.

— Я такой. Я именно такой, Донна, — пронзал Адам меня взглядом. — Я убивал и, знаешь, не жалею об этом. Наверное, многих бы съедала совесть или чувство сожаления, но я готов убивать каждого, кто причиняет боль другому человеку.

Я со страхом смотрела на него, словно пытаюсь запомнить. Каждую черту и родинку. Он словно был тенью, и я видела в его глазах взгляд Алекса. Это их и связывало.

— Боже, моя голова, — села я кресло, держась за поручни. — Что это?

— Скоро все будет в порядке, Донна, — подошел ко мне Адам. — Скоро все будет в порядке.

— Ты мне что-то подсыпал?

— Засыпай, — поднял он меня на руки. — Я все исправлю.

Больше я не помнила ничего. Глаза Адама были последним что я видела, прежде чем отключиться. И теперь я увидела в них совсем не небо, а что-то темное, чего не видела никогда прежде. Ни в ком.

«Ночью, ложась спать, она натягивает на голову одеяло, чтобы спрятаться от жизни». Табор Фишер.

Я с трудом открыла глаза. Поднимаясь с кровати, осматривала место, в котором находилась. Это была обычная квартира, и, увидев дверь в другую комнату, я испытала секундное облегчение. Все было слишком странно и непонятно. Мне нужно было скорее узнать, что, черт возьми, происходит. Я поспешила к двери, пытаюсь найти хоть какой-то знак, оставленный Адамом. Или Алексом. Я помню, как Адам что-то мне говорил, прежде чем я потеряла сознание. В тот момент у него были другие глаза, а моя биография, открытая на странице отношений с Алексом, лежала на столе. Открыв дверь, я оказалась в следующей комнате, снова осматриваясь. Она была пуста. Совсем. Ни одного предмета мебели, а лишь еще одна дверь. Открыв ее, я оказалась в ванной. Я чувствовала подступающую панику, увидев свечи. Много свечей. О моем предпочтении к шоколадному запаху знал Адам. Лишь Адам, а не Алекс. Где я, черт побери? Меня смешила моя правда. Он запер меня тут, чтобы найти Алекса. Но моей вины во всем этом было не меньше. Я решила остаться тут и, найдя в верхнем ящике спички, зажгла все свечи. В конечном итоге я просто расплакалась, сев на холодных кафель. Смотря на теплый свет, который дарил свечи, я почувствовала, что мне создали идеальную обстановку для воспоминаний. Я чувствовала одиночество. И это был не просто один день. Это и были все дни моей жизни — сплошные воспоминания и одиночество.

Моя мать всегда говорила мне, что я сильная. Что я сильнее обстоятельств. Но какие могут быть причины у судьбы столько раз испытывать меня на прочность?

— Как ты себя чувствуешь? — услышала я голос Адама.

Я подняла голову и со злостью уставилась на него. Я ведь даже не услышала, как он вошел, и задалась вопросом, чем же он занимался на самом деле.

— Это все, что ты хочешь знать?

— Нет. Я хочу знать, почему ты не сказала, что виделась с ним?

— Это не твое дело, — ответила я, пытаюсь выглядеть спокойной. — Ты не мой мозгоправ. И я не хочу, чтобы ты подходил ко мне ближе, чем на миллю.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал, Донна? — направился Адам ко мне со звериной грацией. — Ты вечно убегаешь, и мне надоело тебя догонять.

— Когда я выберусь отсюда, возьму судебный запрет, чтобы ты так не перетруждался.

Я боялась и злилась в одно и то же время. Адам не шутил, и я увидела его совсем другим — сильным и жестоким.

— Я почти не испытываю желания запереть тебя в своем доме и привязать к кровати.

— Все, что у тебя осталось — лишь желание, — встала я на ноги. — Что тебе нужно?

— Я дам тебе совет, Ди...

— Мне нахрен не нужны твои советы, — перебила я его. — Говори, что тебе нужно, и я поеду домой.

— Если тебе необходимо с кем-то поговорить, тут есть Меган, и могут привести Эмили.

— Она знает, что я тут? — подошла я к нему впритык.

— Нет.

Я замахнулась и ударила его кулаком по лицу. Сильно. От неожиданности Адам пошатнулся и уставился на меня. Его ноздри раздулись от злости, и я хотела, чтобы он тоже почувствовал боль, пусть и физическую. Внутри меня все бушевало, ведь мне снова вдали. И самое отвратительное, что я снова хотела довериться.

— Попробуешь впутать ее сюда, и твоя жизнь до этого покажется тебе раем.

— Я пришлю Меган, — направился он к двери. — Потом поговоришь со мной.

— Пошел ты, — крикнула я.

— У тебя нет другого выхода, Донна.

Он хлопнул дверью, выходя из ванной. Я пробежала две комнаты, но, оказавшись на месте, поняла, что это было зря — он снова запер меня. Это был финал или еще один этап игры. Но я хочу понять. Понять зачем приехал Алекс и почему Адам пытается разворачивать осиное гнездо. Я проиграла тогда, но как теперь все предотвратить?

Я прошла к окну, смотря на незнакомый горизонт, когда дверь снова открылась. Повернувшись, увидела Меган. Все окружающие меня люди вдали. Почти все. За последние года я поверила нескольким, и даже мой психолог оказалась подставным лицом, мотив которой я до сих пор не поняла.

— Донна, — качнула она головой, садясь на диван. — Как вы себя чувствуете?

— Мне нужно позвонить родным, — ответила я. — Проваливайте.

— То, что я работаю с ФБР, не значит, что они хоть слово слышали от меня о вас, Донна. Вы мой пациент, а я слишком дорожу своей репутацией. Садитесь, — показала она на место рядом с собой. — Вы тратите время на друзей, работу и самоуничтожение. А как насчет того, чтобы побыть просто наедине с собой?

— Я не творческая личность, док, — села я рядом. — Меня все устраивает.

— Одиночество очищает сознание, вы знали? — была она все так же спокойна. — Вы каждый день получаете столько информации, что вам просто необходимо спокойное место. Прислушайтесь к своему внутреннему голосу, Донна. Когда вы отгородитесь от эмоций внешнего мира, гораздо проще сделать правильные выводы.

— Разве вы не для того тут, чтобы говорить мне, какие выводы делать? — спросила я с ноткой сарказма.

— Никогда, Донна, — встала она с места, направляясь к выходу. — Вы нуждаетесь в моих вопросах, потому что, пока вы развязываете запутанный клубок, я могу держать вас на плаву. И еще, — сказала она, прежде чем выйти. — Примите душ и поешьте.

Я ничего не ответила, но все же душ был кстати. Поскольку, судя по всему, я никуда не торопилась, направилась в ванную, включила воду, снимая с себя одежду и окунаясь в теплую воду. Есть мне совершенно не хотелось. Я была раздавлена и в то же время зла на Адама. Он первый, кому я открылась спустя много лет, и снова обожглась. Мы говорили с ним о многих вещах, но только не о прошлом. Эта тема была закрыта для нас обоих. И сейчас я поняла, что была душой и не догадалась, в чем была причина его вечного надоедания. Он просто хотел через меня узнать что-то об Алексее. Но зачем? Что Алекс такого сделал, что ФБР Соединенных Штатов взялось за него?

— Она часто меня бесит своими истериками на ровном месте, и я уже не один раз пытался от этого сбежать, — снова голос Адама заполнил помещение. — Но, когда наступает тишина, без ее бесконечных эмоций я начинаю понимать, что упускаю что-то важное и нужное. И мне снова становится ее бесконечно мало.

Я молча дослушала его и в моей голове вертелась другая цитата: «Недостаточно иметь

план, надо действовать». Энн Юргенс.

— Это не ты сказал.

— Ты права.

— Что я тут делаю? — спросила я, не смотря на него.

— Ты часть операции, Донна, — подошел ко мне Адам. — Не имеет значения, кто бы это сделал, я или кто-то другой. Тебя бы все равно заперли. Ты меня ненавидишь?

— Нет, — посмотрела я на него. — Ты будешь делать это за нас двоих.

— Я научу тебя, как правильно вести себя. Мне нужно, чтобы ты не сломалась при допросе.

— Я умею стоять, Адам, — с презрением смотрела я на него. — Стоять там, где другие падают в пропасть.

— Я расскажу, и тебе придется меня слушать.

— Моего послушания можешь не ждать. Но я тебя выслушаю.

— Может, поговорим, когда ты выйдешь из ванной?

Я поднялась с воды, становясь перед ним во весь рост. Адам выглядел безумным, словно готовился к сражению со мной, заранее продумывая стратегию.

— Ты чего-то тут не видел? — провела я пальцами по груди. — Может, моих набухших сосков, или складочек, которые блестели каждый раз после твоих касаний? — дотронулась до внутренней стороны бедер. — Или ты все-таки в чем-то нуждаешься?

— Не играй со мной, Донна, — зарычал он, схватив меня за шею. — Я ведь могу вести свою игру.

— Ты не представляешь, сколько боли я могу причинить тебе, — усмехнулась я, притягивая его к себе за волосы. — Держись от меня подальше.

— Поцелуй меня, — потребовал Адам, перемещая руки мне на талию. Я не шевельнулась, и он склонился ко мне, беря в ладони мое лицо. — Я твой. И я никому не позволю занять мое место. Я убью того, кто попытается это сделать. Я буду единственным, кто будет прикасаться к тебе, и только мои губы будут целовать тебя.

Он поцеловал меня до боли в губах, а после зарылся лицом мне в шею, при этом тяжело дыша. Я чувствовала всю правдивость его слов. Наверное, я сходила с ума, раз меня еще сильнее тянуло к Адаму. Среди тысячи идеальных тел я выбрала совсем не идеальную душу. Снова.

— Я никогда не хотел рыться в твоих личных вещах, Ди, — смотрел он на меня. — Это твоя тайна, твоя страна, и я не хочу нарушать твоей таинственности. Но у меня не было выбора. Я должен был, но все было по-настоящему. Всегда.

Я сомневалась в его словах, но не подала виду. Адам поднял меня на руки, завернув в полотенце, и направился в кухню. Затем посадил на стул от барной стойки, а сам начал доставать продукты из холодильника. Не знаю, что он собирался готовить, да и честно говоря, мне было плевать. Я была зла, унижена, разочарована и возбуждена. Я больная на всю голову, ведь так долго осуждала его. Но сама делала поступки гораздо хуже. Адам далек от моего гения и героя. У меня уже был герой, и ничем хорошим это не закончилось. Эмили говорила: «Леди никогда не кричит». И, может быть, с открытием чего-то нового Адамом в моей жизни появится хоть какой-то порядок.

Я подошла к окну, боясь заплакать, показав этим свою слабость и страх в одно и то же время. В какой-то момент перестала нормально дышать, стоя к Адаму спиной. Сегодня было холоднее, чем вчера. Я видела это. Погода прибавляла грусти, хоть и дело было далеко не в

ней. С моей души получилась бы потрясающая проститутка. Но все же мои ладони всегда кто-то грел, и несколько недель назад я поняла, как важен кислород. Как важно дышать, несмотря ни на что. Несмотря на эту зиму, на холод и неправильные шаги.

— Тебе нужно поесть, — сказал Адам, подходя ближе.

Желание «выть на луну» становилось сильнее. Слишком многое произошло, и как только я начала снова дышать с приходом Адама, он же и сделал так, чтобы я задохнулась.

— Донна, — обнял он меня за плечи. — Ты дрожишь.

По моему лицу текли горькие слезы, и Адам развернул меня к себе. Он зарычал и притянул в свои объятия. Затем взял на руки, и, когда сел на софу, я обняла его за шею.

— Прости меня, — сказал он тихо, положив подбородок на мою макушку. — Я хочу защищать тебя, но также хочу сделать свою работу. Прости, что оставил тебя здесь, — Адам одаривал поцелуями мои волосы. — Ты моя, Донна, и я прошу, помоги мне.

Я смотрела на Адама и только сейчас поняла, что именно эти черты характера, как непредсказуемость и опасность меня в нем и привлекали. В конце концов, мир — это непредсказуемое место встречи. Мы привязаны к идеалам, людям, вещам и эмоциям, которые не нужны. Наше представление о мире не соответствует действительности, и пора бы уже с этим смириться.

— Расскажи мне все.

— Я был бунтующим подростком. Родителям со мной было трудно, и однажды в порыве злости я сел за руль и сбил женщину, — смотрел он мне в глаза, сильнее прижимая за талию. — Она не умерла, но пролежала в коме определенное время. Тогда мне было девятнадцать, и вместо того, чтобы посадить за тяжкие телесные, мой отец подключил связи, и я работал на благо страны несколько лет. Именно там я и познакомился с Брайаном.

— Вы с ним лучшие друзья?

— Да, — усмехнулся Адам. — Наша дружба не заключается в том, чтобы выпить вечером пива и посмотреть футбол, точнее, не только в этом. Мы прикрываем друг друга.

— Что с той женщиной? — перебирала я его волосы между пальцами.

— Она жива, и сейчас все хорошо. Каждый год она отдыхает и посещает врачей в частной клинике. Я навещаю ее. Ее зовут Эмилия.

Адам проговорил ее имя с такой любовью и, возможно, даже привязанностью. Я поняла, что совсем не имела представления о его жизни. Я судила и осуждала его долгое время, несмотря на то, что говорила это несуществующему человеку.

— Почему я тут?

— Расскажи мне о своем прошлом с Алексом.

— Нет, — сорвалась я с места. — Я ничего тебе не расскажу. Ты как бы еще больше пошатнул мое доверие.

— Посмотри на меня, — крикнул Адам, поднимаясь с места. — Посмотри.

— Я смотрю, — изучала я его лицо.

— Никогда не спорь со мной, Донна, — не отводил он взгляд. — Ты не выиграешь войну со мной.

Его ровно очерченные мышцы груди были идеальными наощупь даже через футболку. Я смотрела ему в глаза и не боялась. Адам словно знал, что я сделаю по-своему, поэтому подвинулся ко мне, положив руки по обе стороны от столешницы, беря меня в плен. Я смотрела на него, и мое сердце стучало, как сумасшедшее.

— Я чувствую твой страх, Донна.

— Нет, ты его видишь, — ответила я. — Я не видела Алекса много лет.

Адам схватил меня за плечи и посадил на тумбу.

— Настоятельно рекомендую рассказать мне все.

— Я сказала все, Адам, — покачала я, головой. — Раньше мы встречались, и я не видела его много лет.

— Мне этого недостаточно, — не сводил он глаз с меня. — Я не хочу подпускать к тебе кого-то другого. Ты понимаешь, что, если я не узнаю, что он задумал, тебя допрашивать будет другой, и это будут не мои методы, черт тебя дерит, Донна! — кричал он.

— Я тебя не боюсь, Адам, — смотрела я ему в глаза.

— Потому что я тебя не пугаю, — отошел он, проведя пятерней по волосам. — Донна, я главный, и точка. Я не унижаю тебя, если ты сама не решишь, что я это делаю. Я думаю, планирую, решаю и действую. Я не буду учить тебя, как подбирать туфли и помаду. Ничего не смыслю в готовке и яркости выражении чувств, — снова обратил он свой взор ко мне. — Но бога ради, дай мне возможность быть сильнее и защитить тебя.

— Если я все расскажу тебе, мне нужна будет защита, — пыталась я сдержать слезы.

— Я разрушу весь мир, если с твоей головы упадет хоть один волос, — обнял он меня, убаюкивая. — Ты небезразлична мне, и я взял это дело, только чтобы защищать тебя. Ты мой друг. Ты больше, чем мой друг, и прошу тебя, помоги мне.

Адам взял меня за ягодицы, не дожидаясь моего ответа, и поднял так, чтобы я обхватила ногами его талию. Мне казалось, что я стонала и мурлыкала, как кошка, от удовольствия. Он был мне нужен. Я запустила руки в его волосы, и Адам направился в спальню, бросая меня на кровать. Его голубые глаза излучали блеск, когда он смотрел на меня, и мы просто растворились друг в друге.

Он откинул полотенце, и я закинула правую ногу ему на плечи, а левой обняла бедра. Губы Адама обрушились на мои, и я отдалась ощущениям. От его прикосновений становилось жарко, и он нашел мои руки, чтобы завести их себе за шею. Из моего рта вырвался отчаянный стон, и в этот момент больше ничего не имело значения.

— Донна...

— Я чувствую то же самое.

Мне захотелось, чтобы он слетел с катушек. Я не желала играть в этот момент и замечала, что с Адамом я всегда предпочитала чувства. Его теплота поражала меня до мозга костей. Поцелуи Адама всегда были бесконечно чувственны, и он ловил мои вздохи, словно нуждался в них, чтобы дышать.

— Остановись, — сказала я, тяжело дыша. — Остановись и ляг на спину.

Мгновение я видела непонимание на его лице, но он сделал то, что я сказала. Я сняла с него неприлично дорогую рубашку и расстегнула ремень брюк.

— Я хочу чувствовать твое тело, — не отводила я взгляд. — Целиком.

Я прикоснулась своими губами к губам Адама, и он сразу притянул меня к себе.

Я спустилась к его шее, затем облизала соски и взяла в руку член, немного сжав.

Проведя ладонью по всей длине, я облизала головку. Адам зарычал, потягивая меня за волосы, и я улыбнулась. Какой бы стервой я не пыталась быть, но все же была женщиной, и мне нравилось, когда мужчина сходил с ума по мне. Адам увеличивал темп, направляя меня. Он был так требователен, и это было совсем на него не похоже. Я сильно сосала его член, а он стонал и извивался подо мной. Легко проведя подушечками пальцев по внутренней стороне его бедер, я взяла в руку мошонку.

— Боже, Донна, — зарычал он. — Сбавь обороты.

Я пытаюсь взять его в рот целиком, меняя темп. Адам стонал и это стало спусковой кнопкой для меня. Я слышала собственные стоны, которые заполняли комнату, и уже была готова взорваться. Адам в следующее мгновение резко поднял меня за руки, переворачивая на бок, и заполнил меня.

Меня словно током ударило. В одну минуту он поразил меня, и мне захотелось большего. Его взгляд, полный обожания и вожделения, все сказал за него. Адам поднял меня за ягодицы, переворачивая на спину, и я обняла ногами его талию, предоставляя лучший доступ.

— Ты словно сделана специально для меня.

— Я не загадываю так далеко.

Мы двигались шумно и медленно. Адам был немного жестковатым и требовательным, и я просто растворялась в нем. Мне нужно было нажать на нужную кнопку, но Адам никак не давал мне дойти до конца.

— Ты хочешь кончить? — спросил он, тяжело дыша.

— Да. Адам, пожалуйста, — вскрикнула я, когда он резко вышел и так же заполнил меня снова. — Черт тебя дерь, Майколсон! — обняла я ногами его спину.

— Давай вместе, детка, — зарычал он, прикусив мою губу и опускаясь к груди.

Адам сделал еще несколько толчков, облизывая и покусывая мои соски, и мы вместе пришли к кульминации. Я задыхалась, вцепившись ногтями в его плечи. Я словно увидела звезды в конце, и сейчас имела ввиду далеко не Голливуд. Я не сравнивала его ни с кем, ведь Адам заслужил звания «несравненный».

Я пропустила его волосы сквозь пальцы и нежно поцеловала, прикусывая плечо. Он все еще лежал на мне, и мне нравилась тяжесть его тела.

— Мне хорошо с тобой, — прошептала я ему в губы.

— А больше мне ничего и не надо, — скатился с меня Адам.

— Мы ужасно потные.

— Нет. После такого секса мы прекрасно потные, — улыбнулся он.

— Ты сейчас такой милый, что я диабет получу.

Он начал смеяться, и его грудь поднималась и опускалась с каждым смешком. Мне нравилось, что именно я являюсь причиной его улыбки. Я лежала голая под одеялом в объятьях Адама, балансируя на грани блаженства и обморока.

— Мне сложно иногда, — прошептал он.

— Я могу тебе помочь?

— Да.

— Как?

— Приезжай ко мне, хотя бы ненадолго.

— О чем ты говоришь, Адам? — пребывала я в недоумении.

— Я дам тебе ключ. Ты всегда можешь прийти в мой дом. Я хочу, чтобы ты целиком

была со мной без каких-либо отговорок. Хотя бы иногда.

Я не ответила ничего, оставляя очередную недосказанность. Наша жизнь — цепь обстоятельств, и чаще всего неудачных. Мы, женщины, сходим с ума от отсутствия мужчин, но в то же время сходим с ума, когда они слишком навязчивы.

Почему все говорят, что настоящая любовь должна быть трудной? Почему люди считают, что не могут встретиться в кафе, например, за чашкой утреннего кофе, поговорить о театре, картинах, плохой погоде или книгах. Иногда нам в жизни необходима сказка. Например, встретить мужчину, который подвезет тебя на машине, включит обогреватель как раз в тот момент, когда ты в новых туфлях попала под дождь. Или, когда ты видишь художника, который рисует картину на улице, и для него его мольберт — весь мир. Ты стоишь и смотришь на него, понимая, что с этого момента ты остановилась. Остановилась в поиске, в мечтах, и жизнь запечатлелась. Не всегда настоящая любовь сложна. Бывает — встречаешь мужчину, который больше не позволяет тебе о себе забыть, и в конечном итоге ты привыкаешь к этому. Привыкаешь к нему в своей жизни, и как только он исчезает на несколько дней, чувствуешь это почти болезненно.

Я дала Адаму разрешение на установку камер в моей квартире. Разрешила следить за мной двадцать четыре часа в сутки. Мы должны рассказать всей стране, что вместе, и я так и не узнала, зачем это делать, но все равно продолжала подыгрывать. Он играл в свою игру, а я в свою. Но проблема была лишь в том, что меня затягивало, и я замечала, что чаще уже не играла, а чувствовала.

«Прекрасней весны может быть только молодость и любовь». Стивен Кинг.

Моя мать с мужем уехали, когда Адам сказал, что мы вроде как неожиданно оказались на каких-то островах. Не знаю, что я должна была чувствовать, но испытывала я именно облегчение, что не нужно будет объяснять и врать.

Адам сказал мне правду, так что я была ему должна. Сказать глаза в глаза я все равно бы не смогла, так что как только я вошла в дом, набрала его номер.

— Привет, — начала я, попадая на голосовую почту. — Я не расскажу тебе всего. Просто не могу, — покачала головой, хоть и понимала, что он все равно не видит. — Но я должна тебе за правду, а долги я отдаю. Жаль, что ты не узнаешь той Донны, которая жила семь или десять лет назад. Она бы тебе понравилась. Она была веселой и всегда смешной. Любила мир и доверяла людям. Ты бы полюбил меня, Адам. Тебе такие нравятся, но я все равно отличалась бы от них. В моих глазах ты бы видел не только мир, но и космос. Алекс — человек, который поломал меня, но в определенный момент также научил жить. Да, именно он научил меня понимать, что ничего не бывает надолго. Сегодня мы тут, а завтра нас уже нет. Всех уносит, только каждый выбирает сам, насколько далеко. Мы горели, и я любила его, — запнулась я на мгновение, собиралась сказать вслух второй раз в жизни следующее: — Мы ехали с очередной тусовки. Курили травку или еще что-то. Я была не в себе и вырвала у Алекса руль. Мы смеялись и, не заметив машину, которая ехала нам навстречу, попали в аварию. Я была за рулем и убила мужчину, который находился в другой машине, — не останавливала я слезы. — А потом Алекс взял всю вину на себя. Он защитил меня, и его жестокость проявлялась не сразу. Он не всегда был таким, Адам. Поэтому, если ты хочешь посадить его за решетку, я тебе в этом не помогу, — села я на диван. — Никогда. Он был рядом на протяжении многих лет. Я знаю его так долго. Алекс был свидетелем стольких моментов. Он читал меня как открытую книгу, и я любила его. Я буду помогать тебе, только если узнаю, что он сделал, и мало что заставит меня изменить свое решение. Я никогда не

изменю своим принципам и верности. Даже если ради этого придется пожертвовать тобой.

Чтобы не оставаться надолго одной, я оделась, спустилась на стоянку и, сев в машину, направилась подальше от этого места. Мне захотелось просто посидеть в парке, и я направилась именно туда. Купив чашку латте, я устроилась на лавочке возле фонтана, который сейчас стоял, как статуя, и ушла в свои мысли.

Жизнь — забавная штука. Порой плохие вещи происходят с хорошими людьми — и это несправедливо. В итоге, на сколько мы ни были бы людьми, монстры внутри нас берут верх.

Я так редко тут бывала. Родители гуляли с детьми, дальше за перегородкой люди выгуливали собак, и также я увидела художника. Я подошла ближе, чтобы посмотреть на его творение. Картина вызывала самые банальные, но в то же время запоминающие чувства. Парня, который, возможно, рисовал своих демонов и изображал их в огне. Его рисунок был неповторим, как отпечатки пальцев. Настолько индивидуально поразительным, что при одном взгляде на это произведение искусства человек терял счет времени. Сам художник был высоким мужчиной с поразительно умными и пронизательными голубыми глазами. Он смотрел прямо в душу, выкладывая все свои мысли на мольберт. Как часто мы смотрим и не видим? Но как редко мы можем не смотреть, но замечать? Я не знала характера, голоса и мыслей этого человека, но он был особенным или, как минимум, гением.

— Презрение — погибель, — сидела я очередной раз напротив Меган. — Отношения для тебя должны быть главным приоритетом. Ты их соблюдаешь?

— Я их даже не знаю, — откинулась я на спинку стула. — Мне никто ничего не говорит.

— Готовы ли вы отдавать всю себя кому-то?

— Нет.

— Готовы ли изменить это?

— Нет.

— Смогли бы признать свою ошибку?

— Да.

— Перед Адамом?

— Нет.

— Можете ли вы выслушать его?

— Да.

— Смогли бы сами рассказать ему обо всем?

— Нет.

— Что вы думаете о словах «честность» и «открытость»?

— Это законы, которые я не соблюдаю.

— Вы отличаетесь с ним, — усмехнулась она, смотря на меня. — Вы сильная, а он тренировочный.

— Что вы имеете в виду? — находилась я в замешательстве.

— У вас много энергии, Донна, но вы мало ее расходуете. Адам же расходует ее, даже если энергии у него в нехватке.

— Он экстраверт, но в то же время замкнутый, — поджала я губы, смотря на свои ногти.

— Когда вы это заметили?

— Недавно, — снова смотрела я на нее. — Также я заметила, что в нем вмещается бунтарь и консерватор.

Приехав домой, я долго не могла сомкнуть глаз. Что-то было не так. Я подумала, что

вскоре уеду на какое-то время. Буду купаться в бассейне с видом на бесконечность или сниму замок во французской деревне, в котором время остановилось. Мне нужно, чтобы моя тревожность уменьшилась, и мысли начали приходить в норму. Лучший способ распознать себя — это сделать перерыв в общении с окружающими.

Я так и не смогла усидеть дома и, сев в машину, решила поехать на остров Эллис. Но как только завела мотор, поняла, что хочу рассказать. Хочу рассказать своему другу, что что-то происходит и она нужна мне.

Я заехала за Эмили, и она даже не спросила, куда мы едем. Я любила ее за это. Несмотря на собственную семью на данный момент, я всегда и до сих пор остаюсь ее частью.

— Я просто не знаю, чего хочу на самом деле, — сидели мы в машине, наслаждаясь кофе. — Хорошее место, да?

— Да, — взяла меня за руку Эмили. — Расскажи мне, Ди. Я так хочу помочь тебе, пожалуйста, помоги и ты мне.

— Мне хочется думать о нем, — прошептала я, убирая руку. — Я не должна этого чувствовать, но я чувствую. Мне хочется мечтать. Мне нравится молчать с ним. Я ушла от Алекса, когда ты увидела очередные синяки. Ты годами не знала о них, а когда это произошло, я помню твою ярость, Эм, — взглянула я на нее, и по щекам подруги текли слезы. — Я сказала нет. Я боялась. Иногда мы мечемся от своих же секретов, и я слепо верила Алексу. Я думала, он станет прежним. Но ничего не менялось.

— Ты не его должник, Ди, — сказала подруга. — Он взял вину, потому что любил. То, что в тот вечер вы попали в аварию, нет твоей вины, а лишь его.

— Ты все бросила ради меня. Бросила свою жизнь, которую строила. Ты называешь меня своей совестью, а себя жестокой. Мы все чем-то жертвовали. И в твоей жизни я всегда хочу быть опорой, ведь ты всегда была моей.

— Послушай меня, — обняла Эмили меня за плечи. — Если тебе нужно уехать из этого места, я уеду с тобой. То, что я вышла замуж, не меняет того, что мы сестры, Ди. Я рядом, и буду, несмотря ни на что. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Тебя что-то гложет?

— Алекс вернулся, — прошептала я. — И я боюсь его.

— Черт, — видела я злость. — Я скажу Брайану, и он разберется.

— Нет, — покачала я головой. — Это уже делает Адам, и можно я приеду к тебе завтра, и...

— Да, — провела она ладонью по моей щеке. — Я буду ждать тебя. Если я попрошу, ты возьмешь отпуск на неделю?

— Да, Эм, но только есть ли в нем смысл?

— Я дам тебе смысл, обещаю.

«В жизни обязательно должны быть паузы. Такие паузы, когда с вами ничего не происходит, когда вы просто сидите и смотрите на Мир, а Мир смотрит на вас». Карл Ренц.

На следующий день мы с Адамом разыгрывали влюбленную парочку, давая интервью. Я отправила видео сразу, как записала, и Адам не спрашивал ничего до сих пор. Я поняла, что мне нужна будет Эмили. Снова. Мне нужны ее связи и информация, которую только она сможет достать.

— Сейчас мы сделаем все, что нужно, — обратилась я к Адаму, когда мы направлялись в студию. — А потом мне нужно к Эмили.

— Зачем?

— У нас что, отношения? — нахмурилась я.

— Донна, я хочу видеть тебя рядом с собой все время или на камере. Я не смогу тебя защитить по-другому.

— Майколсон, стоп, — повернулась я к нему. — Я и так отменила планы на всю оставшуюся жизнь, объявляя всему Штату о наших с тобой отношениях, так что не смей. Да, ты мне небезразличен, но давай будем честны, после того, что ты сделал, я не смогу тебе доверять.

— Донна...

— Нет, — перебила я Адама, не отводя взгляд. — Я хочу хоть что-то в своей жизни сделать правильно, поэтому давай мы дадим это чертово интервью, и все быстрее закончиться.

Интервьюер: Так это всегда было правдой?

Адам: Тогда я пытался ее позлить, — засмеялся Адам. — А сейчас мы вместе.

И: Когда вы решили, что пора?

Донна: Недавно.

А: С первой встречи. Что? — улыбнулся он, обнимая меня за талию, когда мы устремили на него свои взгляды. — Я просто скажу, что не хочу стирать свою одежду, пока она пахнет Донной.

Я была противником проявления чувств на публике, тем более фальшивых. Адам наклонился к моему уху, вызывая дрожь во всем теле.

— Детка, что бы я ни сделал, у меня есть доказательство того, что я этого не делал.

— Ты козел, — процедила я сквозь зубы.

— Ты такая милая, — поцеловал он меня в висок.

— Ты чокнутый.

— Теперь вы понимаете, почему я не мог пройти мимо нее, да? — спросил Адам, поцеловав костяшки моих пальцев.

И: Донна, вы когда-нибудь обижаетесь на Адама?

Д: Я не обижаюсь, а понемногу разочаровываюсь.

И: Адам, чего вы боитесь?

А: Разочарования Донны.

Я посмотрела на него и уже не понимала, где он играет, а где говорит искренне. Я думала какое-то время, что именно Адам займет место в моем сердце, теперь это было исключено. Я просто не смогу ему верить, хоть и дни с Адамом были гораздо короче, чем на самом деле. Он занимал разговорами, едой и чаще всего улыбками. Ну да, еще потрясающим сексом.

Я поцеловала его в губы немного дольше, чем позволяло приличие. Во взгляде Адама вновь воцарилась гармония. Я обвила его шею руками и улыбнулась. Другие люди смотрели на нас, и меня не волновало это. Я думала лишь о том, что в сердце Адама больше ни для кого не будет места. Пусть только сейчас. И пусть у нас нет будущего, но в это мгновение он смотрел на меня так, как не смотрел больше ни на кого другого.

— Чем я заслужил это? — спросил он, смотря на меня пронзающим взглядом.

— Я не знаю, чем ты в принципе заслужил меня в своей жизни, — прошептала я, проведя рукой по его щеке.

— Я не поверила бы в это, если бы только что не увидела вас, — улыбнулась интервьюер.

Адам засмеялся, и я против воли улыбнулась в ответ. У него был удивительный смех. Его смех заставлял меня смеяться.

После окончания этого спектакля Адам взял меня за руку и повел к машине. Все было, как того требует этикет: открытие и закрытие дверцы, умелые касания и смех, который всегда звучал вовремя.

— Я не могу сопротивляться тебе, Донна. Никогда, — сказал он, когда мы сели в машину.

— Какого черта? — посмотрела я на него со злостью. — Даже в такой момент у тебя эти слова изо рта вылетают, как по сценарию.

— Когда ты злишься, у тебя появляется морщинка между бровями, — улыбался Адам.

— Ты говнюк. Но знаешь, Майколсон, ты можешь. Ты просто выдумал и сам поверил в это. Я же могу.

— В этом моя беда, — тронулся он с места.

— Жаль, что идиотизм — не преступление.

— Тюрьмы были бы переполнены, а улицы пусты.

Всю дорогу мы молчали, и я чувствовала напряжение. Впервые я чувствовала его между нами. Нью-Йорк — город непостоянства и возможностей. В один момент я уверена в нас с Адамом, а в следующий не уверена в себе.

— Ты призналась, что я тебе нравлюсь, Донна, — сказал Адам, подъезжая к дому Эмили.

— Я думала, это и так понятно.

Я вышла из машины, хлопнув дверью. Черт, мое имя в его устах звучало как грех, и он так красив, что это сводит с ума. Я вошла в дом Эмили, и сейчас было главным сдержать ее от убийства. Я не смогу врать ей или даже недоговаривать. Я расскажу все, иначе сойду с ума от самоистязания, понимая, что Меган начала неистово копаться в моей душе.

— Привет, Эм, — вошла я в квартиру. — Мне нужно поговорить.

— Ладно, — переступила она гору вещей. — Я убирала шкафы, и ты услышала мои молитвы, придя сюда.

Я улыбнулась и обняла ее. Эмили всегда была именно тем человеком, с которым я могла разделить свои страдания и мечты. Но спокойствие Эмили дало слабину, и я видела переживание в ее глазах.

— По твоим словам в интервью ты любишь его, — направились мы в кухню.

— Мы стали чем-то большим друг для друга, Эм, — ответила я. — Но затем он сделал мне больно.

— А объяснения?

— Когда они требовались, он ушел, а спустя десять минут мне стало плевать. Было уже поздно.

— Ты не любишь его так, как он тебя, Ди, — покачала головой подруга. — Это всегда был Алекс, и никто кроме него.

— И я хочу дать ясно понять это Адаму, но он играет, а я не уйду из игры. Ты думаешь, что я делаю что-то не так?

— Дорогая, — обняла меня подруга. — Он никогда тебе не врал. Он доверяет тебе, пусть и так, как умеет. Ты считаешь, что ему никогда не причиняли боль, но на самом деле доверие не дается Адаму легко. Ты так усердно охраняешь собственное сердце, что даже не допускаешь мысли, что он также охраняет свое, только так, как умеет Адам Майколсон.

— Он играет, Эм, — потекли слезы с моих глаз. — Я знаю это.

— Он всегда знает где именно ты находишься, — отошла Эмили, доставая фаршированную рыбу из духовки.

— Потому что у него везде камеры, — нахмурилась я. — С самого первого дня, кажется.

— Да, — качнула головой Эмили. — Твои штрафы за парковку — тоже дело рук Адама. Ты уже долгое время для него единственная женщина на планете. Где бы ты ни оказалась, Адам всегда точно знает где тебя искать, — наклонила она голову с улыбкой на лице. — Правда, я замечала это. Он может с кем-то разговаривать, но всегда краем глаза следит за тобой.

— Я подумала о том, что, если он поступает непонятным для меня методом, то я не буду думать, почему именно. Он посчитал, что так лучше, значит, этого достаточно. Я не хочу думать за него, Эмили. Я хочу думать лишь за себя. Он знает, что некоторые вещи для меня непонятны, неприятны и порой недопустимы. Но чего я жду от человека, который ни к чему никогда не прикладывал усилий? Это была последняя граница. Пусть сам решает, что делать дальше, но уже без меня в союзниках. Границы — это уже законченные возможности. Он никогда не поймет, чем ради меня пожертвовал Алекс.

— Ну так расскажи мне.

Услышав этот голос, я вздрогнула от неожиданности. Повернув голову, увидела Адама. Он подошел ко мне и, положив руку мне на щеку, беззвучно сказал «привет». На мгновение все остальное перестало существовать, и прямо сейчас нечто новое переполняло меня. Эмили делала чай или кофе, а Адам сел напротив и взял мою руку в свою ладонь.

— Ты тратишь слишком много времени на вещи, которые этого не стоят. На людей, которые этого не стоят, но объясни мне. Может, я пойму? Seriously, как сейчас ты проводишь свое время? Постоянно пытаюсь разобраться в себе? Это ведет тебя к лучшей жизни? Помогает ли на самом деле тебе Меган, или это самовнушение? Ты не просишь меня о помощи, но где-то в глубине души, мы оба знаем, что я нужен тебе, Донна. Ты не только любовница, ты мой друг. Я могу с тобой разделить не только кровать, но и кухонный стол во всех его смыслах. И я получаю на каждый свой вопрос твой немой ответ, став повнимательней. Но я не могу понять, почему ты все еще защищаешь этого человека. Я схожу с ума от ревности, понимая, какую власть он имеет над тобой.

— Ты всегда чувствовал вдохновение к чему-либо? — смотрела я на Адама, сильнее сжимая его руку. — У тебя всегда была страсть к чему-нибудь?

— Да.

— А у меня это было только с Алексом, — прошептала я. — Он открывал для меня что-то по-настоящему волнующее и заставлял заниматься этим как можно дольше. Он научил меня различать: «мне необходимо», и «я хочу». Разучил терять драгоценные моменты. У нас было что-то особенное, а чувства шли как бонус.

— Хорошо. Ди, — встал Адам с места и присел возле меня, обнимая за талию. — Ты не живешь жизнью, которой хочешь, хоть и сама не разобралась до конца в своих желаниях. Ты не чувствуешь удовлетворенности, говоря, что не живешь по полному. Я могу помочь тебе. Я помогу тебе и сделаю твою жизнь просчитанным риском.

— Что толку волноваться, когда все кругом абсурдно? — услышала я Эмили.

— Давид Фонкинос, — сказали мы с Адамом.

— Молодцы, — усмехнулась подруга. — А теперь мы будем ужинать.

«Иногда все, чего хочется — это остаться дома и ни о чем не думать».

Ричард Йейте.

Правила правилами, а я следую душевным порывам. Или же сексуальным. Я захотела обнять его. Захотела слишком сильно, но в то же время я захотела его.

Дело именно в выборе? Мы так избалованы свободой выбора, что уже просто не можем выбрать? Мы думаем, что, если выберем что-то одно, то потеряем все остальное?

Я оставила машину у Эмили, и Адам отвез меня на мотоцикле. Мне нравилась такая зима, ведь было совсем не холодно, и я прижалась к спине Адама. Теперь все немного становилось на свои места. Эмили пыталась снова быть рядом, и Адаму, кажется, было не настолько плевать, как я думала. Он улыбался своей великолепно-беззаботной улыбкой, и я расслабилась.

«Ничего не бывает зря. Если вы что-то совершили, значит, в тот конкретный момент вашей жизни на том конкретном этапе вашего развития в данном поступке был смысл. И если вам кажется, что вы могли поступить по-другому, знайте — вы не могли».

Это цитата из сериала «Блудливая Калифорния», и мне пора пересмотреть всю свою жизнь. Всю мораль и религию, по которой я жила последние пять лет.

— Ты вернулся сегодня, — сказала я, когда Адам остановился возле дома.

— Не злись, — помог он мне стать на ноги. — Просто я много видел, и мне нужно было отвести тебя из поля боя и защитить. Доверяй мне.

— Я не злюсь больше, Адам, — поцеловала я его в щеку. — Но я не доверяю тебе сейчас и хочу кое-что попросить.

— Что угодно.

— Измени это. Помоги мне вспомнить.

Затем я развернулась и ушла. Когда вошла в холл дома, увидела знакомую фигуру и снова забыла, как дышать. Мое сердце стучало, и я чувствовала подступающую панику. Все самые жуткие воспоминания всплывали снова. Передо мной стоял он — мужчина, из-за которого я покинула свой дом, свою страну, свою прошлую жизнь, и он снова меня нашел. Я чувствовала многое, но точно не безразличие. Алекс годами был для меня всем, и как бы я ни пыталась, он всегда будет занимать какое-то место в моем сердце.

— Нужно менять замки, — сказала я, пытаюсь выглядеть спокойной.

— Мне плевать на это, — ответил он.

Я посмотрела на него и улыбнулась. Синяки на его лице были слишком свежими.

— У нас есть кое-что общее.

— И что же?

— Нам обоим нельзя верить, Алекс, — направились мы в квартиру. — Ты говорил, что тебе плевать. Так вот мне тоже. В моей жизни есть люди, которые любят меня, несмотря ни на что. Я долгое время жила во тьме и страхе полюбить, и в конце концов, привыкла к этому, закрывая свое сердце от всех. Ведь ты же понимаешь, что, если станешь причиной хоть одной моей слезы, обратно уедешь, в лучшем случае, на носилках.

— Ты его не любишь, как меня, Донна.

— Алекс, — обернулась я, прежде чем открыть дверь. — Так, как тебя, я не полюблю больше никого. Пусть ты и причинил мне много боли, счастья я испытала не меньше. День с тобой никогда не был скучным. И я не знаю, во что ты вляпался, что ФБР пытается закрыть тебя, но я не хочу подвергать тебя опасности. Я защищу тебя, если ты будешь осторожной.

— Почему ты делаешь это, Донна? — спросил он, ложа руку на мою щеку. — Зачем помогаешь?

— Не знаю, — усмехнулась я. — Просто мы так долго знакомы. И ты пожертвовал своей свободой ради меня.

— Я всегда спас бы тебя от тюрьмы, милая, — обнял меня Алекс. — Боже, как я скучал по тебе. Ты что-то чувствуешь к нему?

— Не хочешь зайти? — немного расслабилась я. — Выпьем кофе.

— Обычно мы курили травку.

— Кажется, мы повзрослели, — засмеялась я, открывая дверь.

Мы вошли в квартиру, и я заперла дверь. Алекс не осматривал помещение, в котором я жила, в отличие от Адама. Алекс знал меня, в отличие от Адама. Или просто Алекс знал ту Донну, которой больше нет, в отличие от Адама, который знаком с ныне существующей.

— Алекс, я хочу, чтобы ты уехал, — сели мы возле камина. — У нас другие жизни, и их нужно прожить.

— Когда ты злишься, ты больше не женщина, Донна, — взял он меня за руку. — Женщина в гневе гораздо агрессивней, чем любой мужчина.

— Почему?

— Твое мужское начало чище, и ты редко им пользуешься. Поэтому, когда ты используешь его, оно имеет такую остроту, с которой ни один мужчина не сравнится. Это как почва, которая не использовалась много лет — бросая зерно, получаешь рекордный урожай. Ты можешь редко надевать на себя маску мужчины, но, делая это, пресекаешь всю конкуренцию.

— Адам не будет мне подчиняться, — сказала я, пытаюсь забрать руку.

— Ты в этом уверена?

— Ты делаешь мне больно, — вскрикнула я, возвращая контроль над своим телом. — Зачем?

— Мне не нравится, что ты говоришь о нем! — зарычал Алекс. — Какого хрена? Донна, мы разберемся с этим ублюдком и уедем.

До меня дошел смысл его слов, и я судорожно сглотнула.

— Знаешь, чем вы отличаетесь? — повысила я голос. — Два меча в одних ножнах — это проблема. А уж кто-кто, а Адам научился их совмещать. Он бы никогда не поднял на меня руку, и я жалею, что позвала тебя. Убирайся!

— Донна!

— Еще шаг, и я нажму кнопку вызова, — вытащила я телефон.

Алекс покачал головой и, развернувшись, бросил об стену вазу, разбивая ее вдребезги. Я ожидала чего-то такого и, услышав звук хлопнувшей двери, вытерла вспотевшие руки. Я знаю, что, если бы не Адам, я лежала бы сейчас на полу с закрытыми глазами. Он даже на расстоянии защищал меня. Так странно, Адам был моим другом, защитником, слушателем и любовником. Я не была больна им, у меня были друзья, которые мне так же были жизненно необходимы, но он был словно отдельным органом. По крайней мере становился им. Мы, женщины, любим все усложнять по своей природе, мужчины же все упрощают. Нам не нравятся слабые мужчины, но ведь и не всем мужчинам нравятся сильные женщины. И такое счастье, когда ты находишь того, кто любит тебя со всеми твоими заморочками и недостатками.

Я смотрела в окно, останавливая взгляд на фонарях и проезжающих мимо машинах. Я

все-таки счастливый человек. Взяв листок и ручку, я написала Адаму письмо. Он говорил с другом пути раньше. Возможно, выкладывать свои мысли на бумагу и отправлять письма проще, особенно когда не в состоянии сказать об этом вслух.

«Привет. Иногда гораздо проще написать, нежели сказать. Ты был прав. Алекс — человек, с которым я была долгое время, и он приехал в Нью-Йорк за мной. Я сбежала из дома давно. Такое чувство, что целую вечность назад. Я уверена, что ты знаешь об этом из всей кучи бумаг, которые тебе предоставили, но хочешь услышать что-то от меня. Я не боялась его сегодня. Я знала, что ты сделаешь все, чтобы защитить меня. Ты как новогодняя елка. Ты светишься. Знаю, это звучит, наверное, немного смешно, ведь такое обычно говорят женщинам, но, если бы не этот свет, я не была бы счастлива. Иногда ты делаешь меня счастливой и заставляешь смеяться. С первой нашей минуты ты не давал мне шанса быть одной. И меня порой это злит, но я люблю то, что ты рядом. Я больше всего ценю в мужчине мужчину. И ты именно тот, кто наполняет мою жизнь безумием. Безумием, из-за которого я хочу жить. Безумием, благодаря которому каждый наш с тобой день — воскресенье».

— Адам, — сказала я, набрав его номер. — Мне нужно встретиться с тобой.

— Где?

— В парке. Через десять минут.

— Я буду.

Сейчас ночь, и я звоню мужчине, потому что на меня накатило вдохновение. И чувства: одиночество, грусти и любви. Говорят, ночью человек совершенно другой. Я думаю, ночью он просто человек, в этом и есть секрет нашей искренности, которую мы так отчаянно прячем днем. Ночью хочется не только заниматься любовью, но и говорить о ней. Это ведь так много, когда просто говоришь с человеком, показывая свой несносный характер, не всегда удачные шутки из-за только тебе понятного чувства юмора.

Приехав в парк, я вышла из машины и сразу увидела Адама. Я направилась к нему, останавливаясь напротив. Подняла глаза и улыбнулась. Он был в замешательстве, возможно, впервые. Я никогда не умела извиняться и надеялась, что Адам и так понимает, что мне жаль.

— Я переживаю по пустякам, ясно? — покачала головой. — Могу плакать из-за фильма и переживать из-за затянувших чулок. И я не люблю пауков.

— Донна, ты сказала мне выйти в час ночи, чтобы сказать об этом?

— Да.

Он засмеялся и притянул меня к себе. Он излучал столько теплоты, и каждая клеточка моего тела, каждый нерв жаждал почувствовать его еще ближе. Я представила себе свои ощущения, которые всегда дарил мне Адам. Как он двигался, когда я извивалась под ним от желания.

— Ты такая сумасшедшая, Ди, — слышала я улыбку. — Поехали, покажу тебе кое-что.

— Я не хожу никуда с незнакомцами, — улыбнулась я.

— Я тоже.

— Я на своей машине.

— Я бы удивился, если бы было по-другому.

Мы приехали на Юнион-сквер. Адам говорил с кем-то по телефону и, когда я подошла к нему, он сбил звонок, беря меня за руку.

— Скоро будет пицца.

— Зачем мы сюда приехали?

— Я покупаю квартиру. Хочешь жить со мной?

— Я поддержку тебя в начинаниях, Адам, — исчезла улыбка с моего лица. — Хочешь научиться с нуля играть на пианино или тромбоне? Ладно. Хочешь вышивать крестиком и коллекционировать садовых гномов? Я тоже согласна. Но я ни за что не поддержу переезд моего тела куда бы то ни было.

Возможно, я была слишком резка, но Адам понимающе кивнул, снова принимая мой ответ. Он поцеловал меня, а потом так же молча без слов заполнил каждую клеточку моего тела.

— Я дам тебе время привыкнуть к этой мысли, — открыл он дверь, жестом приглашая внутрь.

— А потом?

— Потом помогу привыкнуть и к самой квартире.

Помещение было совсем пустое. Ободраны стены, и не было ни одного предмета мебели, но все же тут было до изумления уютно. Войдя в гостиную, я увидела камин и домашний кинотеатр.

— Черт, тут нет ни одного стула, но камин и телевизор присутствуют, — сказала я, повернувшись к нему с улыбкой на лице.

— Я знаю, что важно, — обнял он меня за талию.

«Ограниченность удовольствия только увеличивает его ценность». Зигмунд Фрейд.

Ночью, когда Адам был со мной, я таяла. Наша кожа была мокрой от пота, и он обнимал меня, не отпуская. Этот мужчина вызывал во мне страсть, похоть, желание и что-то близкое к любви. Адам помог мне почувствовать себя по-настоящему живой. Он спал на боку лицом ко мне. Его волосы легко спадали ему на лоб, и я снова утопала в нем. Редко мужчина по-настоящему ухаживает за женщиной, но Адам был именно тот редкий экземпляр. Женщина меняется с мужчиной, и с ним я делала это каждый день. Осталось только одно сомнение — я сама. У каждого человека есть шрамы прошлого, и, наверное, странно, когда один полностью уверен в другом. Но ты рассматриваешь его, понимая, что только он один смог сделать тебя счастливой. Я скучаю по Адаму, когда его нет рядом, и по всему, что с ним связано.

— Милая, я слышу, как ты думаешь, — притянул он меня к себе.

— Кем ты хотел стать в детстве?

— Художником. Я очень любил рисовать. Мама называла меня «маленьким художником» и говорила, что я смотрю на мир по-другому. Знаешь, я и правда всегда видел что-то особенное в обыкновенных вещах и был странным ребенком.

Он улыбался, а я положила руку ему на щеку, проведя костяшками пальцев по лицу. Бывает такое чувство, когда ты смотришь на человека, и тебе стыдно перед собой. Ты не говоришь с ним, проявляя при этом физическую близость. Хотя, на самом деле, что такое физическая близость без любви? Определенный сценарий действий, который, как мы думаем, поможет лучше себя чувствовать? Танго в постели. Бред. Нет ничего лучше, когда этот процесс вызван именно любовью и ничем другим. Ничем другим, как чувствами, которые поглощают тебя без остатка.

— Ты был просто другим. В этом нет ничего плохого.

— Или же ненормальным.

— Отлично. Упакуйте. Как раз в моем вкусе.

— Знаешь, — легко прикоснулся он своими губами к моим. — Впервые посмотрев в твои глаза, я был ошеломлен. Ты была в тот момент самой сильной женщиной, которую я когда-либо видел. И потом что-то произошло, и ты обратила на меня внимание. Я влюблялся в тебя, хоть и думал, что играю роль. А после ты показала себя и свой характер. Свою стойкость, бойкость, преданность, и даже когда я пытался ломать тебя, ты выстояла. И сейчас ты лежишь расслаблена, в спальне, в которой находится лишь кровать. И это совершенно. Ты мое совершенство, Донна Картер.

Мы ужинали вместе, временами завтракали, разговаривали, смеялись, но как только я возвращалась в реальность, то снова отгораживала свое сердце невидимой стеной. Но все же этот день смел все прежнее, что было между нами, и, возможно, я смогу ему поверить хотя бы чуть-чуть, ведь, судя по всему, другого человека судьба мне на данный момент не уготовила.

— На твоём телефоне я установил специальную программу, — говорил Адам, когда мы ехали домой. — Тебе нужно лишь нажать на кнопку, тогда сразу весь отдел получит уведомление об опасности, и камеры заработают, — перевел он взгляд с дороги на меня. — Я уважаю твоё личное пространство, так что никто, и я в том числе, не прослушивает и не следит за тобой, пока ты не нажмешь кнопку.

— Спасибо, — прошептала я, удивленная его словами. — Я благодарна тебе, Адам.

Я невольно съежилась внутри и задрожала, ощущая его притягательность, заботу и может даже отдаленное проявление любви. Все остальное в этот момент стало незначительным. Стало ничем.

— Не уходи надолго, Донна Картер, — улыбался Адам, открывая мне дверь, когда мы приехали. — Я начинаю переживать, что ты попала в неприятности.

— Адам, все мои неприятности связаны с тобой, — поцеловала я его на прощание. — Потому что обычно ты их создатель.

Я снова встретила Алекса, войдя в холл, и лишь усмехнулась. Я пыталась выгнать его, но, когда поняла, что это бессмысленно, уже находясь в отвратительном расположении духа, плюхнулась на диван.

— Какого хрена ты приходишь сюда? — выругалась я, смотря на него и незаметно нажимая на вызов к Адаму. — У тебя проблемы?

— Да, милая, — сел он рядом. — И у нее твоё имя.

— Слушай, я никогда не буду больше с тобой, — сказала я спокойно. — Ты эмоционально нестабилен.

— В отличии от Адама, да? — слышала я его злость.

— У меня проблемы с контролем эмоций. И у тебя также, в отличии от Адама. Он варится в своих мыслях, потом говорит, но никогда не бьет и не кричит на меня. Твоя чаша терпения мизерная, Алекс, и ты все время взрываешься. Когда что-то не так, я должна кричать, гневаться, плакать, но это всегда делал только ты.

— Тогда почему ты до сих пор не с ним?

— Потому что, когда чаша терпения переполняется, он начинает пить, курить и трахать все, что попало.

«Люди всегда требуют правды, но она редко приходится им по вкусу».

Джордж Мартин.

— Ты на самом деле сейчас меня заводишь, — сказал Алекс, после чего я сорвалась с кровати, отходя от него. — Ты тяжело дышишь, и я смотрю только на твою грудь.

— Может быть, в этом и проблема?

— Да ладно, милая, — обвилась руки Алекса вокруг моей талии. — Я сожалею, что разозлил тебя, Ди. А теперь давай уже забудем все, что было.

— Отпусти меня, — прошептала я нервно сглатывая. — Я не буду спать с тобой.

Он опустил голову, и наши глаза оказались практически на одном уровне. Затем крепче обнял меня за талию, притягивая ближе к своему телу. Когда я попыталась вырваться, Алекс заломил мои руки за спину, и я закричала от боли.

— Отпусти меня, Алекс!

— Я мог бы взять тебя прямо здесь, — потерся он носом об мою шею и скользнул языком по чувствительному месту под ухом. — Или в спальне.

В дверь позвонили, и я облегченно выдохнула, надеясь, что это Адам.

— Входите, — вскрикнула я. — Открыто.

Дверь открылась, и Адам на мгновение остановился, как вкопанный. Я смотрела на него, давая понять, что не хочу драки, но благодарна, что он тут. Алекс засмеялся, а в следующее мгновение согнулся пополам. Адам ударил его еще несколько раз, а затем двинулся ко мне. Я покачала головой, и когда хотела отойти, пальцы Адама сомкнулись на моем запястье.

— Что это?

— Ерунда, — отмахнулась я, пытаясь расцепить его пальцы.

— Дай. Мне. Взглянуть, — сказал Адам, смотря мне прямо в глаза.

Было и так понятно, что он не отступит, и, устав бороться, я уступила. Глаза Адама сошлись на переносице, словно от боли, но через мгновение исказились злостью.

— Он сделал тебе больно. Что ты скрываешь, Ди? Зачем ты егопустила? Почему не позвонила мне, как только увидела? Неужели он снова ранил тебя, и ты снова отступаешь? — выругался он сквозь зубы, отходя от меня. — Дерьмо!

Ноздри Адама раздулись, и обычно красивое лицо исказилось от злости.

— Иди в ванную, а я со всем разберусь, — снова посмотрел он на меня, вытягивая пистолет из кобуры и снимая его с предохранителя.

— Со мной ничего не произошло, Адам, — не отступала я. — Я знаю его много лет, я не позволю, чтобы с ним что-либо случилось.

— А я не позволю чему-либо случиться с тобой.

— Она не твоя, — закричал Алекс. — Ты никогда не дашь ей эмоций, которые она не сможет забыть, как бы не хотела.

— Я другого мнения, — снова ударил Адам кулаком по лицу соперника.

Алекс пошатнулся, но остался стоять на ногах. Я поджала губы, сдерживая гнев. Адам сделал шаг ко мне, и я три от него. Я всегда так поступала. Затем наставил пистолет на Алекса, и я задрожала от страха.

— Хватит, — закричала я, доставая нож из выдвижного ящика и переводя взгляд на Адама. — Хватит. Я не буду с тобой, Алекс. Но я не буду и с тобой, Адам, — сжала я нож в руке разрезая кожу. — Алекс спас мою жизнь, и как только вы оба покинете это здание, я больше никогда не захочу вас видеть. Обоих.

Роберт Адамс сказал: «Все правильно именно так, как оно есть. Вы находитесь в правильном для вас месте и переживаете опыт, необходимый для вас. Нет ничего неправильного».

Я много плакала и переживала в своей жизни лишь потому, что всегда выбирала людей, которые не давали возможности мне улыбаться, и теперь не могла поверить, что это происходит со мной снова. Но я уверена, что сейчас Господь остановился на моем имени в своем бесконечном списке, и теперь настало мое время что-то сделать. Сделать первый раз в жизни что-то правильно. Пустые мысли весят больше, чем потребности. Разве мы не прогнили? Я собираюсь найти свой путь. Путь назад или новую дорогу вперед, но главное — верить своим шагам и доказать самой себе, что я могу двигаться. Под тяжестью мира всегда становится холоднее.

— Ты в порядке? — спросила Эмили, когда я открыла дверь.

— В норме, — пожалала я плечами.

— Пора нам поговорить, — поставила чайник Эбби. — И мне плевать, если ты этого не хочешь.

— У меня нет выбора, Эбс, — улыбнулась я, осматривая каждую из подруг.

Все сели за стол, и я сделала зеленый чай, разливая его по чашкам. Эмили прищурилась, смотря на свой напиток, словно ей было противно это пить. Дипломатично улыбавшаяся Эбби была не против, а Стейси, судя по недоумению в ее глазах, не понимала, что происходит. Но ухмылки Долорес и Евы сказали, что все в порядке.

— Только не говори, что вместо пиццы и фри, теперь ты приготовишь нам овсянку, — скривилась Стейси.

Эмили засмеялась, и все остальные не удержались от улыбки.

— А теперь начинаем, — сделала поток чая Эбби. — Я знаю о твоём психологе, и что ты думаешь, что она тебе помогает. Но очнись, Ди, никто не полюбит нас такими, какие мы есть. Нас любят, когда мы красивы, улыбчивы, веселые и ухоженные.

— Ты умная женщина, — говорила Долорес. — А значит, ты все время думаешь. Но зачем? Да, размышлять и вечно копать в себе у тебя отлично получается. Ты с умом делаешь карьеру, выбираешь платье и выплачиваешь зарплату. Но в общении с Адамом ты слишком много думаешь.

— И будем честны, Ди, — продолжила Стейси. — Ты не идеальна в плане своих проблем и даже демонов. Но он любит тебя, а ты стараешься «по-умному» общаться с ним. Да, ты прекрасный коммуникатор, но у тебя излишек гордости. Ты очень эмоциональна, но зачем?

— Донна, милая, — сжала мою руку Ева. — Мы хотим, чтобы ты была счастлива. Ты располагаешь к себе, но только нас. Попытайся сделать других чуточку счастливей и, возможно, тогда ты и сама станешь такой.

— Так, — встала Эмили с места и все-таки достала бутылку вина. — Я слишком трезва для такого разговора. Но природа по умолчанию сделала нас эмоциональными. Это наши заводские настройки, но дело в том, что мы можем быть умными и эмоциональными в одно и то же время.

«Каким бы великим делом ты ни был занят, если ты прогнал суетные мысли, — значит ты достиг совершенства. Как бы ни преуспевал ты в учении, если ты освободился от власти вещей, — значит, ты познал, что такое мудрость». Хун Цзычен.

Бутылка текилы вечером, холодный душ утром, и, проснувшись, я стала похожа на себя. Я смотрела на свое отражение в зеркале и поняла, что скучаю по Адаму. Скучаю как сумасшедшая. Я пытаюсь поступить правильно, но в очередной раз сама все уничтожила. Я защитила их обоих от них самих, и это было самым важным. Они оба дороги мне, и каждый по своим собственным причинам. Но если в Адама я, кажется, влюблялась, но от Алекса зависима по другому, хоть это и терзает меня каждую минуту жизни.

Моя рука до сих пор была перевязана, и я не писала, не звонила больше ни Адаму, ни Алексу почти неделю. Кстати, никто из них не стремился увидеться и не подавал признаков жизни.

В дверь постучали, и я, посмотрев в глазок, увидела Алекса.

— Ди, я знаю, что ты тут, — сказал он. — Открывай.

— Проваливай, — крикнула я. — Иначе вызову копов.

— Мне нужна твоя помощь.

— Что бы ты не попросил, я не могу тебе помочь.

— Почему? — слышала я его отчаянье в голосе. — Сделай хотя бы одну вещь после всего того, что я сделал для тебя.

— После всего? — открыла я дверь, смотря на него со злостью. — Ты что, мать твою, издеваешься? Пошел вон отсюда.

Алекс вошел в квартиру, отпихнув меня, и я вздохнула, понимая, что все равно придется выслушать его.

— Я хочу хлопнуть дверью, и ты, идиот, должен быть с другой стороны, чтобы я смогла ударить тебя по роже.

— Я твоя первая любовь, — напомнил мне Алекс. — И я тут без злого умысла, Ди.

— Я стою большего, Алекс, — села я диван, изображая напыщенное безразличие. — И если я для тебя все еще что-нибудь значу, просто уходи.

— Ты значишь, — покачал он головой, фальшиво изображая боль.

— И что теперь? Возьмешь нож и перережешь мне глотку? Или свалишь из моего дома и не будешь портить воздух?

— Я расскажу тебе правду, — сказал Алекс, смотря на меня, и я видела страх в его глазах. — Мне нужна твоя помощь.

После того, как он рассказал мне все и ушел, я минут двадцать сидела в ступоре, а затем позвонила Адаму и попросила приехать.

Я надела черные джинсы и шелковую блузу, обула ковбойские ботинки и как раз застегивала кожаную куртку, выходя из дома. Адам уже стоял возле машины, ожидая меня. Я остановилась, как вкопанная, хоть и знала, что он приедет. Я всегда могла положиться на него и начинала скучать, когда его не было рядом. Мне не хватало его улыбки, слов и запаха. Мне не хватало разговоров и даже его надоедливого внимания, ведь он всегда находился неподалеку.

Адам подошел ко мне, не сводя глаз.

— Я скучал по тебе, — прошептал он.

— Я тоже, — ответила я тихо.

— Ты хочешь меня видеть?

— Да. Сама не понимаю, что происходит, но я хочу еще раз проснуться рядом с тобой.

— Но не хочешь переезжать ко мне, верно? — нахмурился Адам. — Донна, порой у меня все еще трудности с пониманием твоих эмоций. Поехали?

— Я должна была бы сказать нет, — вздохнула я. — Но буду ненавидеть себя за это.

Я подошла к Адаму и прижалась щекой к его груди. Адам обнял меня, и я услышала его вздох.

— Плевать я хотел на весь мир сейчас. Не оправдывайся и не делай так, чтобы оправдывался я. Прошу тебя.

Адам открыл мне дверь, помогая сесть в машину, и, когда сел рядом, взялся за руль, закрывая на мгновение глаза.

— Прости меня, Донна. Я не должен был так реагировать. Я понимаю, что у тебя до меня была жизнь, и я поступил...

Я поцеловала его, не дав возможности договорить. Я соскучилась по его губам. По ощущению непонятного счастья, когда он был рядом.

— Это значит, что ты не злишься? — спросил Адам мне в губы, и, когда я отрицательно покачала головой, он улыбнулся. — Ты хорошо выглядишь.

— Я всегда хорошо выгляжу.

Мы ехали в машине, и я смотрела на него. Взглядом, когда ты не грустишь и не смеешься, а просто смотришь на человека и понимаешь, что что-то изменилось. И мир остался прежним и мужчина, которого ты видишь, все еще такой же, как и был, но ты смотришь на него по-другому и чувствуешь по-другому. Говорят, что человек может влезть под кожу. И он действительно может. Это самое необыкновенно-обыкновенное, что может сделать с нами другой человек, не будучи волшебником. Когда мы влюбляемся, становимся другими или же просто становимся собой. Менее эгоистичными и циничными. Любовь не разрешает вмещать в себе эти черты, открывая нас миру совершенно с другой стороны, о которой мы раньше и не подозревали.

Я попытаюсь. У меня ведь есть подруги, которые объясняют мне все, как есть, открывая глаза на то, что я сама не в состоянии увидеть. У меня есть семья, а благодаря этому я счастливей, чем многие живущие на земле.

«Многие люди не сдвигаются с места, потому что им важно ощущение надежности. Изменения пугают их. Но реальность такова: все жизненные награды находятся вне зоны комфорта. Смирись с этим. Страх и риск — обязательные стадии, если вы хотите жить успешно и интересно». Джек Кэнфилд.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросил Адам.

— Не знаю, — не отводила я взгляд. — Просто такое чувство, что вижу тебя впервые.

— Когда ты увидела меня впервые, я почувствовал ненависть даже на расстоянии, — засмеялся он. — Но я не против взгляда, которым ты сейчас меня одариваешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Адам смотрел на меня, словно пытался увидеть мое сердце изнутри, и я внутренне застыла.

Я самодостаточный человек. Я не грущу наедине с собой и знаю, чем себя занять. Мне не бывает скучно, но все это не отменяет моей нужды в общении. Я нормальный человек, а потому мне нужны другие люди. И это вовсе не делает меня неполноценной в общеупотребительном значении. Людям нужны другие люди, и так будет всегда.

— Куда мы едем?

— У тебя есть несколько дней? — спросил Адам, проезжая вывеску Нью-Йорк.

— Я, похоже, всех разочаровала, — смотрела я в окно. — Долгое время я не понимала, почему люди рождаются в определенном месте, заводят семью и меняют работу. И я не

думала, что сама сделаю хоть что-то, что не буду планировать долгое время. А вчера ко мне пришли подруги, — появились слезы на моих глазах. — Представляешь, они отчитывали меня, и я поняла, как мне это необходимо. Я думала, что меня на плаву держит Меган, но на самом деле меня держит моя семья. И уж так получилось, что ты ее часть.

— Донна, — остановились мы на светофоре, и Адам взял меня за руку. — Я также часто задаю вопросы, такая уж у меня работа. Но, знаешь, спрашивая у друзей, которые изменили свою жизнь, в ответ слышал единственную причину.

— И какую же?

— Любовь, — усмехнулся Адам, нажимая педаль газа. — И я люблю тебя, Донна. Я точно это знаю. И я знаю тебя. Так что сейчас я просто замолчу и дам тебе часок подумать, пока мы не приедем.

«Духи — это память, которая не подводит». Пьер Карден.

Есть места, которые так красивы. В принципе, как и люди. Просто их красота не сразу бросается в глаза, пока не присмотришься. Адам пришел в мою жизнь, когда я была в аду, и сам не осознавая этого, он дал мне надежду на человека. Надежду на себя. Где-то внутри я поняла, что Адам стал чем-то важным. Он внес смысл в мою жизнь. Жить с ним — это подвергать себя непривычному, но жить без него я вовсе не хочу.

Мы ехали в полной тишине, иногда переглядываясь. Спустя час и сорок восемь минут Адам остановил машину и, помогая мне выйти, взял за руку. Мы находились в лесной местности, и вокруг лежал снег. Тут было гораздо холоднее, чем в Нью-Йорке, и я понятия не имела, где мы находимся.

— Где мы?

— В Конгтоне. У меня тут дом.

Пока мы шли, я все время смотрела на небо. Как часто мы смотрим наверх? На тучи? На то, как небеса меняются и живут своей собственной жизнью? Я делаю это постоянно. Небо и вода. То, чем я могу любоваться часами. Когда я опустила свои глаза на самую природу, увидела двухэтажный деревянный дом, который выглядел восхитительно.

— Нам сюда? — спросила я.

— Да, — ответил он, улыбаясь. — Надеюсь, тебе понравится.

Адам открыл дверь, и мы вошли внутрь, остановившись на пороге. Он ждал моей реакции, а я — того момента, когда смогу вымолвить хоть слово.

Я отправилась исследовать место. В первой комнате, в которой я оказалась, была прихожая, а затем я увидела гостиную и столовую. Стоял большой камин, и сбоку лежали дрова. Посредине комнаты — три дивана, на которых были небрежно брошены множество пледов и подушек, а посредине — журнальный столик. Слева находился книжный шкаф, который был заполнен книгами, и на стене висела картина. На втором этаже была уже настоящая столовая с огромным прямоугольным столом. Здесь все было настолько потрясающим и даже чуть старым. Слегка потертая мебель украшала интерьер, и на столе стояли цветы. Фрукты лежали в корзине, и воздух, который был вокруг нас, казался другим — спокойным.

— Тут так красиво, — вернулась я к Адаму на первый этаж.

— Я жил тут несколько дней.

Адам включил свет и зажег дрова в камине. Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. У этого человека нет недостатков в плане внешности. Идеально лицо, тело, волосы, машина и запах. Везде был его запах. И его волосы даже сейчас выглядели так, словно он

только что встал из постели.

— Я чувствую себя одиноким без тебя, Донна. И хочу пойти другим путем. На наши отношения с тобой, которые есть сейчас, и чувства, которые я испытываю к тебе, — вздохнул Адам, проведя рукой по волосам. — Это ново для меня. Но это произошло в конечном итоге, Донна.

— Знаешь, — подошла я к нему, обнимая за талию. — Иногда я действительно знаю, что делаю, даже если со стороны тебе кажется, что это не так, — Адам усмехнулся, откидывая прядь волос с моего лица. — За последние недели я сказала тебе больше приличных слов, чем за последние три года.

— С тобой легко, Донна, — все еще улыбался он. — Особенно если добавить в тебя алкоголь.

— Очень мило, — подошла я к книжному шкафу, проведя ладонью по книгам, и достала телефон из куртки. — У тебя есть зарядка?

— Конечно, — открыл он верхний ящик комода и отдал мне провод. — Держи. Но, знаешь, я хочу заставить тебя попробовать.

— Заставить? — рассмеялась я.

— Да, — включил он чайник. — Я не хочу уходить от тебя по одной простой причине — мне с тобой хорошо. Ты первая, с кем мне просто хорошо, и моя мужская сущность слишком ценит это в твоей женской. Возможно, я и знаю мало о твоём прошлом и, соответственно, многого не понимаю, но, милая, я понимаю вдвое больше, чем ты думаешь, — снова обнял он меня за талию, прижав к себе.

— Зачем ты хочешь узнать меня?

— Как мне это понимать? — смотрел Адам на меня в недоумении.

— Ты все время спрашиваешь меня обо всем, и в большинстве случаев — о моем прошлом, — нахмурилась я. — Но зачем ты пытаешься узнать женщину, которой больше не существует?

— Я замечаю твою скованность, Донна, — поцеловал он меня в щеку и отправился делать чай. — Но я не так часто придаю этому значения. Это тоже то, что отличает мужскую природу от женской. Это то, что отличает меня от тебя, и этого меня научила моя жизнь — умению не замечать то, что не так важно.

Я улыбнулась. Мужчины не плохие, не бесчувственные и не бабники, теперь я это поняла. Они, как и мы, присматриваются, и им нравится наша доступность, но только если она принадлежит одному мужчине. Адам дал мне возможность почувствовать себя центром вселенной, пусть даже иногда и пусть даже на мгновение.

— Меня учили жить по определенным правилам, — сели мы возле камина. — И это повлияло на мою жизнь. Мама всегда хотела для меня лучшего, навязывая идеологию отношений, а Алекс был не похож.

— Донна, но ведь если твоя мама считает, что ты должна быть лучше других, ты ведь не обязана так же думать. Идеалы твоей матери не обязаны быть твоими идеалами, верно?

Георг Гегель сказал: «Жизнь — это бесконечные совершенствования. Считать себя совершенным — значит убить себя».

— Я раньше не могла понять, как у одного мужчины может быть такое количество женщин, — засмеялась я. — Но теперь все становится более ясно.

— Ты злилась, — подмигнул мне Адам. — Ты просто всегда хотела быть со мной.

— Я не злилась, — не переставала хохотать. — Я удивлялась, что кто-то соглашался

спать с тобой.

— Ну ладно, — достал он из комода блокнот и ручку, возвращаясь ко мне на диван. — Я сказал, что дам тебе смысл, и я кое-что придумал.

— У меня нет выбора, — пожала я плечами, улыбаясь. — Мы ведь приехали на твоей машине.

— Сколько бы ты дала себе лет, если бы не знала своего возраста? — спросил Адам без тени улыбки на лице.

— Не знаю. Но определенно больше, чем на самом деле.

— Если бы тебе разрешили изменить только одну вещь в мире, что бы это было?

— Я бы сделала черный праздничным цветом.

— Насколько Донна Картер сама контролирует то, что происходит в ее жизни?

— Если в процентах, то 90.

— Если бы ты могла дать ребенку только один совет в жизни, что бы ты сказала?

— Мечтать, — ответила я на очередной вопрос Адама. — Я бы сказала ему, чтобы он не боялся мечтать и следовать своим мечтам. Потому что все, что останется после нас — исход того, что мы сделали в своей жизни и как прожили ее, а совсем не количество открытых казино и купленных машин.

— За что ты больше всего благодарна в этой жизни?

— За Эмили, — улыбнулась я. — Определенно за нее.

— И последний вопрос, милая, — отложил он блокнот. — Ты помнишь, какой приехала в этот город пять лет назад?

— Да.

— Имеет ли сейчас это сейчас какое-то значение?

Я ничего не ответила, но на самом деле я так часто делаю то, что не люблю, и так мало того, что действительно важно. Что действительно нравится мне.

Иногда мне мешают люди, даже те, которых я люблю. Когда-то Адам сказал, что по-настоящему я не бываю одинока. И возможно, он прав, но, черт возьми, я люблю быть одна, сидеть в тишине и просто подумать. Сейчас я часто думаю об Адаме. Я думаю о нем почти все время. Мне нравится его чувство юмора. И мне нравится, что на самом деле у него огромное сердце. Он добрый и искренний. И еще я люблю его улыбку. Она всегда такая счастливая. Он не играет, когда улыбается, и не смеется, когда не смешно. Адам злится, когда его разозлят, и радуется, когда ему этого хочется. Мне нравится, что он просто звонит мне, и на самом деле мне так не хватало его в эти дни. Он приезжает и проводит со мной время. Мне нравится, что он говорит правду, и не пытается казаться тем, кем не является. Я люблю, что рядом с ним я чувствую себя особенной и единственной женщиной в мире, которую он замечает. И больше всего я люблю себя. Люблю ту, какой я становлюсь рядом с ним.

Этот разговор был до боли естественен. Адам включил музыку, и я улыбнулась.

— Потанцуй со мной, Донна, — сказал он, становясь передо мной.

Я поставила чашку на стол и вложила свою руку в его ладонь. Адам — состоявшийся мужчина, но его легкость к жизни меня поражала. Мне нравилась каждая частичка его характера, каждая частичка его души и тела. Адам поднял меня на руки и закружил. Одной рукой я держала его за шею, а другую окунула в волосы. Никто не заставлял меня смеяться, как это делал он.

— А как же свободная и разгульная жизнь Адама Майколсона? — спросила я, когда он

поставил меня на землю.

Он ухмыльнулся, словно ожидал этого вопроса.

— Она славная. Но, Донна, она не ты.

— Адам...

— Донна, она — не ты, — поцеловал он меня в губы. — Да, у меня были другие женщины. Много женщин. Но сейчас есть только ты. И я не буду притворяться, что это не так.

Я захватила в плен его губы и обмякла в его руках, когда он сильно прижал меня к себе.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал Адам, сжимая меня в объятьях. — Я с удовольствием провел бы тут с тобой наедине ночь и утро, но, думаю, тебе нужна семья, и я составил план.

— План? — засмеялась я. — И какой же у тебя план?

— Тебе нужна помощь, — сказал он, когда его телефон зазвонил. — А вот и они. И я думаю, что ты боишься рассказать своим друзьям и близким о том, что чувствуешь, потому что думаешь, что разочаруешь их или расстроишь, но ты не сможешь, — направился Адам к двери. — Ты никогда не сможешь никого из нас разочаровать.

Когда он открыл дверь, я увидела всех своих подруг и почти разрыдалась. Когда Адам привез меня сюда, я почувствовала, что все налаживается. Я почувствовала что-то близкое к счастью. И смотря на то, что Адам был счастливее от моей улыбки, все становилось правильным. Я тут рядом с ним, или он рядом со мной — и это правильно.

— Привет, милая, — обняли меня подруги. — Рада, что ты тут и ты в безопасности.

— Кажется, он мой друг, — засмеялась я. — Смешно, да? Я зарекалась, что этого не произойдет.

— Милая, — забрал пакеты Адам у Брайана. — Я отвезу тебя на пляж с розовым песком.

— В Комодо, — присвистнула Эбби.

— Это Индонезия? — нахмурилась я.

— Верно, Донна, — поцеловал меня в щеку, Брайан. — Тебе понравится.

Я знаю столько людей, но так одинока. Сейчас я думаю, что может просто придумала, что люблю одиночество? Мне хорошо с Адамом. Я люблю разговаривать и смеяться с ним. Мне комфортно в его объятьях. Я чувствую себя защищенной, когда он рядом. В моменты, когда мы вместе, я живая. И, может, я даже люблю его, но сначала мне нужно разобраться в себе. Я согласна следовать плану этого человека, что бы он ни придумал, ведь он единственный, кто замечает, что я не в порядке.

— Игнорируй проблему, и она исчезнет, — сказала Стейси, попивая сок, что меня насторожило.

— Это не в моем стиле.

Мужчины готовили еду, а мы с подругами разговаривали. Каждый рассказывал о чем-то своем, и я задалась вопросом: «А чего хочу я». У каждого из нас свои раны на сердце. Каждому человеку дают не больше, чем он может выдержать, это одно из немногих, по большому счету, что я поняла в своей жизни.

— Поговори с ним, Ди, — сказала Эмили. — Он примет правду, как принял тебя. Вам не по пятнадцать, и он понимает, что у тебя также была жизнь до него, как и у него самого до тебя.

— А если нет? — спросила я, обратив все свое внимание на подругу.

— Значит, он не достоин тебя, — ответила Долорес.

— В Адаме есть то, что я всегда искала. В нем другая часть меня. Где у меня колючки, у него ножницы, у меня острые углы — у него сглаживающий фильтр. С ним я настоящая. Мне не нужно притворяться милой, нежной или сентиментальной. Он знает, что я истерично-сумасшедшее существо, и ему нравится это, — усмехнулась я, на мгновение взглянув на Адама. — Он теплый. Когда с ним сидишь и молчишь, в душе чувствуешь теплоту. Он заботливый. Но я слишком часто руковожу.

— Конечно, — распечатала упаковку кексов Эмили. — Но лучше тебе научиться делать не только это, Ди. Это не твоя природа. Ты должна вдохновлять его, а он ради тебя точно готов руководить миром.

— Я беременна, — сказала Стейси.

— Что? — спросили мы все в унисон с явным удивлением и изумлением на лицах.

— Когда ты узнала? — смотрела я на нее.

— Вчера.

— И как ты?

— Жива.

— Ты уверена?

— Наверное.

— Ты сказала Майклу?

— Нет, — покачала головой Стейси. — И я хочу, чтобы он был со мной, потому что любит, а не из-за чувства долга.

— Если с моей племянницей, что-нибудь случится, — не отводила Эмили глаз от Стейси, — я его убью.

— Да, — отставила я чашку чая. — Но это наш ребенок, и я надеюсь, ты не сделаешь ничего...

— С ума сошла, — вскрикнула Стейси. — Я не избавлюсь от своего ребенка.

— Сейчас бы печеного хлеба, — перевела я тему, смотря на свои ногти.

— В Landmark, — поставил Адам на стол поднос с едой.

— Мое любимое место, — улыбнулась я.

— Я знаю, — поцеловал он меня в щеку.

— Ой, да ладно, ты не мог знать. Я туда хожу всегда одна.

— Я знаю.

— Стоп, — нахмурилась я. — Ты что, следил за мной?

— Точно.

— Ты хоть бы сделал вид, что тебе стыдно.

— Я не сожалею о том, что следил за тобой. Я хотел тебя с первой минуты, а все, что я хочу — получаю.

— Конечно, но только в том случае, если я даю тебе на это разрешение.

Мы просидели какое-то время, разговаривая и смеясь. Семья. Я потеряла связь со своей кровью, и меня на протяжении многих лет мучают кошмары каждый раз, когда я думаю об этом.

«Неужели вы никогда не хотели чего-то так сильно, что плакали всякий раз, когда думали об этом? Неужели вам не приходилось не спать ночами и мечтать о чем-то, что вы знали бы, что, наверное, ваше желание никогда не исполнится?»

Пол Галлию написал это, как будто обо мне. Но то, что было, я не смогу вернуть.

Я очередной раз я проснулась в поту от очередного кошмара. Откидывая волосы с лица, увидела рядом лежащую Эмили, а с другой стороны Долорес. Адам сидел возле камина и оглянулся на меня, когда я встала с кровати.

— Не знал, что у тебя бывают бессонницы.

— Ты и не мог знать, — подошла я к нему, садясь рядом.

— Я спал рядом с тобой, Донна.

— Да, — налила я бокал виски. — Но это не значит, что ты мог что-то почувствовать.

— Что тебе снится обычно?

— Я не буду тебе рассказывать, — хмыкнула я. — Я не доверяю тебе.

— Но я тебе нравлюсь, Донна.

— А теперь симпатия зависит от доверия?

— Давай так, — сосредоточился на мне Адам. — Я расскажу тебе кое-что из своего прошлого, а ты мне из своего.

— Серьезно? Вы, мальчишки-федералы, обычно так говорите?

— Я давно работаю в ФБР, — продолжал он. — И однажды мне пришлось спасти семью от заложников. И когда мы вынесли почти всех, мне пришлось выбирать между матерью и ее дочерью, и я сделал выбор, — не отводил он взгляд, смотря на меня с болью. — Я оставил мать, и через три секунды после этого дом взорвался, разрывая ее на части.

— Тогда и произошел момент, когда ты задумался впервые оставить это дело?

— Нет, — отрицательно покачал головой Адам. — Впервые это произошло задолго до этого. Несколько наших человек пригвоздили к полу и приставили скальпель к горлу. И теперь у меня ужасные руки, — показал мне Адам шрам на ладони. — Но моя жизнь обрела смысл, когда я встретил тебя. Я не знал, что до этого момента просто существовал.

— Адам...

— Знаешь, сегодня утром я был парализован тем, как скучаю по тебе, по тому, как я привык к тебе. Я начал спать на правой стороне кровати. Ты как успокоительное для меня, Донна, — взял он меня за руку, целуя ладонь. — Когда ты рядом, мне не нужны девушки на одну ночь, выпивка или скорость. Все мои мысли заняты лишь тобой. Ругаться с тобой лучше, чем мириться с другой.

— А когда не рядом?

— Я все равно скучаю по тебе.

— Ты вообще помнишь, кто я такая? Я не умею красиво говорить.

— У тебя свои таланты, — улыбнулся Адам.

— Почему каждое слово, которое ты произносишь, приобретает пошлый смысл?

— Но ты ведь не против?

— У меня есть причина моего одиночества, Адам, — убрала я руку.

— Если не хочешь, чтобы я знал ее, не говори, — не отводил он взгляд. — Что говорит тебе твое сердце, Ди?

— Я не слышу.

— А ты прислушайся.

— Я знаю, что не хотела бы сейчас быть в другом месте.

— Ты естественная.

— Единственное естественное во мне — это стервозность.

Ван Гог сказал: «Когда у человека горит огонь и есть душа, то он не в силах

сдерживаться. Пусть лучше горит, чем тухнет. То, что внутри, все равно выйдет наружу».

Каждому дается шанс на искупление, но я множество своих шансов пропускаю годами. Но за всю свою жизнь я поняла: если хочешь найти нужного человека, сначала нужно найти себя.

— Девочка, — прошептала я, наполняя еще один бокал и смотря на горящий огонь. — Обычно мне снится девочка, которая душит меня, смотря мне в глаза. И я не отпираюсь, разрешая ей это.

— Ты знаешь, что это значит?

— Нет, — солгала я. — Впрочем, это не важно.

— Стейси уехала, — перевел он тему. — И мне звонил Майкл.

— Слушай, он часть семьи, — поставила я пустой бокал на журнальный столик. — Но порой он ведет себя как кретин.

— Это обаяние нашей семьи, — улыбнулся Адам. — У каждого есть свои родственники, но мы все с разными фамилиями и ДНК ведем себя как кетины.

— Адам, — услышала я голос Брайана. — Нам пора ехать.

— Да, хорошо, — поцеловал Адам мою руку. — Ведите себя прилично, девушки.

— Вы уезжаете в четыре утра? — спросила Эмили.

— Спи, милая, — поцеловал ее Брайан. — Мы скоро будем, а ты даже не заметишь моего отсутствия.

— Изумительно, — почти промурлыкала подруга.

— Черт, — засмеялась я, разыгрывая презрение. — Это отвратительно.

— Мне нужно две чашки кофе, — сказала Долорес.

— Зачем две? — все еще улыбалась я.

— Одну пусти мне прямо по венам.

Когда мужчины ушли, Долорес принесла сумку и достала оттуда пакет.

— Мы же взрослые женщины, — развела я руками.

— Вот именно, — ответила Эбби, держа в руках чашку с кофе.

И вот мы, взрослые женщины, сидели и курили травку после отвратительно проведенной ночи, но все же в кругу семьи. Тут было о чем подумать. Не хватало только Стейси, но ее беременность не разрешала при ней даже вентилятор включать. И я надеялась поговорить с ней в скором времени.

— С кем бы вы переспали в ваших самых грязных фантазиях? — спросила Долорес.

— Дуэйн Джонсон, — ответила Ева.

— Уилл Смит, — добавила Эмили, делая очередную затяжку.

— Может, Брайан разрешит тебе, — засмеялась Эбби. — Ричард Гир.

— Он как лабутены, — хохотала я. — Всегда в моде.

— Знаете, я понимаю Стейси, — исчезла улыбка с лица Эмили. — После разрыва улицы, места и песни становятся ходячим воспоминанием.

Нью-Йорк — город, в котором можешь не встретить дважды одного человека. Я столько лет словно бежала и не знала, куда именно. Все, что там внутри нас, в том числе наше прошлое, уничтожает все хорошее, что есть в настоящем.

Вскоре мы собрали вещи и вызвали такси. Сегодня меня посетила еще одна мысль, и я хотела, чтобы Эмили помогла мне, но говорить при всех не хотела. Когда в машине остались только мы с ней, я взяла ее за руку.

— Я хочу найти своего отца.

— Что? — удивленно посмотрела на меня Эмили. — Зачем?

— Он заслуживает прощения.

— Ди, ты не должна делать этого ради нее.

— Нет, я хочу сделать это ради себя, — прошептала я. — Ты мне поможешь?

— Я буду поддерживать тебя и помогу, если хочешь его найти. Но я не дам ему обидеть тебя, особенно учитывая, что ты едва его знаешь.

— Я его не знаю, Эмили, — отрицательно покачала я головой. — И просто хочу увидеть его, учитывая его слишком долгое отсутствие в моей жизни.

Я приехала домой, заперла дверь и, включив музыку, достала из нижнего ящика комода фотоальбом, где была единственная фотография. Сев на диван, я расплакалась. Каждую ночь я видела ее и понимала, что никогда не смогу увидеть живую ребенка, которого не знаю и не узнаю уже никогда.

Чувство вины было эмоцией, которое я не испытывала годами. Я не лгала и не совершала поступков, которые считала неправильными. До определенного момента. И после поступка, который совершила, так же стойко выдерживала каждый взгляд матери, Алекса и федералов.

«Я знал уже, что, если с чем-то расстанешься, плохим или хорошим, остается пустота. После плохого пустота заполняется сама собой. После хорошего ты заполняешь ее, только найдя что-то лучшее». Эрнест Хемингуэй.

Адам дал мне адрес клуба, и я решила туда поехать. Хуже, чем есть, уже быть не могло.

— Тут женщины, которые испытывали насилие или просто потерялись, — сказал он, наматывая бинты мне на руки. — Ты можешь помочь себе тут сама, а в будущем — кому-то еще, кто тоже будет нуждаться в этой помощи, Донна.

По моему лицу струились пот и слезы, но становилось легче. Я превращала злость в силу и знала, где теперь мне будут рады. Если не люди, то бинты уж точно. Адам сидел на скамье и наблюдал за мной.

— Эй, — крикнул он, когда я колотила грушу без остановки. — Ты в порядке?

Я резко остановилась и повернулась к Адаму. Мне хотелось кричать: «Нет, черт возьми!» — но я лишь кивнула, натянуто улыбаясь. Но в следующее мгновение подумала: «А к черту», — и пересекла помещение, направляясь к нему. Едва Адам поднял глаза, я оседлала его и прижала к себе, обнимая за плечи. Я прикинула щекой к его виску и расслабилась, когда Адам также обнял меня.

— Ты не можешь любить меня, Адам, — сказала я тихо. — Ты меня не знаешь.

— Один человек сказал: «Тоска — самое бесплодное из всех человеческих переживаний». И нет, — гладил он меня по спине. — Я тебя знаю, хотя это и не имеет отношения к любви. Ты любишь черный цвет и книги. Несмотря на то, что ты владелица салона красоты, никогда не красишь волосы. Смотришь на ногти, когда переживаешь, и кусаешь губы, чтобы не засмеяться.

— Это общеизвестные факты.

— У тебя есть родинка под левой грудью, и ты всегда трешь запястье, когда думаешь о чем-то важном. И самое главное — шепчешь мое имя, прежде чем кончить, при этом прикусывая мое плечо.

Я смотрела на него какое-то время, а затем Адам поддался вперед и провел носом по моему подбородку. И когда дотронулся губами к моему уху, я была на грани обморока. Мы так сидели минут десять, но вскоре я решила взять себя в руки и снова заняться делом.

— Всегда держи удар, — сказал Адам, когда я снова направилась к груше. — Прикрывай лицо и сохраняй равновесие.

— Эй, хочешь подвигаться? — появился здоровяк в дверном проходе.

Я стрельнула взглядом в Адама, когда он направился ко мне, и схватила его за локоть.

— Я разберусь, — ответила я, усмехаясь Адаму. — Мне как раз нужно выпустить злость.

— Я не бью девчонок, — хохотнул тот. — Кроме того, таких красивых.

— Прекрасно, — затянула я бинты сильнее. — Значит я не буду особо напрягаться.

Я ударила ногой его по колену, мысленно говоря спасибо за этот прием Алексу. Я не была новичком в умении постоять за себя, просто считала, что мне это не нужно. Здоровяк потерял равновесие, и с разворота я нанесла следующий удар ногой по лицу. И когда он почти упал, подошла к нему впритык, беря его лицо в свои ладони, и усмехнулась.

— Хочешь еще подвигаться?

После этого он встретился с моим кулаком, и я улыбнулась, смотря на Адама. Мне было легче. Действительно легче, впервые за долгое время, пусть я и добилась этого таким варварским способом.

— Все будет хорошо, Ди, — взял меня за руку Адам, и мы направилась в раздевалку. — Я есть у тебя. Все мы есть у тебя, и мы справимся.

Мы вышли из спортивного зала, и я улыбнулась, увидев, что все вокруг покрыто снегом. Понимает ли Адам, что в действительности помогает мне больше всех на свете? Понимает ли, что творится, когда его теплая рука держит мою, и он улыбается мне, управляя в это время машиной?

Мы приехали ко мне домой, и я сняла ботинки, улыбаясь Адаму. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на меня в ответ.

— Твоя улыбка, когда я впервые увидел тебя, разрушила меня для остальных.

— Ооо, — поднялась я с места. — Я не готовилась к такому. Подожди, посмотрю какой на мне лифчик, — Адам поднял бровь, широко улыбаясь. — Ой, точно, никакой.

— Лучше беги, Картер, — зарычал он.

Я промчала сквозь кухню и, как только собиралась открыть дверь в ванную, сильные руки схватили меня за бедра, отрывая от земли. Затем Адам закинул меня себе на плечо, и мы вышли на террасу. На улице шел снег, и Адам поставил меня на ноги, становясь под него вместе со мной.

— Это все, на что ты способен, Майколсон? — смеялась я.

Адам убрал прядь волос с моего лица и склонился надо мной, чтобы поцеловать. Я обняла его за плечи и, зарывшись в его шею, чувствовала, как что-то новое пробирает меня до мозга костей. Это была неизведанная территория, и в этот момент мне было плевать на все, кроме него.

— Я бы осталась тут навсегда, — зарылась я руками в его волосы. — Но ты сильнее, и так не честно.

— Вот тебе первый урок, детка, — снова поцеловал он меня. — Не связывайся с федералами.

Мы вошли в дом, и Адам выключил главный свет и нажал на другой выключатель, включая лампочки. Комнату согревал камин, и гирлянды были повешены сверху вниз, освещая помещение белым светом.

— Когда ты по-настоящему был счастлив?

— В день нашей первой встречи с тобой, — я вздохнула, ожидая от него чего-то вроде

этих слов. — Правда. Ты была как птица, которую никто не замечал. В тебе жизнь, которая будто губит других.

— Других? — находилась я в замешательства.

— Мужчин.

— Ты так говоришь, будто не с этого века.

— Мы тут все всего лишь гости, — сильно сжал он меня в объятьях.

В дверь позвонили, и я пожала плечами, убирая руки Адама с моей талии. Как только увидела лицо, стоящее передо мной, поняла, что очередное дерьмо настигло меня.

— Где она?

— Будешь? — закрыла я за ним дверь и направилась в кухню, показывая на бар.

Майкл смотрел на меня, и я заметила промелькнувшее отчаянье в его глазах.

— Стейси иногда оставалась у меня, — сел он на диван, когда Адам вышел к нам на кухню. — И когда мы расстались, она забирала свои вещи, и представь мое удивление, когда я увидел заключение врача, — стукнул он кулаком по столу. — Она носит моего ребенка, а я не был посвящен в это.

— Послушай, Майкл, — налила я три бокала виски. — Я не буду тебе ничего рассказывать о ее жизни, но, поверь, ей всегда нужны были две вещи — семья и герой. Мы стали ей семьей, а вот героем она стала себе сама. Стейси долгое время сама о себе заботилась и, поверь, когда она будет готова, расскажет тебе. Но ты все равно поступил, как мудака.

— Для меня это был просто секс, и ничего больше. Я думал, что для нее тоже, — смотрел он на меня со злостью, но все еще сохраняя спокойствие.

— Ты вроде умный, но не понимаешь элементарных вещей. Для женщины секс всегда значит больше, — ответил Адам, отдавая Майклу бокал. — Поверь мне.

— Да, что ты говоришь, — улыбнулась я. — Я-то думала, что это не я начала говорить о чувствах.

Адам притянул меня к себе и поцеловал в шею, усмехаясь.

— Она не простит меня, — покачал головой Майкл.

— Это потому, что мысленно ты уже проиграл этот бой.

— Здесь нечего выигрывать.

— Хочешь совет?

— Давай.

— Никогда не гладь ее против шерсти. Иначе в скором времени тебе придется искать новую кошку.

— Ты с ней говорила? — смотрел мне в глаза Майкл с жадной узнать хоть что-то.

— Она сама позвонит, когда захочет.

— Сообщи мне, когда она появится, — встал он с места.

— Я не могу ничего обещать, Майкл.

Как только я закрыла дверь за ним, сразу позвонила Эмили.

— Привет, — сказала она.

— У меня к тебе разговор, Эм.

— Я выезжаю.

— Нет, — перебила я ее. — Не нужно.

Обычно Эмили бросает трубку, и было мило с ее стороны научиться наконец-то слушать меня до конца. Хотя даже когда я говорила, что мне нужно поговорить о новых туфлях,

реакция была аналогична.

— Я на работе, милая, — вздохнула Эмили.

— Тебя Брайан не пускает домой? — усмехнулась я, когда Адам обнял меня за талию и облизал мочку уха. — Стейси думает, что она защищает ребенка, — Эмили молчала, и я попыталась оттолкнуть Адама, но все было тщетно. — Ты могла хотя бы сыграть удивление?

— Зачем? Майкл — отец, а зная ее фобии, ты получаешь ответы.

— Иногда ты меня раздражаешь.

— Знаешь, я думаю, что она считает, что ненавидит Майкла всеми фибрами своего существа, но на самом деле любит его. Любит каждой клеточкой своего тела. И ей гораздо легче было переспать с ним и убежать, нежели сказать об этом.

— У кого она может быть? Нам нужно ее найти, Эмили. Она — наша семья.

— Мы найдем ее. Я обещаю.

Я знала, что она действительно сделает это. Она всегда делает то, что обещает.

— Ты очень вкусно пахнешь после тренировки и дешевого мыла, — сказал Адам, проникая в меня одним пальцем.

— Адам, — откинула я голову на его плечо. — Я скажу, что ты идиот, но только не останавливайся.

В следующее мгновение я почти задохнулась, когда Адам развернул меня к себе, покидая мое тело. Легко соприкоснулся своими губами с моими, а после углубил поцелуй. Адам покусывал мою шею, и я немного отпихнула его, снимая с него футболку. Мои руки блуждали по его телу, и Адам схватил меня за ягодицы, направляясь в спальню. Я обняла ногами его за талию и впиалась поцелуем до боли в губах.

— Решим все проблемы завтра, детка, — сказал он. — А сейчас я займу тебя другим делом.

— Пожалуйста, — тяжело дышала я, не отводя взгляд.

— Словно я могу отказать тебе.

Мне нравится быть разной. Нравится мечтать, открывать что-то новое, наслаждаться жизнью и такими моментами. Я хочу жить так, чтобы вдохновлять себя каждый день на новые поступки и хочу иметь смелость выражать себя. И это должно быть присуще каждому человеку на земле. Только яркие люди делают мир совершенней.

Я лежала в объятьях любимого мужчины спустя пять часов, проснувшись от звонка мобильного телефона в пять утра. Поцеловав Адама, я перезвонила Эмили, выходя в другую комнату.

— Дорогая, — прошептала я. — Что-то случилось?

— Донна, — слышала я волнение в ее голосе. — Я решила перезвонить тебе сразу, как узнала.

— О чем ты?

— Я узнала об аварии. Томас и Энди, они попали в аварию.

— Боже, — закричала я. — Она жива?

— Донна, я решила, что больше не хочу быть юристом. Но я побуду им еще трое суток.

— Эмили, не надо делать этого ради меня, — селя я на пол, чувствуя слезы, которые текли по щекам. — Не надо.

— Я делаю это не только ради тебя, Донна. Я делаю это ради себя. И должна была сделать уже давно. Я лечу домой и, когда позвоню тебе, хочу, чтобы ты прилетела и подписала все бумаги.

— Она жива? — прошептала я, вытирая лицо. — Оливия жива?

— Жива. Пожалуйста, позаботься об Адаме, а я позабочусь обо всем остальном.

Хемингуэй сказал: «Я не могу примириться с мыслью, что жизнь проходит так быстро, а я не живу по-настоящему».

И сейчас была подведена еще одна черта. Двое человек потеряли свои жизни, и стыдно признаваться, но в какой-то момент я улыбнулась. Улыбнулась, понимая, что, когда они умерли, я обрела шанс. Шанс исправить все то, что терзало меня, сколько я себя помню.

— Ты еще красивее, — сказал Адам, когда мы утром пытались восстановить дыхание.

— Неправда, — усмехнулась я. — По статистике женщина в глазах мужчины после секса выглядит менее привлекательной и, тем более, не идеально, даже если она действительно такова.

Несколько секунд он молчал, а затем провел подушечками пальцев по моей скуле, целуя в губы. Я слышала стук собственного сердца, понимая, что сейчас счастливее, чем вчера. Долгое время я была так одинока, что мне было проще истязать собственную душу, как наказание за то, что я сделала. Когда рядом с тобой много людей, это не значит, что ты не одинок. Я всегда была с кем-то, но в то же время была одинока. И только с появлением Адама я начала полноценно дышать, понимая, что порой один человек может перечеркнуть почти все, что было до него.

— Ты просто не видишь себя моими глазами. Более идеального зрелища я не видел никогда.

— Ты ужасный врун, — встала я с кровати, заворачиваясь в одеяло.

Зазвонил телефон, и я направилась за ним в другую комнату, где его бросила прошлой ночью. Я долго плакала сидя на полу, а потом за мной в очередной раз пришел Адам. Я смотрела в его глаза и сдавалась. Я решила следовать тому, что сказала мне Эмили.

Я хотела семью, хотела Адама и больше всего хотела еще раз увидеть девочку, которая преследовала меня во снах. Но правда в том, что то, чего мы хотим, не всегда лучше для нас. Мои глаза, волосы, ресницы и фигура могли вызывать у мужчин разные чувства, но как только они узнавали меня получше, я знала, что это конец. Я не была женщиной, с которой можно было бы связать жизнь. Во мне было слишком много того, чего мужчины не любят — ума.

— Не бери, — крикнул Адам мне в след.

— Привет, я не разбудил тебя? — сказал голос в трубке.

Майкл был ходячей невозмутимостью. Я не знала его ближе, чем все остальные в нашей семье, но его улыбка была столь красива, как и опасна. Его лицо всегда было бесстрастным, и я никогда не могла понять до конца, о чем он думает в тот или иной момент.

— Что такое, Майкл? — поставила я чайник.

— Ты говорила с ней?

— Черт, — выругалась я. — Вудс, прошло несколько часов, какого хрена ты мне звонишь?

— Донна...

— Нет, я не твой психолог, — вздохнула я. — Ты сделал глупость, отпустив ее. Она не та, кто уходит и нуждается в свободе. Что бы она ни говорила, ей нужно, чтобы ее держали, чтобы за нее боролись. А пока этого не будет, она, как кошка, сама по себе.

Я услышала звук кипящей воды, и, как только собиралась сделать кофе, почувствовала руки Адама на своих плечах. Он выдвинул стул, и я села на него, слушая дыхание друга в трубке. Мое тело реагировало на прикосновения Адама. Я повернулась, смотря как он достал клубнику с холодильника и, закинув ее в рот, закрыл глаза с наигранным наслаждением. Я улыбнулась, наблюдая за ним. Красивее глаз с такими длинными ресницами я никогда не

встречала ранее. И весь он с утра, как и, в принципе, в любое другое время суток, выглядел до неприличия сексуально.

— Она как успокоительное для меня. Она мой друг. Одно ее слово или касание могло заставить меня заткнуться. Я хочу заботиться о ней, — продолжил Майкл.

— Это потому, что теперь она мать твоего еще не рожденного ребенка, а не просто друг. Я отключила телефон и, взяв чашку кофе, который сделал мне Адам, задумалась о том, что будет дальше. Вскоре я начну все по новой, и мне нужен этот день, чтобы все осмыслить. Я молчала и смотрела в одну точку на стене, а затем перевела взгляд на Адама. Он никогда не игнорировал меня или мои слова. Даже когда все остальные не обращали внимания, Адам не давал мне возможности почувствовать безразличие с его стороны. Я провела ладонью по его руке, и Адам схватил ее, поцеловал костяшки пальцев и сжал мою руку в своих ладонях.

— Сколько ты молчишь?

— Минут десять, — сделала я глоток кофе.

— Твой личный рекорд.

— Это неправда.

— Что произошло?

— Ты видишь? — посмотрела я на него. — Я ничего не говорю, и мне это нравится.

Я боялась. Боялась боли, которую он может мне причинить. Несмотря на счастье, которое я испытывала, страх не покидал меня. Я думала, что всегда буду чувствовать боль из-за поступка, который совершила. В тот момент я поняла свое сердце и то, что через несколько дней я могу потерять Адама.

Хотя если подумать, оно того стоило. Я помнила лицо этой девочки, ее взгляд и темные кудри. У нее были темные волосы и светлые глаза. В своем роде этот ребенок был феноменом, и я знала, что ее родители любят ее. Наша жизнь полна сказок, как и книжки. Мечты порой не сбываются, королей свергают, а волны разрушают города. Но слезы — это всего лишь кровоточащая рана, а все раны рано или поздно заживают.

Мы становились близки и зависимы, смотря фильмы, финала которых не видели почти никогда. Готовили ужины и завтраки, гуляли, встречая рассветы и провожая закаты. Я любила ходить пешком, в отличие от Адама, но теперь он делал это довольно часто ради меня. Мы целовались под снегом и дождем, катались на коньках и посещали картинные галереи. Мы были так несовместимы, но у нас отлично получалось совмещаться после наступления ночи.

«Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха». Анна Ахматова.

— Что ты хочешь на завтрак? — спросил он.

— Печенье и виски.

— О, это и мой любимый перекус, — слышала я улыбку в его голосе.

— Моим любимым он был еще в школе.

— Нам определенно нужно поговорить, — не отводил взгляд Адам, на что я улыбалась, как сумасшедшая.

— Хорошо, а мне обязательно нужно участвовать?

Вскоре мы собрались и поехали на ипподром. Он все время находился рядом, помог мне залезть на лошадь и возился со мной, как с ребенком, называя нежными словами, которые в мой адрес звучали, как оскорбление. Я понимала, что у меня проблем в целую миллю. Он приходил с розами, хоть тогда и был еще неожиданным гостем. Может, я разрешила Адаму быть рядом, потому что трудно позволить уйти человеку, который хочет быть с тобой? Мы

так часто держим людей, причиняя им этим невыносимую боль. Кто-то сказал, что мы в ответе за тех, кого приручили, но разве это справедливо, что другие люди готовы разделить мир пополам ради другого, который этого даже не заметит.

Моя мать воспитала меня далеко не отдаленным человеком. Я была осведомлена о многом в этом мире. Мое понимание людей порой изумляло, несмотря на непонимание самой себя.

— Смотри-ка на себя, — сказал Адам, улыбаясь. — Ты профи.

— О да, лошади без ума от меня, — смеялась я. — Если я упаду, не забывай о том парне в зале.

— У меня никогда не было раньше секса на ипподроме.

— Я раньше-то на ипподроме не бывала.

Я подумала о том, что когда-нибудь захочу ребенка от любимого мужчины. Я забеременею и больше не буду столь привлекательна для Адама. Секс отойдет с первого места, и там появится кормление ребенка. Я буду занята своим дитем, а не мужем, и в какой-то мере это будет нормально. Но будет ли Адам все так же помешан на мне? Если он смог играть со мной и смог переступить это, то что помешает ему разыгрывать спектакль в будущем? Было слишком много вопросов, на которые я не могу дать ответ. Да и будем откровенны, никто не сможет.

Но все же, смотря на Адама, у меня замирало сердце. Глаза, в которых я видела бесконечность, и безграничное желание любить и защищать. Был другой Адам, которого знали очень немногие. Я не читала биографию в интернете, а узнавала его, смотря, какого автора он достает с книжной полки.

Я тут, чтобы он помог мне повлиять на что-либо в моей жизни. Он терпеливо ждет, когда я думала, что вскоре утону. Наши различия многому учат. Не все счастливые люди похожи, и мир так велик, что нам не успеть узнать все. Может стоит начать с малого?

Начать с себя и тех, кто нас окружает? Начать с хорошей музыки и красного вина? Начать с потрясающих глаз и дальней дороги, которую нужно пройти? Со временем узнаешь себя и то, чем ты обладаешь. Боже, а это так много. На самом это так чертовски много — желание не стоять на месте.

— Я хочу познакомить тебя с моей семьей.

— Я не часть твоей семьи, Адам, — отрицательно покачала я головой. — По крайней мере не та, что с фамилией Майколсон.

— Плевать, я просто хочу быть рядом с тобой, даже для мебели.

— Я потеряю себя, Адам.

— Это жизнь, милая. Мы постоянно что-то теряем, разве нет?

Мы молчали, и, когда Адам помог мне слезть с лошади, я погладила ее, а затем застыла на какое-то время, смотря ей вслед, когда она убегала. Легким касанием губ он дотронулся к моим губам и зарылся лицом в мои волосы, целуя шею. Я обняла его за талию, и сегодня «мы» было большим, чем просто ситуация. Мы — это была правда. И самое главное — это было правильно.

— Я никогда не обижу тебя, Донна. Ты будешь счастлива, ведь я просто не прощу себя, если ты заплачешь со мной хотя бы однажды.

— Благодаря тебе я начала любить этот мир.

Я поцеловала его, и Адам углубил поцелуй. Он был вселенной, в которую помещались самые притягательные и в то же время отвратительные черны. Красивое лицо, красивое тело, порой ужасное чувство юмора и завышенная самооценка. А что может быть привлекательней этого?

Мы сели в машину, и Адам, судя по всему, направился в Бруклин. Я не спрашивала, куда мы едем, ведь, если быть до конца честной, я просто хотела быть с ним рядом. Он открыл мне дверь, помогая выйти из машины, и, взяв за руку, улыбнулся, когда мы остановились на пороге небольшого домика. Адам постучал, и нам открыла женщина лет шестидесяти. Она перевела взгляд с меня на Адама и просияла улыбкой.

— Здравствуй, сынок, — сжала она его в объятьях. — Входите.

В доме пахло цветами и дезинфицирующим средством. Я никогда не любила запаха больницы, и Адам, почувствовав мою нервозность, взял за руку.

— Это Эмилия, Донна, — сказал Адам, когда мы присели на диван в гостиной. — Я тебе рассказывал.

— Привет, — улыбнулась я, смотря на женщину.

— Я сделаю чай. Чувствуй себя, как дома, дорогая.

Когда она ушла, я повернулась к Адаму, смотря на него в замешательстве.

— Она относится к тебе, как к сыну.

— Только не говори об этом маме, — покачал головой Адам. — Она не знает, что мы общаемся.

У человека, сидящего рядом, было столько тайн. Он врал людям, говоря, что уезжает на работу, и объяснял очередной порез, наверное, тем, что врезался в дерево по пути домой. Как ему не снесло крышу?

— Что такое, Ди?

Я покачала головой, смотря на него.

— Говори уже.

— Ты сказал, что, когда согласился пойти в ФБР, это спасло тебя от тюрьмы, но твой отец не мог сделать это без опасности твоей жизни на многие последующие годы?

— Я хотел, что меня наказали, Донна.

Я прижалась к нему губами сначала первый раз, а затем второй и третий. Мы целовались, открывались и узнавали друг друга. И это было правильно. Мне хотелось ему верить. Снова.

— Все наладится, — сказал он тихо.

Я свято верю, что у каждого есть выбор. Мы сами выбираем, в какого Бога верить и за какой религией следовать. Мы выбираем клубнику или виноград есть на завтрак, страховую компанию и марку машины, с кем быть вместе и имя своему ребенку. И самое главное — мы выбираем свою профессию, свой путь, следовать ли своим желаниям. И решаем, стоит ли менять мир или же сначала нужно принять себя.

— Каким он был? — спросила я, попивая чай, когда Эмилия села напротив.

— Милочка, — засмеялась женщина. — Представь этого обаятельного парнишку неопытным в жизни, с этой улыбкой, и без страха в глазах. Однажды он прожил у меня целое лето и сделал мне ремонт.

Я посмотрела на Адама и поняла, почему он мне небезразличен. Он — мужчина, с которым я могу проявлять любые свои эмоции. Этот человек слушает меня, и тем самым я

никогда не дохожу до точки кипения рядом с ним. Вот и весь секрет — он позволяет выразить мне все, что я чувствую.

— Как вы познакомились? — спросила Эмилия.

— Наши лучшие друзья решили пожениться, — усмехнулась я. — Я говорила, что это плохая идея, но, кажется, они счастливы.

— Милая, этому парню я сказала однажды, — показала она на Адама. — Шрамы — это лишь символ силы.

Я смотрела на женщину и не понимала, откуда у них столько силы. Она, как и Эмили, простила человека, из-за которого пропустила какое-то время своей жизни.

— Ты думаешь о том, как я могла простить его, — исчезла улыбка с ее лица. — Все просто: всё в нашей жизни временно.

«Без любви человек не более чем мертвец в отпуске, несколько дат, ничего не говорящее имя. Но зачем же тогда жить? С таким же успехом можно и умереть». Ремарк.

Мы попрощались, и я вышла на порог, смотря, как Адам сжимает эту женщину в своих объятьях. Он сказал ей, что сегодня привезут продукты, и, когда мы сели в машину, я позвонила Стейси. Она не ответила, и ситуация только накалялась. Если я знала, что Эмили решит все вопросы, а потом позвонит, то в Стейси я была совершенно не уверена. Но, наверное, это и была часть ее обаяния. Как сказал Шарль Бодлер: «Странность является необходимым ингредиентом для красоты».

Меня мучил этот вопрос, поэтому, когда мы подъехали к моему дому, я повернулась к Адаму, не отводя от него взгляд.

— Ты видишь будущее со мной? — спросила я.

Адам нахмурился, а затем улыбнулся и обнял меня. Он гладил мои волосы и, поцеловав скулу, прошептал:

— Это все, что я вижу.

Мы так просидели некоторое время, и, поцеловав его на прощание, я сказала, что мне нужно решить кое-какие дела. Он не стал спорить, а лишь смотрел на меня взглядом, словно я была головоломкой, которую ему было жизненно необходимо разгадать.

Я вышла с лифта и увидела Стейси, сидящую возле моей двери.

— Эс, — кинулась я к ней. — Почему ты не позвонила?

— Мне... — сжала она меня в объятьях. — Можно...

— Всегда, — закрыла я дверь за нами. — Ты в порядке?

Стейси принимала горячую ванную, а я за это время написала Адаму, что сегодня мы больше не увидимся, и оставила очередное сообщение Эмили. Оценив продукты в холодильнике, я решила приготовить кесадилью с курицей и сыром и положила Стейси чистую одежду.

Когда она вышла из ванной, я поставила перед ней чашку теплого чая и обняла, прежде чем она закуталась в плед, садясь в мягкое кресло.

— Стейси, ты мне расскажешь, что произошло, но сначала я скажу тебе то, что все мы думаем. Плевать на Майкла, на родителей, на весь мир. Ребенок, которого ты носишь — это единственное, что имеет значение, ты меня поняла?

— Иди сюда, — снова обняла меня подруга. — Люди не меняются, я это поняла сегодня. Ты просто лучше их узнаешь.

— Так и есть, — прошептала я. — Сейчас тебе нужно поесть.

Она послушала меня насчет еды, но не проронила больше ни слова. Я не стала копаться

в ее душе, а позволила насладиться тишиной. После, мы направились в спальню, и я уложила Стейси в кровать, накрывая одеялом.

— Не уходи, Донна, — сказала подруга. — Я хочу сказать тебе кое-что, но еще я хочу, чтобы потом ты забыла об этом.

— Конечно, — прилегла я рядом. — Привет, малышка, — погладила я живот подруги. — Это тетя Ди. Я научу тебя влюблять в себя так, чтобы всем остальным сносило крышу, и тебя не будут никогда контролировать. Если тебе сделают больно, я убью этого человека, и это будет наш с тобой секрет.

— Ты милая, — улыбнулась подруга. — Знаешь, я всегда упряма, и я мщу за то, что причиняет мне боль. Я не прощаю предательства и всегда защищаю свою семью. И самое худшее — это то, что я не переношу чувства, которые не могу контролировать.

Вскоре Стейси уснула, и я еще какое-то время лежала рядом и смотрела на нее. Она все время дарит себя, и сама не замечает этого. У меня есть мать, а у Стейси нет никого, кроме нас.

Зазвонил мой телефон, и я сорвалась с кровати, закрывая дверь в спальню, чтобы не разбудить ее.

— Донна, — сказал Адам, когда я подняла трубку.

— Адам, я не могу говорить.

— Что случилось?

— У меня Стейси.

— Ты не должна была позвонить Майклу?

— Я ничего не обещала, и мне нужно помыть посуду.

— Открой сначала дверь.

Я отключила вызов и направилась к двери. Адам стоял с двумя коробками пиццы в руках.

— Ты вредный, — покачала я головой, улыбаясь.

— Я не вредный, — вошел Адам в квартиру. — Большую часть дня.

— Мне нужно время.

— Для чего?

— Чтобы разобраться, что не так с моей харизмой.

— Донна, — нежно прошептал он мое имя.

На мгновение лицо Адама стало беззащитным, и, наклонив голову, он поцеловал меня. Обхватив руками его шею, я улыбнулась и была благодарна, что он снова приехал. Я стала зависеть от общества с ним, и на данный момент этого было более, чем достаточно.

— Твой фильм — отстой, — сказала я, прожевывая пиццу.

— Ты досмотрела его до конца, — содрогался тихим смехом Адам, закрывая ноутбук.

— Поэтому и досмотрела. Я убеждалась, что он отстой.

Он притянул меня к себе, сжимая в объятьях. Я находилась в круговороте собственных мыслей, которые лезли мне в голову. Я думала об аварии, об Оливии, о Стейси и начале ее новой жизни.

Мне всегда хотелось быть целым миром для кого-то. Наверное, это желание любой женщины. Чтобы он видел только меня. Ждал меня. Смешил меня. Встречал после работы. Одаривал поцелуями утром и касаниями вечером.

— В чем подвох, Адам?

— Что ты имеешь в виду? — смотрел он на меня в замешательстве.

— Я не думала, что ты, весь такой большой и грозный, можешь говорить о любви.

— Ты раньше не жаловалась, особенно, когда мы ею занимались.

— Так в чем подвох? — выбросила я коробки в мусор. — Что тебе нужно, кроме Алекса? И почему он тебе нужен вообще?

— Знаешь, — поцеловал Адам меня в лоб и направился к двери. — Я пришел, потому что не хотел отменять встречи. И, Донна, никакого подвоха. Я просто люблю тебя.

Я выдохнула и провела рукой по волосам, смотря в окно. Я смотрела на мир из своей квартиры. Когда Адам вышел, он оглянулся, словно знал, что я буду смотреть ему вслед. Я поняла, что и сама всегда оборачивалась, когда уходила от него. Возможно, именно это и есть доказательство того, что я готова? Доказательство того, что, впервые оглянувшись за мужчиной или провожая его взглядом, мы готовы к тому, чтобы соединить что-то важное, несмотря на страх и сомнения, которые вечно терзают абсолютно всех людей на планете.

Все связанное с самым важным человеком в мире я похоронила много лет назад. Там оно и оставалось. До недавнего времени. Но правда в том, что проблемы никогда не закончатся. Работа, требующая немедленного внимания, никогда не закончится. И так будет всегда. И не то, что я не люблю свою жизнь, просто я давно ею не наслаждаюсь, и сама во всем виновата.

Ретт Батлер сказал: «Разочарование в людях естественно. Единственный способ избежать этого — закрыться одному в квартире. Только есть риск разочарования в самом себе».

Проблема была в том, что я разочаровалась в себе, и, кажется, настало время это изменить.

На следующий день мы со Стейси отправились на УЗИ. Она была права, у нее девочка. Стейси светилась счастьем. Она отталкивала Майкла, а он впадал в отчаянье, хоть и пытался это скрывать. У Стейси естественный характер очарования, который она получила от рождения. Говорят, Бог что-то забирает, но взамен всегда дает другое. Она знала, что красива, и была небезразлична к своей красоте, а значит, её замечали все, и Майкл не был исключением.

После мы сидели в ресторане и обедали. Эмили до сих пор не звонила, и я была вся на нервах. К нам подошла женщина лет шестидесяти и обратилась к Стейси.

— Она будет точной копией своей матери, — сказала она подруге. — Когда твоя дочь вырастет, то будет чистым злом. Слишком красивой. И мастерски будет пользоваться этим. Она сможет разрушить всех, кто станет у нее на пути.

— Вы говорите о ребенке, а не о демоне, — со злостью ответила я, роняя столовые приборы.

— Ты так уверена в этом?

Стейси молчала, а я взяла ее за руку, сказав, чтобы она не обращала внимания.

— Я поеду домой, — сказала подруга, когда мы вышли на улицу. — Отвезешь меня?

— Конечно, — сели мы в машину. — Будь осторожна Эс.

— Осторожность — мое второе имя.

— Я знаю твое второе имя, — засмеялась я. — И она явно не осторожность.

— Еще нужно заехать в супермаркет, и я куплю цуккини, орехи и пирожные с семенами Chia.

— Я лучше пакет съем.

Мы говорили и смеялись по дороге домой, и когда я отвезла Эс, направилась на работу.

Я закрылась в своем кабинете и, открыв интернет, перешерстила всю информацию, которую можно было найти об аварии. Ничего хорошего там не было, и я была готова пройти пешком в другую страну, только лишь бы узнать хоть что-то. Спустя какое-то время я вышла на кухню сделать кофе и осмотреться. Салон был большим, и я смотрела на девушек, понимая, что чувствую злость от того, что вижу.

— Какого хрена? — повысила я голос. Все обратили свой взор на меня. — Вы в салоне красоты работаете, а сами мастера напоминают фильм ужасов. Приведите себя в порядок.

— Донна, — перебил меня Адам, появившийся в дверях. — Пошли поговорим.

Я выдохнула, и Адам закрыл за нами дверь.

— Что случилось, милая?

— Я злюсь, — ответила я. — И не могу ничего поделать.

— Чем занималась?

— Отдыхала от тебя.

— Врунишка, — улыбнулся он. — Ты скучаешь по мне. Хотя, скорее умрешь, чем признаешься в этом.

— Скорее Малибу замерзнет.

— Там когда-то выпал снег. Кажется, в 2007.

— Больше этого не будет.

— Сейчас три, — посмотрел он на часы. — В пять я заеду за тобой.

И он ушел. Я так много узнала об Адаме за последнее время. Его любимый цвет синий хоть и чаще всего он носит светлые костюмы. Любит видеоигры и фильмы, но не позднее 98 года. Еще слушает рок и джаз, что привело меня в замешательство, поскольку я считаю эти музыкальные стили слишком разными и даже несовместимыми. Он любит свою семью и друзей. Когда я сижу за компьютером и что-то просматриваю или читаю, Адам наблюдает за мной. Я знаю, что он думает, что я не замечаю этого, или же совсем наоборот, хочет, чтобы я заметила.

Я давно не была на настоящем свидании, если не считать на спор, и, выйдя из салона, я села в машину, направляясь в торговый центр. Через два с половиной месяца должна была быть весна, и я очень ее ждала. Зимой, даже не особо холодной, я все равно чувствовала себя не комфортно.

«Я никогда не привыкну к весне. Год за годом она поражает меня, она приводит меня в восторг. И никакого значения не имеют ни возраст, ни накопившиеся сомнения и огорчения». Рене Баржавель.

Я выбрала длинное шелковое платье с бретельками, которые пересекались на спине крест-накрест. По дороге заехала в Старбакс, купив чашку латте, и снова отправила сообщение Эмили, на которое, скорее всего, она не ответит.

Причины изменить обычный поток моей жизни нашлись, и, приехав домой, я включила музыку. Локоны, легкий макияж, и я уже собиралась одевать платье, как в дверь позвонили. Накинув халат, я направилась к двери.

— Ну конечно, ну кто же еще мог прийти ко мне вечером, когда его не ждут.

— Ты сногшибательно выглядишь, — улыбнулся Майкл. — Где она?

— Кто? — уставилась я на него.

— Стейси.

— Слушай, у меня ужин с Адамом, а ты меня задерживаешь, — направилась я в спальню. — Пойду надену платье.

— Твоя подруга. Брюнетка. Красивая. Стервозная. Циничная. Самовлюбленная и плохо воспитанная, — слышала я сквозь двери его голос, вытягивая платье из шкафа.

— У нас диалог, как в тупой комедии, Майкл, — засмеялась я. — С чего ты взял, что я знаю, где она?

— Я так часто думаю о том, какой я козел. Начал смотреть ее любимые романтические фильмы. Да у меня нахрен скоро месячные начнутся. И не дай бог, у нашей дочери будет ее характер.

У меня был французский маникюр, и в украшения я выбрала белое золото. Обула ботильоны и вышла в коридор, вытягивая из шкафа белый полушубок.

— Ты потрясающая, — улыбнулся Майкл. — Куда едете?

— Не знаю, — провела я прозрачным блеском по губам.

— Мне не хватало смелости.

— Чтобы уйти?

— Чтобы остаться с ней.

Я написала Адаму, что приеду на место назначения сама, и он сразу перезвонил мне, сказав, что машина уже ждет меня у входа. Это был роскошный белый лимузин. Адам умел производить впечатление. Мы сели в машину, и водитель тронулся с места.

— Что ты думаешь?

— Я думаю, пока ты остаешься женщиной, ты будешь привлекательным для Стейси, остальное же дело твоего мозга и члена.

— Ребенок — это ведь тоже произведение искусства, верно?

— Верно, — кивнула я, улыбаясь. — Это будет девочка.

— У меня будет дочь, — сказал он растерянно. — Единственная, неповторимая, красивая и избалованная любовью дочь. Я всегда жил беспечно, Донна, и мне нравилось это. Когда ты понимаешь, что станешь отцом и скоро твоя маленькая принцесса появится на свет, это одно и, черт возьми, самое прекрасное, что я когда-либо испытывал, но я всегда буду рядом со своей дочерью, я знаю это. Но совсем другое, когда ты понимаешь, что для ее матери ты пустое место. Я не могу смириться с мыслью, что у меня есть слабости, и они — самые важные девушки во вселенной и за ее пределами.

— Если ты любишь свою дочь, Майкл, а ты уже ее больше всего на свете ценишь, ты сделаешь все, чтобы она выросла в нормальной семье и, поверь, Стейси это важно. У нее не было семьи. Она сделает все, чтобы дать это вашей дочери, и чем быстрее ты начнешь действовать, тем быстрее вернешься мать твоего будущего ребенка в свою жизнь. А теперь, — посмотрела я в окно. — Мне пора на свидание к самому сумасшедшему мужчине.

Майкл вышел по пути, а я, приехав на место встречи, сделала несколько вдохов, чтобы успокоиться, прежде, чем выйти. Адам открыл дверь, подавая мне руку, и я вложила свою ладонь. Он был как всегда обаятелен, красив и улыбчив. Я думаю, что сейчас светила счастье. Еще несколько месяцев назад я на дух не переносила Адама. Пробовала его избегать, а сейчас он нравился мне. Он был хорошим человеком, заботливым мужчиной, и ему было присуща непосредственность и чувство меры. Адам не был слишком заботливым, как Брайан, но и не был дофенистом, как Майкл.

Я чувствовала возбуждение еще с момента, когда он сказал мне, что машина ожидает. После нашего телефонного разговора я думала лишь о том, как Адам коснется моего тела. И вот сейчас он стоял, крепко сжимая мою руку. «Он тебе нравится». Прекрасно. Надоедливый голос в голове сопровождал меня, как социопата.

— Ты потрясающе выглядишь, — склонился он к моему уху.

— Ты собрался меня поразить?

— Или быть пораженным, — поцеловал костяшки моих пальцев Адам.

Мы находились на мосту Байон. Он был перекрыт и украшен цветами и гирляндами. Посредине моста стоял стол с ужином, официанты наливали шампанское, и музыканты играли классическую музыку. Фонари висели на балках моста и освещали дорогу.

— Это букеты из фруктов? — смотрела я с изумлением на это произведение искусства.

— Ты немного ненормальная, так что, я думаю, тебе понравится.

— Ты постарался.

— Спасибо, — прошептал он, снова поцеловав мою руку, и помог мне сесть на стул. — Спасибо, что приехала сюда. Спасибо, что дала мне шанс. Спасибо, что бываешь со мной в плохом настроении и разделяешь хорошее. Не вспоминаешь о моих похождениях. Я хочу, чтобы ты знала, я ценю это. Я всегда хотел семью, такую, в которой вырос, и в своей будущей жизни и новой главе книги я вижу только тебя.

Меня начала охватывать паника, и именно в этот момент Адам обнял меня, прижав к себе.

— Дыши, Донна, дыши.

Я поднялась с места, отходя от него, чтобы посмотреть, на что пошел этот мужчина, чтобы я была с ним. Вокруг стояли обогреватели, и музыка не переставала играть. Адам с такой нежностью улыбался мне и был так обходителен.

— За мной так красиво еще не ухаживали, — прошептала я.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы мое эго выросло еще больше?

— Нет. Точно нет.

По-моему, я влюбляюсь в него. Я подумала о том, что, может, и раньше любила его, но не придавала этому значения.

Он создал особый момент. Перекрыл целый мост. И мне было все равно, под каким предлогом. Он сделал это для меня. Свечи, приглушенный свет, красиво накрытый стол и негромкая расслабляющая музыка. Лучший романтический ужин — это ужин-сюрприз. Это особенный вечер и особенный момент в жизни. Я не ожидала от этого мужчины слишком многого, ведь лучше приятно удивиться, чем жестоко разочароваться.

На закуску нам подавали «Вителло тоннато». Это телятина под соусом из тунца, которую подают в качестве закуски. На главное блюдо Адам выбрал «Мерлузу по-галисийски». И на десерт — «Рикотта с персиками». Это были идеальные порции и потрясающее вино, благодаря которому я полностью расслабилась. Мы сидели в полуночном мраке, и яркими огнями со всех сторон переливался ночной город.

— Я больше никогда не взгляну на другую женщину.

— А я взгляну, — не переставала я улыбаться.

Говорят, человеку для счастья нужен человек. На самом деле я не верю в это до конца. Каждый день нам нужно что-то другое. Сегодня человек, а завтра пространство, отдых от других и самого себя. Наверное, нет идеальной пропорции, но я знаю, что твой мужчина — это когда ты воспринимаешь его как то, что дано тебе от рождения. Как то, что не дает больше возможности выбора, потому что он в любом случае должен быть рядом.

Мы разговаривали какое-то время, потом танцевали и смеялись. Я обнимала его, и Адам прижимал меня к себе. Почти все было волшебно, но что-то не так. Жизнь научила тому, что, если все идеально, нужно ждать какую-то подлость со стороны. Выходит, что нужно,

чтобы мужчина делал что-то не так, чтобы мы верили ему.

«Я не такая уж большая оптимистка, но я верю в то, что люди сильнее обстоятельств».

Эльчин Сафари.

— Поехали, милая.

— Поехали.

— Ты серьезно?

— Да, я хочу вспомнить.

У всех свои секреты, и в этом нет ничего плохого. Многие ситуации меняют, но в то же время помогают лучше узнать нас самих. Еще недавно мне нужен был психолог, но проблема была в том, что я хотела изменить свою жизнь, поэтому теперь была без мозгоправа. Это Нью-Йорк. Я живу на Манхэттене, и даже у психологов есть психологи, а теперь у меня есть Эмили, Адам и моя семья.

Мы приехали домой, и Адам извинился, когда ему позвонили. Я понимала его работу и включила свет, улыбаясь. Услышав щелчок двери в ванную, я усмехнулась сама себе, но в следующее мгновение испугалась, услышав знакомый голос.

— Ты думала, я не догоню тебя?

Мурашки пробежали по моему телу. Я надеялась, что Алекс просто исчезнет из моей жизни.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, сверля его взглядом.

Он подошел ближе и взял фото, где мы с подругами вместе в Париже.

— Я помню ее. Это Эмили? Она изменилась, — хмыкнул он. — Нужно будет с ней увидеться.

— Хочешь уехать отсюда с переломанными ногами? Если ты хоть пальцем ее тронешь, ее муж расчленил тебя.

— О, я не буду ее трогать. Я приехал за тобой.

— Убирайся отсюда, — ответила я со злостью. — Иначе я вызову полицию.

Он сделал несколько шагов ко мне, и я ровно столько же от него. Алекс был быстрее, и он пересек комнату, прижимая меня к стенке.

— Не пытайся убежать от меня. Я сильнее тебя.

Я пыталась оттолкнуть его, но это было бессмысленной тратой калорий.

— Если ты думаешь, что я ничего не знаю о твоей жизни, то ты ошибаешься. Я знаю о тебе все, Донна. Я знаю, что ты каждый день думала обо мне, даже если из-за боязни, что я всегда буду единственным в твоей жизни, кому ты подчинялась.

— Заткнись, — ударила я его по лицу. — Иначе я сделаю тебе больно. Много изменилось с тех времен, когда мы были вместе.

— Если ты не вернешься, я расскажу ему, что ты сделала.

— Заткнись! — закричала я.

— Заставь меня.

— Если ты не сделаешь то, что она говорит, я сделаю так, чтобы следующее твое место посещения было на костылях.

Я выдохнула. Адам был тут. Тот, с кем я чувствовала спокойствие и защиту, и именно в этот момент я была уверена, что люблю его. Он снова был тут, защищая меня от самого ужасного кошмара моей жизни.

— Мы вместе мечтали, и ты всегда была единственной, Донна, — обратился ко мне Алекс.

— Иди в комнату, Донна, — пронзал меня взглядом Адам.

— Черт, черт, черт, зачем ты вообще сюда пришел, идиот? — повысила я голос, смотря на Алекса. — Вы оба мне лгали.

— Да, но по разным причинам.

В следующее мгновение Алекс вытащил пистолет и наставил его на Адама. Я действовала гораздо быстрее, чем когда-либо, становясь между ними, и пистолет оказался наставлен на меня. Адам откинул меня в сторону и вырвал пистолет у Алекса, ударяя его по колену. Я не знала, что делать, и просила Адама не трогать человека, которого знаю почти всю свою жизнь, но все было тщетно, и мне пришлось выбирать: или вечные воспоминания об Алексе, или будущее с Адамом. И я нажала кнопку на телефоне.

— Адам, Адам, — кричала я. — ФБР скоро будет тут.

Все лицо Алекса было в крови, и спустя даже не три минуты я услышала вой сирен. На него надели наручники, и Адам смотрел с ненавистью ему в след.

— Ни на одной операции я никогда не чувствовал такого страха. Я не знал, что он будет делать, Ди, — смотрел он на меня с ужасом.

— Я знаю. Я тоже была в ужасе, — прошептала я, беря в руки его лицо. — Адам, я обещаю, что расскажу, почему защищаю его, — он удивленно посмотрел на меня. — Но завтра. А сегодня давай мы не будем говорить об этом.

— А я расскажу тебе, почему он мне нужен, — поцеловал он меня. — И это не только из-за того, что ты любишь его.

— Любила, Адам. Я больше не люблю его.

Я выключила свет в комнате и снова вернулась к Адаму.

— Ты скучаешь по рисованию?

— Да.

Это было простое признание шепотом, но оно тронуло меня. Он открывал мне не свое прошлое, а свои чувства, а это гораздо больше, чем я могла требовать. Я часто общалась с успешными мужчинами. С некоторыми даже встречалась. Но не с такими, как Адам.

— Почему ты больше не рисуешь?

— Потому что после стольких ошибок я хочу рисовать лишь демонов, но не хочу этого.

— Пойдем со мной, — протянула я ему руку.

Мы пришли в ванную, и, не говоря ни слова, я включила душевую систему.

— Впечатляюще.

— Все в этом доме выглядит впечатляюще, — произнесла я с улыбкой.

Я избавилась от платья, а затем на землю полетели трусики и лифчик. Адам не отводил от меня глаз и машинально потянулся к пуговицам на рубашке.

— Я сделаю сама, Адам, — принялась я расстегивать рубашку.

— Хорошо.

Что-то новое мелькнуло на его лице, и он не отводил от меня взгляд. Я осторожно сняла рубашку и положила ладонь на его торс. Адам громко втянул в себя воздух, и я закрыла его рот поцелуем, освобождая от остальной одежды. Вода стекала по его телу, и Адам поднял голову вверх, закрывая глаза. Он обнял меня за талию и зарылся лицом мне в шею.

— Донна, — тихо сказал он. — Я должен оказаться в тебе.

В момент, когда Адам полностью погрузился в меня, наши взгляды встретились, и мне захотелось большего. Намного большего. Я прижалась к Адаму так близко, как только могла, зная, что завтра все будет по-другому.

Адам лежал с закрытыми глазами, а я любовалась им. Он был таким юным во сне, сладко посапывая. Я смотрела на спящего рядом мужчину, и чувство страха парализовало меня. Страх потерять его. Адам всегда вселял в меня чувство уверенности. Его улыбка была действительно чертовски милой и соблазнительной одновременно. И я поняла, что, если он исчезнет из моей жизни, я не знаю, смогу ли пережить очередную потерю. Я не хочу без него. Да, я нашла такого человека. Он реален и пахнет моим. И я не желаю сейчас знать, как это — снова быть одной.

Моя рука делала круговые движения по его груди, и Адам сильнее прижал меня к себе.

— Я думал, ты не любишь, когда тебя обнимают.

— Я и не любила, — вдохнула я запах его кожи, поцеловав шею. — Делаю это только с тобой.

Более правдивых слов я никогда не произносила. Мне нужно ему все рассказать, и факт того, что вскоре его мнение обо мне может измениться, пугало. Сколько бы страсти, возбуждения, стремления управлять и подчинять я ни видела в его глазах, любви там всегда было больше.

— Мне нравится просыпаться с тобой.

Я улыбнулась и нежно поцеловала его в губы.

— Это был последний раз. Сегодня я ухожу.

— Я надеюсь, ты шутишь, — перекатился Адам, прижимая меня своим телом сверху.

— Мой сарказм достиг того уровня, что иногда я не понимаю, шучу я или нет. Но ты бы видел сейчас свое лицо, — засмеялась я.

— Не зли меня, Картер, — приник он к моим губам. — Ты — все, что мне нужно. Ты сексуальна и заставляешь меня смеяться. Я не упущу тебя. Я люблю тебя, Донна. Я чертовски люблю тебя, и мне плевать, что ты не веришь. Я буду доказывать тебе столько, сколько потребуется.

Непролитые слезы заполнили мои глаза, но я не смогла ответить ему. Адам понимал это и спустился поцелуями к моей шее, не придавая значения моему молчанию. Я чувствовала столько всего одновременно и смотрела на этого мужчину так, как не смотрела ранее ни на кого.

— Тебе идет моя любовь, — прикусил он мой подбородок, а затем, вернувшись к губам, втянул в рот мою нижнюю губу.

— Не останавливайся, — прошептала я. — Никогда. Не переставай любить меня, Адам.

— Я не смог бы, даже если бы захотел.

Адам раздвинул мои ноги в стороны, и я задержала дыхание, желая, чтобы он сделал это. Я хотела, чтобы он целовал меня все время. Каждое его прикосновение было требовательным, когда он раз за разом изучал мое тело. Это был чертов ад и блаженство. Адам облизал мои соски по очереди, и как только мое дыхание участилось, начал сосать жестче. Мои глаза закатились от удовольствия, и Адам пробовал меня на вкус, словно я была его самым любимым лакомством. Затем он спустился поцелуями к моему лобку, сохраняя свой взгляд на моем лице. Я тяжело дышала, наблюдая за его действиями. Секс с ним никогда не был грязным, даже если в действительности это было именно так. И в этот

момент я поняла, что полагаюсь на него. Именно тут я безгранично доверляла Адаму. Его глаза пылали, и мне хотелось, чтобы он просто двигался.

— Да! Пожалуйста! — вскрикнула я, вонзившись ногтями в его спину.

— Ты такая сладкая, — прошептал он.

Он прошелся языком по моей киске, жадно поглощая клитор. Я вздрогнула и закричала, хватая его за волосы, и удерживала его голову, не желая, чтобы он останавливался.

— Я хочу слышать тебя, Донна.

Мне нравилось, когда он говорил со мной. И сейчас каждое мгновение я словно боролась за воздух.

— Адам, пожалуйста, — вскрикнула я.

— Что пожалуйста, детка? Скажи, чего ты хочешь.

Святые небеса, как хорошо. Черт, это даже лучше, чем все, что я чувствовала до этого. Если бы он только знал, какой властью обладал надо мной.

— Моё. Это моё, — поднял он голову, смотря мне в глаза.

Адам вошел в меня одним, а затем двумя пальцами, и я задрожала, хватая руками простыни.

— Скажи мне, что это мое, — требовал он.

— Это твое. Пожалуйста, Адам, просто трахни меня, — задыхалась я.

Адам скользнул в меня языком и втянул в рот мой клитор, ускоряя темп. Я закричала, и мои глаза расширились от удовольствия. Я хватала ртом воздух, наслаждаясь лучшим оргазмом в своей жизни.

Я больше не боролась, отдаваясь ему без остатка. Я хотела брать все, что давал мне Адам. Его губы были такими теплыми и властными, и я хотела больше, чем прежде. Я хотела, чтобы Адам Майколсон был моим.

Он накрыл мой рот своим, сильнее вдавливая в кровать, и скользнул в меня членом. Я любила чувствовать его тело. Адам медленно двигался во мне, припадая губами к моему соску.

— О Боже! — вскрикнула я, когда он закусил его зубами.

Адам приподнял меня за попку и начал двигаться быстрее. Я просила о большем, обхватывая ногами его талию. Вцепившись в его плечи, я находилась на грани.

— Я люблю тебя, Донна, — зарычал Адам, смотря мне в глаза. — Я люблю тебя.

— Адам, — прошептала я с мольбой в голосе.

Он ухватился за мои бедра и прикусил плечо. Это было захватывающе. Действительно захватывающе. Адам скользнул руками по моему телу, накрывая ладонями грудь.

— Поцелуй меня, — прошептала я, притягивая его к себе за волосы.

Было ли правильным чувствовать к нему то, что я чувствую? Было ли правильным влюбляться в него? Или я уже любила его? Но я была готова идти по этому пути до конца и до того момента, пока Адам будет позволять мне это. Ведь этот мужчина, по большому счету, является всем, о чем я могу думать.

Он остановился и резко покинул мое тело. Я почувствовала себя на какое-то мгновение неполноценной, как бы отвратительно это не звучало. Адам поднял меня за бедра и перевернул на живот, снова вонзаясь в меня. Я вскрикнула, когда он вцепился в мои бедра, вдалбливаясь в меня снова и снова. Когда я развела ноги еще шире, Адам вошел до конца, и я почти задохнулась от чувств, которые испытывала.

— О черт, — закричала я. — Это лучше, чем все то, что я чувствовала до этого.

— Ты сводишь меня с ума, Донна, — зарычал Адам. — Я хочу быть все время с тобой. Или в тебе. Ты завладела мной, — положил он руки на обе стороны от моей головы. — Кончи со мной. Сейчас же.

В следующее мгновение я рассыпалась на миллион кусочков, выкрикивая его имя. Каждое слово, которое вырывалось изо рта Адама, посылало по моему телу волну удовольствия, и я понимала, что каждый раз вишу на волоске, чтобы не сказать ему, что чувствую. Вишу на волоске от передачи своего сердца в его руки, ведь теперь у меня есть все причины опасаться, что его снова сожмут другие ладони.

Я лежала на подушке, не двигаясь, и улыбалась. Адам поцеловал меня в щеку и ослабил свою хватку на моих бедрах. Нежная улыбка тронула его губы, и он обернул руки вокруг моей талии, приникая к губам.

— Ты боишься? — спросил Адам.

— Я боюсь ошибиться.

— Ты не ошибешься, Донна, — откинул он волосы с моего лица. — Ты эмоциональная. Ты чаще обороняешься, чем улыбаешься, бурно реагируя на все на свете. Но ты чувственная, и такая красивая, Донна, — запечатлел он один поцелуй на моих губах, а затем второй и третий. — Ты берешь ответственность за все свои действия, но у этого есть побочный эффект — твое душевное спокойствие.

— А ты? — не отводила я взгляд от него. — А как насчет твоего душевного спокойствия?

— Это все, что я умею, Донна. Я всегда сражался, и это то, что мне нравится.

«Большинство людей в мире хотят менять что и кого угодно, только не себя». Роберт Кийосаки.

Адам настоял на знакомстве с его семьей, и я сдалась. Он ведь так потрясающе умел уговаривать. Да и кроме того, мне нравилось, что я могла заставить его улыбаться. В какой-то момент мне даже показалось, что я чувствую эмоциональную зависимость по отношению к Адаму. Его советы и мнения становились для меня сверхважными, а присутствие — значимым.

Их дом — это поместье огромных размеров. Семья Майколсон была вежливой и внимательной. Они не упоминали и не задавали вопросов о моей семье, отчего я определенно чувствовала облегчение. Адам все время смотрел на меня, словно пытался

принять какое-то важное решение.

— Здесь так красиво, — прошептала я, все еще пребывая в восторге и замешательстве.

— Да, здесь красиво, если тебе нравится жить в музее, милая.

— Назовешь меня так перед своей семьей, и я вырву твой позвоночник и натяну тебе его на пятку, понял?

— Понял, милая, — поцеловал он меня в щеку, обнимая за талию.

— Засранец, — покачала я головой, но все равно улыбнулась.

Семья была большой и шумной, в хорошем значении этого слова, а также любящей и искренне счастливой. Сначала я увидела светловолосую и удивительно красивую женщину — мать Адама. У него были ее глаза — голубые. Они были, как волны океана, и такого светлого цвета я никогда не встречала ранее.

— Здравствуй, милая. Наконец-то я познакомлюсь с той, кто может держать моего сына в руках, — встретила нас на пороге женщина с улыбкой на лице. — Заходите скорее.

— Это моя мама, — прошептал он, беря меня за руку и ведя в дом.

Женщина обняла Адама, и он нежно поцеловал ее в лоб. Затем она обратила свой взгляд ко мне, и так же крепко сжала в объятьях.

— Мама, это Донна, — поцеловал Адам меня в щеку. — А это моя мама — Изабель.

— Очень приятно, миссис Майколсон, — улыбнулась я.

— Милая, зови меня Изабель. Я рада с тобой познакомиться.

Адам помог снять пальто и направился в гардеробную. Дом сверкал чистотой и жил общей жизнью вместе с его обитателями.

— Изабель! — услышала я мужской голос.

— Момент! — крикнула она в ответ. — Господи Иисусе, мне нужно забрать у Ника карандаши, иначе весь дом скоро будет в его художествах, — после чего она убежала на второй этаж.

Адам вернулся с гардеробной, все еще улыбаясь, и взял меня за руку, когда мы направились в гостиную.

— Располагайся. Выпьешь?

— Нет, — покачала я головой. — Сколько у тебя братьев?

— У меня три сестры и один брат. Семейство довольно запыленное, надеюсь, ты привыкнешь.

Когда Адам говорил о семье, его глаза сверкали теплом и любовью. Я ничего не ответила и принялась рассматривать фотографии. На одной Адам с братом и сестрами на лошадях. Я сразу вспомнила Стейси. Эта девушка любит лошадей. Они всегда свободны, даже когда это не так в буквальном смысле. Все дети были удивительно красивы. Адам на большинстве фотографий совсем еще мальчишка, но все же его взгляд всегда сочился уверенностью.

— Я был просто богом лошадей. Ни разу не падал, — сказал он самодовольно.

— Не верь ему, милая. Лично я перестала верить ему с тех пор, как он научился говорить, — сказала Изабель, спускаясь по лестнице.

— Знаете, почему-то я совсем не удивлена, — усмехнулась я в ответ.

— Быстро вниз! — строго сказал мужской голос после того, как что-то упало наверху.

Спустя несколько секунд я увидела владельца этого баритона. Это был такой же высокий и широкоплечий мужчина, как и Адам, только у него были темные, как смола, волосы и четко вырезанные скулы. За ним же сбежали дети — девочка и мальчик лет семи.

— Привет, я Ребекка, — сказала малышка, пожимая мне руку.

— А я Ник, — добавил мальчик, целуя костяшки моих пальцев.

— Ты такой джентльмен, Ник.

— Этот самый творческий, — сказал отец Адама. — Я Ричард.

— Очень приятно, мистер Майколсон. Я Донна.

— Взаимно, Донна. Здравствуй сын, — пожал он руку Адаму. — Где остальные дети, милая? — спросил Ричард, целуя Изабель в висок.

— Вайлет и Джорджина поехали за десертом.

— Вай и Джо двойняшки, — объяснил мне Адам. — Им по девятнадцать.

— Ты не очень близок с отцом? — спросила я тихо.

— Мы очень близки, — не отводил он взгляд от меня. — Когда-нибудь я расскажу тебе.

Изабель приготовила фаршированную курицу, картошку в мундирах и испекла свой хлеб. Все было так просто и по-домашнему. Когда сестры Адама вошли в комнату, то направились прямо к нам. Это были высокие и стройные девушки. Обе очень красивые, словно сходили с обложек глянцевого журнала. Разве что отличались цветом волос и глазами. У Вайлет были роскошные черные волосы и голубые глаза. Эти глаза могли кого угодно заставить спуститься в ад ради развлечения. В то время как у Джорджины были русые волосы и серые глаза. Они тоже были особенными. Я никогда не считала серый цвет красивым, пока не увидела глаза этой девушки. Этим детям передались удивительные гены.

— Привет, я Вайлет, — сказала девушка и сжала меня в объятьях.

Мне стало неловко, но я все же я обняла ее в ответ. Сразу после Вайлет подошла Джо, в то время, как Адам кружил первую сестру. Что может быть лучше мужчины, точнее его поведения, когда он всем своим видом, эмоциями и взглядом показывает, что любит свою семью? Адам так трепетно относился к родным, что я восхищалась им, хоть для меня это и было ново.

Я подумала, какого это расти и знать, что есть те, кто тебя любит. Что братья или сестры, все они будут на твоей стороне, несмотря ни на что. И пусть вы ругаетесь, отпускаете ироничные замечания в сторону друг друга, но все равно любите, пусть даже весь мир встанет против.

— Вам помочь, Изабель? — спросила я, войдя на кухню, оставив Адама наедине с сестрами.

— Да, — ответила она, вытирая руки об фартук. — Спустись в погреб и выбери бутылку вина на свой вкус. А затем налей нам по бокалу.

Я сделала, как она сказала, взяв бутылку Chateau Cheval Blanc 55 года.

Адам был первым мужчиной, отношения с которым из секса без обязательств привели к знакомству с семьей. Да, у меня не было привязанности к мужчинам очень долгое время, но в Адаме было что-то еще, и я никак не могла понять, что именно.

Поднимаясь по лестнице, я обернулась и вдохнула поглубже воздух, который обитал тут. Я тоже хочу когда-то жить в доме вместе с Адамом и растить наших детей. В этот момент мне до боли захотелось обнять его. Я выключила свет и поднялась наверх. Адам с отцом смотрели футбол, сидя на диване. Остановившись в дверях, решила понаблюдать за ним. Никогда не понимала, как женщины могут любоваться своими мужчинами, тем, как они спят, едят и смотрят телевизор, но теперь я не могла насмотреться на него. Адам обернулся, будто почувствовал меня, и мы застыли. Ричард так же взглянул на меня, а после перевел взгляд на своего сына. Он поднялся с места и направился в кухню, а я подошла и села возле

Адама. Обняла его, уткнувшись лицом в плечо. Он прижал меня к себе и зарылся в мои волосы.

— Я счастлива, что мы тут.

— Я тоже, — поцеловал он меня в висок. — Почему ты здесь?

— Потому что ты здесь.

— Я думал, меня наказали любовью к тебе, но на самом деле — вознаградили.

— Ты был ранее влюблен?

— Да, был. Первая любовь была у всех, но мы были слишком несовместимы.

Адам взял мое лицо в свои ладони, и мы соприкасались лбами. Он всегда обхватывал мое лицо руками, прежде чем поцеловать.

— О тебе нужно заботиться, и я буду это делать.

— Ты заботишься.

— Да. Я ведь знаю, что ты умеешь убегать, — усмехнулся Адам, легко дотронувшись своими губами к моим. — А я не хочу искать тебя в другой стране.

— Мне нужно выпить с твоей матерью по бокалу вина, — поднялась я с места.

— Дорогая, возможно, тебе нужно перестать пить? — улыбался Адам.

— Возможно, но тогда я отрезвею.

Я направилась в кухню с улыбкой на лице и несколько секунд, прежде чем меня заметили, наблюдала со стороны за Ричардом и Изабель. Они восхищались. Столько лет вместе, столько потрясающий детей, и в глазах все еще непреодолимое стремление находиться рядом.

— Так мы выпьем по бокалу? — обратила ко мне свой взор женщина. — Ричард, приготовь стол.

Мужчина ушел, улыбнувшись своей жене, и я налила два бокала вина, отдавая один Изабель.

— Ты мне нравишься, Донна, — не отводила она взгляд от меня. — Я вижу, что мой сын дорог тебе, но ты его не любишь. Я люблю Адама. Он мой первенец, и я не хочу, чтобы ты разбила ему сердце.

— Я не хочу разбивать ему сердце, — ответила я, делая глоток из бокала.

— Я желаю тебе любви, дорогая, — похлопала она меня по руке. — Желаю тебе красивой истории, которую ты сможешь рассказать. Не бойся жить. Не бойся людей и их разочарования. Дни бывают разные, но ты встречай праздником каждый. Жди новый день. Всегда.

С двух сторон стола во главе сидела чета Майколсонов. Я находилась между Адамом и Ником, а напротив были Вайлет, Джорджина и Ребекка.

— Я рад, что мы собрались все вместе, — поднял бокал с вином Ричард. — Все мои дети, и ты, Донна, теперь желанная гостья в этом доме.

Я попыталась выдавить улыбку, чувствуя подступающую панику.

— Спасибо.

— Донна, дыши, — прошептал Адам, сжимая мою руку в своей.

Я посмотрела на него с благодарностью и качнула головой. Я боюсь не только связей и привязанностей, но и слов. Слов, которые ранят сильнее, чем нож, поскольку они навсегда остаются глубоко в тебе. Я знала, что Адам не позволит мне упасть. Он возвышался надо мной в росте и поклонялся моей душе.

— Как вы познакомились? — спросила Вайлет.

— Мы встретились в ресторане. Это было случайно, — ответила я.

— Почему случайно? — смотрела на меня Джорджина.

— Ну, я не очень хотела ехать, а мои подруги не принимают отрицательного ответа. Так что можно считать нашу встречу случайностью.

Адам фыркнул, на что Изабель рассмеялась.

— Милая, даже у случайностей есть цель на их дальнейшую судьбу.

Я всегда была бурей и прибоем в одно и то же время. С первого дня я рыла себе могилу, подпуская Адама ближе. Когда в конечном итоге пришло время раскрывать карты, кроме собственных похорон, мне нечего было предложить. Адам узнал меня целиком. Каким-то образом ему удалось узнать меня лучше, чем всем остальным мужчинам, которые пытались узнавать меня, находясь рядом долгое время.

— Донна, мне нужно на работу, — сказал мне тихо Адам после того, как посмотрел на экран телефона. — Я отвезу тебя.

— Я могу сама доехать.

— Нет, я отвезу тебя.

Мы были не долго у его родителей, и в каком-то смысле я была этому рада. Я была для них чужой, и сама чувствовала себя не в своей тарелке. Мы оба молчали всю дорогу, и я думала о том, что сделаю больно Адаму, чувствуя себя палачом. Я не хотела причинять ему боль, и в этот самый момент я поняла, что люблю его. Хоть и понимаю, что от этого не будет проще ни до самого разговора, ни после него.

— Донна, это моя работа, — остановился он возле моего дома. — Я не могу тебе говорить, и...

— Тебе не нужно ничего говорить, — перебила я Адама. — Я тысячами глотала книги, а это достаточно полезное занятие.

«Люди обязаны друг другу некой верностью, что ли, даже если не женаты. В каком-то смысле, доверие должно заходить еще глубже именно потому что, оно не освящено законом». Чарльз Буковски.

Я пришла домой и снова позвонила Эмили, услышав в итоге ее голос на автоответчике. Затем набрала Стейси и сказала, что вскоре приеду. Я чувствовала себя странно и не хотела оставаться одна.

По пути я позвонила Эбби, Еве и Долорес. Они нужны сейчас Стейси. И мне. Мы семья и это то, что мы делаем — защищаем и открываем бутылку вина при каждой встрече. Я подумала о том, что, несмотря на любовь Эмили и желание уберечь меня, она никогда не давала мне чувства полной защищенности. Эмили держала меня на плаву и удерживала почву под ногами, когда я нуждалась в этом. Но полную защищенность давал мне только Адам.

— Привет, — открыла я дверь, войдя в квартиру Стейси. — Играешь?

— Да, — ответила она. — Моя дочь возьмет лучшее от меня.

— Это в любом случае будет именно так.

— А все, что я могу ей передать — любовь к музыке.

— Это не правда, — села я на диван рядом с подругой. — У тебя много положительных качеств. Но самое главное, что унаследует твой ребенок — твоя преданность.

— Я ничего не чувствую, Донна.

— Может быть, но, когда родится малышка, все изменится. Ты всегда ходила по краю пропасти и никогда не проигрывала. Другие ждут твоего падения и именно по этой причине

не перестают смотреть.

— Майкл приходил, — смотрела Стейси куда угодно, но не на меня.

— Сколько ты собираешься разбивать ему сердце из-за иллюзии, что защищаешь ребенка?

— Пока ему не будет так же больно, как и мне.

— Ты уверена, что выигрываешь?

— Когда я попыталась оградить себя от боли, то сделала себе еще больнее. И я буду для своей девочки рыцарем в серебряных доспехах, ведь я ее мама.

— Откуда ты знала с самого начала, что это девочка?

— Я чувствовала, — усмехнулась Стейси, поднимаясь с места и направляясь в кухню.

— Знаешь, Эс, каким бы воином ты ни была, ты всегда будешь хотеть любви. Будешь хотеть рыцаря, который будет тебя защищать.

— Драгоценнее моей дочери для меня не будет ничего на свете.

Любовь матери к своему ребенку не спутаешь ни с одной другой. Стейси не знает, что такое любовь родителей, но она будет лучшим героем для своего ребенка.

В дверь позвонили, и я пошла открывать. На пороге стояла Долорес и усмехнулась, увидев меня.

— Ева улетает через час в Милан, — вошла в дом подруга. — А Эбби... ты и сама знаешь.

— Конечно, — прошли мы в кухню. — У нее работа. Как ты?

— Лучше всех, — поцеловала Долорес в щеку Стейси. — Только никто не завидует.

При всем том, что сейчас я находилась в кругу семьи, мне не хватало Эмили. Я впервые в жизни была так долго с ней в разных городах, чувствуя тревогу. Та часть в моем сердце, которая принадлежит Эмили, сейчас была не до конца заполнена.

— Чего ты хочешь, Эс? — спросила я.

— Билет в Италию.

— Так поехали, — смотрела Долорес на экран своего телефона. — На следующий месяц. Я так давно не была в Риме.

— Нужно поговорить со всеми и все спланировать, — ответила я. — Мы не можем просто так уехать.

— Можем, — задумчиво произнесла Стейси. — Именно это мы и сделаем. Просто уедем. Будем смотреть на страну, где много любви и потрясающие цветы. Там всегда ясно, светло и весело.

— Ага, — улыбалась Долорес. — А по улицам ходят жар-птицы.

— Цветы переоценены, Эс, — добавила я. — Я хочу посетить книжные магазины. Книги — вот, что всегда будет лучшим подарком и лучшей покупкой. Вот что всегда будет волшебным.

— Чем хуже выгляжу я, тем лучше ты, — сказала Стейси, смотря на Долорес. — И за это я ненавижу тебя.

— Как ты? — спросила Доли, игнорируя слова Стейси.

— Майкл не звонит мне, и, кстати, меня раздражает это еще больше, чем, когда он звонил.

— Сделать Космополитен? — открыла я холодильник.

— Я еще не завтракала, — ответила Долорес. — Но я согласна.

— Низко же ты пала, раз завтракаешь выпивкой, — сказала Стейси.

— Я могу сделать тебе водку с хлопьями, — усмехнулась я.

Я не видела Адама после того, как мы ездили к его родителям. Я вспоминала нашу дорогу по пути домой. Оба мы находились в раздумьях, и если я думала, как лучше преподать правду, то лицо Адама было непроницаемым, как всегда.

С того момента прошло уже три дня, и мои нервы из-за Эмили были на пределе. Она оставила мне сообщение, сказав, что до конца недели все будет решено. Я была благодарна, что она делала это, и понимала, что Эм снова жертвовала своим счастьем и внутренним покоем ради меня. Хоть подруга и решила полностью изменить свою жизнь, я не видела в ней никого, кроме юриста. Она была мастером сделок, споров и затыканий ртов. И еще она прикрывала. Да, Эмили Харисон всегда прикрывала спины близких людей, но, став Эмили Прайсон, она изменилась. Теперь она больше улыбалась и чаще прощала.

Я думала, что Адам избегает меня. Я смотрела в окно, находясь на работе, когда увидела его, выходящего из своей машины. Я наблюдала за тем, как Адам открывает дверь в мой салон и снимает солнцезащитные очки. Когда он вошел, я на мгновение задержала дыхание, в принципе, как и все остальные. Но разница была в том, что я знала Адама. Он был сексуален, властен и опасен. Но также заботливый и нежный. Адам нравился всем, и каждый мог найти в нем что-то свое.

— Здравствуйте, — улыбнулся он, обводя взглядом каждого в зале, и остановился на мне. — Можем поговорить?

Одно движение. Одно прикосновение. Один взгляд. Один вдох его запаха. И весь мир со всей моей выдержкой полетел к чертям. Никто не действует на меня так, как он.

Я качнула головой, и, войдя в мой кабинет, Адам закрыл за нами дверь. Я хотела его. Только рядом с Адамом я чувствовала. Я положила свои руки ему на грудь, снова вдыхая его запах, и прикусила шею, проведя языком по месту укуса после.

— Донна.

Это все, что сказал Адам прежде чем накрыть своим ртом мой. Отчаянье в его поцелуе заставило меня почувствовать страх. Но еще было возбуждение. Я была больна на всю голову, и Адам знал это. Он принимал это. Наши языки сплелись, пробуя на вкус друг друга, и я толкнула его к двери, пытаясь быть ближе. Я расстегнула его пальто, а затем и рубашку, отводя их в стороны. Проведя руками по мышцам, взяла в рот сосок. Я никогда не была любительницей секса. До Адама. Я любила его тело. Я все любила в нем. И знала, что эта неделя до звонка Эмили, возможно, была последней.

Адам обхватил руками мою талию и, подняв на руки, посадил на стол. Его дыхание было тяжелым, когда он наклонился и уткнулся в мою шею. Он обнял меня за талию, и мы оба пытались успокоиться. Я чувствовала себя так, словно пробежала марафон, и не хотела отпускать его. Его руки гладили меня по спине, и это успокаивало.

— Я никогда не откажу тебе, Донна, — сказал он тихо. — Если ты хочешь меня, я дам тебе это. Но ты не хочешь меня. Тебе нужен просто секс, верно?

— Иногда я ненавижу тебя, — посмотрела ему в глаза. — Зачем ты приехал?

— Хотел увидеть тебя.

— Знаешь, я просто не знаю, чем закончится все то, что между нами. Я больше никогда не буду прежней. У меня есть прошлое, и мне не на что опереться. Вся жизнь потеряла смысл еще семь лет назад.

— У тебя есть я, милая, — поцеловал он мои ладони. — Делай то, что считаешь правильным. Этого всегда достаточно.

— Я не могу любить тебя, Адам, — скатилась слеза по моей щеке.

— Не надо любить меня, — видела я боль в его глазах. — Просто не оставляй.

Я надела пальто, и Адам, взяв меня за руку, пошел к выходу. Мы сели в машину и направились к нему домой. Я не хотела говорить, а он ничего и не спрашивал. Войдя в пентхаус, мы направились в гардеробную. Адам ни на мгновение не отпустил мою руку.

— Тут есть несколько нарядов, — сказал он, целуя меня в висок. — Выбери то, что тебе понравится, и я жду тебя.

Я прошлась глазами по всем вечерним платьям и остановила взгляд на черном из шелка и кружева. Оно было длинным с небольшим шейфом сзади. Также к нему я увидела длинные вечерние перчатки из черного шелка. Я убрала волосы наверх, оставив одну прядь. Скрыв косметикой круги под глазами, я лишь накрашила ресницы и губы помадой цвета марсала. Последний раз взглянув на себя в зеркало, я улыбнулась тому, что увидела там, хоть и не знала, куда мы направляемся. Открыв дверь, я увидела Адама, который стоял, опираясь на комод, и улыбался. Его руки были скрещены на груди, и он выглядел расслабленным в отличии от меня.

— Как тебе? — спросила я, покрутившись.

— Не хватает одной маленькой детали, — подошел он ко мне.

— И какой же?

— Этой, — приник он к моим губам.

Когда Адам отступил, на мне было ожерелье. Это были черные бриллианты в форме капли, которые так потрясающе переливались под светом. Также Адам достал из кармана коробочку, одевая такой же браслет мне на руку, а затем и серьги, которые свисали цепочкой вниз.

Это было потрясающе. Он словно знал, какое платье я выберу, подобрав идеальные украшения, но все равно дал мне право выбора. Я улыбнулась, беря Адама за локоть, и, когда он помог надеть мне пальто, мы последовали к лифту, поднимаясь на крышу.

— Куда мы?

Адам лишь поцеловал мою руку в перчатке, и, выйдя из лифта, я увидела вертолет, который уже был готов взлетать.

— В Сиэтл, — помог он занять мое место, затягивая ремень безопасности и одевая на меня наушники. — И добраться нам нужно быстро.

Мы направлялись в театр Seattle Symphony на концерт. Раньше я никогда не бывала в Сиэтле, и тем более не была готова к таким эмоциям. Это было волшебно. И вечерний город, и стремление удивить меня, учитывая мое мнение и вкусы.

Адам, кажется, любил свое состояние рядом со мной, а я любила чувствовать себя нужной этому человеку. Жизненно-необходимой во всем.

Через два с половиной часа мы приземлились, и машина отвезла нас к месту назначения. Театр не был огромным, как в других больших городах, но акустика была потрясающая. Мы сели на места, вскоре наслаждаясь концертом классической музыки. Оркестр играл, словно по клавишам души. Моей души, о существовании которой несколько месяцев назад я даже не подозревала.

Мое сердце билось, как сумасшедшее, и я чувствовала столько счастья. Моя кожа была покрыта мурашками, и слезы от переизбытка эмоций резали глаза. Время так незаметно пролетело, и все изменилось в мгновение ока. С пустоты внутри я стала человеком, благодаря ему. Благодаря мужчине, который нужен мне теперь, как воздух. Несмотря на след

в моей жизни, который вовеки оставил Алекс, он остался никем. Он не остался ни парнем, ни другом, а лишь на какое-то время несбывшийся мечтой, которая не оставила ничего, кроме сожаления о потраченном времени.

— Адам.

Мой голос звучал, как мольба. Я взяла Адама за руку, сжимая, и улыбнулась ему. Я давно не чувствовала такого счастья и прилива вдохновения к самой жизни.

Мы вышли из зала и, сев в машину, отправились в ресторан ужинать. С первого дня знакомства с Адамом я была на грани того, чтобы отдать свое сердце, и я сделала это. Сделала, несмотря на всю боязнь быть разбитой снова. Я нашла в нем все: поддержку, любовь, сильное мужское плечо, спину, которой он всегда закроет меня, заботу и счастье. А он нашел ключ от моего сердца. Ключ от всей меня. Зачем люди все время что-то ищут? Почему нам так трудно остановиться? Найдя свое, зачем мы все время думаем, что по-другому будет лучше? Сейчас я не жила в сказке, ведь все было более чем реально. Но все же, если мир сгорит до тла, мы сгорим вместе, стоя спинами друг к другу.

Мы сделали заказ, и мой телефон издал сигнал. Я посмотрела на экран, читая сообщение от Эмили.

— Мне нужно домой, — сказала я, чувствуя нарастающую панику, которую пыталась сдержать. — Не спрашивай ни о чем, просто давай вернемся в Нью-Йорк.

Адам снова удивил меня, не задав ни одного вопроса, и мы направились к вертолету. Мне нужно было поговорить с ним, и, приземлившись уже на крыше его дома, мы покинули воздушный транспорт. Я быстрым шагом направилась в само помещение, но Адам догнал меня, хватая за локоть.

— Поговори со мной, — не отводил он глаз.

— Хорошо, — чувствовала я подступающие слезы. — Только отвези меня домой.

Двенадцать лет назад.

— Я самоуверенная. Высокомерная. Иногда манипулирующая и жестока. Часто эгоистична, и ненавижу вранье. Я никогда не влюбляюсь. У меня нет сердца ни для кого, кроме своей семьи.

— Ты слишком молода, чтобы говорить так, не думаешь? В твоей жизни еще будет именно тот, из-за кого сердце будет биться и останавливаться в унисон.

— А как насчет тебя? Ты был когда-нибудь влюблен? — смотрела я на парня, который улыбался еще мгновение назад.

Его глаза опустились, и он посмотрел на бокал с пивом. У него была своя история, и откровенно говоря, я не хотела ее знать.

— Выпьем, я угощаю, — сказала я ему, меняя тему.

— Тебе только семнадцать, — засмеялся он. — Тебе не продадут.

— Пожалуйста, не оскорбляй меня, — фыркнула я и направилась к барной стойке.

После того, как я принесла четыре рюмки текилы, две поставила перед ним.

— Две тебе, две мне.

Почти под утро я вышла из бара, вытягивая сигарету из пачки.

— Бедный парень, — услышала я мужской голос за спиной. — После того, что ты там вытворяла, ему нужен холодный душ.

Я рассмеялась и повернулась к владельцу этого сладкого голоса. Он смотрел на меня, как на экспонат. Как на загадку, которую необходимо было разгадать. И я не отводила свой

взор от него, улыбаясь в ответ.

— Я Алекс, кстати, — протянул он свою руку.

— Донна.

— Потрясающе.

Тогда-то я и влюбилась в него. Я смотрела пьяными глазами, и мы были другими. Мы были свободными, и наши души пели, летая на все четыре стороны. Мы воевали, не зная, за что, и всегда что-то искали. Но все же совершали одну и ту же ошибку — ступали лишь по сокращенному пути.

Наши дни.

Какое-то время мы ехали в машине молча, и как только я собиралась начать свою историю, услышала устрашающий голос Адама.

— Чего ты боишься, Донна?

— Адам, мне нужно домой, — прошептала я.

— Чего ты боишься, Донна? — повысил он голос.

Его терпение было на пределе, как и мое. Адам выглядел пугающе и сейчас внушал страх. Я не знала, чего ожидать от него, но не тронулась с места. Адам свернул с главной дороги и выехал на автостраду, все время набирая скорость. Несмотря на мою жажду скорости, его поведение начинало меня пугать.

— Останови машину, Адам! — крикнула я.

— Пока ты мне не ответишь, я буду набирать скорость. Выбор за тобой, Донна.

— Мы разобьемся, идиот! Останови машину!

Он только хмыкнул, снова переключая передачу.

— Я сейчас выпрыгну!

— Давай. Разобьешься, а мне придется отвечать.

— Боже, Боже! Что ты творишь!? Я ненавижу тебя!

— Пока ты не ответишь на мой вопрос, твои слова ничего значить не будут.

— Пошел ты!

Он резко остановил машину, и я выскочила из нее, пытаюсь сдержать слезы. Адам снова завел мотор и уехал. Я стояла, шокированная его поведением и своими чувствами. Что бы я ни говорила, я не могла ненавидеть его, а все было совсем наоборот. Я любила его. Любила этого идиота всем своим существом. Он был прав, даже в такой ситуации я держала себя в руках, пряча слезы, и уже хотела набрать номер такси дрожащими руками, как снова увидела его машину, которая приближалась ко мне. Он хлопнул дверью, ударяя ладонью по крыше машины.

— Залезай в машину! Я отвезу тебя.

— Отвали от меня, — ответила я спокойно, слушая гудки в трубке.

— Черт! Что ты творишь со мной? Ударь меня, чтобы я уехал нахрен! — кричал Адам.

Его дыхание было тяжелым, а взгляд измученным. Голубые глаза больше не были как небо, а излучали лишь темноту и боль.

— Не молчи, Донна, — наконец выдохнул Адам, садясь на землю. — Хочешь, я извинюсь? Стану на колени перед тобой за каждый поганый поступок? Донна, прости меня. Будь со мной. Без тебя никак не выходит, пусть мне и сложно удержать тебя на плаву каждый чертов день.

Я подошла к нему и села рядом.

— Теперь все кончено, Адам.

— Что кончено?

— То, что было.

— Почему?

— Ты не примешь ее.

— Кого?

— Мою дочь.

Я считаю, что главное в любви — качество общения. Если нет общения без обсуждений и споров, не будет гармонии, то не будет и любви. Внимание, ответственность и забота — это любовь. А любовь — это общение.

— Ты поэтому так старалась меня не любить? — поднялся он с холодной земли, подавая мне руку — Поэтому держалась подальше? Потому что думала, что я не приму тебя целиком?

— Я никогда не думала, что увижу ее снова, и никогда не собиралась тебе о ней рассказывать, — потекли слезы из моих глаз.

— Донна, — взял он мое лицо двумя руками, словно я вот-вот исчезну. — Если бы ты сожгла планету, я бы все равно продолжал тебя любить.

— Ты примешь чужого ребенка? Не будешь обращать внимания на то, что отец этой девочки — тот, кого ты ненавидишь?

— А ты не думала, что ей будет лучше без тебя?

— Ты только что сказал, чтобы я отдала своего ребенка? — повышала я голос, отходя от него. — Опять?

Я не собиралась спрашивать, но была настолько поражена. Я хотела врезать ему или просто причинить боль, ведь хуже, чем то, что он сказал только что, и быть не могло.

— Ты не так поняла, Донна, — попытался обнять меня Адам.

Я оттолкнула его, давая ему пощечину, и слезы покатались с моих глаз.

— Пошел нахрен, — прошептала я, пытаясь полностью выключить эмоции.

— Донна, не надо пустоты, — повышал он голос. — Я просто хочу понять, ты уверена, что сможешь быть ей матерью после стольких лет?

Это был не вопрос, а скорее констатация факта, произнесенная шепотом. Хмурый взгляд Адама говорил сам за себя, и он не сводил с меня глаз.

— Сейчас важна лишь моя дочь. Я вернула своего ребенка спустя семь лет ада на земле. И больше мне не нужно ничего, Адам, даже если мир будет гореть синим пламенем.

Я видела слезы в глазах Адама, но он не сказал больше ни слова. И когда дверь машины закрылась, и он тронулся с места, я вызвала такси с желанием быстрее приехать домой и собрать вещи. Я хотела увидеть в Адаме желание быть рядом. Принять меня целиком, несмотря ни на что. Увидеть это и услышать, что мне не нужно никуда уходить. А если я уйду, он возьмет меня за руку и будет рядом. Но он не смог, а я не стала навязывать. Тем более после слов, которые он сказал мне.

Я всегда хотела вернуть своего ребенка. Свою дочь. Но я знала, что у тех родителей не может быть детей, и, если Оливия будет жить с ними, у нее будет жизнь в любви и безопасности. Я не могла ей дать этого тогда, учитывая, что алкоголь и вечеринки сопровождали меня везде. Но теперь я буду засыпать, зная, что моя девочка со мной. Она будет улыбаться, и я буду причиной ее улыбки. Я жду каждый день «завтра», ведь знаю, что если не сегодня, то именно завтра, скажу ей «привет». Половина моего сердца принадлежит

этому ребенку, от которого у меня долгие годы была лишь единственная фотография. И нет боли, которая сравнилась бы с болью от потери ребенка, особенно осознавая, что я сама была тому причиной.

— Эмили, я скоро буду на месте, — сказала я по телефону, положив в сумку фотографию.

— Я жду тебя, Ди, — ответила она тихо. — Донна?

— Да?

— Никто не заслуживает того, через что ты прошла.

— Как она?

— Она плачет, — слышала я отчаянье в голосе подруги. — И смотря на нее, я вижу тебя.

Мы могли бы быть счастливы здесь.

— Эмили, я уже еду в аэропорт, — закрыла я входную дверь и спустилась в холл. — И я пойду против всего святого в этом мире, чтобы быть со своей дочерью.

«Ничего нет хуже, чем сидеть рядом с женщиной, на которую до смерти хочется смотреть». Давид Фонкинос.

Я звонил ей две недели подряд, оставляя каждый день по одному сообщению. Я не мог объяснить, почему повел себя тогда, как идиот. Брайан сказал, что ей нужно время с ее дочерью, и я готов был дать Донне все, что угодно. Ведь теперь она каждый чертов день сжимала в руках мое сердце. Но несмотря на это, я был зол. Держа в руках бутылку воды, я вспоминал тот вечер, когда не мог остановить дерьмо, которое вырывалось из моего рта. Прогресс, который был достигнут между нами, в мгновение ока был уничтожен.

Мне не хватало ее. Боже, до чего же я стал зависим от этой женщины. Я все время думал о моментах, когда она стала на меня смотреть по-другому. В один момент Донна перестала хотеть, чтобы я наблюдал за ней. Это и был конец. Я сидел на полу своей огромной квартиры, и мне еще никогда в жизни не было так одиноко. Закрыв глаза, прошептал: «Прости меня», — хоть и знал, что этого никогда не произойдет. Она ушла. Донна теперь далеко и начинает новую жизнь с самым дорогим человеком для нее. Я не хотел, чтобы она уходила, даже зная, что я в любом случае буду преследовать ее, где бы она ни оказалась. Но она ушла, и я ей позволил. Быть тем, с кем она захочет остаться, оказалось труднее, чем я думал.

В очередное утро я смотрел на небрежно смятую постель, которую освещало солнце из окна. Донна любила мои серые шелковые простыни, а я любил, как она выглядела на них с растрепанными волосами. Она говорила слегка хриплым сонным голосом и улыбалась. Я смотрел на нее с голодом все время, и она была так безоружна в моих руках. Я думал, что контролировал все, но на самом деле, как только эта женщина вошла в мою жизнь, она контролировала меня. Она могла делать со мной все, что угодно, и любое ее слово стало для меня неписанным законом.

Я сел в машину и поехал к Брайану в офис. Войдя в его кабинет, плюхнулся в мягкое кресло напротив и уставился на стену.

— Выглядишь дерьмово, — сказал друг.

— Тоже рад тебя видеть, — ответил я. — Ты говорил с Эмили?

— Она моя жена, Адам, — открыл Брайан бар, доставая бутылку виски и два бокала. — Я каждый день с ней говорю.

— Как она, Брайан? — забрал я бокал, сделав глоток.

— Она в порядке.

— Скажи ей, пусть позвонит мне. Я просто хочу услышать ее голос. Хочу сказать, что сожалею о сказанном и нуждаюсь в ней.

Любой другой человек бы посмеялся, но не Брайан. Он так же зависел от Эмили, и всегда все понимал.

Я поднялся с места и прилег на кожаный диван, скидывая все бумаги, которые там лежали, на пол. Я причинил ей боль. Я помнил лицо Донны, когда сказал ей о том, что она не сможет быть матерью этому ребенку. Когда я стал таким садистом? Я не заслуживал Донну, но она нужна мне как воздух. Она заботилась обо всех, кого любила, но я не мог доверить заботу о ней кому-то другому.

— Я не могу так, — закричал я в комнату. — Вернись.

— Расскажешь? — сбросил мои ноги Брайан, садясь рядом. — Этот диван мне дорог.

— Даже не буду спрашивать, — фыркнул я.

— И не надо, — усмехнулся друг. — Что случилось?

— Я чувствую запах ее духов за сотни километров, — откинулся я назад, закрывая глаза. — Я дышал только Донной и не понимал этого, пока она не уехала. Я никогда не чувствовал такой беспомощности, Брайан. Она рассказала мне о девочке и хотела, чтобы я сделал это вместе с ней. Я так виноват. Я не предложил свою помощь, а только начал давить на больное. Но как, черт возьми, она собирается справляться с этим одна? Перевести ребенка в другую страну? Смотреть на ее скорбь по родителям в то время, как будет сидеть рядом и держать девочку за руку, понимая, что это её дочь?

— Как зовут девочку?

— Оливия, — посмотрел я на него. — Разве это важно?

— Тебе придется принять ее дочь, иначе она никогда не будет с тобой.

— Ты бы принял ребенка Эмили?

— Да, — вернулся он на место. — Я приму все, что является ее частью.

Затем Брайан позвонил своей жене и включил громкоговоритель.

— Милая, ты в порядке? — спросил он.

— Да, Брайан. Я сейчас занята, но мне кое-что нужно от тебя.

— Что?

— Частный самолет, — ответила Эмили. — И не только в одну сторону.

— У вас какие-то проблемы?

— Нет, перезвони мне, когда будет готово.

Затем Эмили бросила трубку, как всегда, и Брайан нахмурился, смотря на экран телефона.

— Ты слышишь то же самое, что и я?

— Что ты имеешь в виду? — смотрел я на него.

— Вранье, — перевел он взгляд на меня. — Эмили мне врет. Она всегда нервно смеется, когда врет, и пытается быстрее закончить разговор.

Они были такие разные. Донна была податливая, Эмили же совсем наоборот. Донна самоотверженная, вдумчивая и жесткая. Она никогда ничего не ждала. Я помнил, как ее дыхание обжигало мое ухо, и мое тело напрягалось каждый раз, когда Донна касалась меня.

Сообщение поступило мне на телефон, и, прочитав его, я знал, чем сегодня займу свои руки и мысли.

— Почему? — спросил Брайан, не отводя от меня взгляд.

— Что почему? — направился я к двери.

— Почему ты полюбил ее?

— Она преданна, — усмехнулся я, открывая дверь. — И еще у нее необычное чувство юмора.

«Правда подобна солнцу. От нее можно закрыться на какое-то время, но от этого она нигде не исчезнет». Элвис Пресли.

Я вышел на улицу и огляделся по сторонам. Зима в этом году была ни к черту, но это было на руку. Я надел шлем и, заведя мотоцикл, направился к человеку, который мне определенно должен помочь. Боль — это то, чему нас учат, когда ты в ФБР. Это то, что ты все время испытываешь, смотря на смерть каждый день.

— Папа, — вошел я к нему в кабинет. — Мне нужна услуга. Я буду тебе должен.

— Ты мой сын, — поднял голову от бумаг отец. — Ты не будешь мне должен, Адам.

— Я тут не как твой сын.

— Адам, — встал он с места. — Я помогу тебе во всем, о чем бы ты не попросил, и при условии, что твои руки от этого действия не будут в крови. Но будь осторожен, ведь когда-нибудь я верну долг.

Спустя час я вышел из его кабинета и направился в тюрьму Аттика. Я не знал всей истории Алекса, но я знал достаточно, чтобы сделать ему больно.

— Адам, — вошел в комнату Алекс. — Какая неожиданная встреча.

— Ты знал, что я приду.

— Конечно, — засмеялся он. — Я ощущаю каждый день, как ты дышишь мне в спину. Я ведь могу столько сделать отсюда. Например, можно ей ноги сломать, чтобы она больше не смогла ими обнять тебя, когда ты будешь ее трахать.

Я поднял взгляд на камеру, и запись прекратилась, когда загорелась красная лампочка.

— А теперь послушай меня, — схватил я его за шею. — Через несколько дней я разберусь со всем, а до этого времени советую не делать резких движений. Я заплачу сколько надо, чтобы руки самому об тебя не марать, награду за твое дохлое тело объявлю, если с головы Донны упадет хоть один гребаный волос.

— Ты посадил меня сюда, — откашлялся он, когда я оттолкнул его. — И знал, что я долго не просижу тут.

— Да, ты тут, потому что я могу это сделать.

— Считаешь себя крутым?

— Да. А ты никто. Ты столько лет прикрывался ею, подставляя ее под прицел.

Я еще раз взглянул на камеру и достал из ботинка охотничий нож.

— Что ты делаешь, черт возьми? — закричал этот кретин. — Все узнают!

— Об этом я уже позаботился, — ответил я тихо.

Я ударил его ножом в живот, и Алекс снова закричал, отскакивая. Он пытался убежать, но мне было плевать, что у нас явно неравные силы. Мне нужно было его припугнуть, чтобы он не добрался к Донне и малышке.

— Что у вас есть общего? — спрашивал я, смотря на него. — Почему Донна защищает тебя?

— Она любит меня, — испустил Алекс смешок. — У нас есть общий ребенок, правда, я не знаю, жив ли он.

Я снова пересек комнату и провел ножом от его ключицы к ребрам, смотря как кровь стекает по коже. Я уже более, чем достаточно повредил его, но у меня перед глазами была красная пелена, и я хотел его покалечить. Схватив Алекса за одежду, я ударил его кулаком по лицу, явно сломав нос.

— Это тебе за боль, причиненную Донне, — прорычал я. — Ты будешь страдать, пока я не закончу. Тебе никогда не следовало прикасаться к ней, — бил я его каждый раз, чувствуя, что мне становится легче. — За каждую секунду ее страха ты получишь то же самое, а потом сдохнешь.

Затем я вышел из камеры и качнул головой охраннику, что закончил. Я знал, что будет дальше, и пусть я был больным на всю голову, но я наслаждался болью этого кретина.

Я соскучился по нашим разговорам с ней и по ее запаху. По тому, как она засыпала у меня на груди и каждое утро просыпалась, повернувшись спиной ко мне. Она занималась со

мною сексом и разговаривала, потому что хотела. Хотела именно меня, а не что-то от меня. Донна изранена, но она всегда боролась. Это была ее дальняя дорога за всей этой красивой упаковкой. Знал ли я когда-нибудь подобную женщину? Нет. И я понял, что, несмотря на все, я не готов отпустить лучшее, что я когда-либо встречал. Но в то же время я помнил, как она освободилась из моей хватки. Как она смотрела на меня. Я так хотел прикоснуться к ней. Дерьмо. Я не мог побороть это. Я готов был пойти на что угодно, чтобы она вернулась ко мне.

Я прошел по коридору и вышел на улицу. Холодный воздух ударил мне в лицо, и я двинулся дальше. Завернув за угол, я ударил кулаком по кирпичной стене сначала один, второй, а затем и третий раз. Я хотел, чтобы эта боль заглушила ту, что я чувствовал внутри. Я был потерянным и уязвимым. Я не мог уйти. Никогда не мог ее оставить, даже когда узнал, что все, что она говорила, было ложью. Реальность беспощадна. Я испытывал ярость от того, что пытался вытащить ее оттуда, откуда нет выхода. И самое отвратительное было то, что даже сейчас я хотел Донну. Хотел ее больше всего на свете.

Но я не был Брайаном, как и Донна не была Эмили. Эмили любила моего друга и сражалась за него и его чувства больше, чем способна обычная женщина. Донна никогда бы не сражалась за меня.

Я приехал в свое казино и, как только решил закрыться в кабинете, услышал, как меня окликнули. Я повернулся и увидел девушку.

— Мелони, — сказал я сухо. — Что ты тут делаешь?

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Давай через несколько дней, мне нужно кое-что забрать, а потом домой.

— Адам, пожалуйста.

— Черт с ним, поехали.

Я взял служебную машину и открыл ей дверцу, наблюдая замешательство и озадаченность на ее лице.

— Что случилось? — спросил я.

— Я рассталась со своим парнем, и теперь мне негде жить.

— Ты хочешь, чтобы я освободил тебе комнату? — спросил я с сарказмом.

— Я была бы не против, — усмехнулась девушка. — Я теперь свободна.

— А я нет.

— Адам, ты всегда свободен, я же тебя знаю.

Нет. Я понял, что она совсем меня не знала. Мелони совсем не понимала меня, и я задумался, как мог быть с ней столько времени. Она пахла духами. Слишком резкими, в отличие от Донны, ведь женщина, которую я любил, пахла, как чертов рай. В ней было сочетание запаха яблок и корицы. Донна была такой совершенной, что это причиняло боль. Я закрыл глаза и сделал несколько вдохов, чтобы успокоиться.

— Ну так что? — снова спросила она, когда мы вошли в мой пентхаус.

— Я дам возможность тебе пожить в другой квартире. Отдельно от меня. У тебя будет неделя, чтобы повзрослеть. Сделай себе выпить, — сказал я, уходя. — Я в душ.

У Мелони был пирсинг в пупке и татуировка под тазовой костью. Раньше мне казалось это сексуальным, но сегодня все, о чем я мог думать — это то, что у Донны безупречное тело. Периодически с Мел мы раньше спали, удовлетворяя потребности друг друга. А потом она сказала, что влюбилась в меня, и я решил все порвать. У меня было много таких женщин, чем я точно не горжусь теперь, но встретив Донну, все изменилось. И это что-то — я сам.

Я ненавидел то, что был таким слабым. Когда прислонился к холодному кафелю, представлял, как целую Донну, раздвигаю ее ноги, вторгаюсь в нее, и ее киска становится скользкой от моих прикосновений. Моя другая рука ласкает ее попку, и Донна бы вскрикнула, когда я дразнил бы пальцами ее клитор. Твою мать.

Я стоял под струями воды и резко вдохнул, когда Мелони сжала мой член. Я опустил голову и затем посмотрел ей в глаза. Я не видел страсти, которая всегда присутствовала во взгляде Донне. В Мелони были лишь похоть и недостаток внимания. У меня не было с ней тем для разговора, и в этот момент ее грубая ладонь меня не заводила. Я не чувствовал ровным счетом ничего, кроме отвращения и стыда. Я закрыл глаза, пытаюсь получить хоть какое-то удовольствие, чтобы отвлечься от злости, но все было тщетно. У Донны по спине всегда спадали темные локоны, в отличие от прямых светлых волос, которые сейчас были передо мной. И тело Донны было потрясающее податливым. К ней все время хотелось прикасаться.

— Ты не можешь трахать меня и представлять кого-то другого, — сказала она тихим голосом. — Это не честно по отношению ко мне. Не важно, сколько пройдет времени, Адам. Я всегда буду любить тебя. И со временем ты забудешь ее.

— Нет, — резко выдохнул я, выходя из душевой кабины и вытираясь полотенцем. — Я никогда не смогу ее забыть. Даже если я снова начну отношения с тобой, до боли родной запах другой женщины будет преследовать меня днем и ночью. Она говорила со мной, а я уже скучал по ней. И я не буду одним из тех глупцов, которые говорят, что им хорошо с девушкой, только потому, что она раздета, — бросил я ей полотенце. — Я знаю, что буду скучать по ней и сравнивать каждую последующую женщину с ней же. А ты достойна большего. Уходи, Мелони, — вышел я из ванной. — Уходи.

— Ты настолько ее любишь, что скатился к просьбе о дружбе со мной? — услышал я ее голос за спиной спустя несколько минут, когда застегивал рубашку.

— Я не хочу дружбы с тобой, — посмотрел я на девушку, повернувшись. — Я ничего не хочу с тобой.

— Адам, нам ведь было раньше хорошо, — натянуто улыбалась она. — Мы можем выпить, и ты будешь со мной более дружелюбным.

— Такого количества алкоголя в мире не существует, — подошел я к девушке, убирая мокрую прядь светлых волос с ее лица. — Найди того, кто будет относиться к тебе, как к дару. Для кого ты будешь смыслом жизни. И не соглашайся на меньшее. Никогда.

— Я люблю тебя, — потекли слезы по ее щекам.

— Нет, Мел, — отошел я и, взяв в руки телефон, вызвал ей такси. — Я просто не иду тебе в руки, ты пытаешься меня исправить и порой, сама того не замечая, поклоняешься мне. А это можно назвать как угодно, но только не любовью.

«Противиться женским капризам — все равно, что дуть на волны». Иржи Грошек.

Встряхнув головой, чтобы очистить мысли, я направился в спальню. Я не менял простыни с тех пор, как Донна спала на них последний раз, и, разблокировав телефон, уставился на ее фото. Какое-то время сидел дома. Я был один, думал о том, что теперь все будет по-другому, и о том, как заставить Донну вернуться ко мне хотя бы ради безопасности. Хотя я врал сам себе. Больше всего на свете я хотел, чтобы она была просто со мной, а ее безопасность была бы для меня как бонус.

Затем я вспомнил о письме, которое нашел у нее в квартире во время собственного обыска спустя неделю, как она уехала. Я перечитывал его десятки раз и сам взял листок и

ручку, попробовав выложить свои мысли на бумагу.

«Ты написала письмо, рассказав о том, что чувствуешь. Но также ты спросила, за что я могу любить тебя. Да, ты сломлена, но у меня все равно есть причины. Я люблю тебя не за что-то, а вопреки всему, и еще по многим причинам. Я счастлив рядом с тобой, и ты знаешь, как заставить меня улыбнуться. Мы можем говорить обо всем и ни о чем. Тебе интересны мелочи. Все мелочи, и ты всегда неожиданно приходишь, как бы банально это не звучало. Ты непредсказуемая. Уникальная. Умная. Тебе нравится быть красивой. Я становлюсь иррационально счастливым рядом с тобой. И самое главное — мое сердце бьется ради тебя».

Телефон издал сигнал, и я ответил, увидев фотографию отца.

— Отец, — сказал я.

— Ты думал, что делаешь? — слышал я злость. — Почему я должен тебе помогать калечить людей?

— Мне нужно было это.

— Это помогло тебе, сын? То, что ему накладывали швы, удовлетворило твое эго?

— Да, — ответил я сквозь зубы. — Завтра утром я приеду к нему и поговорю.

— Я больше не устрою тебе встречу.

— Это не нужно, — налил я бокал виски. — Я знаю его адвоката.

— Она стоит того? — вздохнул отец.

— Она стоит всего.

Донна вдохновляла меня. Она каждый день была такой разной. В ней всегда столько силы, которая меня бесконечно поражала. Я никогда не дарил ни одной женщине, кроме своей матери, такого количества цветов, как Донне. И не потому, что я пытался ее купить, а потому, что хотел. Я знал, что Донна любила цветы, и ее улыбка вдохновляла меня что-то делать для нее. Например, каждую нашу встречу дарить розы.

Я не мог спать, просыпаясь снова и снова. До пяти утра мой сон был ужасен, и я каждый раз, закрывая глаза, видел Донну. Видел боль в ее глазах в ту ночь, и меня это каждый раз разрывало на части.

На следующее утро мой кофе был почти готов, и на мне не было еще ничего, кроме брюк, когда стук в дверь нарушил мою утреннюю рутину.

— Ты мой должник, — сказал Крис, смотря на меня сквозь очки. — И у тебя есть максимум двадцать минут, прежде чем мы выйдем.

— Будешь кофе? — усмехнулся я. — Или что-то покрепче, потому что тот кретин, с которым ты будешь говорить, утомит тебя своей физиономией за три минуты.

— Нет, — сел в кожаное кресло Вайт. — Кофе я уже выпил. Ты уверен, что она захочет этого?

— Нет, я не уверен, — сел я напротив. — Но необходимость защитить Донну переросла во что-то дикое внутри меня. Обезопасить ее и убить его — все, о чем я могу думать.

— Ты ее любишь, это нормально, — качнул он головой.

— Я не просто люблю ее, — надел я рубашку, застегивая пуговицы. — Это слово слишком ничтожно, чтобы выразить то, что я чувствую. Я должен решить ее проблемы.

— А она сама решить их не может?

— Может, — вышли мы из квартиры. — Но для этого есть я. Меня сводит с ума то, что ее первый ребенок от него. И то, что она проживала все это одна, без меня. У меня какое-то чертово нездоровое желание схватить ее и сбежать.

— Почему она, друг? — улыбался Кристофер. — Почему она так влияет на тебя? Ты

видел не одну красивую задницу и шелковистые волосы.

— Еще одно слово, и твое лицо поздоровается со стенкой, — сели мы в машину. — Поехали.

Спустя полчаса мы вышли из машины и направились ко входу в тюрьму. Мы вошли в камеру, и спустя несколько минут Алекса сидел напротив.

— Пришел попросить мое прощение? — усмехнулся он.

— Мне не нужно твое прощение, — скрестил я руки на столе. — Мне нужна твоя подпись.

— А это кто? Твоя мамочка? — перевел он взгляд на Криса.

— Это твой адвокат, идиот.

— Кристифер Вайт, — достал он бумаги из портфеля. — Я даю тебе десять минут. Ты подписываешь бумаги, я вытягиваю тебя отсюда, и на этом конец. Иначе в другом случае я выставлю тебе счет за мою приятную компанию.

«Что бы ты ни придумал, всегда найдется тот, кто уже делал это до тебя. Так что главное — сделать это лучше». Адриано Челентано.

— И зачем ты это делаешь? — смотрел на меня Алекс. — Какой тебе толк от чужого ребенка, который в другой стране?

— Решил сделать что-то хорошее, — не отводил я взгляд. — Подписывай.

— Или девчонка уже тут?

— Ты мне уже должен больше, чем зарабатываешь за месяц, — сжал руку в кулак Крис. — Советую поторопиться, иначе застрянешь тут навсегда.

— Будешь защищать ее? — снова перевел взгляд на меня Алекс.

— Да, — ответил я.

— Сможешь оставить ее, если она уйдет?

— Нет. Я люблю ее. Ради нее я пошел бы на что угодно.

— Чудесно, — откинулся он на спинку стула. — Значит у тебя есть слабость.

— Как и у тебя, — зарычал я. — Жалкий ты кусок дерьма.

— Если ты не вытацишь меня, это дорого тебе обойдется, — пропала улыбка с его лица. — Она ушла от тебя. И не потому, что не любит, а потому, что ты не дал ей причин остаться.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Я ведь тоже любил ее.

Он подписал бумаги, и мы вышли из кабинета. Я был зол и удивлен его словам. Алекс был прав, я сам не дал ей причин остаться.

— Ты не обязан это делать, — сказал я Крису, сев в машину.

— Ты мой друг, Адам. Я не оставлю тебя.

Мы ехали в полной тишине, и когда Крис сказал остановиться возле его офиса, прежде чем он вышел, я сказал ему:

— Для справки, Крис, просто красивые женщины раньше со мной только засыпали, а с Донной я люблю просыпаться. И в этом намного больше, чем ее внешность.

«Одна ночь любви — это на одну прочитанную книгу меньше». Оноре де Бальзак.

До конца дня я сидел в квартире, пребывая в одиночестве. Затем открыл снова досье Донны, вспоминая, что именно с того момента начал ее терять.

Я усмехнулся, вспоминая, как эта женщина смешно ест мороженное и странно выбирает фильмы. Она пьет вино, текилу, виски и так любит свою семью. В ней изумительное

сочетание небесного и земного. Донна любит музыку и книги. Ее улыбка всегда освещает мой мир.

Мы, американцы, слишком сработались. Мы ничего не смыслим в отдыхе и удовольствии, замечали? У нас кофе, работа, дом, кровать. Секс по расписанию и бутылка виски, когда играем в покер или злимся. Куда подевалась наша страсть к жизни? Жажда и голод к каким-то подвигам и свершениям? Я бы забрал Донну и увез путешествовать. Показал бы ей мир, и она бы излечилась. Я не хочу заставлять ее быть со мной или хотеть жить, я хочу, чтобы она сама захотела и того, и другого. Но теперь у нее есть дочь, и, если я хочу, чтобы она была со мной, я должен полюбить девочку. Полюбить по-настоящему, иначе Донна почувствует фальшь. Она всегда все чувствует, и это тоже часть ее уникальности.

Мой телефон издал сигнал, и где-то внутри я так хотел, чтобы это была Донна. Чтобы она сказала мне хотя бы «привет», и этого было бы достаточно.

— Привет, братец, — сказала Джорджина, когда я поднял трубку. — Открой мне дверь.

— Черт, — направился я к выходу. — Что ты тут делаешь?

— Я тоже рада тебя видеть, — вошла она в дом. — Итак, ты облажался, верно? От тебя ушла Донна, и ты вел себя недостойно нашей фамилии?

— Джо, — посмотрел я на нее предупреждающе. — Лучше тебе замолчать.

— Ты не очень хорошо воспринимаешь правду, — улыбалась сестра. — Верно?

— Я нормально воспринимаю правду, — чувствовал я злость.

Она доставала меня. Моя сестра знала, как это сделать, и была хороша в этом.

— Тогда почему, когда я говорю тебе о том, что думаю, нет, точнее, то, в чем уверена, — усмехнулась сестра, наливая сок, — ты злишься? Я говорю правду. Ты мой брат, Адам, и я люблю тебя, но больше, чем о тебе, в газетах не пишут о всей нашей семье. И ты должен любить ее, если такая, как Донна, с тобой, и держать свою задницу рядом с ней как можно дольше.

Я хотел ей ответить, когда звонок в дверь прервал меня.

— Попридержи свою мысль, братец, — услышал я вслед. — Это Вайлет, кстати.

— Привет, Адам, — вошла еще одна сестра в дом, обнимая меня. — Я люблю тебя, брат.

— У тебя так колотится сердце, малышка, — улыбнулся я тому, как согревали меня эти объятия.

— Можно мне остаться с тобой сегодня?

— Скажи, что у меня есть выбор, — направились мы в кухню. — Кроме того, я убью Джо, если она пробудет со мной наедине хотя бы пять минут.

— Ты не можешь целовать других женщин, притворяясь, что это Донна, — начала готовить блины Джорджина. — Но ты ведь и сам знаешь, да?

— Эй, — нахмурилась Вайт. — Наш брат хороший парень, помнишь? Такие все еще существуют, и Адам один из них. Тяжело быть вдали от того, кого любишь, и неважно, сколько пройдет времени, он будет любить ее и чувствовать, когда ей хорошо, а когда плохо.

— Ну все, — подошла ко мне Джо, обнимая за талию. — Прости меня. Просто иногда я могу быть той еще сукой.

— Эй, — засмеялся я. — Ты позоришь нашу фамилию такими словами.

— Ты, наверное, шутишь, — налила себе сок Вайлет.

— Нет, — сел я за стол. — Абсолютно точно нет.

— Прощение — это всегда выбор, — тихо сказала Джо. — И тебе нужно простить себя, тогда и Донна сможет простить тебя. Нужно объясняться и оправдываться, Адам, потому что

она женщина. И ей это нужно.

— Донна не такая, — покачал я головой.

— Именно такая, — ответила уже Вайлет. — И поверь, пока у нее будет ее потрясающая грудь на месте, она именно такая.

— Еще слово о ее груди, и вы уедете домой, — засмеялся я. — Но спасибо вам, что пришли.

— Ты наш брат, — ответили девушки в унисон.

— Да уж, — усмехнулся я. — Вот это мне повезло.

Этот вечер не был ужасен, учитывая, что тут присутствовали девушки, которые проели мой мозг. Хотя они такие разные. Вайлет гораздо мягче и понимающе Джорджины. Она всегда на моей стороне, независимо от ситуации, и так было с самого рождения. Она была так похожа характером на нашу мать, в отличии от резкой Джо. Но даже эта напористость и капля цинизма придавали ей обаяния. Это была моя семья. Семья по крови, да и во всех других смыслах. Мы продолжаем идти вместе, и я знаю, что буду вечно защищать то, что мне дорого.

В конце концов, вскоре мы разошлись по спальням, и я раз за разом прокручивал слова своих сестер. Я всегда думал, что полюблю только тогда, когда встречу идеальную женщину. С идеальной семьи. Идеальным прошлым, внешностью и наличием положительных качеств, но все совсем не так. Я никогда бы не смог полюбить идеального человека, ведь таких просто не существует.

Проснувшись, какое-то время я снова думал. Теперь я все время думал, но спустя минут двадцать, отбросив мысли о Донне хотя бы на час, я принял душ, наконец-то пребывая в одиночестве. После открыл в интернете рецепт лазаньи с мясом и решил научиться готовить что-нибудь тяжелее, чем омлет. Как раз, когда я уже доставал блюдо из духовки, зазвонил мой телефон.

— Эмили и Донна летят домой, — сказал мне Брайан. — Тащи сюда свой зад и верни свою женщину.

— Она будет у вас?

— Да, потому что вскоре она начнет ходить на свидание, и какой-то мужчина полюбит ее и примет Оливию.

— Черта с два, — выругался я. — Донна не пойдет ни на какое, нахер, свидание. Если она хочет свидание, то она пойдет на него только со мной.

Я взял с тумбы кошелек, телефон и ключи и, сев в машину, нарушил как минимум десять правил дорожного движения, пока приехал.

— Это правда? — спросил Брайан, открывая мне дверь. — Ты покалечил ее бывшего?

— Он этого заслужил, — фыркнул я. — Убить его тогда еще не мог.

— Ты что, собираешься воевать со всем миром? Убивать всех?

— Ты не согласен с этим? Сражаться против всего мира за Эмили?

— Это не нормально — воевать со всеми, — вошла Эмили в кухню. — И тише, девочка спит.

— И что плохого в убийстве?

— Это не любовь.

— Это больше, чем любовь, — закричал я. — Я хочу защищать ее. Я убью любого, кто попытается сделать ей больно.

— Ты думаешь, что, если убьешь отца ее ребенка, которого она только вернула, она

бросится в твои объятия? — сузила глаза Эмили, смотря на меня в упор.

Я чувствовал такую внутреннюю силу у этой женщины, что порой удивлялся, как Брайан мог с ней справляться. Как мог ей противостоять и одновременно делать ее мир спокойным.

— Я всегда буду защищать ее, — вздохнул я наконец. — Даже если она этого не захочет.

— Я не хочу, — услышал я голос Донны. — Я не хочу, чтобы ты защищал меня, оставляя за собой кровь.

Чувство теплоты от ее голоса растеклось во мне, и я боялся пошевелиться. Я не хотел, чтобы исчезла она и то тепло внутри меня. Голос Донны, даже когда она злилась, звучал, как шелк. Она словно ласкала каждое слово, а не произносила его.

Я обернулся, смотря на нее.

— Некоторые битвы не оставляют ничего, кроме крови.

— Ты не можешь этого делать, — не сводила она с меня глаз. — Я не смогу смотреть в глаза своему ребенку и говорить, что ты убил ее родного отца в попытке защитить меня. От чего ты защищаешь меня? От его существования? — выпустила она смешок, который и близко не был похож на смех. Я так любил ее смех, но только когда он был настоящим. — Я сама могу с этим справиться. Тебя раздражает, что он в любом случае остается семьей. Моей семьей, потому, что Оливия — его дочь.

— Не осуждай меня, Донна, — подошел я к ней впритык прижимая к стене. — Не смей.

— Адам, — услышал я голос Эмили.

— Эм, он не тронет ее, — ответил ей Брайан. — Но она зря это сказала.

— Ты не знаешь, что я чувствую, — поднял я руки Донны над ее головой. — И никогда не знала. Ты сама выбрала свою судьбу, создавая в ней драму, я же свою не выбирал. Ты все время чувствуешь себя несчастной, но это не потому, что мир плох, а потому, что тебе нравится не чувствовать счастья. Тебе так удобно, и ты не можешь принять мир такой, какой он есть.

— Он — ее семья, — прошептала она. — И, если он в беде, я должна помочь ему. Я и так виновата перед ней.

— Мы семья, Донна, — повысил я голос. — Мы семья, а не он. И мы всегда сражаемся друг за друга.

— Не делай ему больно, Адам.

— Я мог отказать себе, — отступил я. — Но отказать тебе я не мог никогда. Я буду ждать тебя, Донна, с бумагами, которые этот кретин готов подписать. И если ты не придешь, я все пойму. Я не буду больше преследовать тебя.

В последний раз я посмотрел на Донну и направился к выходу. Мне нужно уйти, пока я не впился в ее губы или, еще хуже, не начал трощить тут все.

— Адам, — сказала она мне в след.

Я оглянулся на ее голос и ничего не ответил, хлопнув дверью.

«Ревность у мужчины складывается из эгоизма, доведенного до чертиков, из самолюбия, захваченного врасплох, и раздраженного тщеславия». Оноре де Бальзак.

— Черт, черт, черт, — закричал я, ударяя кулаком об стену и спускаясь в холл по лестнице.

— С вами все в порядке, Адам?

— Нет, Томми, — посмотрел я на него. — Ничего не в порядке.

— Знаете, — усмехнулся старик. — Наша жизнь — это не череда желаний, а лишь

чередой событий, которые мы не всегда можем контролировать. Будь твой отец тут, он бы сказал тебе то же самое, но, может, я помогу тебе не сделать ошибку, о которой ты будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Жизнь не должна быть тяжелой, пусть даже ценой одиночества. В мире огромное количество женщин, и в нем есть твоя. Создана специально для тебя, как и ты создан специально для нее. Я старик, — хмыкнул он, смотря словно внутрь меня. — Не нужно оставлять, как было. Меняй, не бойся. Но лишь в том случае, если этот хаос, что ты создаешь внутри себя и вокруг в том числе, будет того стоить. Будь готовым к переменам, но не меняй то, что потом разрушит тебя.

Я какое-то время смотрел на него, а затем качнул головой и побежал по лестничной площадке к квартире Прайсонов. Когда снова постучал, Брайан открыл мне дверь и отошел, чтобы я смог войти.

— Где она?

— В комнате, — ответил он. — И попридержи коней, Эмили пошла спать. Не хочу, чтобы ты разбудил ее.

— Я облажался, — вздохнул я, смотря на друга.

— Это мягко сказано, — сел он за ноутбук. — Но больше всего мне нравится в женщинах то, что они прощают, даже когда мы того не стоим. Не бойся встать перед ней на колени. И не потому, что снова сделал какую-то хрень, а потому, что любишь. Если ты будешь к ней прислушиваться, то на каждый вопрос найдешь ответ. Донна сильная, но не потому, что сама этого хотела. Ей пришлось все выдержать, сцепив зубы. Ты хоть представляешь, как она терзала себя день за днем, когда отдала девочку? И если с тобой она станет еще жестче, это будет только твоя вина. Потеря ее женской слабости — это не что другое, как твой недостаток мужественности.

— Когда ты стал таким спокойным и рассудительным? — усмехнулся я.

— Мою жену зовут Эмили Прайсон, — не смотрел он на меня. — Я должен соответствовать.

Великий учитель тибетского буддизма Цонкапа писал, что, когда человек стремится принести благо другим живым существам, его собственные цели осуществляются сами собой, как побочный результат.

Мы создаем иллюзию — чем быстрее, тем ближе к счастью. Но что такое счастье на самом деле? Эмили говорила, что это тогда, когда у нас есть то, чего мы хотим. Но все-таки как часто мы сами понимаем свои желания?

Я направился по коридору и открыл комнату для гостей. Насколько я знал, это, скорее, была комната Донны в доме Эмили, и когда эта женщина подняла на меня глаза, вся комната, казалось, освещалась ее присутствием. Она стояла возле окна и смотрела на девочку.

Я хотел закрыться с ней в квартире и никуда не отпускать. Я хотел, чтобы она выслушала меня. Чтобы она простила меня и приняла обратно. Боже, я был так жалок, но мне было плевать.

— Не разбуди ее, — прошептала Донна. — Выйди.

Донна смотрела на меня, а я в свою очередь не отводил взгляд от нее. Затем перевел глаза на ее дочку, которая спала на огромной кровати.

— Нам нужно поговорить, Донна, — сказал я так же тихо.

— Идем.

Мы пришли в кухню, и там все еще сидел Брайан. Я качнул ему головой, и он в свою

очередь закрыл ноутбук и усмехнулся Донне.

— Оливия спит?

— Да, Брайан, — вздохнула Донна. — Она только недавно перестала плакать. Я устала.

— Налей себе вина, а я пойду к своей жене, — направился он к лестнице. — Такими темпами Эмили скоро со мной разведется.

— Зачем ты вернулся? — измучено посмотрела она на меня, когда Брайан ушел.

— Ты не хочешь меня видеть?

— Я не хочу хотеть тебя видеть, — налила она бокал коричневой жидкости в бокал. —

Но я ждала другого, Адам. Ты говорил мне о любви, но на самом деле любовь — это нечто большее, чем цветы, умные разговоры и секс. Я приняла твою сторону, — выпила она залпом бурбон. — Я приняла твое прошлое и мораль, которая у тебя отсутствует, но ты не принял ребенка. Девочку, которую я люблю так сильно.

На последнем слове ее голос сорвался, и я ненавидел себя. Я вел себя, как мудака, и Донна была полностью права. Она обхватила себя руками, словно защищаясь, и я пересек комнату, обнимая ее и прижимая к себе. Я притянул ее, наклонил голову, чтобы вдохнуть ее запах. Донна плакала, и я был в отчаянии.

— Я собираюсь поцеловать тебя, — сказал я. — Я знаю, что сейчас не время, но прямо сейчас мне плевать. Я должен поцеловать тебя.

Она ничего не ответила, а я наклонился и прижал мои губы к ее. Я облизал ее нижнюю губу и завладел ее ртом с невероятной страстью. Я не думал, что она разрешит мне это сделать хотя бы раз, и пока Донна мне будет разрешать что-либо брать, я согласен на все.

Я боролся с болью, которая не давала дышать, и Донна отошла и направилась обратно в спальню. Я пошел за ней, не сказав ни слова. Она не хочет меня, но я не мог просто отпустить ее. Она нуждается во мне, и, Господи, я так нуждаюсь в ней.

Затем я закрыл за нами дверь, и Донна села на кровать, снимая с себя всю одежду. Я стал перед ней и опустился на колени, лежа голову на ее ноги. Я боялся пошевелиться и боялся заговорить. Если она передумала, я не разрушу этот момент и согласен на все, что она сможет мне предложить. Схватив ее за талию, я уткнулся лицом в ее живот. Я почувствовал, что дрожу, и поднял на нее глаза.

— Прости меня, — лишь прошептал я. — Скажи мне, что сделать, чтобы ты простила меня.

Донна отодвинула меня и забралась на кровать. Она поцеловала девочку в щеку и обняла ее. Я же лег рядом и обернул руку вокруг талии Донны, вдыхая запах ее волос. Я с трудом сдерживал слезы. Черт, последний раз я плакал лет двадцать назад. Я слушал звук собственного сердцебиения и сопение дочери Донны. Я сильнее обхватил руками ее талию и прижал к себе, наслаждаясь запахом. Он успокаивал меня, хотя на самом деле успокоительным для нее должен был быть я.

— Я не буду прогонять тебя прямо сейчас, — прошептала Донна. — Но я не хочу, чтобы ты был тут, когда Оливия проснется.

Я ничего не ответил и решил, что теперь мне нужен план, чтобы вернуть ее уважение.

Я никого не любил прежде. До Донны. В ней была такая сила, что ее хотелось быть достойным. К ней хотелось лететь. Я не мог ее отпустить с самого начала. В Донне было что-то родное. В ней был мой дом. Я столько раз пытался бросить все это, но не мог. Я врал сам себе, что Донна лишь достижение цели, но на самом деле просто садился за руль и ехал к ней, чтобы побыть рядом. Я не мог продержаться и дня. Мне нравилась ее улыбка, звук ее

смеха, ее физическая необходимость всех защищать и даже глупая болтовня. Я не мог спать и думал о ней. Я держал ее руку в своей и вдыхал аромат яблок и корицы, исходящий от нее. Донна была лучшим, что со мной когда-либо происходило, но я лажал снова и снова. Я должен был боготворить ее и просто наслаждаться тем, что она дала мне возможность быть с ней рядом. Но, несмотря на все сказанное и сделанное мной дерьмо, я надеялся, что у меня будет возможность все исправить.

«Вы бы поняли, насколько вы яркие и красивые, если бы увидели себя в те моменты, когда вы действительно являетесь собой». Альфред Лэнгле.

«Наша жизнь очень зависит от случайных встреч, зигзагов судьбы и неожиданных разветвлений пути. Совпадения, эти маленькие чудеса, суть не что иное, как намёки: у Вселенной такие планы относительно вас, о которых вы и помыслить не можете. Стечения обстоятельств легче заметить по прошествии времени. Однако тот, кто умеет видеть их в настоящем, находится в более выгодном положении. У такого человека больше шансов воспользоваться новыми возможностями. Кроме того, осознание преобразовывается в энергию. Чем внимательнее вы к совпадениям, тем чаще они случаются, — а значит, тем шире ваш доступ к посланиям — подсказкам о предназначенном вам пути и направлении». Дипак Чопра.

Я проснулась от прикосновений Адама. Я скучала по нему все эти недели. Каждую ночь. Я помнила его запах, его глаза, которые смотрели на меня, и в голове всплывало то, как я любила подчиняться ему. Адам положил руку мне на бедро, и по моему телу прошла волна дрожи. В следующее мгновение я почувствовала, как мое тело подняли на руки и понесли. Я знала, кто это был, узнала запах и положила голову ему на грудь. Я обернула руки вокруг шеи Адама, когда он начал опускать меня на кровать. Мне не хотелось, чтобы этот мужчина отпускал меня, и сама не желала делать этого.

— Я так скучал, — прошептал Адам мне на ухо, облизывая мочку.

Я выгнулась, и мое тело было нечем иным, как пластилин. Адам мог лепить с меня все, что хочет, даже если сам до сих пор не понимал этого. Хватило лишь прикосновений его рук, и я была слаба. Слаба, когда дело касалось этого мужчины и чувств, которые я испытывала к нему.

Его губы спустились к моей шее, и он слегка прикусил кожу, прокладывая путь вниз к ложбинке. Мое тело хотело большего. Его пальцы разорвали блузку, но мне было плевать. Я просто хотела ощутить его губы на себе.

— Ты такая красивая.

Он скорее шептал, чем говорил, и, скорее, с напором, чем нежностью, но это так заводило. Адам снял с меня джинсы одним резким движением, и тыльная сторона его ладони прошла от моего бедра к талии, и он разорвал бюстгальтер.

— Ты чертово совершенство, Донна.

Когда Адам взял в ладони мою грудь, я застонала от облегчения.

Этого было недостаточно. Всегда недостаточно. Я сама хотела ощутить вкус его кожи, почувствовать, как твердое тело движется над моим. Хотела, чтобы Адам снова взял полный контроль надо мной, доводя до боли и удовольствия. Мне было необходимо взять себя в руки, но я не могла.

— Продолжай на меня так смотреть, и я буду трахать тебя до тех пор, пока ты не станешь одним целым с этой чертовой кроватью.

Тон его голоса заставил меня дрожать. Нет, это не был страх, по крайней мере, не совсем. Его рука сжала мое бедро слишком сильно и раздвинула мои ноги резким движением. В нем было столько силы, что я была не в состоянии контролировать себя. Два пальца резко вонзились в меня, и я вскрикнула. Все было таким расплывчатым и чертовски идеальным. Каждый толчок его пальцев сопровождался поглаживанием клитора, и это было

ласково и слишком унизительно в то же время. Он знал мое тело. Чертов Адам Майколсон знал его лучше, чем я. Я лежала на спине и раскачивалась на его руке, но моя голова, кажется, кружилась. Мое чувствительное место ныло от боли и необходимости освободиться.

— Ты, мать твою, убиваешь меня, Донна, — шлепнул он меня по внутренней стороне бедра. — Кончи. Сейчас же!

Оргазм обрушился на меня, и ничего из того, что я испытывала ранее, не могло сравниться с этим. Я была неспособной дышать и двигаться. И все это было лишь от грубого прикосновения его пальцев.

Мои руки схватили Адама за плечи, и его рот обрушился на мой. Мятная свежесть была восхитительной, и мне было плевать, что нас могли слышать. Адам обхватил мое тело и продолжал безумно целовать. Он был таким же изголодавшим, как и я.

— Я хочу вернуть тебя, — целовал он мою шею, сжимая сосок между пальцами. — Я хочу, чтобы ты была моей.

— Это твои планы на вечер? — смогла лишь прошептать я.

— Это мои планы на жизнь.

Адам сел, резко пересаживая меня к себе на колени, и я оседлала его. Он взял в рот один сосок, покусывая и облизывая его, когда все еще зажимал между пальцами второй. Он не отводил от меня глаз, и я не могла перестать смотреть на него в ответ, понимая, что не могла быть счастлива, пока Адам Майколсон не вошел в мою жизнь. Все, что я контролировала, он спускал на нет.

— Обними меня за шею и приподнимись.

Он снова сказал это приказным тоном, и я возбудилась еще больше. Не став спорить, просто сделала это. Азарт. Азарт, который я ощущала, заставлял мое тело полностью перестать сопротивляться. Я откинулась назад и застонала.

— Черт возьми, — зарычал Адам.

Он поднялся вместе со мной, и я обхватила ногами его талию. Адам подошел к двери и закрыл ее ногой. Оливия спала, но она могла выйти и увидеть, и у меня это полностью вылетело из головы.

Адам поставил меня на пол и расстегнул свои джинсы, снимая их вместе с боксерами. Я взялась за подол его футболки, поднимая ее вверх и бесстыдно пожирая его глазами. Тело этого мужчины было так совершенно. Услышав звук молнии и опустив глаза, увидела, что Адам стоял передо мной полностью обнаженным. Его рот обрушился на мой, и я почти задохнулась. Горячий и голодный. Вцепившись в его плечи, отвечала на поцелуй, и руки Адама подняли меня, и через мгновение я снова лежала на кровати, а он прижимал меня своим телом сверху. Этот мужчина уничтожал меня каждым поцелуем.

Он скользнул в меня одним, а за тем и двумя пальцами, и я вскрикнула. Я затаила дыхание, когда он стал прокладывать поцелуями путь, пока не провел языком по моим складочкам. Я зажала ладонью свой рот, чтобы не кричать, и Адам всосал мой клитор.

— Нет, Адам, — слышала я звук собственного сердца. — Войди в меня.

Он взглянул в мои глаза и снова впился поцелуем в мои губы. Наши взгляды встретились, и когда Адам скользнул в меня одним резким движением, я прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать от наслаждения. Он снова подался вперед и закрыл мой рот своим. Я вонзилась ногтями в кожу на его спине, понимая, что таким темпами почувствую кровь на руках.

— Адам, — сказала я ему в губы. — Я...

Мое тело задрожало, и я закусила его плечо. Хватая ртом воздух, уткнулась Адаму в шею. Мне не хотелось прощаться с ним. Наши тела были еще сплетены, и он смотрел на меня с восхищением. В его глазах было столько нежности и безумия, сколько я еще никогда не видела ранее.

— Донна, — услышала я плач за дверью комнаты.

Все внутри сжалось от страха, и я оттолкнула его от себя. Мне не хотелось этого, но там за дверью была моя дочь. Одев на себя футболку Адама и найдя свои джинсы, я выбежала из комнаты.

— Мне приснился сон, — увидела я свою девочку в коридоре.

— Я с тобой, — сжала я ее в объятьях. — И никому не дам тебя в обиду. Хочешь, посмотрим мультики или поедим мороженное?

— Донна, — голос Адама прервал меня. — Сейчас четыре часа утра.

Я проигнорировала его, не отводя глаз от Оливии.

— Я хочу мороженого, — улыбнулась она.

— Хорошо, — взяла я ее на руки. — А затем ты расскажешь мне, какой сон тебе приснился.

Два дня назад.

— Говори с ней, Ди, — улыбнулась подруга. — Ей нужна ее мать.

— А отец?

— Адам полюбит ее. Поговорите и решите. Она твоя дочь, и если он хочет тебя, то будет печь блинчики этой девочке с твоими глазами.

— Я плохо умею говорить о чувствах.

— Спрашивай, как он себя чувствует, — погладила Эмили Оливию по волосам. — Он действительно хочет твоей заботы, ведь это придает глубины и прочности тому, что есть между вами. Ты чувствуешь, что в безопасности рядом с ним?

— Только с ним я чувствую себя в безопасности, — смотрела я на свою девочку. — Мне хочется проводить с ним время. Много времени. Встряска, приключения и игра нужны мне, как и Адаму. Он всегда такой желанный, и я чувствую всем своим существом, что он любит меня.

— А ты его?

— И я люблю его, Эмили. Мне еще так точно этого никогда не приходилось осознавать.

Наши дни.

— Доброе утро, девочки, — вошла Эмили в кухню.

— Ты словно чувствуешь, когда нужна мне, — сказала я тихо.

Она сжала меня в объятьях и погладила рукой по спине. Никогда не верьте в то, что дружбы не существует. Вы можете не видеть человека неделями, но, если это ваш человек, он чувствует вас сквозь время и пространство.

— Эмили, — смотрела я на нее. — Мы так долго вместе, что я даже не помню, когда мы были врозь.

— Ну и хорошо, — поцеловала она меня в лоб. — Адам, кофе?

— Я приготовлю, — вошел к нам Брайан. — Доброе утро, любимая, — поцеловал он свою жену в губы. — Потрясающе.

— Вы не одни, — фыркнула я. — Тут ребенок.

— Ну хватит, — переводила взгляд Эмили с меня на Адама. — Вы отрицаете очевидное. Вы никогда не сможете быть просто друзьями.

— Детка, — подошел Брайан к Оливии. — Ты очень красивая.

Я чувствовала на себе прожигающий взгляд Адама и просто избегала его. То, что было между нами, снова напомнило мне, что на самом деле я принадлежу ему. Я могла танцевать на стеклах, но мою кровь после вытирал всегда Адам.

Наблюдать за Брайаном и Оливией было изумительно. Он готов был поймать мою девочку в любой момент — ребенка, которого толком не знал, целуя ее пухлые ручки и щечки.

Одна рука Адама легла на мою поясницу, и он надавил на нее, прижимая меня ближе к себе. Другая взяла мою руку, и мы начали двигаться в такт музыке, которая была лишь у нас в голове. Я положила руку Адаму на плечо, и он поцеловал меня в скулу. В результате этого мое предательское тело задрожало, и Адам, смотря мне в глаза, потянулся своей рукой к моей и переместил ее со своего плеча на шею.

— Намного лучше, — прошептал он, когда наши тела коснулись друг друга. — Ты потрясающе пахнешь. Прости меня.

— Ладно, — ответила я тихо, замечая, что Эмили с Брайаном забрали Оливию, оставляя нас с Адамом наедине.

— Ладно? Серьезно? — видела я раздражение в его глазах. — Донна, это одно слово, которое просто выносит мне мозг. Поговори, покричи, выскажись.

— Что ты хочешь услышать, Адам? — вздохнула я. — Ты не имел права решать за меня. Ты не мог трогать невинную жизнь. Это не твоя война.

— Не говори мне о невинных жизнях, Ди. Мне плевать, — сильнее прижал он меня к себе. — Я всегда выберу своих близких. Я не герой. Как мне верить тебе после слов, где слышал так мало правды?

— Никак, — попыталась я отойти. — Ты можешь мне не доверять, но ты мне или веришь, или нет. Третьего не дано. Я больше не готова играть в игры. Теперь есть Оливия, и мне пора бы уже вырасти.

— Ты выросла быстрее, чем должна была, — убрал он прядь волос с моего лица.

— Пару дней назад мне сказали, что я холодная и черствая, — схватила я его за футболку, которая была явно Брайана. — Я могла это стерпеть, когда мне говорил это Алекс или мои сотрудники, но тогда это сказала моя мать.

— Донна, — обнял меня Адам, ложа подбородок мне на макушку. — Я сказал, что люблю тебя. Но еще я люблю в тебе черту равнодушия. Напыщенного равнодушия. Даже когда тебе не все равно, ты умеешь эмоционально отстраняться.

— То есть, ты хочешь сказать, что я бессердечная, и тебе это нравится? — усмехнулась я, смотря ему в глаза.

— Не могу представить, через что ты прошла, отказываясь от своего ребенка.

— Благодаря тому, через что я прошла и что вынесла, у меня есть Оливия, — отошла я от Адама. — Но я не добрая. Я та еще сука, если мне перейти дорогу.

— Ты моя, — снова притянул Адам меня к себе. — И я проведу то время, которое ты мне дашь, искупая свою вину.

— Ты мне ничего не должен, Адам.

— Нет, — поцеловал он меня в уголок рта. — Но я должен Оливии. Я должен ей каждые чудесные выходные, пока ей не исполнится восемнадцать. Должен ей ролики, самокат и

велосипед, несколько миллионов улыбок и незабываемых эмоций. Все это я должен ей, ведь люблю ее маму.

Я встретила его. Мужчину. Своего мужчину. Он думает обо мне. Всегда. Я всегда у него на первом месте. Он заставляет меня смеяться. Хочет знать, чем я занята, и все ли у меня в порядке на данный момент. Он не осуждает меня и принимает кажется в любом состоянии. Понимает, что мои слова «я хочу пить», значат «я хочу кофе». Он держит мое сердце в своих ладонях, и я этому рада. Адам слушает меня и говорит обо всем. Знает, что я люблю черный цвет и сижу на диване, смотря на огонь в камине, когда больше всего уязвима. Этот человек не спрашивает, расстроена ли я, ведь и так понимает это по моим глазам. И мужчина, который и правда любит, будет благодарить Бога за то, что вы есть в его жизни. Милые женщины, и только когда у вас будет такой мужчина, вы поймете, почему не получалось с другими и почему не смогли пройти именно мимо него.

— Ты не веришь в судьбу, даже теперь?

— Я не знаю, — улыбалась я. — Просто я летаю. Только сейчас мне стало понятно, что летать можно на земле, даже будучи человеком. И если ты будешь на небе, я полечу за тобой.

— Я, конечно, ужасно извиняюсь, но я не железная, — услышала я голос Эмили.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась я, когда она вошла в кухню и улыбалась, показывала свои идеальные белые зубы.

— Мне нужно отъехать, но я скоро заберу вас, — поцеловал меня Адам и направился к Брайану.

Я попыталась сделать каменное лицо, но подруга продолжала сверлить меня взглядом.

— Перестань так смотреть на меня, Эм.

— Я лишь хочу сказать, что надеюсь, что не потеряю подругу, а то ты столько раз звывала к богу утром, что я была в оцепенении.

— О, заткнись, — засмеялась я. — Сама то не лучше.

— Да, но ты не знаешь этого наверняка. До твоих ушей мои «Спаси и сохрани» не доходили.

— Заткнись.

— Я не буду спрашивать, пока ты сама не захочешь рассказать, — самодовольно улыбалась она.

— А я не захочу, — разливала я кофе по чашкам.

— Я знаю.

— Дамы, — вошел к нам Брайан, держа на руках Оливию. — Мы решили, что надо устроить праздник в честь приезда Оливии домой. Сегодня я закрою ресторан, и у нас будет вечеринка. Я уже всем позвонил, и мы уезжаем через два часа.

— Эбби будет? — усмехнулась Эмили.

— Ради тебя я даже Максфилду позвоню, — подмигнул Брайан, а затем направился в гостиную. — Кстати, мы с Оливией собираемся заказать одежду в интернете.

— Почему Адам не может так же? — вздохнула я.

— Дай ему привыкнуть к мысли, что ты не просто Донна, а мать. Только теперь до него дошло, что ты мама, и тебе нужна верность. Тебе нужен дом и кольцо на пальце.

Входные двери открылись, и мы увидели Лидию. Я знала, что с ней не все в порядке, но совсем забыла о ней, когда занялась своим ребенком. Она на мгновение устало закрыла глаза, словно пыталась спрятать боль подальше. Но правда в том, что она была бы первым человеком, который смог бы это сделать. Мы не забываем людей. Наше сердце помнит, даже

вопреки разуму, который того не хочет. Люди, которые любили, всегда будут идти по перекрестку, который соединяет ту самую нить. Пусть все будет покрыто листьями, снегом и даже новым камнем, прежний огонь, который эти люди там оставили без слов, но со слезами на глазах, всегда останется именно там. С учетом того, что прежнего пламя развести больше не будет возможности.

— Что с тобой? — спросила Эмили.

— Ничего, — присела Лидия на диван. — Привезли девочку?

— Да, — пристроилась я рядом. — Поехали с нами на вечеринку?

— Я не хочу ничего, Донна, — посмотрела она на меня. — Все, что я хочу, — это запереться в комнате и ничего не слышать и не видеть.

— Это называется разбитое сердце, — пожалала я плечами. — Не давай этому миру повода сочинить об этом еще одну глупую историю.

— Вы красавицы, — видела я в глазах девочки непролитые слезы. — Вы никогда не переживали из-за мужчин.

— Ты ошибаешься, — села Эмили по другую сторону от меня, смотря на Лидию. — Красота никогда не была гарантией счастья. Кроме того, ты очень красива, Лидия.

— Я не могу быть такой, какой он хочет меня видеть.

— А какой он хочет тебя видеть? — спросила я.

— Милой.

— Ты не принцесса, Лидия, — взяла Эмили лицо девочки в свои ладони. — И мы никогда не были принцессами. Мы бойцы, и это гораздо больше.

— Мы меняемся, — улыбнулась я. — И это хорошо. Ты должна выстоять, чтобы не происходило. Когда бьются стекла, пусть вздрагивают стены, а не твое сердце.

В жизни каждого есть период, когда мы меняемся. Все это происходит по разным причинам. Окончание школы или университета, развод родителей и первые неудавшийся отношения. На нас, по большому счету, влияет все, даже то, что нам кажется по сути глубоко вторично. Но я поняла, что, если меня что-то не устраивает во мне самой, я меняю свое окружение, хотя большинство меняют себя.

Мы приняли душ, и я смогла примерить только несколько платьев. Моя грудь была больше, чем у Эмили, и сейчас это не было мне на руку.

«Если сомневаетесь, надевайте красное!» Билл Бласс.

Я выбрала из гардероба Эмили элегантный красный вечерний костюм. Топ был украшен стразами Swarovsky и выглядел восхитительно. Застежка-обманка на пуговицах со стразами украшала спину, и юбка с бантовыми складками, которая завязывался на поясе так же в эффектный бант.

Я вышла из спальни и сразу обратила внимание на Брайана, который держал на руках Оливию.

— Боже, милая, — забрала я свою девочку. — Ты такая красивая.

— И большая, — засмеялся Брайана. — А теперь отдай мне малышку, иначе сейчас она порвет мамоч... Донне платье.

— Да, именно Донне, — услышала я голос Эмили. — Ты потрясающая.

— Как и ты, милая, — улыбнулась я.

— Боже, — прошептал Брайан, целуя Эмили. — Я снова влюбился в тебя.

Подруга была одета в шикарное платье в стиле Gatsby. Оно было серого цвета с золотой вышивкой по всей длине юбки. Застежка была в виде шнуровок, которые завязывались крест-накрест на спине.

Мы приехали на место, и швейцар открыл нам дверь лимузина. Я взяла свою дочь за руку, и мы направились в ресторан. Там играла тихая музыка, и весь зал был украшен шариками и конфетти.

— Это для тебя, милая, — встретил нас Адам, смотря на Оливию. — Этот праздник для тебя, и каждый день теперь будет для тебя. Я Адам.

— Оливия, — смотрела на него моя дочь. — Ты друг Донны?

— Я не просто друг, солнышко, — поднял он ее на руки. — Я люблю ее. Ты очень красивая.

Адам был одет в белый костюм, и когда он прошелся оценивающим взглядом по моему телу, я почувствовала себя обнаженной.

— Она твоя копия, — прошептал он мне на ухо. — Пошли в зал.

Когда мы вошли в главный зал, я увидела всех свои подруг, которые улыбались, переводя взгляд с меня на Оливию.

Все они, как всегда, выглядели восхитительно. Эбби была одета в элегантный синий кроп-топ, который был расшит камнями, бисером и стразами Svarowsky. Ева была в розовом кружевном платье, которое по лифу украшала вышивка бисером. И в итоге я перевела взгляд на Долорес. На ней был белый кружевной топ и черная облегающая юбка «годе». Топ был расшит жемчугом, а низ юбки сверху украшало кружево.

— Добрый день, дамы, — сказал Адам. — Рад вас видеть. Прекрасно выглядите.

— Привет, Адам, — ответили они все в унисон.

— Можно вас угостить?

— Спасибо, у меня есть уже коктейль, — ответила Долорес, улыбаясь. — Эбби, если начнет пить, не остановится, а Эс... ты и сам знаешь.

— Может, я подарю вам остров?

Я засмеялась и, развернувшись к нему, поправила его галстук.

— Это Оливия, — улыбалась я, сжав ее маленькую ладонь. — Самая прекрасная девочка на свете. А это твои тети, милая — Эбби, Стейси, Долорес, Ева. Ну а с Эмили ты уже знакома.

— Можно мне на качелью?

— Какую? — нахмурилась я.

— Конечно, — ответил за меня Адам. — Мы специально для тебя ее повесили.

Я посмотрела в сторону, куда был направлен взгляд малышки, и улыбнулась. Адам держал мою дочь на руках, словно это было самое дорогое, что он когда-либо видел.

Но также он смотрел на меня, как и всегда. Такой особенный взгляд Адам дарил только мне. Он смотрел так, словно я была причиной, по которой он дышал. Я видела этот взгляд много раз, просто не придавала этому значения. И теперь, расшифровав его, не хочу принимать меньшее.

— Потрясающее вино, — сказала Эмили, когда Адам ушел с Оливией.

— Не пейте его, — засмеялась Ева. — Все, кто пьет его, или заводит детей, или влюбляется.

— Это моя дочь, — сказала я. — Она не знает об этом. Я не готова просто сейчас

сказать ей.

— Но ты ведь скажешь? — спросила тихо Стейси. — Верно?

— Скажу, — качнула я головой. — Просто не сейчас.

— Вы видите эти галстуки? — перевела тему Эбби, смотря на мужчин, которые разговаривали с Оливией.

— Они ничего не значат, — улыбалась Эмили.

— Милая, я ничего не знаю о мужчинах, но вот о галстуках знаю все.

— Что ты имеешь ввиду? — спросила я, все еще смотря на дочь.

— Она же богиня галстуков, — ответила Долорес.

— Они так идеальны, — сказала Стейси. — Почему у таких идеальных Брайана и Адама друг такой козел?

— Майкл скоро придет, — смотрела на меня Эмили. — И Кристофер также.

— Адам в галстуке цвета слоновой кости с орнаментом, — говорила Эбби, пытаюсь сменить тему. — Он — оптимист, легкий на подъем, романтик, но не прочь развлечься. Любит подарки, но любит также дарить их. Он надежный друг. Чувство юмора и фантазия — его конек.

— Я так соскучилась по вам, — сказала Ева. — Я умираю в обществе...

— Моральных уроков? — закончила за нее Стейси.

— Итак, Эс, как проходят теперь твои вечера? — улыбалась я.

— Беременность — это прекрасно.

— Да? И чего же? — засмеялась Долорес.

— У тебя не хватит времени, чтобы слушать мои аргументы, — самодовольно усмехалась Стейси. — Но самое главное — ешь сколько хочешь.

— Я почти не спала сегодня, — ткнула в меня пальцем Эмили. — Благодаря Донне и Адаму, кстати. Не знаю, что он с ней там делал, но они разбудили меня, а я разбудила Брайана. — Все засмеялись. — И когда я думала снова уснуть, посмотрела на себя в зеркало и решила, что лучший способ выглядеть не такой ужасной — это не спать вообще.

— Ева, а у тебя как? — подошли мы к бару, заказывая выпивку.

— Я не хочу отношений, — усмехнулась та. — Я хочу встретить правильного человека и просто выйти за него замуж.

— Мы на вечеринке, — сказала Долорес, танцуя на ходу. — Или танцуем и пьем, или выметаемся.

— Я надеюсь, Оливию будут развлекать? — спросила я.

— Да, — улыбалась Эмили. — Сегодня день нашей девочки.

Я качнула головой, и мне нужно было всего минутку наедине с собой. Я поднялась на второй этаж и вышла на террасу. На улице было холодно, и холод мне впервые был приятен. У меня полились слезы, и я не могла остановиться. Мне нужно было слово «мама», хоть я и знала, что не заслуживаю его. В моей жизни есть семья, но так давно не было настоящего семейного тепла.

— Донна, — вырвала меня из раздумий Оливия. — Почему ты ушла?

— У меня немного болит голова, солнышко, — натянуто улыбнулась я, вытирая слезы. — Как тебе вечеринка?

— Мне подарили много подарков, — улыбалась она.

— Я не лучший человек, но я люблю тебя, — присела я перед ней. — Я люблю тебя больше всего на свете.

— Почему ты хочешь, чтобы я жила с тобой?

— Просто я подумала, что хочу видеть, как ты плаваешь в море, катаясь по морским волнам, и показывать тебе, как маяк в тишине живет своей жизнью.

— Ты красивая, Донна, — гладила она мои волосы. — Мне сказали, что, если бы ты не забрала меня, меня отдали бы в детский дом.

— У тебя потрясающие глаза, — сжала я ее в объятьях. — Я так ждала этого дня. Теперь круг замкнулся, и я спокойна. Ты стала такой взрослой.

— Я теперь буду жить с тобой?

— Да.

— Я скучаю по маме и папе, — налились ее глаза слезами.

— Знаешь, скоро будет легче, — поцеловала я ее лобик. — Начнется новый день, и все, чего ты захочешь, однажды обязательно будет твоим.

— Обещаешь?

— Обещаю, милая Оливия, — направились мы в помещение. — Пошли потанцуем.

Она была такой худенькой и миниатюрной для своих лет, и я все время хотела ее обнимать. Мы танцевали, и она смеялась. У нее была улыбка Алекса, хотя все говорили, что она была моей копией. Они просто не замечали такой мелочи. Да им и не нужно было. Они любили Оливию, и этого было более, чем достаточно для меня.

Я пошла за новым бокалом мартини и наблюдала, как моя семья веселилась и принимала с любовью мою дочь. Адам танцевал с ней, смеясь над тем, как она кружилась в его руках.

В отношениях не бывает мелочей. Это тоже урок, который я усвоила очень давно. Невнимание и внимание. Обидные слова и любимые цветы никогда не остаются незамеченными. Люди должны разговаривать, иначе брак будет именно браком, который рано или поздно выбросят, как старые шторы. Не нужно замирать от каждого слова другого человека, но нужно восхищаться им, при этом не теряя себя, своей индивидуальности и не боясь быть разными, даже спустя двадцать лет семейной жизни. Мы люди, а не домашние питомцы, и соответственно не должны походить на своих хозяев. В конце концов, это даже не естественно.

— Я говорил, что скучал по тебе? — прошептал Адам мне на ухо, обнимая сзади за талию.

— Правда? — усмехнулась я.

Мое сердце стучало как ненормальное, готовое в любой момент выскочить из груди. Адам сильно сжал меня в объятьях, уткнувшись носом в шею, и я в свою очередь вдохнула его аромат. Он был таким родным.

Я считаю, что верность — лишь голова. Все эти объяснения: алкоголь, расстояние и т. д. — все это полная чушь. Верность — это нежелание быть с кем-то другим, кроме одного человека. Это отвращение к другим запахам, прикосновениям и даже взглядам. Мы верны своим принципам и воспоминаниям, так почему же не людям? Ты не даешь клятву верности этому человеку, но все равно остаешься верным всему, что связано с ним. Кроме множества причин, еще потому, что определенный человек становится связанным с тобой, и этого должно быть более, чем достаточно.

— Я так нуждался в тебе, — прокладывая он дорожку поцелуев от шеи к моему уху. — Чуть с ума не сошел.

— Я тоже скучала.

— Что ты скажешь, если я приглашу тебя к себе?

— Я скажу, что с удовольствием бы поехала, — повернулась я к нему. — Но лучше не спешить сейчас.

— Ладно, — взял он меня за руку и направился наверх со мной наверх. — Не задавай никаких вопросов.

Мы вошли в бильярдный зал, и Адам закрыл за нами дверь, прижимая меня к стенке. Его рот захватил мой, и я дала ему то, что он хотел — никаких вопросов. Его язык медленно скользнул по моему, и я наслаждалась. Я знала, что он также получает удовольствие от каждого касания ко мне. Я видела это в его взгляде и чувствовала в прикосновениях. Окунула пальцы в его волосы, и мне было просто необходимо держать Адама. Мне не хотелось, чтобы это заканчивалось. Я скучала по нему настолько сильно, что почти задыхалась каждый день эти чертовы две недели подряд.

Адам скользнул рукой, поднимая мою юбку, и обхватил ягодицы.

— Ты без нижнего белья, — прошептал он.

Я лишь качнула головой, и Адам двинулся дальше, встречая влажность, причиной которой был он сам. Его дыхание было тяжелым, и он склонил свой лоб к моему.

— Адам, — застонала я, откидывая голову назад.

Я хотела кричать и царапать его обнаженное тело, заявляя свои права на него. Я никогда не была уверена в Адаме до конца. Да и кроме того, когда мужчина хочет, чтобы женщина была рядом с ним, он зовет ее замуж. Это простая истина. Он хочет привязать ее к себе, пусть и самым примитивным способом. Но я наслаждалась Адамом прямо сейчас, отталкивая эти мысли подальше. «Подумаю об этом завтра» — идеальная фраза на каждый день.

— Трахни мои пальцы, Донна, — зарычал Адам. — Давай.

Его хриплый голос возбудил меня еще больше. Мне не нужно было больше ничего, чтобы взорваться, кроме его пальцев и грязных слов, которые эхом отдавались в моих ушах. Мое тело дернулось, когда имя Адама сорвалось с моих губ.

— Прекрати говорить, — произнесла я с мольбой. — Прекрати.

Адам сильнее прижал меня к себе и провел языком по моей шее.

— Я люблю тебя, Адам, — закусила я его плечо. — Я люблю тебя, как человека, без которого не могу жить.

«Мы ведь не выбираем, в кого нам влюбляться. А если уже влюбился, особенно такой безумной, всепоглощающей любовью, когда люди не могут прожить друг без друга ни минуты, — как можно отпустить такую любовь?» Джордан Белфорт.

Мы вернулись в зал, и я понимала, что моя уже далеко не идеальная прическа и чуть мятая юбка говорили о том, что мы не вели с Адамом светские беседы за чашкой зеленого чая.

— Потанцуй со мной, — сказала я.

— Может, мы сначала выпьем? — улыбался он.

— Если ты со мной не потанцуешь, я умою тебя твоей выпивкой.

Он засмеялся и взял меня за руку, выводя на танцпол. Адам положил руку на мою поясницу и притянул к себе, всматриваясь в мои глаза.

— Я люблю тебя, Донна, — поцеловал он мое плечо. — Ты счастлива?

— Да, — искала я глазами дочь, и когда увидела ее с Брайаном, снова повернула взгляд к Адаму, прижавшись своей щекой к его ключице. — Да, теперь я счастлива.

Адам отошел от меня с улыбкой на лице, подойдя к музыкальной системе, сделал музыку тише и взял в руку микрофон.

— Донна, — остановил он взгляд на мне. — Ты такая сумасшедшая. Ты такая жесткая и ранимая в то же время. Ты забаррикадировала свою душу, но в то же время ты чересчур открыта. Такая слишком чересчур во всех смыслах этого слова. Нервируешь меня, в то же время сама никогда не нервничаешь. Ругаешься, но такая ласковая. Иногда у меня складывается такое впечатление, что ты ненавидишь людей. Нет, не так, — начал он приближаться, когда все затихли, переводя взгляд с меня на Адама. — Ты ненавидишь взрослых, в то время, как, кажется, любишь каждого ребенка на земле. Ты за справедливость, и твое сердце научилось слушать твой разум. Кажется, ты первый человек во вселенной, который смог это сделать. Ты так много знаешь и демонстрируешь это с улыбкой на лице. И я в свою очередь с восхищением ловлю каждое твое слово. Ты всегда придешь на помощь, Донна Картер, — притянул меня к себе Адам, и я сжала в руках его рубашку, чтобы не упасть. — И тебя так легко любить. Ты так хорошо готовишь, и, черт возьми, я восхищаюсь тобой. Это то, что я просто не в состоянии объяснить. И это впервые в моей жизни. Все, что связано с тобой, впервые в моей жизни, потому что каждый мой миг сопровождается мыслями о тебе. С тобой бывает плохо, но без тебя нереально. Ты читаешь столько книг, о любви в том числе. Да что уж там, почти все они о любви, но все же твою нежность уловить практически нереально. Я люблю тебя, Донна. Я понял это с первой секунды, как увидел. И самое главное, — опустил он передо мной на колени. — Ты станешь моей женой? Вы, две мои самые любимые девочки, примете меня в свою жизнь?

Я опустила взгляд и увидела две пары глаз, одни из которых принадлежали моей дочери. Затем перевела взгляд на Адама, не в состоянии пошевелиться. Я боялась, что, если сделаю хотя бы шаг, упаду или, еще хуже, это окажется сном.

— Привет, — прошептала я.

Мы смотрели друг на друга и сдерживали смех. Что он устроил? Но мне так это понравилось. Ради меня никто никогда не отменял свои планы на вечер, не то что на жизнь. Не летел на собственном вертолете, чтобы я попала на концерт, который хотела, и не принимал даже собаку, не то что дочь. У меня никогда не было ничего похожего на это, и после встречи с Адамом каждый мужчина, которого я встречу, не дотянет до планки, которую в моей жизни он установил. Он хочет быть со мной, и я точно уверена, что пробежал бы по полю битвы, чтобы услышать мой голос.

— Это был праздник Оливии, — сказала я.

— Мне жаль, что я испортил его.

— Нет, — ответила я, когда он поцеловал мою руку и достал из кармана бархатную коробочку. — Тебе не жаль.

— Пожалуйста, Донна, — смотрел он на меня с отчаяньем. — Это всего-то до конца жизни.

— Я согласна, — улыбнулась я. — Согласна.

— Уверена?

Я закивала, ощущая непролитые слезы. Это была смесь облегчения, нежности, любви и трепета. Восхищения его силы и возможности принятия всего, что связано со мной.

— Уверена, Адам, — засмеялась я, когда он надел кольцо мне на палец.

Это было кольцо Tiffany Soleste. От Адама другого я не ожидала, но оно поистине завораживало. Бусинки белых бриллиантов обрамляли сам бриллиант формы капли в центре,

и я думаю, на моем пальце сейчас красовалось целое состояние минимум из четырех карат.

— Я не хочу быть одна против всего мира, — смотрела я на него. — Это стало утомительно для меня одной.

Он схватил меня за талию и начал кружить. Я смеялась и ухватилась за его плечи, впиваясь в мягкие и до боли родные губы почти с отчаяньем. Адам припал к моей шее с посасывающим поцелуем, когда все начали хлопать. Заиграла песня Ryan Dolan — When we were young, и я смеялась. Слезы потекли по моим щекам, и Адам поднял Оливию на руки, чтобы мы двигались под музыку втроем.

— Теперь вы поженитесь, и мы будем жить все вместе? — спросила девочка.

— Да, любимая моя, — поцеловала ее.

— И нужно будет тебе первый месяц повесить колокольчик на шею, — припал к моим губам Адам.

Я громко расхохоталась. В это мгновение произошло что-то странное. Словно нужный фрагмент мозаики, которого мне не доставало в сердце, нашелся, и все было таким чертовски правильным.

— Ты восхитительна, — шептал мне на ухо Адам. — И пахнешь ты восхитительно. И я пахну тобой после каждого твоего прикосновения.

Я чмокнула его в губы и поняла, что именно за него хотела выйти замуж. Это так глупо, ведь я не та, кто будет ждать его под дверью с работы, и не та, кто будет каждый вечер готовить ему гардероб на следующий день. Я не откажусь от работы, от своей свободы и своих желаний, но я люблю его. Люблю все, что связано с ним, даже просыпаться. Нет, особенно просыпаться. Свернуться в его объятьях и чувствовать счастье, которого не чувствовала никогда ранее. Это так волнующе и успокаивающе в то же время, безопасно и опасно.

Адам не выпускал Оливию от себя, и меня это злило и изумляло одновременно. Когда подруги начали меня поздравлять, я почему-то, смотря на Эмили, думала, что она и так знала, но не стала ничего спрашивать.

— Хватит ее тискать, — подошла я к Адаму, забирая дочь, когда они разговаривали. — Привет, детка.

— Поздравляем, — говорили мне мужчины.

Кристофер поцеловал мою руку, Майкл — щеку, а Брайан сжал в объятьях и прошептал «спасибо». Он не должен был мне этого говорить, хоть я и понимала, что он имеет ввиду.

— Мы обсуждали с нашей девочкой, какого цвета она хочет комнату, — сказал мне Адам. — И, кажется, Оливии со мной проще договориться, чем с тобой.

— Ага, — прищурила я глаза. — Попробуй, и тебе будет больно.

— Я люблю тебя, — крикнул он мне вслед.

Я покачала головой и направилась со своей дочерью к подругам, целуя ее лобик и радуясь, что у нее будет настоящая семья. Нам еще так много нужно пройти с Адамом, но ей нужен отец, и этот человек сможет им стать. У него замечательная семья, и он априори не может плохо относиться к детям.

Я знала, что научу свою девочку жить по-другому. Жить в согласии с собой и миром, без ненависти в любом ее проявлении. Ведь на самом деле каждая умная женщина имеет колоссальную силу. Я не хочу, чтобы из-за нее начинались войны, но я знаю, что та сила, которая есть в глазах Оливии, сможет остановить любую войну. Она особенная, и я сделаю все, чтобы моя дочь осознала свою силу и научилась ею пользоваться. Она будет

использовать женственность и мужественность.

Я же не такая, но сделаю все зависящее от меня, чтобы люди, которых я люблю, были счастливы. И теперь рядом со мной есть тот, кто ценит счастье и определенные ценности. Он знает о жизни больше, чем некоторые люди могут прочесть даже в книгах, и делает все, что завит от него, чтобы все, что окружало его, было в безопасности. Кольцо важно. Всегда так было, есть и будет. Я не принадлежу ему, но мое сердце — безоговорочно. И самое ужасное и прекрасное — я рада этому. Кажется, что общество забыло некоторые ценности, но Адам все равно помнит обо всем. Кажется, в определенный момент время остановилось, но он продолжал идти дальше. Несмотря на вероятную избалованность его натуры и «маленького мальчика», внутри Адам Майколсон нашел ту самую точку опоры и обрел гармонию. Кажется, что даже десять лет назад, в его двадцать пять, за его плечами было достаточно жизненного опыта для взрослой жизни. Для поведения в этой жизни и ее понимания априори.

Адам — сильный и уверенный. Он заботливый глава семьи, страстный любовник, смелый защитник, внимательный слушатель, человек умеющий решать проблемы, не боящийся жизненных сложностей, и друг, на которого я всегда могу положиться. Он никогда не позволит страху стоять на пути к своему счастью и успеху. Страх — боязнь ошибиться, а Адам не боится ошибиться даже сотни раз, если в конечном итоге это окупится. Он без каких-либо колебаний выйдет из своей зоны комфорта и рискнет.

Мы приехали ко мне домой, когда уже было за полночь, и Адам сказал, что вскоре вернется, после того, как разберется кое с чем. Я не стала спрашивать, по крайней мере сегодня. Я поцеловала Оливию перед сном и открыла сайт детской одежды и мебели. Адам был прав, у нее должна быть своя комната, свой шкаф, в котором будет лежать ее любимая одежда.

— Донна, — услышала я ее голос спустя где-то полчаса.

— Да?

— Я не могу уснуть.

— Идем, милая, — протянула я к ней руки.

— Куда?

— Когда я не могла уснуть, моя мама набирала мне горячую ванну, — подняла я Оливию на руки. — И мы будем делать так же.

— Почему ты не заставляешь меня спать? — спросила она, лежа уже в ванной, когда набиралась вода.

Я села на кафель и, улыбаясь, смотрела на свою девочку.

— Принять горячую ванную — это старинный способ вскоре уснуть. Думаю, двадцать минут нам хватит.

— Ты любишь Адама?

— Да, — улыбнулась я. — Он хороший человек. Тебе Адам нравится?

— Он добрый и подарил мне много подарков.

— Я люблю тебя, — засмеялась я. — Очень сильно.

— Чем мы займемся?

— Еще недельку, и мы пойдем записывать тебя в школу, — смотрела я, как ее пухлые губки надулись. — А на эти дни мне нужно нанять управляющего и переделать тебе комнату.

— Таковую, как я хочу? — озарила улыбка ее лицо.

— Конечно.

— Мама редко покупала мне то, что я хотела. Она говорила, что это мне не нужно.

Укол вины снова пронзил мое сердце. Я взяла шампунь и начала мыть ее волосы, наслаждаясь их гладкостью. В момент, когда я увидела ее, вся жизнь пронеслась перед моими глазами, и мало хорошего я смогла вспомнить. Я откинула эти мысли и взяла со шкафчика полотенце, чтобы вытереть Оливию. В конце концов, у меня есть вся жизнь, чтобы искупить вину.

— А теперь я должна уснуть? — спросила она, когда я вытерла ее полотенцем и надела на нее розовый банный халатик.

— Да, — поцеловала я Оливию в щечку, когда мы легли в кровать.

— А если я не хочу спать?

— Тогда мы с тобой сделаем вот так, — достала я блокнот и ручку из тумбы. — Раздели листок на две части и напиши на левой стороне, что тебя тревожит, — она сделала это, и я улыбнулась. — Я не буду смотреть. Это только твое. А теперь справа напиши возможные решения твоей проблемы, и дату, когда тебе необходимо вернуться снова к этой ситуации. Ты понимаешь, что все равно вернешься к этому, и твое удивительное сознание будет чистым.

Я обняла свою девочку и проснулась, когда на часах уже было полдвенадцатого. Поцеловав Оливию в щечку и надев халат, направилась на кухню. Сделав кофе, впервые за семь лет поняла, что все было в порядке. Адам так и не приехал, и меня одолевало волнение.

Я помню, как он рассказывал мне о ситуации из его прошлого:

— Я был всегда человеком слова, Донна.

— Кто был первым, кого ты убил?

— Урод, который насиловал девочек, — ответил мне тогда Адам. — Я сказал ему ехать так далеко, как он только сможет, но он не послушал меня. Я тогда впервые научился отключать сердце и эмоции так же легко, как закрывать дверь своей машины. Открыв дверь его дома, просмотрел все комнаты даже не за пятнадцать минут. Каждая комната была пуста, что облегчило мне задачу. Затем я открыл нужную дверь и вытащил пистолет из кобуры, скрытую за кожаной курткой.

— Он что-нибудь спросил, прежде чем ты выстрелил?

— Да, — прижал меня тогда к себе Адам, целуя в макушку. — Что-то вроде, что я тут делаю.

— И что ты ответил?

— Я никогда не отвечал на их вопросы.

— Донна? — обернулась я на голос Оливии, возвращаясь в реальность.

— Да, милая?

— Я хочу панкейков.

— Хорошо, — присела я напротив нее, обнимая. — Мы будем делать все, что ты захочешь.

Я включила ей мультики на ноутбуке, а сама жарила своей девочке панкейки. Она улыбалась и пила сок, периодически поглядывая на меня. В дверь позвонили, и я вздохнула, понимая, что Адам наконец-то смог почтить нас своим присутствием.

— Если ты не... — замолчала я, смотря на лицо Алекса. — Что ты тут делаешь?

— Твой парень приходил ко мне и хотел, чтобы я подписал отказ от нашей дочери.

— Заткнись, — выругалась я, выходя в коридор и захлопнув дверь. — Она никогда не была твоей. Я не хочу, чтобы он причинял тебе боль, и хочу, чтобы ты держался подальше. Бумаги я подготовлю.

— Только теперь у меня есть условие, — усмехнулся Алекс, прижимая меня к стенке. — Твой парень выпустил меня из тюрьмы, но мои планы, когда меня посадили туда, немного сорвались. Теперь мне нужна твоя защита, или я ничего не буду подписывать, Донна.

— Отойди от нее, — зарычал Адам, приближаясь к нам.

— Нет, — стала я между ними, смотря на Адама. — Он нужен нам живой, не забыл?

— Увидимся, — направился Алекс к выходу с отвратительной ухмылкой на лице.

— Никогда не становись между мной и им, — прижал он меня к себе. — Я мог сделать тебе больно, Донна.

— Или что? — разозлилась я. — Ударить его, потому что у тебя тестостерон из ушей прет?

— Донна, остановись, — предупреждающе посмотрел на меня Адам.

— Я не подчиняюсь твоим приказам, помнишь?

— Я сильнее тебя.

— Круто, мы с Оливией скоро уходим.

— Нет, — захлопнул он дверь, когда я попыталась открыть ее.

— Да. Нам обоим нужно время. Тебе, чтобы остыть, а мне — привыкнуть к твоему исчезновению после того, как ты сделал мне предложение.

— Ты не покинешь это здание без меня. Мы переезжаем ко мне, так что собирай ее вещи, и прежде чем ты начнешь спорить, вспомни, что Алекс теперь на свободе.

— Благодаря тебе, — оттолкнула я его. — Зачем ты это сделал?

— Я хочу удочерить Оливию, — взял он в ладони мое лицо. — И хочу узнать, что он задумал. Хочешь отдохнуть? Ладно, ты знаешь, где теперь наша спальня. Малышку я сам могу положить спать, накормлю ее, и на этом разговор закончен.

Я выругалась и показала Адаму средний палец, молча развернулась и вошла в квартиру.

— Я не знаю, что это значит, дорогуша, — сказал он, следуя за мной.

— Вот и чудно, — злилась я, смотря на испорченную еду.

— Адам, — побежала к нему Оливия. — Мы вчера так долго не спали.

— Почему?

— Донна мыла мне волосы, а потом показала, как рисовать таблицу, которая поможет не думать.

— Нет, — засмеялась я, смотря на ее улыбку. — Это таблица, которая поможет тебе очистить сознание.

— Детка, — поцеловал Адам Оливию в макушку, — собирай самые любимые вещи, вы переезжаете ко мне. Все, что тебе нужно будет, мы купим.

Она улыбнулась, и когда Адам отпустил ее на землю, побежала в мою спальню, делая то, что он сказал. Я же снова взялась за приготовление позднего завтрака.

— Знаешь, — скользнул он руками по моим бедрам, сцепив пальцы на животе и упираясь подбородком мне в макушку. — Мы будем самыми ненормальными, нервными, ужасными и контролирующими все родителями.

Я развернулась и уткнулась ему в шею, а он сжал меня в своих объятьях так сильно, что мне почти нечем было дышать.

— Ты моя, — прошептал он. — Ты вернулась ко мне и теперь станешь моей женой.

— Я не могу дышать, Адам, — засмеялась я, лежа ладонь на его щеку, чуть слышно прошептав: — Привет.

— Ты всегда защищал меня. Зачем?

— Я люблю тебя, Донна.

— Ты по-другому смотришь.

— Нет, — обнял Адам меня за плечи. — Просто теперь ты полюбила меня.

Адам был одним из тех мужчин, который любил обнимать. Он сжимал меня в объятьях, чаще всего смотря в глаза, и мне казалось, что я могу достать рукой до небес.

Некоторые события в жизни случаются так редко, что требуют особого запоминания, и молчание в унисон — лучший исход. У каждого свои секреты, и, несмотря на мое умение держать язык за зубами, я не могу молчать всю жизнь. Когда Адам узнает мое прошлое целиком — уйдет. Его не будет рядом, и я поняла, что совершенно не готова к этому дню. В каком-то роде он эксплуатирует меня. И это действие выразится лишь в эмансипации, когда его больше не будет рядом.

«Я боролась против всего, но теперь меня стало тревожить, что я никогда не боролась за что-то». Чак Паланик.

— Я голодна.

— Если моя невеста хочет есть, значит нужно ее покормить, — Адам улыбался. — Какая кухня?

— Будет странно, если я скажу, что хочу чизбургер? — склонила я голову набок.

— Если это твоя заветная мечта, значит, мы идем есть чизбургер, — встал он с постели, надевая спортивные брюки. — Я помню, как мы познакомились. Ты была единственным запретным плодом.

— Уже восемь утра, — встала я с постели, завязывая халат. — Нужно приготовить завтрак для Оливии, поэтому я сделаю вид, что не заметила идеальных слов, которые были только что сказаны.

— Улицы Нью-Йорка еще три часа назад были так пусты и чертовски привлекательны, — обнял меня Адам, целуя в губы, прежде чем мы вышли из комнаты. — Нужно много всего сделать. Ремонт в квартире, которую я раньше купил, уже почти готов.

— Всему свое время, — направились я в кухню. — Нужно устроить Оливию в школу, купить ей вещи и показать все, что я упустила за эти годы.

— Я не хочу тебя пугать, не хочу тебе навредить, — говорил Адам, включая кофеварку. — Я хочу заниматься с тобой любовью и в будущем воспитывать детей.

— Хорошо. Но мы должны быть командой. И я хочу, чтобы ты мне доверял.

— Когда придет твоя мать познакомиться с внучкой?

— Я не думаю, что она этого хочет.

— Но она ведь твой создатель.

— Адам, ты ведь говоришь о моей матери, — засмеялась я.

— По большому счету, я говорю о тебе, — поцеловал он меня в лоб. — Мне нужно на работу, но машина с водителем будет ждать вас, когда будет нужно. Если ты чего-то не сможешь сделать, позвони мне, и я все устрою.

— Я не собираюсь звонить тебе, — все еще смеялась я. — Сама со всем могу справиться.

— Да, но в этом нет необходимости.

В моей жизни наступил момент, когда я почувствовала себя самой счастливой стервой на планете. И я могла бы сказать, что это благодаря тому, что я наконец-то вернула дочь, обрела семью и водила любимую марку машины. Но все это было не правдой. Моменты счастья, которые я действительно делали меня счастливой, появились только после моей встречи с Адамом. Я сходила с ума, когда была далеко от этого человека, и понимала, что не смогла продержаться еще хотя бы один день, прежде чем вернуться.

Прозвучал звонок мобильного, и я потянулась к телефону, увидев на экране фото Эмили.

— Привет, Эм.

— Ты дома? — спросила она.

— Да.

— Мы скоро будем у тебя.

— Мы — это кто? — достала я из холодильника сыр, мясо и соусы на бургеры.

— Я и Стейси, — слышала я улыбку в ее голосе. — Мы едем. Сейчас на Broadway, если точнее, на Bronx Street. Стейси, может, ты прибавишь скорость? Потому что нас только что обогнало здание, а затем и дерево.

— А как ты оказалась не за рулем, Эмили? — засмеялась я.

— С тех пор, как Стейси забеременела, она этим пользуется. И еще, — замолчала подруга на мгновение. — Не смей убежать от Адама. Я понимаю, что тебе страшно, я ведь женщина, сбегавшая от мужчины, который предложил ей свое сердце, и, кстати, я все равно в конечном итоге вышла за него замуж.

— Если это все, — улыбнулась я, — то я вас жду.

«Шире открой глаза, живи так жадно, как будто через десять секунд умрешь. Старайся увидеть мир. Он прекраснее любой мечты, созданной на фабрике и оплаченной деньгами. Не проси гарантий, не ищи покоя — такого зверя нет на свете». Рэй Брэдбери.

— Пойду разбуду малышку, — сказал Адам, поцеловав меня в щеку.

Мне нужно столько всего успеть, и это так непривычно. Я никогда никуда не спешила, зная, что меня никто не ждет. Но время летит слишком быстро, и нужно все делать вовремя, чтобы потом не было жалости об упущении не моментов, а самой жизни, в которой каждый день мы проживаем не так, как хотим. Я хочу, чтобы моя дочь рассказала мне, какое место во всем этом большом мире она хочет посетить первым, куда поехать второй раз, и где отпраздновать день рождения. Краски жизни с появлением ребенка становятся такими яркими, словно весна началась раньше времени.

— Ангелы никогда не спят, — слышала я голос Адама. — Их просто не видно из-за облаков.

— Юная леди, — повернулась я к ним, смотря на Оливию, которая смеялась в руках Адама. — Тебе нужно купить одежду.

— Зачем? — улыбнулась она. — У меня есть его.

— Ты уже такая умная, — поцеловала я ее в щеку.

— Мне семь, я уже не ребенок.

Я задумалась над тем, сколько людей в действительности находят того, с кем хотят быть? Сколько людей в целом мире чувствуют, что их день не полный до конца, потому что, пусть они и находится рядом с человеком, которого любят, но эти люди не обсуждали очередной концерт любимой группы и глупую рекламу порошка. Сколько людей связывают

свою жизнь не только с любимым человеком, но и с другом? Брак, который базируется на дружбе, самый крепкий, особенно учитывая, что в случае безысходности ты звонишь не просто мужу или жене, а именно другу.

— Ди, — открыла входную дверь Эмили, смотря на меня. — Я ненавижу Стейси и хочу ее убить.

— Так, — усмехнулась я, смотря, как Эс самодовольно улыбается. — Новое правило этого дома — никакого кровопролития, пока тут Оливия.

Спустя неделю такой эйфории мы отправились на выставку картин, которую устроила Ева. У нее был талант, и наконец она решила его раскрыть. Мы все собрались в субботу вечером в галерею, проводя время снова все вместе, как раньше.

Просторная галерея на 25th Avenue представляла в основном молодых художников и фотографов. Ева рассказывала, как совсем недавно в этом выставочном зале, Agora, прошла выставка уже состоявшегося мастера Маурицио Йорка, а он уже далеко не новичок. Несмотря на некоторую напыщенность, в галерее царил дружеская атмосфера. Хозяйка — приятная и общительная американка, которая с радостью встретила нас и с увлечением рассказывала подробности о работах, представленных в выставочных залах.

— А это картина женщины на краю смерти, — улыбалась Ева, смотря на нас.

— Потрясающе, — сказала я, беря из подноса очередной бокал шампанского. — Ты такая талантливая.

— Стоп, — прошептала Эмили. — Прямо по курсу стоит Даниэль.

— Тот самый Даниэль, которого бросила Ева, — смотрела на меня Долорес. — А потом она вернулась к нему, и он спустя месяц сказал, что женится?

— Он не мог сюда прийти, — все еще не оборачивалась Ева. — Он тот еще придурок, и я не хочу его видеть до конца своей жизни. Именно поэтому, кстати, и осталась жить в Нью-Йорке. Тут невозможно встретить одного человека дважды.

Мы все наблюдали, как этот урод стоял позади Евы и с улыбкой слушал то, что она говорит.

— Скажите мне, что он не стоит прямо за моей спиной, — смотрела на нас подруга.

— Он прямо за твоей спиной, — ответила Эс. — Но сегодня твой день, и, если ты хочешь, я попрошу Майкла вызвать наряд полиции.

— Вы помирились? — улыбнулась Эбби.

— Неа, но, если я скажу ему, что прощу, если он сделает это, сюда пригонят вертолет прямо из Великобритании, я уверена.

— Что тебе нужно, Даниэль? — обернулась Ева к нему после того, как засмеялась.

— Прости меня, Ева. Что бы ты почувствовала, если бы я сказал, что все еще люблю тебя?

Я засмеялась так громко, что весь зал обернулся на меня. Адам улыбнулся, смотря в нашу сторону, а все остальные лишь не понимали, в чем дело.

— А теперь послушай меня, умник, — ткнула я пальцем в грудь этого придурка. — Ева слишком ценна, и так же, как ты не можешь перестать влюбляться, так она не делает этого никогда. И я позволю ей снова вляпаться в это дерьмо, только если скажут, что завтра конец света.

— Нужно было идти работать стюардессой, — фыркнула Эс, когда мы направились к друзьям. — Там мужчин хотя бы сортируют по классам.

— Могу я поцеловать тебя? — спросил Адам, когда я подошла к нему.

— Пожалуйста, — ответила я шепотом.

— Ты потрясающе выглядишь, дорогая.

Я смотрела на Адама, и так хотела верить, что это надолго. Что это навсегда. Порой хочется верить, что вот он — тот человек, которого ты встретила. Ты его жизнь, и его дыхание. Но каждый раз я падала и сейчас, смотря на Адама, снова боялась упасть. Почувствовав нарастающую панику, я посмотрела в глаза Эмили, которая стояла напротив и уже протянула свою руку ко мне, но Адам схватил меня за талию и стал целовать меня при всех. Я поняла, что мы прошли через зал и оказались на улице только тогда, когда мою кожу обдало вечерним холодом. Я все еще была поглощена его руками и запахом. Так пах только Адам. Аромат, который вызывал успокоение, принадлежал только Адаму. Его рот и губы, которые были полными и вызывали в моем теле трепет, куда бы он ими ни касался. И самое главное — глаза. Его взгляд завораживал. И я любила в нем абсолютно все.

— Что такое, Донна? — взял он мое лицо в свои ладони. — Что случилось? Расскажи мне.

— Я... — смотрела я на него. — Я боюсь снова упасть.

— Эй, — прижал он меня к себе, держа за затылок. — Я не дам тебе упасть. Все по-настоящему, Донна.

— Да?

— Где тебе будет спокойно?

— Не нужно было меня слушать, — провела я кончиками пальцев по его щеке. — Ты мог просто жениться на мне еще два года назад.

— Почему же не три?

— Дай мне годик, чтобы я выпустила весь свой яд.

Мы сели в машину и отправились к фонтану Unisphere, никому ничего не сказав. Это было тихое место Нью-Йорка, через которое тысячи людей проходили каждый день, но никто особо не замечал. Ну или просто не придавал значения. Этот фонтан в форме глобуса — самый большой из тех, которые сделаны в такой форме. Он находится неподалеку от Astro-View. И в результате теперь, подсвеченный тысячами огоньков, особенно красив ночью. Все стало неважным, и только на этот вечер не нужно было думать ни о чем. Весь мир был для нас, и я хотела этого. Я дописывала самостоятельно последний слог, забывая начало.

— Что ты думала обо мне первое время?

— Ты имеешь в виду первый месяц или год? Потому что там все без изменений, — засмеялась я, смотря на его выражение лица.

— Ты хотела меня, — пересадил Адам меня к себе на колени. — И знала с самого начала, что мы будем вместе.

Я смотрела на него, и Адам смеялся, зная, что прав. Этот человек всегда был невероятно наблюдательным. Он был светловолосым мужчиной, и его цвет кожи был темнее моего. Сейчас темные глаза выглядели опасными, и я держалась за его бицепсы, каждый раз наслаждаясь рельефными мышцами.

— Я думала, что ты умен, — изобразила я безразличие. — Ты интриговал. Ты любил больше читать, чем смотреть телевизор. Думаешь, я могла пройти мимо?

Адам притянул меня к себе и запечатлел сладким поцелуем мои губы. Я вдыхала его запах и была в самом потрясающем месте этого мира — его объятьях.

Я счастлива. У меня есть семья. Пусть она живет на разных улицах или городах, но она

есть, а это гораздо больше, чем имеют многие.

— Ты прекрасна.

Я до сих пор не могла поверить в происходящие. Свадьба — это словно по-настоящему. Это серьезно, и если раньше я восхищалась телом Адама, думая, что оно принадлежит мне, то теперь я переживала, чтобы с ним что-нибудь не случилось.

Я помню, когда коснулась неба рукой. Казалось, словно я сама придумала этот мир, увидев нужную звезду в темно-синем небе.

На следующий день Адам разбудил меня, когда еще не было и пяти утра, сказав, что уезжает в Вашингтон.

— Я позвоню, как буду на месте, — поцеловал он меня в щеку.

— Ага, — лишь пробормотала я, накидывая одеяло на голову.

— Донна, — откинул он его со смехом. — Не наделяй глупостей. Не забывай есть сама, когда кормишь Оливию. Не потеряй права и не забывай, что теперь на заднем сидении сидит ребенок.

— Я только что получила наставление от Адама, мать его, Майколсона? — нахмурилась я. — Очень мило.

— Я люблю тебя, — еще раз поцеловал он меня. — Скучай по мне.

— Всегда, — ответила я шепотом.

Адама не было пять дней. Созванивались мы лишь утром и вечером, так как он был занят, да и не были мы фанатами телефонных разговоров. Я пыталась проводить как можно больше времени со своей дочерью, хоть и до сих пор не рассказала правды. Со следующей недели она пойдет в школу. Еще Оливия сказала, что раньше ходила на танцы и на испанский. Ей это нравилось, так что сегодня с самого утра мы записали ее и на одно, и на другое занятие.

Оливия смотрела телевизор, пока я стояла на террасе дома Эмили, пытаюсь понять, что не так.

— У тебя есть сигареты? — спросила я.

— Я думала, ты бросила, — ответила она, протягивая мне пачку.

— Как и ты, — прикурила я, делая затяжку.

— Я бросила, но для разных ситуаций пачка всегда тут лежит. Что-то случилось?

— Да, — посмотрела я на нее. — Но я пока не знаю, что именно.

— Что ты имеешь в виду, Донна?

— С Адамом, — вернулись мы в дом. — Что-то не так с Майколсоном, но он пока не говорит об этом.

— Ты уверена? — сели мы за стол, допивая кофе.

— Я всегда уверена, Эм. Ты же знаешь, я чувствую. Всегда.

— Я сегодня сказала Брайану, что готова к детям, — улыбнулась она. — Я готова к последнему недостающему паззлу.

— Я так рада за тебя, — смотрела я на нее с любовью. — Только не становись сумасшедшей, которая считает овуляцию и пьет витамины, которые на самом деле нихрена не помогают.

— Нет, все будет само собой, — отмахнулась подруга. — Я даю нам два года, чтобы забеременеть.

— Брайан любит тебя.

— Это правда, — покрутила она обручальное кольцо. — Как и я его.

— Нет, Эм, — покачала я головой. — Ты любишь его, но не так, как Брайан тебя. Он словно дышит тобой, и порой его зависимость перерастает в манию.

— Я бы сказала, что меня это раздражает, но это не так, — засмеялась она. — Я всегда хотела, чтобы от меня дух захватывало. И у Брайана именно такая реакция.

— Нет, он просто не дышит, когда ты рядом.

— Ди, я сейчас вижу, как колесики крутятся в твоей голове. Ты думаешь, мы с Брайаном не ругаемся?

— Но ты всегда все равно говоришь, что потом все в порядке, а у меня есть осадок.

— Да, но я говорю это, потому что лажать в браке — это нормально. Ты моя подруга, Донна. Моя. И ты будешь за меня. А если я буду перетягивать одеяло на себя, говоря, что Брайан виноват во всем, ты начнешь его презирать, переставая при этом уважать. И потом мы с ним все равно помиримся, и у нас все будет хорошо, а твое мнение о нем сохранится.

Пока я сидела у Эмили, Брайан отвез Оливию на экзамен, а я, прежде чем забрать ее, прошлась по улицам в одиночестве. Все было вроде хорошо, но в то же время не так, как я хотела. Я не могла назвать квартиру, в которой жила домом. Там не было моих полотенец, и на полках стояли не те рамки. На самом деле я даже не знала, где там находятся мусорные пакеты, потому что два раза в неделю мусор забирали, как и неиспользованные продукты, люди, которых я ни разу не видела. Я не была там хозяйкой и задумалась, а готова ли я к замужеству? Оставила ли я в своем теле и разуме пространство для мужа? Могу ли я позволить ему защищать меня, несмотря ни на что? Смогу ли представлять его, как своего мужа, с полным пониманием этого слова? Принимать его мысли, планы, убеждения и необходимость порой уступить? Жак Фреско сказал: «Мы либо научимся жить вместе, либо погибнем по одиночке».

Я приехала в школу, ожидая, пока моя девочка выйдет из кабинета. Автобус возил детей, и родителей тут не было, но сейчас я хотела, чтобы Адам был рядом. Я не настолько хотела себе мужа, как ей отца. Черт, я сама испортила ее детство и пыталась исправить свои ошибки за счет других.

— Донна, меня взяли, — услышала я ее счастливый голос.

Я обернулась и потянулась к ней, чтобы обнять.

— Я не сомневалась в тебе, — сказала я, когда слезы жгли глаза. — Я никогда не сомневалась в тебе.

Мы ехали в супермаркет, и всю дорогу она рассказывала, какие там были задания, и с чем ей было труднее справиться. Я смеялась, а она гордилась проделанной работой. И я гордилась ею, осознавая, что на самом деле моей заслуги в том, что она знает, нет совершенно.

Позже мы сразу направились в салон, и когда вошли, держась с Лив за руки, все обратили на нас свой взор.

— Здравствуйте, девушки, — улыбнулась я. — Это Оливия.

— Привет, Оливия, — говорили работники, не отводя от нее взгляд.

Моя дочь была действительно удивительно красивой. Этот нереальный контраст светлых глаз и темных волос сводил с ума. И пока что детская наивность была так очаровательна. Я буду защищать ее сердце до тех пор, пока смогу, ведь мое не защищали, когда я была в таком возрасте. Я смотрела на нее, и она улыбалась, словно уже знала что-то по-настоящему ценное. Я подмигнула ей, и мы прошли в кабинет. Оливия рассматривала фотографии, когда я делала ей какао, и улыбка не сходила с ее лица. Она была такой

маленькой и такой красивой.

— Ты тут работаешь? — спросила девочка.

— Раньше работала, а сейчас бываю очень редко.

— Почему?

— У меня есть ты, — улыбалась я. — И я предпочитаю проводить время с тобой.

— Не надо из-за меня жертвовать мечтой, Донна, — смотрела на меня дочь. — Я когда-нибудь стану взрослой.

— В том и дело, милая, — вздохнула я. — Ты вырастешь, и я не хочу пропускать твое время, пока ты еще так наивна.

— Донна, мне семь лет, — нахмурилась она. — Я не маленькая и понимаю больше, чем ты думаешь.

— Тогда вот что я тебе скажу, — открыла я ноутбук. — Я больше не хочу быть визажистом. Я хочу чего-то нового. Чего-то совершенно другого и не похожего на это.

— Например, чего?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Тетя Эмили раньше была адвокатом. Одним из лучших адвокатов, которых я когда-либо встречала. А потом Брайан купил ей ресторан, и она стала его владельцем. Она управляет им, говорит с людьми, а порой просто сидит там и читает, попивая любимый кофе. Она не боялась. Но я боюсь, Лив. Не все такие, как Эмили.

— Но если ты не попробуешь, то не сможешь быть счастлива.

Она сказала это так просто. Из уст моей девочки это звучало, словно люди недалеко от своих желаний. Словно мы никогда не опаздываем, и все, что делаем в этот момент, и является правильным. В какое мгновение мы перестаем мыслить, как дети? Когда случается тот момент, когда мы теряемся и остаемся одни? Мы думаем, что мы стена для своих детей, но на самом деле лишь они — наше единственное спасение.

— Ты и правда гораздо умнее, чем я думала.

«Я думаю, что всё в жизни — искусство. То, что вы делаете. Как одеваетесь. Как вы любите кого-то и как говорите. Ваша улыбка и ваша личность. То, во что вы верите, и все ваши мечты. Как вы пьёте чай. Как украшаете свой дом. Или как веселитесь. Ваш список покупок. Еда, которую готовите. Как выглядит ваш почерк. И то, как вы себя чувствуете. Жизнь — это искусство». Хелена Бонем Картер.

Вечером Эмили написала мне, что устраивает девичник и ждет меня через час, на что я ответила, что мне не на кого оставить Оливию. Она больше ничего не ответила, что меня удивило, если уж быть до конца честной, но я об этом не думала. Больше меня волновал Адам и его безразличие. Он игнорировал меня. Его телефон всегда был при нем, и если бы он действительно хотел, то позвонил мне, пусть и на три секунды, просто спросить, все ли в порядке. Ничего не значащая фраза в нужном контексте и сказанная правильным человеком вспыхивает искрами и бьет сильнее, чем любой меч. Но дело в том, что ничего не означающий звонок, который не был сделан вообще, так же бьет, пусть и не так сильно.

— Донна, я хочу есть.

— Что ты будешь?

— Я хочу пиццу, — невинно улыбнулась она.

— Оливия...

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — перебила она меня. — Я потом съем все, что ты скажешь.

— Я сделаю пиццу только по причине того, что это тоже моя любимая еда.

И вот спустя полчаса мы сидели на кухне и поедали пиццу, смотря вторую часть «Мстителей». Я услышала щелчок двери и увидела, как Брайан вошел в дом без стука, и его взгляд остановился на моей дочери.

— Иди сюда, моя любовь, — потянулся он к ней. — Угадай, с кем ты останешься, пока наши девочки будут отдыхать?

— Ты уверен? — спросила я, вытирая рот салфеткой.

— Эмили уже ждет тебя.

— Так, ладно, — поднялась я с места, сфокусировавшись на Брайане. — Она уже поела. Через два часа ей нужен молочный сыр. Он в холодильнике в красной тарелке на второй полке. Через два с половиной часа она будет читать ровно тридцать минут, и перед сном разогрей ей молоко, пусть выпьет один стакан. Если я не приду до того момента, пока она уснет, возьми из холодильника бутылку простой воды и поставь рядом с ней на тумбочку. И...

— Донна, — усмехался мой друг, не обращая никакого внимания на мою ненормальность. — Выдохни. Мы справимся. А теперь иди, чтобы мне не пришлось тебя выгонять.

Я надела белую футболку с V-вырезом и кожаные штаны, которые держались на талии ремнем Moschino. Черная сумка, черный пиджак и белые туфли, которые завязывались на щиколотке. Сейчас был уже конец зимы, и на улице погода походила на позднюю осень. Но для того, чтобы выйти из машины и сделать максимум десять шагов, это будет в самый раз. Я не знаю планов Эмили, и, чтобы в любом случае соответствовать, я выбрала универсальный вариант.

— Донна, ты такая красивая, — сказала мне малышка, когда я вышла из комнаты. — Можно мне тоже туфли?

— Знаешь, моя мама говорила мне фразу: «Всему свое время», — поцеловала я ее в лобик. — Нужно вызвать такси.

— Такси уже ждет, — усмехнулся Брайан, закатывая рукава рубашки. — И Оливия права, ты потрясающая.

— Спасибо, — искренне сказала я, посмотрев на него. — За все.

«Я люблю гулять по ночам, это мне больше по вкусу, мир становится другим. Пустынный, тихий и таинственный». Корнелия Функе.

— Ты в туфлях, — встретила меня Эмили. — Они шикарны.

— Лубутен сказал, что обувь меняет язык нашего тела, — поцеловала я ее в щеку, закрывая за собой дверь. — И возвышает нас.

— И как поживает невеста? — вскрикнула Стейси. — Долго же он думал. Когда я увидела тебя, через неделю была готова сделать предложение.

— А я через пол часа, — засмеялась Эмили. — Но она отказала мне, так что я сдала кольцо обратно. Получите, распишитесь.

— Смешно и глупо, — нахмурилась я.

— Неа, подруга, — достала бокалы Ева. — Глупо, но смешно. На самом деле я думала, он уже никогда не сделает этого.

— Я не знаю, поступила ли правильно, что согласилась, — вздохнула я. — Чего-то не хватает.

— Секса?

— Я Майкла посылаю чаще, чем сама вижу член, — налила сок Стейси. — Но он

каждый раз дает мне час, чтобы я успокоилась, и перезванивает или приезжает, когда дело совсем плохо.

— Как это удачно, — хохотнула Эбби. — Встретить наконец-то кого-то с яйцами.

— Да ладно тебе, Ди, — делала Эмили «Маргариту». — Ты с самого начала знала, что хочешь его, и сама бы предложила ему съехаться, если бы Адам не был таким наглым.

— Это неправда, — возразила я. — Это было лишь его эго.

— Нет, Ди. Он не знал о твоём прошлом и не знал о боли, которую тебе пришлось пережить. Но именно поэтому он тебе и понравился, согласись.

— Нет.

— Да, — расхохоталась Эбби. — Он тебе понравился, потому что не задумывался над каждым словом и относился к тебе, как ко всем остальным, и ты снова почувствовала себя нормальной.

— Он, кстати, немного больной на голову, — усмехнулась Долорес. — Но в хорошем смысле этого слова.

— Существовало множество больных на голову людей, подаривших этому миру что-то великое.

— У меня интеллектуальный голод, — сказала Стейси.

— Интеллектуальный голод подобен острому половому влечению, — улыбалась Эмили, принося поднос с напитками.

— Это сказала Сьюзен Зонтаг, — сделала я глоток. — Мой любимый психопат — Шерлок Холмс.

— Вообще-то, — смотрела на меня Долорес, — его дедуктивный метод на самом деле не был его первоначально.

— Что ты имеешь в виду?

— Эдгар Аллан По.

— Это писатель и поэт.

— Верно. У него был диагноз — душевное расстройство. Он боялся темноты и считал, что у него мания преследования. У него были провалы в памяти и галлюцинации.

— Чудная у нас тема для девичника, — сказала с сарказмом Стейси. — Будем говорить о душевнобольных.

— Между прочим, под действием выпитого писатель порой впадал в состояние буйного помешательства. К алкоголю вскоре прибавился опиум, что, естественно, ухудшало его душевное состояние, учитывая, что его жена умерла. Один из его жанров был детектив, и именно мсье Огюст Дюпен, герой рассказов Эдгара По «Убийство на улице Морг» и «Тайна Мари Роже» стал родоначальником возникновения дедуктивного метода и его апологета мистера Шерлока Холмса.

— Замечательно, — усмехнулась Эмили. — Я получила оргазм, слушая Эбби.

— Фридрих Ницше тоже был одержимым, — обвела взглядом нас Ева. — У него была мания величия. А под конец жизни философ мог составлять лишь простейшие фразы.

— Это печально, — сказала Долорес. — Учитывая оставленную нам идею новой морали. Но и Хемингуэй не далеко ушел. Он страдал умственным расстройством.

— По-моему, он перенес много сеансов электрошока, — подмяла я ноги под себя, поудобней устраиваясь на диване. — И сказал, что врачи уничтожили его капитал, разрушив его мозг, и выбросили его из собственной жизни.

— Давайте поговорим о чем-то другом, — взмолилась Стейси. — Конечно,

замечательно, что мы все такие умные, и чтобы вы не думали, что я не подхожу этому высшему обществу, я знаю также нескольких представителей. Таких как Франц Кафка, у которого был невроз. Жан-Жак Руссо, у которого была паранойя, но, милые мои девочки, давайте мы поговорим о сексе и алкоголе, от которых я отказалась на определенное время, и о нашей поездке в Италию.

— Вот, — поднялась Ева с места. — Поехали в Италию.

— Навсегда, — улыбнулась Долорес.

— Хватит на сегодня романтических бесед, — сняла я туфли и снова заняла прежнее положение. — Остальное время мы уделим выпивке.

— Слава Богу, — засмеялась Долорес. — Серьезно. Я поверила в Бога.

Я помню, как открыла дверь квартиры и дошла кое как до спальни. Утром сходила в душ, вымыла волосы, почистила зубы и выпила, наверное, не меньше трех литров воды. Текила, смешанная с абсентом, и в конце — мартини, которое теперь будет сниться мне в самых страшных снах. Я вернулась в комнату и оглядела ее, смотря на грязную одежду, которая была разбросана по полу. Я помнила выпивку, и улыбки подруг. Помнила смех, и теперь мне определенно нужно было узнать все подробности у непьющей Стейси. Была подвыпившей даже Ева, которую прежде я такой не видела. Я помнила стол, заставленный бутылками, соломинками и бокалами из-под коктейлей, пустые пачки от чипсов и коробки из-под пиццы и суши.

Я заправила стиральную машину, повытирала пыль, приготовила несколько блюд от нечего делать и провела день, строя бумажный замок со своей дочерью. Сегодня была наша годовщина с Адамом, но я не была той девушкой, которая ждет ресторана и глупых подарков. Хотя, возможно, все это и не было глупым, просто я не привыкла к таким мелочам. Но, как я раньше и говорила, что на самом деле мелочей в отношениях не бывает. Все важно, как ни крути.

— Донна, когда приедет Адам? — спросила Оливия.

— Наверное, уже завтра, — обняла я ее. — Иди в кровать, а я принесу тебе стакан молока.

Когда она почти засыпала, а я обнимала свою девочку, прежде чем уснуть, она прошептала:

— Прошлая квартира мне нравилась больше.

— Мне тоже, — поцеловала я ее в лоб и, выключив свет, закрыла дверь.

Я хотела уехать. Уже думала начать собирать вещи, а позже объясниться с Адамом, когда замок двери щелкнул, и я увидела мужчину, которого люблю. Я и не думала, что могу скучать по нему, даже когда занята.

— Ты поздно.

— Задержали на работе, — вздохнул Адам. — Прости меня, Ди.

— За что?

— Сегодня должен был быть наш день.

— Все в порядке, — села я диван. — Лив уже спит.

— Я чувствую себя дерьмово, — пристроился он рядом. — Могу заказать столик...

— Может, закажем пиццу и посмотрим телевизор? — перебила я Адама.

— Идеально, — притянул он меня к себе. — Я люблю тебя.

Под просмотром фильма Адам уснул, и я накрыла его одеялом, после направляясь в душ. Я стояла под струями воды, смывая с волос шампунь. Большие руки схватили меня за

талию, и на долю секунды я испугалась.

— Положи руки на стену, — потребовал Адам.

Он был возбужден, я видела это по его глазам. Я смотрела на него, и когда он шлепнул меня по попке, ахнув, я сделала, как он сказал. Адам нашел мой клитор, и я выгнулась от его прикосновений. Он прижал меня своим телом, и я застонала, когда почувствовала его твердость.

— Тебе нравится, верно? — зарычал он мне на ухо. — Тебе нравится это? И тебе нравится, когда я говорю, что буду делать с твоим телом?

— Да, — застонала я. — Жестче, Адам.

Он дразнил меня, и каждое его слово возбуждало до дрожи во всем теле. Адам схватил меня за бедра и сжал их до боли.

— Откройся и приподними для меня эту попку.

Я сделала, как было сказано, и Адам одним резким движением вонзился в меня с глухим рычанием. Он был таким разным, и я так сильно хотела его, что порой была готова умолять. Он дарил мне наслаждение и заставлял видеть мир совершенно другим. Адам был моим собственным видом красоты. Когда он был внутри меня, я часто на какое-то мгновение теряла связь с реальностью.

— Так хорошо, — простонала я, когда он укусил меня за плечо.

Я чувствовала его кожу. Скользкую от воды и пота. Я пыталась дотянуться до Адама, но он вернул мои руки назад на кафель и вжал мое тело практически в свое. Я тяжело задышала, ощущая подступающую волну удовольствия.

— Адам!

Я закричала, чувствуя фейерверк в мире, в котором пребывали только мы с ним. Его руки сжали мою грудь, и когда его губы прижались к моей шее, не прошло и секунды, как он последовал за мной.

Он засмеялся, притягивая меня к себе и поглаживая по спине.

— Я скучал по тебе, — прошептал он. — Очень скучал.

Звонок в дверь вырвал нас из этого состояния, и я не скажу, что с энтузиазмом направилась открывать. На пороге стояла Эмили со слезами и истерикой в глазах. Ее руки тряслись, и она кинулась ко мне, сильно сжимая в объятьях.

— Я не покажу ему, что умираю от боли, и Донна, — сорвался ее голос. — Я не смогу жить.

Мы вошли в дом, и я посадила ее на стул. Адам, увидев мою подругу в таком состоянии, ушел в спальню, и я какое-то время молча сидела и обнимала ее. Спустя минут двадцать я налила ей бокал виски, и Эмили сказала сделать ей кофе. Она смотрела в окно и молчала, пока я возилась с кофеваркой. Эмили не переставала плакать, и, если честно, я боялась спросить, что же произошло на самом деле. Что делать, когда теряешь воздух? Когда теряешь то, от чего зависим, и то к чему стремишься больше всего?

Входная дверь открылась, и я увидела разъяренного Брайана. Он направился прямо к своей жене, и ее тело напряглось.

— Я не дам тебе развод, Эмили. Никогда, слышишь? — кричал он. — Ты никогда не получишь мою подпись на этой долбанной бумажке! Я не допущу этого, пока буду жить!

— Что за нахер? — выругалась я. — Какого хрена тут происходит?

— Это ты мне скажи. Брайан виноват в этом меньше всех, он сделал это ради меня!

— Что? — повернулась я к двери. — Говори, Адам!

— Все началось с того, что появились новые кражи. Девушка приходила к парню домой, шла будто бы в туалет, а потом появлялся грабитель и из дома исчезали деньги и драгоценности. И это все максимум за пятнадцать минут. Мы поковырялись в историях, и знаешь, что нашли?

— Что вы нашли? — спросила Эмили.

— Историю преступлений другой страны, откуда ты, Донна, почти восемь лет назад приехала.

— Ты хочешь сказать, что из стольких миллиардов женщин Донна обкрадывала квартиры богатых мужиков? — повысила голос Эмили. — Ты в своем уме, кретин?

— Да, потому, что вот, что я нашел, — бросил Адам бумаги на стол. — Почему ты мне не сказала? Мне нужно теперь посадить кого-то! Это федеральное преступление!

— О чем он говорит, Ди? — прошептала Эмили. — Какие квартиры? Это ошибка.

— Нет, Эм, — потекли слезы из моих глаз. — Это не ошибка. Но тут я не делала этого. Мне дали шанс, и я им воспользовалась.

— То есть, тут он нашел кого-то другого, верно? — все еще кричал Адам. — Но тогда, почему тебя не посадили? Это же не была авария, Донна? Все, что ты говорила, было враньем, и вас должны были посадить, но благородный Алекс взял на себя вину, и поэтому ты так его защищаешь, верно? Я прав, Донна?

Адам метался из угла в угол и, не выдержав, запустил стулом об стену. Я знала, что Оливия, наверное, уже проснулась, но смотрела лишь на мужчину, в глазах которого была ненависть. Брайан пытался подойти к Эмили, но она отстранилась от него во всех смыслах этого слова и сознательно игнорировала.

Я подумала о том, как бы отреагировал Брайан, если бы Эмили жила так раньше. Я присела на край кровати и уткнулась головой в ладони. Какого черта происходит? Как он мог узнать об этом? Было невозможно смотреть, как Эмили медленно угасала, и вина съедала меня заживо. Дверь открылась, и я увидела дочь, которая смотрела на меня перепуганными глазами. Я покачала головой, давая понять, что сейчас не время, и она сделала, как я просила.

— Какую роль в этом играет Брайан? — прошептала Эмили, садясь рядом. — Какую роль?

— Я сказал, что доберусь до тебя, — ответил он. — Я был уверен, что ты делала все, чтобы защитить Донну. Мы хотели выйти через тебя на Донну, чтобы узнать хоть что-то.

— Выходит, что ты все то время манипулировал мной, пытаясь узнать информацию? — текли слезы по ее щекам.

— Нет же, Эмили, — закричал Адам. — Он ушел, как только вы приехали от твоих родителей, потому что действительно полюбил тебя.

— Боже, — провела она рукой по волосам. — Все, что было — сплошное вранье.

— Эм, — начал Адам.

— Заткнись, Адам, — закричала Эмили, на мгновение посмотрев на меня. — Просто заткнись. Я хочу развод. И если ты еще хоть раз крикнешь на Донну, я убью тебя, Адам, — притянула она меня к себе. — Она моя семья, и то, что она не рассказывала мне все, не значит, что врала. Но дело в том, что я не позволю ее обижать.

— Эмили, — взяла я ее руки в свои ладони, не сдерживая слезы. — Не надо. Ты всю жизнь меня защищаешь, и из-за меня ты снова теряешь. Я устала терять, Эмили. И устала смотреть, как твоя жизнь летит в дерьмо из-за меня. Брайан любит тебя, даже если сначала это было не по-настоящему. Он любит, и это невозможно сыграть. Прости его, — плакала я. — Прости меня, пожалуйста, Эмили, прости.

— Иди ко мне, — обняла меня подруга, прижимая к себе. — Я люблю тебя, малышка. Я всегда буду любить тебя. Донна, что бы ты ни сделала, я всегда буду рядом, слышишь?

— Эмили, я люблю тебя, — сказал Брайан, становясь перед Эмили на колени. — Все было по-настоящему. Каждое мгновение было правильным между нами.

— Не подходи, Брайан, — ответила она безжизненно. — Если ты хоть что-нибудь ко мне чувствуешь, не подходи.

— Я соберу вещи, — сказала я подруге. — И мы уедем.

Адам последовал за мной и схватил меня за руку, прижимая к стенке, прежде чем я успела открыть дверь в спальню.

— Как ты могла?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его умоляющий тон голоса ранил меня, но это сделано, и я не в состоянии что-либо изменить. Он узнал меня, хоть и, оказывается, с самого начала это тоже было игрой. Но правда была в том, что и я узнала Адама, и он оказался совсем не эгоистичным плейбоем, каким я считала его долгое время. Адам был добрым, милым и нежным, когда это было необходимо. Он был защитником и обходительным, умея сказать самые правильные вещи в нужное время.

— Я сделал все, что ты хотела, Донна, — смотрел он мне в глаза. — Я думал оставить работу, которая тебе не нравится. Я принял ребенка. Перестал злиться и делал все, что было в моих силах, чтобы ты была счастлива. Но я устал. Я изменил себя ради тебя, и я устал постоянно доказывать тебе, что я лучше, чем тот, кто разочаровал тебя. Неужели ты просто не могла рассказать мне?

— Как ты себе это представляешь? — отмахнулась я от него. — Вот как я должна была начать этот разговор? И я никогда бы не рассказала об этом моменте моей жизни, потому что не хотела, чтобы ты разочаровался во мне, Адам.

— Но я разочаровался! — закричал он, ударяя кулаком об стену. — Я разочаровался, но я люблю тебя, — его голос сорвался на последнем слове. — Я так сильно люблю тебя.

— Забери это обратно, — сняла я кольцо с пальца. — Оно мне больше не понадобится.

Я позволила ему уйти, ничего не объяснив, хоть и знала, что буду скучать по этому человеку до безумия. Я буду нуждаться в нем каждую минуту, и все равно промолчала. Он заслуживал правды и заслуживал лучшего, чем демона внутри меня. Я умерла на мгновение, смотря в голубизну глаз Адама и на его отчаянный взгляд. Теперь там не было ненависти, а лишь непонимание и замешательство. Я справлялась со всем этим только благодаря тому, что знала, что теперь, кроме Эмили, у меня есть еще один человек, который защитит меня, несмотря ни на что. Я — Донна. Я всегда была сильной и выживала, но сейчас я задала себе такой глупый вопрос: «Как я буду дальше без его объятий?» В какой-то момент я думала, что

начну умолять его простить меня, но понимала, что тогда он начнет меня жалеть, и все же не сможет поверить. Адаму нужно было время, и я дам ему его, продолжая любить так сильно и долго, как этот мужчина мне позволит.

Я знала, что буду любить Адама, и знала, что он полюбит меня, с самого начала. Но я не могла, да и не хотела останавливать этот процесс. Мне нравилось, что он не знает всего и воспринимает меня как чистый лист. Но вот теперь у него разбито сердце, а у меня, кроме этого, еще и чувство вины. Но несмотря на все, я думаю об Адаме постоянно, и мои глаза сияли только рядом с ним. Я хотела, чтобы он доверял мне, несмотря на то, что не знал большинства событий моей жизни. Я хотела, чтобы он узнал меня. Такой, какая я на самом деле, а не какой меня выставляют бумаги в архивах. Я мечтала, чтобы однажды они просто испарились, и я смогла выдохнуть, понимая, что теперь все в прошлом. Но все же как бы печально это звучало, я получила, что хотела. Теперь все действительно было в прошлом.

«Наконец-то я дома! Я закрываю за собой дверь. И запираю за ней весь мир». Джеффри Дивер.

Когда мы приехали ко мне домой, Эмили пошла в спальню и не выходила оттуда до самого утра. Я тоже хотела зарыться в подушку и выпустить немного эмоций, но у меня был ребенок, и у нее не было отца, так что кормление и обязанности никуда не уйдут. Я завезла Оливию к репетитору, и пока она занималась, купила продукты, оплатила счета и посидела на стоянке, давая возможности себе и Эмили просто побыть наедине. Хотела бы я, чтобы это был страшный сон, но это была суровая реальность. Приехав домой с Оливией через два часа, я заказала еду из итальянского ресторана и включила дочери уроки французского. Да, она решила изучать еще один язык.

— У тебя есть виски? — спросила Эмили.

— У меня всегда есть виски, — ответила я, доставая бутылку. — Эмили, прости меня. Я...

— Не говори ни слова, Донна, — перебила меня подруга. — Ты ни в чем не виновата. В том, что произошло между нами, виноват только Брайан. Адам мог не доверять тебе, но мне Брайан был обязан это делать. Он давал мне клятву.

Подруга выпила два бокала спиртного и снова закрылась в комнате. Ее глаза были красными от слез, и тело выглядело так, словно на ее плечах застыла вся тяжесть мира. Так и пролетел весь день, насыщенный лишь болью и алкоголем. Перед сном я, как и всегда, разогрела Оливии стакан молока и, пожелав спокойной ночи, отправилась в ванную. Я включила душ и, сев на холодный кафель, выплеснула все, что чувствовала. Этому было суждено случиться, и невыносимая боль пронзила мое тело, пока я содрогалась от рыданий. Я хотела быть рядом с Адамом. Боялась уснуть, потому что увижу во сне его глаза. Его аромат всегда окутывал меня, и этого было более, чем достаточно для счастья.

В дверь позвонили, и я завернулась в полотенце, чтобы тот, кто пришел, не разбудил моих девочек. У меня не было времени на страдания. Нужно было жить дальше и исправлять эту жизнь. Я открыла дверь и увидела всех своих подруг: Эбби, которая зачастую ночевала на работе, и Стейси с беременностью, которую она переживала практически одна. Долорес, которая потеряла несколько лет назад абсолютно все, и Еву, которая, вероятно, час назад прилетела из Парижа, чтобы просто быть рядом.

— Я рада вас видеть, — лишь сказала я, когда они подхватили меня, сжимая в объятьях. — Очень рада.

Эбби постелила мне в другой спальне и села рядом, приглаживая мокрые волосы. Мы

минут десять молчали, не говорят друг другу ни слова, а потом она легла рядом со мной, и я прижалась сильнее к ее успокаивающей теплоте.

— Знаешь, милая, каждое утро, когда я смотрю на себя в зеркало, мне хочется замуж за пластического хирурга, но я понимаю, что у меня есть ванная, которая мне помогает, и люди, которые любят меня такой, какая я есть, без вмешательства. Ты должна быть красивой. И не ради Оливии, мужчин или других людей, чтобы они любили тебя. Нет, это все чушь. Внешний вид — это то, что у нас внутри. Красота — это не переделывание себя, а лишь любовь к себе. А еще наслаждение собой и жизнью, которую ты проживаешь.

— Я открыла салон, чтобы быть красивой, — ответила я, кладя голову ей на колени. — Оказывается, все это было бесполезно.

— Так и есть. Нет, никто не говорит, что здоровая кожа, волосы и ногти — это плохо. Так должно быть. Бесконечные укладки, маски, пилинги и массажи — это природа женщины, но не ее жизни. Следи не только за собой, но и за тем, что чувствуешь. И делай это не из-за необходимости, а из-за любви к себе и своему телу.

— Как ты делаешь это, Эбс? — подняла я голову. — Как ты держишь под контролем то, что неконтролируемо в жизни?

— Когда я была маленькой, хотела быть лучше брата. Потом лучше одноклассников, коллег по работе, и со временем, многих живущих на земле. Я знаю, что это глупо, но такая уж я есть. Я любила голод, который чувствовала к жизни. Любила страх, который могла внушить лишь произнесением своего имени. Многие люди знают меня, как бессердечную суку, которая сделает все, чтобы добиться того, чего хочет. И многие годы, пока я не встретила вас, я контролировала это положение в глазах и сознании других, а это, Донна, дело не из легких.

Каждый день я встречаю на улице, работе и в супермаркете десятки людей. Сотни. Большинство из них одиноки, при том, что у них есть ум, харизма, обаяние и приятная внешность. Чаще всего с ними кто-то есть, и они не одни, но каждый пятый, когда смотрит на человека, идущего рядом, хочет выть на луну. Многие люди наделены аналитическим умом, хорошим воспитанием, манерами, длинными ногами, тонкими щиколотками и глазами, которые видят насквозь. Но и они также одиноки. В этом мире мы всегда чего-то ищем. Своих людей, свой идеальный город, друзей и любимого человека. Мы все такие разные. Ева идет на контакт со всеми, с радостью улыбаясь старшим людям и детишкам, получая от этого удовольствие, в то время как мы, все остальные, не в состоянии за множество лет сблизиться с кем-либо. Эмили сгорала дотла множество раз, но все время возрождалась, а я, скорее всего, теперь упала и не хочу больше подниматься. Мы живем стереотипами. Это банально и даже пошло. Современное общество не больше, чем муж и жена, которые скорее партнеры по бизнесу, нежели друзья. Нам стало чуждо слово «тепло», и слыша фразу «отсутствие ссор», мы думаем, что люди не любят. Но именно в тишине истина, разве не так? Мы стремимся быть любимыми, а когда встречаем такого человека, пребывая в поиске долгое время, не чувствуем спокойствия, и простой необходимости побыть с ним рядом в тишине.

Проснувшись через шесть часов, у меня было такое ощущение, что я только что закрыла глаза. Мир казался таким пустым и темным. Я думала, что, если вдруг выйду на улицу, он исчезнет, тем не менее, с улицы были слышны звуки машин, и большинство людей уже ели ланч в перерыве. Адам прямо сейчас, может, был еще в постели или в спортзале, и я не увижу его больше. Я повернулась на бок и увидела Стейси. Она смотрела прямо на меня, без

жалости, но с сожалением.

— Спасибо, — прошептала я. — Что не жалеешь меня.

— Я бы возненавидела тебя, если бы ты жалела меня. Но не умирай с тоски по человеку, который не хочет быть с тобой. Многие мужчины готовы любить тебя целиком и быть рядом с тобой и твоей дочерью, а этого более, чем достаточно.

— Как Эмили?

— Мы все часть друг друга. И она знает это.

Я встала с постели и накинула на себя халат. Стейси подошла ко мне и обняла, прижимая к себе. Что-то внутри разрывало мне сердце. Боль, которая там была, казалась почти невыносимой. Она взяла меня за плечи, смотря в глаза, и сказала:

— Я бы предложила себя, но, думаю, Эстель будет против.

— Эстель?

— Так я решила назвать свою девочку, — усмехнулась подруга. — Тебе нужно выговориться, покричать и делать все, что необходимо, чтобы выплеснуть это наружу. Не держи в себе, Донна.

Когда мы пришли на кухню, все подруги сидели за столом, попивая утренний кофе.

— У нас консилиум? — спросила я, смотря на Эбби. — И черт, где Оливия?

— Наша девочка на танцах, — ответила Ева. — И ты тоже сядь и выпей кофе.

— Завтра утром мы вылетаем в Италию, — сказала Стейси. — Лучшего времени мы не найдем, и Италия нужна всем.

— Я безработная теперь, — прозвучал голос Эмили слишком тихо. — Нужно открыть свой ресторан.

— Ты не хочешь с ним поговорить? — налила мне чашку кофе Долорес. — Вы обе?

— Я хочу, — ответила Эмили. — Я очень хочу, но прямо сейчас не могу.

Я вспомнила, как Адам улыбался мне, и не отрывая от меня взгляд, снимал одежду. Страсть, которая пылала в его глазах, и физический голод зарождал во мне желание обладать им. Я вспомнила, как последний раз прошлась оценивающим взглядом по его телу, мышцам, мускулистым рукам и широкой груди. Я старалась не пропускать этот ритуал, и сама начинала снимать с себя одежду, лишь когда представление заканчивалось. Адам был слишком высоким, но я никогда не чувствовала в нем угрозы.

— Донна, что-то случилось? — вырвала меня из воспоминаний Ева. — Ты выглядишь так, словно хочешь что-то сказать.

Все смотрели на меня, ожидая ответа. И когда я взглянула на Эмили, она лишь качнула головой, давая понять, что рядом в любом случае.

Редьярд Киплинг сказал: «Создавай проблемы для себя, если это в твоём характере, но не надо их создавать для окружающих».

— Мне следовало рассказать это гораздо раньше, — замолчала я на мгновение. — И когда сделаю это, вероятней всего, потом пожалею. Но даже если вы разочаруетесь во мне, вся наша дружба — это прекрасно и поистине необходимо. Я была той, кто хранил верность лишь двум людям. Не раздумывая, я бы ударила, когда это было нужно, и я натворила делов, — засмеялась грустно. — Боже, как я жалею, что разрешила ему прикоснуться к моему сердцу.

После моего рассказа несколько минут никто не сказал ни слова, но затем Эбби молча взяла телефон и забронировала семь билетов. Эмили позвонила Максиму и сказала, чтобы он привез ей чемодан с некоторыми вещами. После, снова закрылась в комнате, давая всем

понять, что хочет побыть одна. Я слышала музыку, доносящуюся с ее комнаты, и когда все отправились по домам собирать вещи, я села на диван, понимая, что, возможно, из-за моей лжи я сломала ей жизнь. Конечно, Эмили никогда не признается в этом, она никогда не оставит меня, и за это я ненавидела себя еще сильнее. Эмили и Брайан не смогут жить друг без друга, и я поняла это в день, когда впервые увидела их вместе. Я помню, как привыкала к этому и словно отпускала часть себя, когда она вышла замуж за Брайана. Они порой как дети. Ему было важно, чтобы она поела, и Брайан боялся ее слез. Когда она погружалась в собственные мысли, он всегда хотел знать, о чем именно она думала. Он хотел все время к ней прикасаться и просто быть рядом. Такое чувство, что каждую ее улыбку он запечатлел в своей памяти и никак не мог насытиться ее запахом. И сколько бы ни было пройдено и прожито, они всегда будут неделимые, и я поняла, что чувствую то же самое к Адаму. Больше всего на свете сейчас я бы хотела уткнуться в его шею. Обнять его талию и снова почувствовать запах дома и безопасности. Этот запах был лишь у Адама. Лишь он был моим домом и моим желанием быть лучше.

— Рим, — вздохнула Долорес, когда мы покинули самолет. — У нас первая остановка в Италии.

Рим — как фреска. Он такой старый, но такой неподдельно величественный. Петр Чаадаев сказал: «Рим — это связь между древним и новым миром, так как безусловно необходимо, чтобы на земле существовала такая точка, куда каждый человек мог бы иногда обращаться с целью конкретно, физиологически, соприкоснуться со всеми воспоминаниями человеческого рода, с чем-нибудь осязательным, осязательным, в чем видимо воплощена вся идея веков, — и что эта точка — именно Рим. Тогда эта пророческая руина поведает вам все судьбы мира, и это будет для вас целая философия истории, целое мировоззрение, больше того — живое откровение».

Мы заказали машину, и когда за нами приехал Mercedes-Benz C-Klasse, мы сели в машину и направились поселиться в гостиницу, открыв по пути шампанское. Оливия смеялась, попивая безалкогольный мохито, и я, улыбнувшись, поцеловала ее ручку, прижимая к себе.

— Это твои дни, милая, — сказала я. — Ты получишь все, что захочешь.

— Я люблю тебя, Донна.

— И я люблю тебя, — сказала я ее в объятьях, чувствуя первые слезы счастья за последние два дня. — Я тоже очень тебя люблю, моя девочка.

Машина остановилась возле одной из самых шикарных гостиниц Рима — Rome Cavalieri. Фасад самого здания выглядел достаточно скромно, и по внешнему виду я бы никогда не подумала, что это самый известный отель города, но войдя внутрь, забрала свои слова назад. Все выглядело богато, шикарно и даже чуть помпезно. Лобби гостиницы украшали картины — оригиналы Энди Уорхола, Никколо Бамбини и Джованни Тьеполо.

— Коллекция произведений искусства достойна чертового музея, — сказала тихо Ева. — Черт возьми, я останусь тут жить.

Французская антикварная мебель восемнадцатого и девятнадцатого веков, скульптуры, гобелены шестнадцатого века и коллекция старинных часов.

— Пошли, — усмехнулась Эмили, направляясь в лифт после того, как мы оплатили номер. — Пора снять туфли.

Наш номер находился на седьмом императорском этаже. Висели картины Наполеона, а возле окна находился стол бюро времен Бонапарта. В номере было три комнаты, и вся

мебель была настоящим антиквариатом. Терраса с видом на город и купол Собора Святого Петра. Ванная комната отделана итальянским мрамором, и огромное зеркало во всю стену.

— Это не наше, — сказала я, покидая ванную. — Но тут красиво.

— Нет, детка, — усмеялась Стейси. — Это именно наше.

Тут было изумительно, и я вспомнила, как однажды ссорилась с Адамом и ушла из спальни, чтобы не наговорить лишнего. И когда села на диван в гостиной, Адам пришел за мной, поднял на руки и отнес обратно на кровать в спальню. Я сидела и смотрела, как он работает за ноутбуком и дает мне время позлиться, сказав за минут сорок лишь единственную фразу: «Ты можешь злиться на меня, но я хочу видеть твое лицо в это время».

— Ди, — вырвала меня из раздумий Эмили. — Открывай бутылку Шардоне и перестань думать.

Позже вечером, мы направились к речке Тибер, и Оливия бросила несколько центов после слов Эбби: «Бросай, детка. Ты должна сюда еще вернуться».

— Роберт Де Ниро сказал: «Италия давно уже изменилась. Но Рим — это Рим», — смеялась Стейси. — Боже, я так давно не была просто счастлива.

— Не привыкай, — смотрела я на свою дочь, которая бежала впереди, когда ее кудри развивались на ветру. — Мы не сможем остаться тут навсегда.

— А я бы осталась, — прошептала Эмили. — Может быть, навсегда.

— Нет, — возразила я. — И дело не в личных проблемах, а в личности. Ты дитя Нью-Йорка, и твое сердце никогда не примет другой город.

В глазах Эмили промелькнуло беспокойство, которое другие бы не заметили. Я каждый день наблюдала за ней и знала каждое ее выражение лица. И лишь потому, что так любила этого человека, решила не заводить тему и позволить ей подумать, не говоря вслух о своих мыслях.

На следующее утро мы сидели на террасе и завтракали — кофе, тосты и джем на любой вкус. После завтрака отключили к черту все телефоны, когда звонки уже не прекращались, и направились на спа-процедуры. Заказав стоунтерапию, наслаждались горячими камнями и массажем тела.

Еще пять дней прошли, словно в тумане. Мы пили разный кофе, посещали достопримечательности до мозолей на ногах, проводя в гостинице буквально несколько часов, чтобы поспать. Мы даже не завтракали их едой, а ели пищу, которая порой казалась нам странной и непохожей на привычную. С моей семьей все снова становилось на свои места. С ними было легко вернуться в беззаботность и говорить первое, что придет на ум. Однажды мы даже попали на футбольный матч, и когда Ева решила, что она поправляется, купила овощей и ела их вместо бургеров. Посещали места для поцелуев, просто чтобы убедить самих себя, что это нормально, и говорили об соотношении мужского члена и размера обуви. В субботу вечером, когда мы открыли несколько бутылок шампанского и с другой комнаты звучал урок французского, который изучала Оливия, Эмили передала мне лист бумаги, сказав, что это номер моего отца. И если я все еще хочу узнать его, у меня есть такая возможность. Кажется, все недостающие паззлы становились на свои места, и я сжала ее объятах, понимая, что ей гораздо хуже, чем мне, но эта женщина снова защищает меня и делает все, чтобы я была счастлива, не замечая своих чувств, которые поглощают ее без остатка.

— Я устала, — слышала я улыбку Эбби. — Я бы не отказалась, чтобы тот милый официант раздел меня.

— Остановись женщина, — засмеялась Долорес. — Тебя посадят за него.

— На нем украшений меньше, чем на мне.

— Это ты к чему? — в непонимании смотрела я на Эбби.

— Помните, как в фильме «Парикмахерша и чудовище» было сказано?

— Я помню, — усмехнулась Эмили. — «Я хочу встретить парня, на котором украшений меньше, чем на мне».

— «Ты всегда хотела слишком много», — засмеялась Эбби. — Легкомыслие не уродует женщину. Особенно если оно проявляется лишь в момент слабости.

— Правильно, — закатила глаза Ева. — Легкомыслие уродует лишь мужчину.

Когда мы ушли спать, я долгое время не могла уснуть, и когда встала, чтобы выпить снотворного, услышала голос Эмили. Она плакала, и я хотела подойти к ней, но все же, зная подругу, догадывалась, что ей хотелось побыть наедине, так что я ушла обратно, давая ей возможность побыть со своими мыслями. Войдя в комнату, я залезла обратно под одеяло и прижала к себе свою дочку, надеясь, что Эмили поговорит с Брайаном. Я чувствовала вину, и когда так и не смогла уснуть, надела спортивный костюм, включив музыку в наушниках, и пошла бегать.

Так уж случается, что женщинам сердца разбивают чаще. Я думала о том, что меня не будет рядом, когда я нужна буду Адаму. Я не буду чувствовать его запах, но и спать на простынях в доме, где мы занимались любовью, мне не поможет. Да, определено нужно будет сменить простыни. Я хотела оставить воспоминания о нем, но и хотела запихнуть их подальше, не вспоминая совсем. Каждую минуту с тех пор, как ушла из дома Адама, я чувствовала себя так, словно кто-то забрал мое сердце. Я остановилась, и не потому что устала бегать, а лишь потому что иногда мое сердце так сжималось от боли, и я чувствовала себя такой беспомощной. Я просто не могу закрывать глаза на то, что стала одной из тех женщин, которой нужен в жизни определенный мужчина, чтобы нормально дышать, так что я притворялась. Притворялась, что я в порядке, и когда вернусь в Нью-Йорк, все будет, как прежде.

Было почти восемь часов утра, когда уведомление поступило на мой телефон, и Эбби написала, что они все пошли завтракать и гулять по городу в последний день нашего пребывания здесь, кроме Эмили и Оливии, которые все еще спали. Я ходила по городу, наблюдая за водой, стоя на мосту, и в одиннадцать часов решила вернуться в отель. Я открыла дверь в номер и сразу увидела Оливию, которая сидела на диване в наушниках и смотрела в свой айпад.

— Оливия, а где...

Я не договорила, когда услышала звуки доносящие из другой комнаты.

— О Боже, Брайан! — закричала Эмили. — Это так хорошо.

— Я знаю, — последовал голос этого «хорошо». — Я люблю тебя, и когда я в тебе...

— Оливия, — взяла я ее за руку, не давая снять наушники, и выводя дочь из номера. — Идем прогуляемся, чтобы никто из нас не представлял этого в будущем.

— Чего не представлял? — спросила она, снимая наушники.

Я лишь улыбнулась, и мы направились в ближайший бар. Я заказала еду Оливии, а себе пиво. Тут местная группа играла песни Челентано, и они были довольно неплохи, учитывая, какой голос нужно иметь, чтобы исполнять впечатляющий оригинал. Вскоре к нам подошли подруги, и мы сидели в спокойной обстановке, слушая музыку и убеждаясь в том, что каждый достоин того, чтобы о нем заботились. И мы делаем это — заботимся друг о друге.

— Донна, мы будем жить в твоей квартире, когда вернемся? — спросила Оливия, когда все затихли и устремили ко мне свой взор.

— Да, милая, — натянуто усмехнулась я. — Ты будешь ходить в школу и заниматься тем, чем хочешь. Я найму управляющего и буду приходить в салон лишь для того, чтобы подписать бумаги. Мы будем наслаждаться с тобой моментами, пока у нас есть время.

— Мы куда-то спешим? — смотрела она на меня своими потрясающими глазами.

— Нет, дорогая, — засмеялась я. — Но потом многие моменты, и наслаждение ими будет казаться невыносимой роскошью.

— А Адам? Он будет с нами?

— Он...

— Вы будете ходить в походы, — перебила меня Эс, улыбаясь моей дочери. — Будете встречать рассветы в горах, пробовать на вкус моря и океаны и кататься на лыжах.

— Донна поможет тебе определиться и узнать, кто ты такая, — продолжила Эбби. — Она покажет тебе, насколько ты уникальная, и как показать это всему миру.

— Донна, а что говорила тебе твоя мама, когда ты была такой, как я?

— Она говорила мне концентрироваться на настоящем, — улыбалась я, переводя взгляд со своих подруг на дочь. — Получать удовольствие от самой жизни и перестать волноваться, что думают другие.

Так трудно избавиться от старых привычек и связей. И чем старше мы становимся, тем труднее нам делать, даже что-то близкое к этому. Молодость — лучшее, да и я склоняюсь к тому, что единственное время, когда действительно нужно приобретать и избавляться от того, чем потом будешь пользоваться всю свою жизнь, и я рада, что успела сделать хотя бы это. Я создала свой ближний круг людей, которые являются не просто моими друзьями, но и моей семьей.

Когда мы решили вернуться в отель спустя три часа, надеясь, что Эмили с Брайаном уже закончили, остановились, как вкопанные, на площади Собора Святого Петра. Эмили была в объятьях Брайана, и он держал ее так сильно в своих руках, словно боялся, что она вот-вот исчезнет. Он был одет, как всегда, в идеальный костюм, а его жена смотрела на него сквозь очки, одетая в черные джинсы, футболку и кожаную куртку. Погода была изумительная, и мы все улыбались, смотря на них, понимая, что прошли те дни, когда мы могли увидеть Эмили без Брайана. Они были вместе, как и суждено было с самого начала, и у меня отлегло от сердца, понимая, что хотя бы это вернулось на свои места. Брайан наклонился достаточно для того, чтобы их губы соединились, и Эмили целовала скорее улыбку своего мужа, определенно наслаждаясь этим действием.

— Мой моральный компас редко указывает на справедливость, — усмехнулась я, когда мы все хлопали в ладоши. — Но сейчас все замечательно.

Мы вернулись в гостиницу, а Эмили с Брайаном помахали нам на прощание и пошли исследовать город. Оливия не выспалась, и я уложила ее в кровать, чтобы она смогла немного поспать.

— Донна, мне нужно будет читать все, что мне задали в школе? — спросила моя девочка.

— Да, милая, — села я рядом, целуя ее в щеку. — Но, знаешь, это не долго. Джордж Тревелиян сказал, что образование плодит тех, кто в состоянии читать, но не в состоянии определить, что достойно чтения.

— Я не понимаю, — нахмурилась она.

— Конечно, — направились я к двери. — Но как только ты прочтешь достаточно книг, обязательно поймешь.

— Ты позвонила своему отцу? — спросила Стейси, как только я закрыла дверь.

— Нет, — направились я к бару, наливая бокал вина.

— Позвони ему.

— И что я скажу? Здравствуй, папочка, помнишь двадцать девять лет назад ты излил немного спермы в женщину, и вот я бы хотела с тобой познакомиться.

— Я бы сказала, что это будет странный разговор, — улыбалась Эбби, стоящая в дверях. — Но, если ты видишь его именно так, значит это будет правильно.

— Что за дебильская привычка лезть в мои дела? — нахмурилась я, переводя взгляд с Эбби на Стейси.

— Это уже не привычка, милая, — передала мне Эбби мой телефон. — Это выработанный рефлекс.

— Считаете меня идиоткой?

— Есть немного, — улыбалась Эс. — У меня, кстати, потрясающее настроение.

— Вот бы кто подпортил его, — пробормотала я.

— Ди, — окликнула меня Эбби, когда я прошла мимо нее на террасу. — Мы просто люди, верно? Мы не можем быть всегда идеальными.

Несмотря на то, что я жила без отца, я не чувствовала себя брошенной. По крайней мере не всегда. Конечно, я хотела, чтобы отец покупал мне новое платье, и мы ходили гулять. Я хотела порой его совета или утешения и слов «все будет хорошо». Я всегда думала, что со мной что-то не так, хоть и не могла озвучить это вслух. Но Мари видела это в моих глазах и всегда на мой молчаливый вопрос отвечала, что я лучшее, что случилось с ним в жизни. И вот спустя столько лет я так же помнила время, когда покинула своего ребенка. Какими бы ни были мои намерения, тот факт, что я все равно покинула свое дитя, остается неизменным.

Я прошла в ванную и тихо закрыла за собой дверь, прежде чем позвонить ему. Я хотела быть достаточно далеко, чтобы никто не услышал моего крика или слез. Я нервничала и пыталась сосредоточиться на чем-то, но все время возвращалась к тому, что все было бы проще, будь сейчас рядом Адам.

— Никогда не думал, что мы поговорим, Донна, — почти задыхался мой собеседник, когда он поднял трубку. — Прошло много лет.

— Да, — прошептала я. — Почему ты меня оставил?

— Ты всегда была моей маленькой девочкой, малышка Донна.

— Не надо, — прервала я его. — Ты ни разу меня не нашел, и не обвиняй в этом мать, потому что мне почти тридцать, и я...

— У тебя были две косички каждое утро, с которыми ты ходила в школу, и всегда расплетала их перед уроками, — перебил он меня. — Ты познакомилась с Эмили, когда парнишка задел тебя в школе спустя две недели после начала учебного года, и она защитила тебя. С тех пор вы были неразлучны. Я знаю, что у тебя было синее платье на выпускном, и ты хотела пойти в полицейскую академию, пока не познакомилась с Алексом. Я знаю о тебе все, милая. Я был на каждом твоём празднике, ты просто меня не видела.

— Но как? — не сдерживала я слезы.

— Я всегда был против закона, и Мари не хотела, чтобы ты жила в таком мире. Я так и не смог жениться после твоей матери.

— Ты воровал?

— Сначала да, потом все изменилось.

— Похоже я взяла от тебя все самое лучшее.

— Это неправда, — услышала я его смех, который заставил меня улыбнуться. — Ты не такая, как я. Ты гораздо лучше, и у тебя столько людей, которые любят тебя. И Адам любит тебя. Он боготворит все, что связано с тобой, и бесконечно думает только о твоих глазах.

— Все не так, — покачала я отрицательно головой, хоть и знала, что он этого не увидит.

— Так, малышка Донна. Он будет любить тебя, даже если однажды все моря превратятся в пустыни. Просто сейчас ему больно.

— Откуда ты знаешь столько всего обо мне и о моей жизни?

— В день, когда ты родилась, я отдал тебе свое сердце. Ты никогда меня не увидишь, но я буду присутствовать в каждом мгновении твоей жизни, пока буду дышать.

— Мы встретимся? — села я на холодный кафель, чувствуя беспомощность.

— Ты не представляешь, как бы я хотел этого. Я всегда буду любить тебя, Донна.

Он отключил звонок, и когда я снова перезвонила, телефон уже был выключен. Сейчас Адам был бы кстати. Он всегда был бы кстати. Нам не повезло. Я копила злость столько лет своей сознательной жизни, и в каком-то смысле Адам был для меня как поток свежего воздуха. Он не знал всего этого. Даже сейчас я понимала, что Адам привыкнет жить без меня, в то время, когда он будет последним, кто займет оставшуюся часть моего сердца. Мне с ним повезло, а вот ему со мной не совсем. Когда-нибудь я в последний раз приду в его дом и вдохну на прощание его запах, оставляя свет не включенным. Я буду смотреть на сон мужчины, которого люблю, пока также тихо мир будет жить своей жизнью. А после обернусь и молча попрощаюсь.

Все легли в постель, и что я делала на отдыхе, которого у меня не было много лет? Да, занималась дурацким самопоеданием и пыталась сбросить на свою голову еще больше проблем, чем есть. Так много книг написано о первой любви и о том, что, по большому счету, она первая и единственная. Но правда ли это? Может, все так думают, потому что это по молодости и по глупости? Первая любовь редко бывает счастливой и почти никогда долгосрочной. Мы взрослеем и понимаем, что хотим идти дальше, увидеть что-то новое, а какой человек готов ждать, пока ты что-то там ищешь? И готов ли ты сам ждать другого человека?

Я снова открыла список контактов в телефоне и набрала еще один номер.

— Донна, — услышала радостный голос матери. — Все хорошо?

— Ты любишь его даже в своей ненависти, мама.

— Так и есть, — ответила она после нескольких минут молчания. — Я всегда буду любить твоего отца. Но одна из причин, почему я так переживала за тебя, так это потому, что ты и есть твой отец. С тобой трудно, и у тебя всегда был его взгляд. Ты, как и он, защищаешь тех, кого любишь, пусть и таким варварским способом. Ты упертая и безрассудная, Донна. Еще ты смелая. И как бы я не пыталась увести тебя от той жизни, я поняла, что ты всегда будешь дочерью Нейта Картера в сотни раз больше, чем моей.

— Я любила тебя, мам, — прошептала я, вытирая слезы. — Я всегда буду любить тебя.

— Я знаю, милая, — услышала я улыбку. — Я знаю, Донна, но ты всегда будешь Картер,

и я не смогу изменить этого, даже ценой своей жизни.

— Я говорила с ним.

— Я уже поняла это, но, знаешь, что бы ни подтолкнуло тебя к этому звонку, не смей думать о том, что не выберешься, Донна. Ты выдержишь.

Чарльз Буковский сказал: «Я слишком хорошо знаю свои недостатки, чтобы требовать взаимной любви».

Кажется, мое призвание — ломать и терять все хорошее, что случается со мной. Японцы называют это «икигай», что означает «то, что придает жизни смысл и заставляет просыпаться по утрам с радостью». Радостью тут, конечно, не пахнет, но кажется, что, что бы я ни делала, ничего надолго не задерживается рядом со мной, по крайней мере хорошее.

Я взяла телефон и позвонила ему, даже понимая, что, скорее всего, я попаду на голосовую почту.

— Донна, — услышала я голос Адама спустя два гудка. — Что-то случилось?

— Да, — сказала шепотом. — Я поговорила в первый и последний раз со своим отцом. И из всех людей, которых знаю, хочу именно тебе рассказать. Но самое смешное, что рассказывать нечего.

— Донна, все, что было между нами, не изменилось, но я просто не могу. Я не могу понять, как та женщина, которую я знаю, может так отличаться от той, которая есть на бумагах? Мне просто кажется, что я совсем тебя не знаю.

— Мне кажется, что я сама себя не знаю, Адам.

Я услышала женский голос из трубки Адама, и мое сердце разбилось.

— Кто там? Ты там с кем-то?

— Ты, — вздохнул Адам. — Всегда. Только ты. Я знаю, что твоя грудь быстро поднимается и опускается сейчас, и я хочу, чтобы ты сейчас была в моей постели. Голая. Я бы прижал тебя к себе, одной рукой сжимая твою шею, и притянул к себе поближе. Потом скользнул бы руками по твоей груди и начал бы двигать бедрами под ритм музыки, которую ты бы выбрала. Твое тело двигалось бы вместе со мной, Донна, и я бы воспользовался твоей беспомощностью и незащищенностью в этот момент. Ты бы делала все то, чего хотела больше всего.

— Ты все еще любишь меня? — почти задыхалась я. — Любишь?

— Я люблю тебя, Донна. Но я не верю тебе и все же хочу сделать все, чтобы защитить тебя.

Сегодня, когда мы вернулись в Нью-Йорк, я остановилась на пороге своего дома и осмотрелась. Живя в этом городе, ты каждый день встречаешь десятки красивых людей, и почти никогда счастливых. Когда ты постоянно смотришь на красивых, становишься невосприимчивой к этому, но побывав в Риме, я поняла, как мы отличаемся. У нас все время какие-то глупые проблемы, и мы не наслаждаемся. Наши женщины и мужчины пытаются выглядеть дорого и ярко. В смысле того, что что-то должно их выделять. Часы это или сумочка — не имеет значения, мы просто хотим перепрыгнуть тех, кто живет в соседнем доме, или того, кто только что случайно ступил не на ту улицу. В Италии все по-другому. Они красивы, но их красота не бросается в глаза. Они носят элегантные очки в черной или белой оправе и свободные брюки, в которых им удобно. Мало у кого идеальные белые ровные зубы и нет ботокса и автозагара на каждой возможной части тела.

Эмили осталась вместе с Брайаном в Риме, а у всех остальных не было причин, подобных ей. Я наблюдала за ними, и они были словно воздух друг для друга. Кажется, нет вещей, которых они друг другу бы не простили. Они были друзьями, любовниками, и порой у меня появлялись мысли, что Брайан играет за другую лигу. Нет, ну сами подумайте, разве может натурал так хорошо понимать женщину? Даже когда он ее любит.

И вот открыв дверь квартиры и держа свою дочь за руку, я решила, что, наверное, стоит начать что-то менять. В конце концов, мне уже не двадцать, и моложе я не стану. Нужно разобрать свою жизнь. Минимум на книгу, в крайнем случае — на цитаты, и наконец выбросить ненужное. Оливия пошла распаковывать свои вещи, а я открыла свой банковский счет и связалась с риелтором и Стейси, предупредив, что приеду.

— Оливия, едешь со мной?

— Куда? — спросила меня девочка.

— К тете Стейси. Мне нужно с ней поговорить.

— Я бы хотела остаться дома, — ответила она осторожно. — Можно?

— Конечно, — поцеловала я ее в щеку. — Еды нет, но есть фрукты и заготовки в холодильнике, которые можно разогреть.

— Донна, — улыбалась Оливия. — Иди, я не маленькая.

Я помню, как мы летели с ней впервые в Нью-Йорк на вертолете, и она всю дорогу держалась за меня, словно я была спасательным кругом этой девочки. Когда мы взлетели, она схватила первое, к чему могла дотянуться, и это была моя нога. Она сжала ее так сильно, смотря на меня испуганными глазами, и я тут же подвинулась поближе, сжимая ее в объятьях. Не знаю, помогала ли ей моя близость, но я чувствовала тогда что-то совершенно незнакомое мне до этого. Мое сердце так громко стучало, и я шептала ей лишь: «Дыши». Я знала, что Оливия моя с тех пор, как мы пришли в дом, где она жила, пока ее не забрали. И дело совсем не в биологии, я просто почувствовала своего ребенка.

— Ты вышла из такси для того, чтобы сесть в машину спустя двадцать минут и приехать ко мне? — были первые слова Эс, когда она открыла дверь.

— И тебе привет, — закрыла я ее за собой. — У меня к тебе предложение.

Я прошла в кухню и открыла холодильник, доставая сок. Я взяла стакан и присела за стол.

— Я посмотрела свой банковский счет.

— День становится все интересней, — пристроилась Стейси напротив, усмехаясь. —

Приехала поплакаться?

— Нет, но у меня предложение. В доме Эмили продают пентхаус, и так как мы с тобой обе живем или будем жить с дочерьми, ты не хочешь сменить дислокацию?

— Ты хочешь, чтобы мы продали наши квартиры и переехали в пентхаус? — засмеялась подруга. — Тебе не кажется это слишком лесбийским?

— Так что ты думаешь? — игнорировала я ее иронию.

— Я думаю, что как бы ты ни пыталась, ты не сможешь жить со мной. Я рано уйду и поздно прихожу. Я шумлю, занимаюсь боксом и разговариваю по телефону лексиконом, который Оливия не поймет. Кроме того, ты все равно вернешься к Адаму, и мы обе об этом знаем. Он любит тебя и Оливию. Вы его семья, Ди, и тебя такой счастливой, как с ним, я не видела никогда.

— Ты убеждаешь в этом меня или себя?

— Я не знаю, — забрала подруга у меня сок. — Мне кажется, я совсем не готова быть матерью.

— Ладно, тогда я придумаю, что-то другое, но ты уже начала делать детскую?

— Я не знаю, с чего начать, — появились слезы в ее глазах. — Моя жизнь всегда была не такой, как у многих, но то, что я чувствую, не могу сравнить ни с чем, что было до этого. Я просто надеюсь, что с рождением Эстель вылечусь. Я знаю, что веду себя, как сумасшедшая, — хмыкнула она, делая два вдоха и выдоха. — Будущее, которое я себе представляю, такое непонятное и размытое, и меня никто никогда не ставил на первое место. Существует миллион причин, почему я должна ненавидеть Майкла, но с ним все по-другому. Он сделал так, чтобы я не просто полюбила его, я привыкла к нему. Но затем он исчез, и я разбилась на кусочки.

— Знаешь, Эс, — покачала я головой. — Это все современно. Современное общество, современные нравы и современные сказки. Теперь счастливый конец не в моде. И красивые моменты теперь не делают людей счастливыми, а лишь разрушают после.

— Я просто не готова испортить тебе жизнь, — засмеялась Стейси, но улыбка не коснулась ее глаз. — Если хочешь адреналина, то приготовь и съешь рыбу фугу, но к переезду я не готова.

— Начни сначала, — поднялась я с места. — А если тебе понадобится помощь, мои двери всегда открыты. Можем покрасить стены и купить кроватку, поставить шкаф и положить в него розовую одежду.

В девять часов вечера я покинула ее квартиру и отправилась в свою любимую булочную. Я села за столик, загрузила на телефоне магазин мебели и купила кроватку, пеленальный столик и комод для моей будущей крестницы. При всей напыщенной циничности Стейси, они ранимая и боится. Боится самой жизни и вернуться в что-то, что было в прошлом. Я могу ее понять, ведь я сама такая. Ирония этой ситуации переходила все допустимые границы. Мне нужно было вернуться к дочери, но я не могла заставить себя идти домой.

— Девочка моя, — сказал старик Фрэнк, принося мне стакан молока. — Это тебе.

— Спасибо, — усмехнулась я, смотря на свой пустой палец. — Как ты?

— Тебя опять что-то гложет.

— Да, — сделала я глоток. — Дашь мне хлеба с собой? Познакомлю свою дочку со вкусом рая.

Мужчина ничего не ответил, и я смотрела, как он пошел за стойку и, поцеловав свою жену, сказал ей что-то на ухо, от чего она засмеялась. С тех пор, как я приехала в этот город, я хожу сюда и наслаждаюсь молоком и выпечкой этой семьи. Фрэнк и его жена Изабель пожилые люди, но они так добры, и отношения этой пары подобны тем, которые показывают лишь в фильмах о любви.

Мне до боли хотелось увидеть Адама. Поговорить с ним, обнять и просто побыть рядом. Все мои мысли теперь занимали два человека. Двое мужчин: один, который разрушил мою жизнь на определенный период, и другой, который вернул меня в нее обратно и сделал гораздо больше, чем я даже позволяла себе мечтать.

Я шла по улице, смотря в никуда и не сядя в такси, несла пакет хлеба в руках. Ноги сами привели меня к парку возле дома Адама, и я присела на скамью. От луны исходил некий свет, и я включила музыку в наушниках, смотря на открытую дверь на его террасе. Я не смогу уснуть в своем доме без снотворного сегодня, и чувствовала боль. Даже после Алекса я понимала, что не могла бы обрести с ним семью и связь, которая будет всегда, но с Адамом все было по-другому. Больно терять то, чего по-настоящему у тебя не было. Теперь меня чаще преследовали приступы паники. Никто на самом деле не знает, что со мной происходит, и что я чувствую. Я застряла где-то. И мои чувства и мысли... черт возьми, я не тону, а утопаю. И кроме одного человека никто не сможет мне помочь.

— Иронично, не так ли? — услышала я голос за спиной.

Я обернулась и увидела Адама, пытаюсь контролировать свое дыхание. Один его вид заставлял мое сердце сходить с ума. На Адаме были потертые джинсы, рубашка, которую, скорее всего, он не менял несколько дней, и щетина. Под его глазами я заметила синяки, словно он не спал долгое время.

— Ты неважно выглядишь, — прошептала я.

— Зато ты, как всегда, выглядишь великолепно, — пристроился он рядом, но держа дистанцию.

Адаму нужно было время, и я понимала это. Мне понадобилось пять лет, чтобы прийти в себя. Надеюсь, ему нужно будет меньше. Я хотела иметь с ним хоть какую-то связь, пока он держал меня на расстоянии. Я брала бы все, что он готов был мне дать. Я сжала руку в кулак, чтобы почувствовать от ногтей боль и немного успокоиться. Мы молчали некоторое время, и я смотрела, как у Адама ходили желваки, словно он хотел что-то сказать, но не решался.

— Как ты? — спросил он наконец.

— Я скучаю по тебе, — ответила я честно. — И мне жаль, что я врала. Кажется, что, если я потеряю тебя, Адам, я потеряюсь сама.

Я уверена, что он тоже скучал. Уверена, что нужна ему, и что он любит меня. В конце концов, он говорил, что я самое важное, что есть в его жизни. И потом именно мы с ним остаемся неизменными. Нам суждено быть вместе. Мне — психопатке с багажом дерьма, и ему — богу самоконтроля. Мы обречены. Обречены быть вместе. Адам тот, кто все сделает ради меня и найдет даже по запаху опасности рядом со мной.

— Когда ты познакомился со мной, я была другой. Точнее, я становилась другой после знакомства с тобой. Потом ты доказывал мне, что я важна, и ставил меня на первое место. Время, которое мы провели вместе, изменило меня. И изменило еще больше, когда я вернула свою дочь. Я не тот человек, которого ты встретил три года назад, и я тем более не та, которая описана на этих чертовых бумагах.

Адам не произнес ни слова, и мои глаза были прикованы к человеку, который в ответ не сводил глаз с меня. Алекс иногда пугал меня до смерти, в то время, когда Адам не делал этого, возвышаясь надо мной во всех смыслах этого слова. Он одновременно был красивым и пугающим для всех, кто не знал его. Его широкая грудь защищала удивительно доброе сердце внутри. Загорелая кожа и светлые волосы, делали его таким непозволительно красивым. Голубые глаза особой красоты и губы, которые я так любила.

— Не забывай меня, — произнесла я скорее умоляюще. — Пожалуйста.

— Я хотел. Я думал, что, если забуду, то смогу притворяться, словно тебя и не было, — сказал он тихо. — Я помогаю Алексу, и потом, если у меня выпадет шанс, я упрячу его за решетку навсегда.

— Что? — сорвалась я с места. — Ты ведь знаешь историю, Адам. Если бы не он...

— Мне плевать, Донна! — возвысился он надо мной. — Плевать. Ты думаешь, что я должен быть благодарен ему, но за что? Он сломал тебя, и теперь ты ломаешь всех, кто тебя окружает.

— Слушай, — взяла я его за руку, но Адам одернул ее. — Так уж случилось, что наши друзья полюбили друг друга, и нам придется в будущем встречаться. Может, ты сможешь говорить мне хотя бы «привет», не показывая всем своим видом, что презираешь меня?

— Презираю тебя? — был он в замешательстве, и я сделала два шага от него. — Ты думаешь, я презираю тебя?

Адам пересек расстояние между нами одним шагом и, схватив меня, жадно накрыл мои губы своими. Его руки обняли мою талию, и он почти вдавил меня в себя. Я отчаянно вцепилась за его рубашку, и его поцелуй и запах заставили мои колени подкоситься. Он целовал меня, словно не мог насытиться, и я отдавалась ему без остатка. Я хотела, чтобы Адам желал меня. Хотела, чтобы он снова претендовал на меня. Адам Майколсон был слишком любим и чертовски привлекательным для слов.

— Я не могу тебя презирать, — резко отошел он, тяжело дыша. — Каждый раз, когда ты рядом, я хочу прижать тебя к себе и никогда не отпускать, — сделал он два шага от меня, и я сжалась, словно от холода. — Но я не могу. Я простил тебя, но знаю, что ты не сможешь простить меня. Потому что ты такая, Донна, и я не хочу смотреть в твои глаза и каждый раз понимать, каким жалким подонком являюсь, понимая, что второй раз ушел, оставляя тебя одну разбираться со всем.

Я просто молчала и слушала его. В моих глазах застыли непролитые слезы, и я не хотела терять его. Жизнь без Адама пуста и бессмысленна, но теперь я не понимала, как жить с той правдой, которую знаю. Он помогает Алексу и убьет все, что в нем осталось, посадив снова в тюрьму. И Адам был прав, я люблю его, но обида все еще живет во мне. На самом деле Адам не любит меня безоговорочно. Ему просто нравится ремонтировать мелкие поломки, думая, что это любовь.

Он ушел, не оборачиваясь, а я снова села на скамью и позволила слезам стекать по моим щекам. Я знала, что он тот самый человек, но сама все испортила. Я принимаю прошлое человека и никогда не осуждаю, но Адам... он пытается отстраниться. Зачем мне человек, в котором я не могу быть уверена, что он не уйдет снова и снова? Не надо, чтобы ради меня сворачивали горы, но я бы не отказалась, если бы все таки такое произошло. Я могу с ним быть и заниматься сексом. Разговаривать и смеяться. Но я поняла, что не хочу выходить замуж за Адама. Я не уверена в нем. Он должен быть за меня при любом раскладе и в любой ситуации. Я хочу трепетного отношения и отсутствия пофигизма с его стороны.

Он никогда не любил меня достаточно, и в этот момент я поняла, что все это ненадолго.

Я вытерла мокрые щеки и, словив такси, отправилась домой к своему ребенку. Я была виновата перед Оливией, и не только за сегодняшнее, но и за то, что порой просто хотела уйти и осознавала, что у меня нет привычки быть мамой. Как бы я не пыталась, я все еще не привыкла к этой роли, и чаще всего это давалось мне с трудом, несмотря на мою любовь к ней. Я пыталась делать все по расписанию и контролировать ее жизнь. Мы почти не говорили о ее родителях, но то, что я слышала, не порадовало меня, и снова понимала, что, возможно, будь моя дочь у меня, я дала бы ей больше, как минимум из-за того, что безоговорочно любила ее.

— Ты вернулась, — услышала я голос Алекса, когда вошла к дом. — Я ждал тебя.

Я повернулась к нему и нахмурилась. Он был немного пьян, и я боялась этого состояния. Он был неконтролируемым сам по себе. Психику Алекса было невозможно понять. Его идеи всегда были чересчур безумными. И если раньше мне это было нужно, то однажды наступает такой момент, когда ты хочешь тихой и размеренной жизни, зная, что в субботу вечером у тебя будет семейный ужин, а не очередная драма.

— Зачем ты пришел? — сжала я ключи в кулаке.

— К тебе, милая Донна.

— Зачем?

— Хотел увидеть, — подошел он ближе, толкая меня к двери.

— Алекс, не надо, — чуть слышно прошептала я. — Не делай этого.

— Ты разве любила меня? — хмыкнул он, и я заметила злость в его глазах. — Я всегда любил тебя, а ты играла со мной.

— Не было такого, Алекс, — попыталась оттолкнуть я его. — Ты ждал от меня не просто любви. Ты ждал преданности, понимания и самопожертвования. Я была виновата даже в том, что забеременела.

— Какой бы ты матерью была бы для ребенка в двадцать лет? — повысил он голос, сжимая мою шею.

— Знаешь, я просто устала извиняться за все, — вздохнула я. — Я устала, что мне приходилось убеждать тебя в том, что я любила. И моей любви тебе никогда не было достаточно, — Алекс отошел, и я сильнее сжала ключи в руке. — Мне нравятся мужчины, которые помогают и защищают, а не подкидывают стопку своих проблем.

Затем я открыла дверь и захлопнула ее за собой, закрывая на все замки.

— Донна! — кричал Алекс, стуча в дверь. — Мы не договорили.

— Договорили, Алекс, — ответила я, надеясь, что Оливия уже спит. — Уходи, иначе вызову копов.

— Пошла ты на хрен!

— Ты уже сделал все для того, чтобы я это сделала, — вздохнула я, направляясь в комнату своей дочери, не обращая внимания на стук.

— Я разогрела себе молоко, — сказала она, когда я вошла в комнату.

— Извини, я задержалась, — прилегла я рядом с дочкой, смотря на журнал в ее руках. — Что читаешь?

— Журнал. Мне всегда нравилось.

— Почему ты мне не говорила? — смотрела я на нее.

— Ты не спрашивала.

— Мы похожи, — усмехалась я, притягивая ее к себе. — Ты скучаешь по кому-то?

— Я скучаю по родителям, — ответила она тихо. — Мама была строгой, но она ведь была моей мамой. И еще я скучаю по Адаму.

— Я тоже, малышка.

— Почему ты ушла от него?

— Он больше не хотел меня. Но он любит тебя, и если ты хочешь провести с ним время, то я не буду против.

— Правда? — удивленно смотрела на меня Оливия.

— Конечно, — поцеловала я ее в щечку. — Милая, он не твой отец, но он будет любить тебя так, как не всегда любит даже тот, кто подарил жизнь. Адам очень добрый, и ты всегда сможешь положиться на него.

— Но он ведь оставил нас, — чуть слышно сказала она.

— Нет, Лив, — залезла я под одеяло, укрываясь. — Он оставил меня, но тебя оставить невозможно.

Стук в дверь прекратился только почти спустя час. Либо Алекс потерял сознание, либо сдался. Я не была настолько храброй, чтобы открыть дверь и проверить свою теорию. Так что пошла в душ, смыла с себя день и вскоре уснула с мыслью, что завтра будет новый, и завтра все будет чувствоваться по другому.

«Нас никогда не обманывают, мы обманываем себя сами». Иоганн Вольфганг фон Гете.

Когда я не смогла уснуть в ее постели, а дыхание моей дочери было ровным, я устала на стену и думала, как смогу все исправить. Мне так хотелось все исправить и просто обнять Адама снова.

Кажется, он приучил меня к себе. И, может, даже слегка сумел приручить. Я была всегда закрытой, частенько циничной и той, кто убегал от всего, что могло причинить мне хоть малейшую каплю боли, став моей слабостью. А потом... потом как-то все случилось слишком быстро. Кажется, что я знала его долго, а в следующий момент уже не знала, как это быть без него. Он показал мне совершенно другой мир, и даже быт с Адамом был захватывающим. Он дарил мне любовь и наслаждение. Драму, которая время от времени была мне нужна. С ним я чувствовала. Чувствовала столько всего одновременно, особенно смотря в его глаза. Его глаза — лучшее, что я когда-либо видела. Я не хотела прятаться и прятать, когда они смотрели на меня с восхищением и желанием. И в конце концов, без разницы, если я не почувствую такого больше никогда до конца дней своих. Без разницы, из чего сделана была моя и его душа с самого начала. Главное то, что мы одинаковы, и души наши такие же.

«Я верю, что никто не должен быть один. Что нужно быть с кем-нибудь вместе. С друзьями. С любимыми. Я верю, что главное — это любить. Я верю, что это самое главное». Эрленд Лу.

Адам не приходил, а лишь звонил, чтобы спросить, как Оливия. Он забирал ее гулять, есть мороженное и порой привозил домой после школы и занятий с репетиторами. Я же наняла управляющего, помогала Стейси обустраивать комнату для малышки и проводила по двадцать часов в сутки со своим ребенком. Я скучала по ней даже во сне и была рада, что Адам все еще есть у нее. Именно по этому поступку я поняла, что знакома с настоящим мужчиной, у которого доброе сердце, наполненное именно добротой, а не только кровью.

Я всегда понимала, что мой характер — не подарок для тех, кто рядом со мной. Но в то же время я и сама никогда не искала простых людей. Я слишком эмоциональная, сумасшедшая и непредсказуемая во всех смыслах этих слов. Обычно люди, которые со мной,

не знают, что я буду делать и что чувствовать в той или иной ситуации. И, возможно, «сложная» — не совсем то слово, которым можно бы было меня охарактеризовать. Я люблю философские разговоры и всегда двигаюсь навстречу своей мечте. Корректирую идеи и мысли всех людей, которые мне важны, в том числе и свои. Да, определенно, «сложная» — не то слово, которым можно бы было назвать мою натуру, но я никогда не буду отрицать, что неменяемость и исключительное неистовство идеально подходят для описания.

В пятницу, после того, как я забрала дочь со школы, мы сидели в ресторане на улице и встречали первый день весны. Я смотрела на родителей с их детьми и усмехалась. Оливия ела мороженное и рассказывала, что в будущем хочет изучать языки. Я хотела этого. Хотела ей детства и семьи. Того, чего не было у меня. Мама все время переезжала, и пока я не пошла в колледж, приходилось следовать за ней. Я хотела, чтобы сейчас тут был Адам. Он был бы хорошим отцом. Но в то же время я понимала, что настанет день, когда он перестанет появляться тут, ибо это не его ребенок, и больше у него нет причин притворяться, что это не так.

— Мы домой?

— А ты хочешь домой? — усмехнулась я дочери.

— Нет.

— Значит, мы пойдем куда угодно, но не домой. Я заведу тебя в свое любимое место, и надеюсь, тебе понравится.

Мы сели в машину и направились в книжный магазин.

— Мы едим на Broadway? — спросила Оливия.

— Так и есть. Магазин называется Strand Book Store. В начале семидесятых лауреат Пулитцеровской премии журналист Джордж Вилл описал магазин максимально кратко: «8 миль книг». Я люблю читать, милая, — подмигнула я своей девочке. — Как и ты. И книги там занимают три с половиной этажа.

— Сколько там книг? — озарила улыбка ее лицо.

— Приблизительно два с половиной миллиона. Можно сказать, что восемь миль книг — скорее факт, чем метафора. По статистике в магазине одно из самых редких собраний книг не только в Нью-Йорке, но и во всех Соединенных Штатах.

Мы вышли из машины, и я взяла Оливию за руку, направляясь в магазин.

— Донна, — сказала она тихо, когда мы вошли. — Мне кажется, я больше не хочу заниматься танцами.

— Ты хочешь изучать лишь языки? — качнула я головой на стенд справа. — Посмотри себе что-нибудь. Вдруг понравится?

— Да. Ты помогла мне, и я...

— Милая, — перебила я ее, направляясь к следующему стенду, делая вид, что этот разговор не так важен. — Когда-то проводили научный эксперимент на лягушке. Сутью эксперимента являлось предположение о том, что если лягушку поместят в кипящую воду, она выпрыгнет, но если она будет находиться в холодной воде, которая медленно нагревается, то она не будет воспринимать опасность и погибать будет медленно.

— Я не понимаю, — пробормотала Оливия, смотря на меня с замешательством.

— Если положить лягушку в кастрюлю с водой и начать медленно нагревать воду, лягушка будет постепенно повышать температуру своего тела, адаптируясь к новым условиям. Когда вода начнет закипать, лягушка больше не сможет контролировать температуру своего тела. Она попытается выпрыгнуть, но у нее не получится. Знаешь

почему?

— Она умрет? — не сводила она с меня глаз, когда я передала ей книгу.

— Да, — усмехнулась я. — Потом. Но причина будет в том, что она не сможет выпрыгнуть, потому что потратила все силы на то, чтобы регулировать температуру своего тела. И на самом деле, причина — не кипящая вода, а то, что лягушка была неспособна выпрыгнуть вовремя, — присела я перед ней, ложа свои руки ей на плечики. — Эту историю я использую, как метафору к тому, что нужно реагировать сразу на значительные изменения, которые в любом случае происходят постепенно.

— Привет, — услышала я голос за спиной.

— Адам, — улыбнулась Оливия и обошла меня, чтобы броситься к нему в объятия. — Почему ты не позвонил?

Его взгляд был прикован ко мне, и я так соскучилась по нему. Боже, я схожу с ума. Этот человек дал мне возможность понять, что любовь бывает не с первого взгляда, но до последнего вздоха. Что ненависть и презрение не вечны. Гулять до утра и вести глупые разговоры тоже счастье. И пусть потом эти воспоминания оставляют лишь боль, но это потом. Тогда это было чудесно, и этого достаточно.

— Побудешь с нами? — улыбалась моя дочь.

Укол ревности пронзил меня лишь на мгновение. Она всегда так ждала его, и Адам по-настоящему любил ее. Кажется, что он никогда не сможет ей отказать, и эта девочка теперь надолго будет владеть его сердцем. Адам не тот человек, которого можно сломить или сжать в тисках. Или просто я не та женщина. Какого это: иметь такую власть? Скорее всего, это самое пьянящее чувство на земле.

— Все, что ты захочешь, моя любимая, — поцеловал он ее в носик. — Веди нас.

Какое-то время мы молчали, следуя за Оливией, которая выбирала книги и складывала их в корзину. Чувств, что все забывается и чувства притупляются. Ничего не проходит и не забывается. Меняются поезда, дороги, моменты, люди и даже самомнение, но, когда те самые воспоминания начинают блекнуть на фоне других, они навсегда остаются в нашем сердце. И каждый раз при звуке голоса или взгляде на то так давно знакомое лицо, ты понимаешь, что начинает болеть. Ты понятия не имеешь, к какому доктору обратиться, потому что кажется, что болит все тело. Это бывает так редко, но всегда так больно, и ты каждый раз прокручиваешь снова и снова ту же самую пленку, понимая, что в тот момент столько времени назад так хотела, чтобы кто-то спас вас обоих от желаний уйти и показал необходимость остаться.

— Зачем ты тут, Адам? — спросила я так, чтобы это услышал лишь он. — Ты не должен этого делать, ведь она моя дочь.

— Она не твоя, Донна, — видела я раздражение в его глазах. — Она наша дочь.

— Донна, — окликнула меня моя девочка. — А ты веришь в чудо?

— Чудо? — усмехнулась я, присев перед ней. — Что такое чудо, как ты думаешь?

— Это то, чего не бывает.

— Нет, любовь моя, — пригладила я ее волосы. — Чудо — это то, что случается, когда мы искренне верим. Но веру нельзя купить, как шлем или велосипед. Она просто есть.

Она обняла меня, и я сжала ее в объятиях в ответ. Оливия снова пошла вперед, а я несколько секунд смотрела ей вслед. Я становлюсь настолько свирепой и безжалостной, когда речь заходит о моей дочери. О ее спокойствии и защите сердца. Я боялась посмотреть на Адама. Просто не была готова. У меня внутри что-то творилось, и я не могла этого

объяснить. Он знал меня, и я так хорошо знала его. В этом человеке было столько разных оттенков любви и ненависти. Я любила его чувство юмора, и Адам понимал мое. Он знал, что я сумасшедшая, и любить для меня в новинку. Сколько бы я ни пыталась его оттолкнуть, он всегда отдавался без остатка, пусть и настолько, насколько он умел. Адам порой был таким чокнутым и таким разным. Он знал, какие мои глаза, когда я люблю. Он знал, как я прикасаюсь, когда люблю, и это для меня гораздо больше, чем факт того, что я знаю это о нем.

— Слушай, — притянул он меня к себе. — Я никогда не хотел, чтобы ты чувствовала себя неуверенно. Просто сейчас я хочу, чтобы вы были в безопасности, и поэтому держись подальше от тебя, ясно? Когда-нибудь, если ты примешь меня обратно, я посвящу жизнь тому, чтобы ты не пожалела и поняла, что я стою того, чтобы немного подождать. Потому что ты стоишь, чтобы делать то, что я не должен. Ты стоишь всего в этом мире. Если мне нужно сделать определенный поступок, скажи это, и я сделаю. Я все исправлю. Но потом.

Он не мог исправить и не понимал этого. Нет смысла что-либо исправлять. Нужно просто двигаться дальше. Пусть Адам и был прав, что я не смогу простить его до конца, но я люблю его, и похрен на все остальное. Его первым непосредственным порывом было защитить меня, а мне нужно было, чтобы он просто любил. Я готова была стать с ним на тропу войны против мира, и мне нужно было, лишь чтобы меня любили. Многие считали, что я сделана из стекла, но это не так. Обычно мне просто плевать, а когда больно, я ухожу в себя. Разве Адам любит меня так, как я его? Я люблю его настолько сильно, что позволяю быть не рядом, если ему это нужно.

Я попыталась отойти, чтобы отдалиться от него, но Адам продолжал крепко держать меня.

— Скажи что-нибудь, Донна, — сжал он сильнее мои плечи. — Поговори со мной.

— Ты должен сделать выбор, Адам. Я не хочу больше писать историю в кавычках и хочу быть свидетелем своей мечты. Я пустила тебя в свою жизнь, хоть и не считала, что ты стоишь того. Но дело в том, что потом оказалось, что ты стоишь, но случилось так, что я больше не хотела тебя пускать. Ты сделал так, что я захотела рассказывать тебе обо всем. Ты знал о моих переживаниях и все, что я чувствовала в течение дня. И я полюбила тебя, — вцепилась я в его рубашку. — Я люблю тебя так сильно. Но не стану тебя держать, если ты захочешь уйти, я отпущу тебя. Я не буду начинать с тобой что-либо, и знаешь, я не доверяю тебя. Ведь ты уходил уже, и значит сможешь уйти еще.

— Донна, — прошептал Адам.

— Нет, — перебила я его. — С каждым днем я понимаю, что не найду никого роднее тебя, но, если ты не хочешь остаться сейчас, уходи, — оттолкнула я его. — Уходи и не возвращайся.

— Милая, — окликнул Адам мою дочь, когда я отвернулась, чтобы вытереть слезы, которые не заметила. — Я люблю тебя, малышка. Мне позвонили, чтобы я приехал на работу, но вы с Донной обязательно купите все, что ты захочешь.

— Ты приезжай, — слушала я голос своей малышки, которая смотрела на Адама. — Просто приезжай ко мне почаще. И к Донне.

— Оливия, — перебила я ее. — Идем, детка. Нам нужно купить книги и заехать еще в одно место.

Она ничего не сказала, а лишь обняла Адама напоследок и подошла ко мне, направляясь в другую сторону коридора. Моя дочь больше не спрашивала ни о чем, и спустя даже не

пятнадцать минут сказала, что хочет домой. Я спрашивала, что случилось, но она ничего не отвечала, и я знала, что это из-за Адама. Она привязалась к нему слишком быстро, и это тоже то, что было у нас общее. Его было невозможно не любить после того, как узнаешь того самого Адама, которого он всегда скрывает внутри себя от мира.

— Милая, — пришла я к ней в комнату, когда она убежала сразу, как мы приехали. — Может, мы поговорим?

— Нет, — отвернулась она, укрываясь одеялом. — Я хочу спать.

— Оливия, — подходила я ближе, пока не села на ее кровать. — Что ты хочешь, чтобы я сказала? У взрослых всегда все гораздо тяжелее, чем у таких, как ты. Вы умнее нас и умеете жить.

— Перестань, — крикнула она, чему я внутренне улыбнулась. Она была похожа на меня. — Ты не можешь забрать у меня Адама. У меня забрали родителей, страну, всех моих друзей, а потом, когда ты сама сказала мне, что Адам будет мне хорошим отцом, сделала так, чтобы я снова все потеряла.

— Иди сюда, — вытянула я к ней руки, но она не шевельнулась. — Я виновата перед тобой, Оливия. Но я не хочу, чтобы ты злилась на меня. Я люблю тебя, и если ты хочешь Адама в свою жизнь, если ты так хочешь, чтобы он был рядом, я попробую вернуть его тебе, ладно?

— Ладно, — снова отвернулась она. — Я хочу спать.

— Сладких снов, милая, — поцеловала я ее в щеку. — Я люблю тебя.

Когда я закрыла дверь, направилась на кухню и, налив бокал вина, села на диван. Мне нужно было поговорить. Я устала. Устала во всех смыслах этого слова. После ухода Адама я словно не живу, а лишь существую, заполняя пустоту своим ребенком. Я так любила тепло раньше. Я любила весну и лето. Любила вдыхать аромат теплоты и листьев. Любила греться в лучах солнечного света и оживать вместе с природой. Ужасно, когда с уходом одного человека ты теряешь вкус к жизни.

— Эмили, — сказала я, как только она ответила на звонок. — Ты занята?

— Нет, — слышала ее улыбку. — Я лежу в ванной, пока мой муж, с которым мы провели прекрасные несколько дней в Риме, готовит мне зеленый чай.

— Я рада за вас, — поджала я под себя ноги. — Расскажешь?

— Знаешь, он не сказал мне ничего, о чем бы я не догадывалась ранее, просто, в конце концов, я люблю его сильнее собственной гордости. У нас было столько потрясающих моментов и любви, сколько иные люди не испытывают за всю свою жизнь. В конечном итоге, когда я выходила за него замуж, я знала, что он что-то скрывает, и я согласилась жить по его правилам, как и он по моим. Я готова ради него на все, что угодно, и я не смогу жить без его нежности.

— Так странно от тебя это услышать, — подошла я к окну. — Вы не смогли бы быть просто воспоминанием друг друга.

— Он любит меня. Не боится в этом признаться, и мне не нужно выпрашивать у него проявления нежности. А разве этого мало? Так что я решила, что не позволю рухнуть нашему миру.

Я выглянула в окно, смотря, как начинается сильный ливень. Иногда мне кажется, что ночью Адам смотрит за мной. А порой чувствовала, словно он ложится рядом. Его запах был везде, и я не открывала глаза, боясь, что он исчезнет. Я устала быть одна. Почему, когда встречаешь правильного человека, одиночество, которое было прежде таким родным,

чувствуется отвратительно?

— Ты ведь не для этого мне позвонила, правда? Что случилось, Ди?

— Оливия обвиняет меня, что я преграда для нее и Адама. Но я же не могу сказать ей, что Адам сам меня не хочет. И я скучаю по нему. Каждый раз при виде его у меня что-то переворачивается внутри, и я хочу к нему прикоснуться.

— Это называется любить, — тихо сказала она. — Такое чувство возникает только тогда, когда ты любишь кого-то.

Я помню, как Адам притягивал меня в свои объятия, а я поднимала голову, чтобы взглянуть в его глаза. Я смотрела на стену, и одинокая слеза скатилась по моей щеке. Я пообещала, что буду любить своего ребенка и защищать ее. Но разве я могу дать ей то, что не сможет сделать даже Бог? Никто не может заставить любить и простить. И если все так и останется, я знаю, что буду лишь пустой оболочкой, если в моей жизни больше не будет Адама. Он мне нужен, чтобы снова чувствовать себя цельной. Еще одна слеза скатилась по щеке. И когда за ней последовала следующая, мой взор затуманился, и я взяла телефон, чтобы позвонить ему и просто попросить прощение.

— Я люблю тебя, — прошептала я, не способная произнести что-то другое, когда услышала в трубке его дыхание.

— Донна...

— Нет, послушай, — перебила я его. — Ты — это то, что я не готова потерять. У меня было всегда единственное место, где бы я чувствовала, что это именно мое место. Оно всегда было там, где Эмили, а потом все изменилось. Я начала понимать ее только тогда, когда по-настоящему узнала тебя. У нас с тобой никогда не было дружбы, ну и плевать. Но я не была готова потерять тебя с первого дня, как увидела. Как бы я не отрицала, но я ждала твоего появления и думала о том, что скажу тебе, когда увижу. Со временем ты стал тем, кому я хотела все рассказать. Все вещи, которые происходили со мной за день, я хотела рассказать лишь тебе. За относительно короткое время ты стал для меня самым важным человеком, не считая моего ребенка. И пусть для тебя это ничего не значит, но для меня это многое, и я не готова этого терять. Я люблю тебя и ничего не могу с этим поделать.

В трубке воцарилось молчание, и как только я собиралась прервать звонок, прозвучал голос Адама.

— Я люблю тебя больше, чем свою жизнь, поэтому и сошел с ума, но...

— Никаких но, — перебила я снова его. — Больше никаких но, — сорвался мой голос. — Пожалуйста. Этих слов достаточно.

Слезы застилали мои глаза, когда я подняла голову к небу. Я любила его и каждый день всю свою жизнь наверняка искала его призрачный след, пока наконец не нашла. Все мои мечты и планы были связаны с Адамом. Даже несмотря на его жесткость и игры, которые всегда отбивались болью в моем сердце, я любила его. И никогда с того дня, как я увидела его, не мелькнуло даже мысли о том, что я могу любить кого-то больше, чем Адама Майколсона. Я была права. Тогда было одно из самых темных времен моей жизни, но я была права. Но любви больше нет, и вопреки... Нет. Просто вопреки.

Утром я проснулась, сделав Оливии завтрак. Потом положила ей ланч, и мы спустились вниз, садясь в машину. Я отвезла ее в школу, поцеловав на прощание, и отправилась за покупками. Покупая все необходимое, я слушала музыку в наушниках и периодически отписывала подругам в чате. Расплатившись на кассе, я взяла пакеты и положила их в багажник машины. И как раз, когда я думала ехать домой, мне поступило уведомление от

Адама.

«Срочно. Приезжай в казино».

Я завела мотор и направилась в сказанное место, чувствуя подступающую тошноту от страха, что случилось что-то непоправимое. Спустя двадцать минут я вбежала в казино, и ко мне сразу подошел секьюрити, говоря, чтобы я следовала за ним.

— Адам, — открыла я дверь, выискивая его глазами.

— Кажется, ты свободна, — ответил он, усмехаясь.

— Ты идиот? Я думала, что-то случилось.

Адам прошел мимо меня, закрывая дверь на ключ, и, повернувшись, схватил за талию, притягивая к себе. Затем обхватил мое лицо руками и набросился почти с отчаяньем. Я позволила его губам взять меня в плен и получить контроль, потому что мне это нравилось.

— Я без трусиков, — почти задыхалась я. — Я хочу тебя.

— Черт, — выругался Адам, поворачивая меня к себе спиной.

Адам расстегнул брюки и резко дернул вниз мои джинсы, смотря на мою попку.

— Я хочу смотреть на твою грудь, и как она движется, когда я трахаю тебя, — сказал он, прикусив мочку моего уха. — И я уверен, что на тебе нет лифчика.

Что было правдой. Адам на мгновение задержал дыхание, когда взял в ладони мою грудь, убеждаясь в своей правоте.

— Я хочу чувствовать тебя в себе, Адам.

Он схватил меня за бедра и резко подался вперед, проникая в меня до конца. Я была мокрой от одного его вида и с каждым толчком двигалась ему навстречу.

Люди вместе, пока хотят этого. Пока им удобно быть вместе, как бы цинично это не звучало. Ничего не может привязать к вам человека и заставить его полюбить вашу «лучшую черту характера» и оставаться рядом с вами именно из-за нее. И наконец-то я поняла, что люди не меняются. Делать больно не естественно. Естественно — это снегопад зимой, а боль всегда причиняет только боль. И пусть все забывается, но это могут сделать лишь те, кто умеет отпускать.

— Ты этого хотела? — спросил он, лизнув и сразу прикусывая кожу на моей шее.

— Господи, да, — простонала я.

Он был везде и сразу, и, если бы Адам не держал меня, я рухнула бы на пол. Это было подавляюще. Волнующе. Сумасшествие. Я не в силах вычеркнуть его из любой страницы, растворяясь в нем. Это не любовь, а какое-то наваждение. Адам прокладывал дорожку поцелуев по моей шее, и когда его пальцы прикоснулись к моему клитору, я содрогнулась от ощущений.

— Я так скучаю по тебе, — прошептал он, увеличивая темп.

Я почувствовала наслаждение и откинулась назад, полностью доверяя ему свое тело. Все затуманилось, и я лишь слышала наше дыхание, когда снова почувствовала почву под ногами.

Адам покинул мое тело и развернул меня к себе. Он взял в руки мое лицо, и всматривался в глаза. Мое сердце стучало так громко, и я почувствовала его теплое дыхание на губах, когда закрыла глаза. Адам прижался своими губами к моим, и я резко втянула воздух, хватая его за плечи, ощущая головокружение. Я хотела с жадностью впитать каждый его вдох и выдох. Я не могла насытиться им, и когда Адам оторвался, я, не контролируя этого, издала стон протеста.

Это так возбуждало, когда Адам притягивал меня к себе, и я чувствовала теплоту его

тела. Я находилась в его власти, и он возвышался надо мной, укутывая собой.

— Следующим летом все будет по-другому, — улыбнулся Адам. — Мы будем настоящей семьей, и ты будешь счастлива. Со мной.

Только тогда, когда вся эта эйфория прошла, я поняла, насколько все это странно. Мы словно сделали шаг в никуда, сбиваясь с пути, только чтобы вырваться из повседневности. Я была дикой, прижимаясь к нему всем своим телом, и брала все, что Адам готов был мне дать. Я надела футболку и джинсы, смотря на него после. Я словно привыкала к нему полжизни, но у нас нихрена не получалось.

— Донна, — сказал Адам. — Может, поужинаем?

— Мне нужно идти, — посмотрела я на часы. — Скоро нужно забрать Оливию со школы.

— Донна...

— Я опаздываю, — покинула я его кабинет, направляясь быстрым шагом к машине.

Что я делаю? Зачем? Я снова начинаю все сначала. Я стала какой-то одержимой одним человеком. Адам словно нашел что-то внутри меня и привел это к жизни. Черт побери, я чувствовала так много всего. Это какая-то извращенная прелюдия — медленное убийство друг друга. Раньше я была уверена, что невозможно одновременно любить и ненавидеть человека, но я ошибалась. Я на ножах с Адамом все время, но, когда его нет рядом, на иглах.

Я отвезла продукты домой, приняла душ, немного подкрасилась и накрутила волосы, решив, что пообедаем мы в ресторане. Черт возьми, мне нужна анестезия. Я устала от боли. Но в конце концов, нормальность — это асфальтированная дорога. Ван Гог говорил, что по ней удобно идти, но цветов на ней не увидишь. И что бы я ни делала сейчас, я делаю это ради Адама, как и он абсолютно каждый поступок посвящает мне. Лед становится очень тонким под бесчисленными шагами.

— Донна, — улыбалась Оливия, садясь в машину. — Кто такая Елизавета Батори?

— Откуда ты слышала это имя? — завела я мотор, направляясь в итальянский ресторан.

— Я видео смотрела, но учительница забрала мой планшет.

— Ты смотрела на уроке видео? — нахмурилась я.

— Мне было интересно, — легкомысленно пожалала она плечами. — Так ты расскажешь?

— Ну это венгерская графиня из известного рода Батори.

— Почему ее называют кровавой графиней?

— Оливия, — усмехнулась я, паркуя машину на стоянке. — Это не милая история для маленьких девочек.

— Я не маленькая, Донна, — вышла она из машины. — Кроме того, сейчас есть интернет.

— Ты права, — вошли мы в ресторан. — Эта женщина известна серийными убийствами молодых девушек.

— Почему она убивала?

— Ну, она считала, что кровь молодых девушек, поможет ей сохранить молодость.

— А ты веришь в это?

— Я не знаю, милая. Никогда не думала об этом. Кроме того, существует версия, что она стала жертвой заговора. Я лишь читала о ней и знаю, что, если верить источникам, то она умерла в одиночной камере, в которую ее поместили, заложив окна и двери, оставив лишь небольшие отверстия для вентиляции и подачи пищи.

— Она была некрасивой?

— Наоборот, — улыбалась я, сбивая на экране телефона вызов от Адама. — Судя по всему, она была эталоном женской красоты в свое время.

Мы пообедали, а затем поехали домой. Я помогала делать домашнее задание дочери, а затем мы пекли пирог с вишнями. Адам звонил мне уже не единожды, и я откладывала очередной разговор, который сделает мне больно. В конце концов, все, что он скажет, не будет иметь значения. Мы расстались. И ребенок, который во всех смыслах мой, любит его. Все остальное больше не важно. Мало-помалу я буду в порядке. Надеюсь. И если бы не взгляд Адама, который порой смотрел с отчаяньем, я бы подумала, что ему действительно плевать. Но я знала его слишком хорошо, и с его стороны все еще не было закончено. Да и сколько бы я не пыталась это отрицать, я знала, что Адаму снова нужно доказать мне, что я могу ему верить.

На следующее утро, когда я проснулась, часы показывали семь часов. Оливия еще спала, так как сегодня была суббота, и я решила съездить в салон и забрать оттуда все личные вещи, которые там остались. Я закрыла Лив и, сев в машину, набрала номер Адама. Он ответил после второго гудка.

— Ты в порядке?

— Адам, — сказала я тихо. — Достаточно.

— Что ты имеешь в виду?

— То и имею. С меня достаточно. Мы не будем играть в семью, и я больше не хочу этого. Я не буду больше оправдываться перед тобой, потому что на самом деле ты знал, с кем связываешься. Когда я говорила, что больше не та, ты должен был верить мне. Если бы ты любил меня так, как я люблю тебя, ты дал бы мне возможность сказать. Мне нужно больше, чем это, Адам. У меня есть другая жизнь, о которой я должна заботиться. Я не могу тебе позволить уничтожить меня, потому что теперь у Эмили нет столько времени собирать меня по частям.

Я бросила трубку и не проехала даже мили, как моя машина тоже начала показывать свой характер.

— Черт, — выругалась я, выходя из нее. — Только не сейчас.

Мой мустанг заглох уже второй раз. Когда это случилось впервые, мне удалось завести его, но сейчас, когда на улице утро, и моя дочь еще спит, я просто была не готова к этому. Нужно было срочно менять машину. Эта мысль уже не впервые посещает мои мысли, и я все чаще останавливаюсь на минивене, учитывая наличие ребенка в семье. После нескольких моих попыток завести ее, я остановила машину у обочины дороги и отказалась что-либо делать. До дома осталось всего около часа пешком, так что я решила, что это не так уж и долго. Я схватила клатч и ключи и направилась домой. В конце концов, у всех бывают темные дни и неприятные мелочи. Это одна из составляющей нашей жизни, и так и должно быть. Если бы не существовало темноты, мы бы не смогли отличить свет. Это помогает нам обрести опыт и определенный стержень, который в любом случае будет нужен. Сегодня неудача, а завтра благословенная радость.

Я услышала голос и застыла. Я напряглась, но не шелохнулась, почувствовав укол страха, но затем немного расслабилась и повернулась к владельцу голоса.

— Я же говорил, что мы встретимся.

Это был Алекс. И сейчас рядом не было Адама, чтобы защитить меня и одну сидящую в доме Оливию.

— Отпусти меня, — прошептала я.

— А теперь слушай меня. Ты идешь со мной. Не дергайся и не убегай. Ничего в стиле Донны. У меня пистолет и мой тебе совет: веди себя хорошо.

Как бы далеко человек не уехал и как быстро не бежал, возможно ли вообще сбежать от того, что было с ним?

Мы шли по улице и делали вид, что просто знакомые. Он остановил такси, и я видела, что мы направляемся в мой дом. Я постаралась незаметно набрать хоть какой-то номер, но Алекс заметил это и, вырвав мой телефон, ударил меня по лицу. Все снова повторялось, и я навлекла опасность на своего ребенка.

— Куда мы едем? — спросила я более громко, чем нужно было.

— В квартиру. А теперь заткнись.

— Зачем ты это делаешь?

— Если ты не заткнешься, — прошептал он мне на ухо, — в нашем с тобой разговоре будет случайная жертва, которая не заслужила смерти, а просто оказалась не в том месте.

Я поняла, что он говорил о таксисте и замолчала. Мои руки тряслись от страха, и я надеялась, что мне помогут. Не знаю кто, и не знаю как, но я хотела, чтобы это закончилось.

— Если ты сделаешь хоть что-то, что мне не понравится, я убью ее, — прорычал Алекс, забирая ключи из моей куртки. — Клянусь тебе, убью!

— Не трогай ее, — пыталась я сдержать слезы. — Дай я выведу ее. Пусть она не видит этого.

Он открыл дверь и толкнул меня внутрь. Достав веревку из куртки, он снова толкнул меня на стул, связывая руки и ноги, и ушел в спальню Оливии. Боже, как я не хочу, чтобы Оливия это видела. Я не хочу, чтобы что-то изменило ее. Не хочу, чтобы в ее сердце пылала ненависть к кому бы то ни было. И не хочу огня, который никто больше не сможет погасить внутри ее.

— Я позвонил Адаму, и он теперь знает, что вы тут, — вернулся он, держа за руку мою дочь. — Теперь у него есть повод делать все быстрее.

Оливия смотрела на меня перепуганными глазами, и я лишь качнула головой, понимая, что этот день запечатлится в ее памяти. Она села на диван, и Алекс, кажется, не обращал на нее внимания.

— Ты неплохо устроилась тут. И знаешь, — засмеялся он. — Я и правда скучал по тебе. Тот, с кем ты живешь, испортил мои планы. Тебе всегда нравились тираны и узурпаторы.

— Нет! — крикнула я. — Он не такой, как ты! Он добрый и понимающий! Он — не ты! Он совершенно не похож на тебя!

Алекс подошел ко мне и ударил по лицу. Снова. Потом еще раз. Его улыбка была такой озлобленной, и он почти плевался ядом. Я чувствовала вкус крови и пыталась отвернуть голову, чтобы Оливия не видела этого.

— Я сказал тебе заткнуться, — затем он перевел взгляд на Оливию. — Детка, ты знаешь историю?

— Не трогай ее, Алекс, — текли слезы с моих глаз. — Пожалуйста, не трогай.

— Как думаешь, почему Донна забрала тебя?

— Она меня любит, — ответила моя девочка, и я улыбнулась сквозь слезы.

— Да, ты ведь ее дочь.

— Оливия, — смотрела я на нее. — Помнишь, я тебе говорила цитату одного автора?

— Какого? — видела я в ее глазах страх.

— Марка Леви. Он говорил не забывать свои мечты, ведь они станут двигателем твоего

существования, и от них будут зависеть вкус и запах каждого утра.

— Почему ты делаешь Донне больно? — перевела она взгляд на Алекса. — Тебе нравится, когда она страдает?

Он достал скотч и заклеил мой рот. Я чувствовала себя снова такой беспомощной. Теперь Алекс сможет вселить в ее такое чистое сердце первую ненависть и недоверие. Он будет говорить, ведь он упертый, как баран, и будет говорить даже сам с собой, чтобы просто сделать мне больно.

— Она родила тебя семь лет назад, а потом отдала. Признаю, родители из нас обоих были бы не очень, и ты жила в другой семье. А потом твоя мамочка решила сбежать от меня, ну и от тебя заодно, — перевел он взгляд на меня и отклеил немного скотча, чтобы я могла говорить. — Скажи, что я прав, Донна.

— Ты сильная, Лив, — смотрела я на нее. — Ты ведь моя дочь, и я очень тебя люблю.

— Скажи! — закричал он.

— Пошел ты.

Я была уверена, что это были бы последние мои слова, но голос за дверью, который, я знала, тут ради нас, почти успокоил меня.

— Если ты хоть пальцем тронешь ее, я убью тебя! — закричал Адам. — Клянусь Богом, я убью тебя!

Мои руки болели от веревок, лицо — от ударов. Слезы текли с моих глаз, но все о чем я думала — Оливия. Алекс достал пистолет из кармана и выстрелил в потолок. Оливия закричала от страха и начала плакать. Я чуть сама не разрыдалась от радости, когда услышала голос Адама. Я была благодарна ему, что он все равно пришел за нами, когда у нас с ним все было не гладко. Я часто заморгала, чтобы скрыть снова навернувшиеся на глаза слезы.

— Ты пугаешь ее, идиот! — была я в ярости. — Выпусти ее.

— Не делай резких движений, Майколсон, — ответил Алекс. — Иначе я убью их обоих.

— Обними меня, Оливия, — потребовала я, смотря на свою дочь. — Иди ко мне.

Алекс схватил ее и наставил пистолет к ее виску. Я почти задохнулась от боли. Моя девочка. Мой ребенок. Она столько пережила, и я снова подвергала ее опасности. Я хочу, чтобы мы смогли забыть все это, если оно когда-нибудь закончится. Алекс подошел к двери и открыл ее, все еще держа моего ребенка на прицеле. Когда он вернулся, Адам ворвался в квартиру и остановился как вкопанный, смотря на меня.

— Сделай то, что я тебе говорю, — сказал Алекс. — А они пока останутся со мной.

— Я достану деньги, — зарычал Адам. — Я принесу тебе все, но отпусти их. Ты пугаешь Оливию.

— Принесешь, но я хочу, чтобы ты сделал то, что сорвал мне. Я уже дал тебе инструкции, и мое терпение на исходе.

— Пожалуйста, Адам. Не делай этого, — прошептала я. — Что бы ты ни задумал. Не вреди никому.

— Я люблю тебя, Ди, — смотрел он на меня, и я видела вину в его глазах. — Я часть тебя, но я — не ты, и не могу пожертвовать тобой.

— Иди, Майколсон, — перебил нас Алекс. — У тебя есть час.

— Заткнись!

— Знаешь, — наклонился он ко мне, вдыхая запах моих волос. — Ты всегда была единственной, кто мог заткнуть меня и еще дышать, оставаясь в живых.

— Если у нее будет хоть одна царапина или пойдет насморк, я тебя убью, — крикнул Адам со всей свирепостью.

— Адам, — прошептала я, смотря на него с мольбой.

— Донна, ты же знаешь меня, — усмехнулся он, и улыбка не коснулась его глаз. — Все будет хорошо. Я спасаю тех, кого люблю. И если при этом придется пожертвовать посторонними, это меня не остановит.

Как же я скучала по нему раньше. Мария Парр сказала, что скучать по кому-то — самое прекрасное из всех грустных чувств. Я ушла от него столько лет назад, но это не помогло. Я не хотела, чтобы Алекс был в моей жизни или жизни Оливии. Я не хотела, чтобы он знал, где она, как у нее дела. Не устраивал никаких свиданий и даже не рассмотрел цвета ее глаз. Всего, чего я всегда хотела, это защитить своего ребенка. Это был конец только для меня, судя по всему. Эту историю Алекс никогда не хотел заканчивать, и он не смог оставить, живя с желанием довести все до конца. Так тяжело, наверное, уходя, действительно уйти.

— Почему ты ушла? — посадил Алекс Оливию на диван, когда Адам ушел. — Я ведь действительно любил тебя. И хотел только, чтобы ты любила меня в ответ.

— Это не правда, — смотрела я на него с презрением. — Ты ждал от меня чего угодно, но не любви. Ты ждал преданности, покорности и самопожертвования. Ты винил меня в беременности.

— И что бы мы делали?

— Ты видишь ее? — засмеялась я фальшиво. — Ты видишь эту девочку? Как ты можешь не любить ее? И, знаешь, — вздохнула я. — В этой жизни я устала извиняться. Я устала любить того, кто настолько изуродован, что я больше не вижу в нем человека. И моей любви тебе никогда не было достаточно.

«Если вдруг исчезла почва из-под ног, это еще не значит, что все пропало — вполне возможно, жизнь взяла вас на руки». Джулианна Вильсон.

В моей жизни происходило столько событий, но ни одно не било так больно, как то, что происходило сейчас. Я никогда не была ранее так разбита, как в этот момент, смотря на страх и боль моей дочери. Я всегда была сильной, и Оливия так похожа на меня. Но сейчас потерянная маленькая девочка вернулась. Точнее, она просто вылезла наружу, все время терпя так много боли.

— Оливия, — сказала я голосом гораздо уверенней, чем я была на самом деле. — Я тебе рассказывала, какой была в таком возрасте, как ты?

— Нет, — отрицательно покачала она головой.

— Я всегда была сильной и никогда не сдавалась. Никогда не плакала и никого не боялась. Ты со всем справишься, слышишь меня?

Ее защита именно в этот самый момент для меня поднялась на новый уровень. Мне была необходима ее безопасность. Она не просто девочка. Она моя дочь. Моя. И если есть хоть один гребанный шанс того, что я смогу обезопасить ее, то сделаю это.

— Алекс, дай ей возможность обнять меня, — смотрела я на него. — Она ни в чем не виновата, и Адам сделает все, что ты захочешь.

— Ладно, — качнул он головой дочери. — Без глупостей.

Меня трясло от страха, но я постаралась сосредоточиться на Оливии. Как сказала Скарлетт Томас: «Лучшие решения обычно принимаются за долю секунды».

— Оливия, милая, мне нужно обнять тебя, — сказала я чуть громче, после чего Алекс сосредоточил свое внимание на телефоне. — Иди ко мне.

— Ты врала мне? — подошла она ближе, задавая вопрос.

Боль в голосе моей дочери ослабила мою решительность, и я понимала, что может ничего не получиться.

— Оливия, — прошептала я. — Обними меня. Я потом тебе расскажу все, что ты захочешь, но я хочу защитить тебя. Пожалуйста, позволь мне в этот раз позаботиться о тебе.

Я смотрела ей в глаза, и она не отводила от меня своих. Слезы, застывшие в ее взгляде, заставили мое сердце почти остановиться и упасть на колени от боли. Господи, как я могла так с ней поступить? Как я могла оставить ее? Где были мои инстинкты матери? Кто я после этого? Я ведь даже на человека не похожа, не то что на женщину.

— Адам нам поможет? — спросила она тихо.

— Да, но нам нужно помочь ему. Попробайся немного ослабить мои руки от веревок, и как только Алекс немного ослабит бдительность, я дам тебе знак, и ты доберешься до ванной и закроешься там, поняла?

— Почему ты не рассказала мне? — все еще настаивала она на своем.

— Я не рассказывала тебе, малышка, — чуть усмехнулась я. — Но моя жизнь заставила меня ожидать многого, но ничего от себя. Я боялась, что буду недостойной тебя, и, оказалось, я была права. Но потом, когда я снова увидела твое лицо, твою улыбку, и ты обнимала меня, полностью доверяя, я поняла, что, возможно, когда-нибудь смогу искупить свою вину и хоть немного стать желанной, как человек. Потому что, в конце концов, ты, Оливия, весь мой мир.

Она сделала, как я сказала. Моя девочка ослабила немного веревки, и как только все было почти сделано, Алекс обратил свой взор ко мне и понял, что делает Оливия. Он подошел ближе и снова ударил меня по лицу, отчего Оливия начала кричать. Затем он увел ее в другую комнату и снова вернулся ко мне. Я вздохнула с облегчением до тех пор, пока он не сказал мне подержать нож, который вонзил мне в ногу. Я вскрикнула и почувствовала невыносимую боль. Я была на грани отчаянья и обморока и почти потеряла сознание, когда дверь была выбита и в нее вбежали Эмили, Адам и Брайан. Алекс выстрелил мне в раненную ногу, и я скорчилась от боли. Все мое тело горело, и я просто хотела, чтобы это закончилось. Эмили развязывала мне руки, проливая слезы, а все, что я видела, было расплывчатым. Она что-то говорила, но я не могла сосредоточиться на ее словах. Я видела, как Адам бил Алекса и не могла ничего сказать. Я словно молча кричала, но никто меня не слышал. Адам вырвал пистолет из рук Алекса и выстрелил ему в живот. Я попыталась встать, но не смогла, и смотрела, как Алекс не отводил от меня глаз. Адам выстрелил снова, и все было как в замедленной съемке. Я подняла глаза на мужчину своей жизни и не видела его. Адам был диким, злобным и другим. Это был человек, который когда-то сказал мне, что не жалеет о совершенных ранее поступках, и сейчас я верила в это, как никогда.

— Донна, — услышала я Адама.

Я сглотнула, чувствуя во рту вкус крови, и посмотрела на него. Запах крови, который я не смогу забыть. Я призналась себе, что была рада, что он все равно защищал меня, и призналась, что люблю его, несмотря ни на что. Его тело приняло защитную позу, а руки обняли, сильно прижимая к себе.

— Я держу, милая, — приник он на мгновение к моим губам. — Я держу тебя.

Мои пальцы вцепились в его бицепсы, и я не пыталась сдержать слезы отчаянья. Алекс снова причинил мне боль, и, опустив взгляд вниз, я заметила кровь, чувствуя острую боль.

— Я возьму тебя на руки и отвезу в больницу. Ты меня понимаешь?

Я кивнула и уставилась на Адама, когда он сделал то, что сказал.

— Скажи мне что-то, милая.

— Мне больно, — прошептала я.

— Боже, прости меня, — зарычал он. — Я в таком бешенстве, что сейчас сорвусь с катушек.

— Адам, прости меня, — чувствовала я, что вот-вот потеряю сознание.

— Не извиняйся, — бежал Адам, говоря слова, которые я уже не могла разобрать. — Это все я. Ты заслуживаешь лучшего, а не такого отношения, какое я даю тебе. Я стану лучше, обещаю. Ты просто держись.

Я закричала от боли, которая словно сжигала меня изнутри, и не могла контролировать себя. Я думала об Оливии. Даже истекая кровью, я думала лишь о моем ребенке. Так чертовски больно. Но болело у меня не только тело, но и сердце. Пусть я и сильнее многих, но так слаба душевно. Я не могла дышать, и мое сердце чувствовало, что это конец. Я верила в любовь, ведь мне посчастливилось почувствовать ее. Мой крик перерос в истерику, и я не выдержала. Не смогла держать глаза больше открытыми, смотря на лицо человека, которого любила, прежде чем потерять сознание.

«Иногда бури бывают полезны для человека: немного потреплют вашу душу, но и вынесут всю грязь». Эрсин Тезджан.

Я с трудом открыла глаза. Я чувствовала, что моя щека опухла, и глотать было больно. Я хотела встать, но боль прожгла грудную клетку. Затем, я попыталась сосредоточить взгляд на черном пятне передо мной, и спустя несколько секунд смогла рассмотреть человеческую фигуру. Несколько раз моргнув, я уставилась на голубые глаза.

— Донна, — сказал мужской голос. — Все в порядке. Ты потеряла много крови, но все будет в порядке. Пуля не задела кости, — я попыталась ответить, но не смогла вымолвить и слова. — Ты так важна. Прости, что сначала уделил свое внимание ему. Я просто хотел убедиться, что ему будет так же больно, как он сделал тебе. Я говорил, что никогда не дам тебя в обиду, и я не шутил. Я буду читать твои каракули и устраивать тебе романтические ужины. И не потому что сентиментальный, а потому что ты нуждаешься в этом. Если ты сделала новую прическу, решила сменить работу, купила новую рамку для фотографии, приготовила новое блюдо или набрала несколько килограмм, я всегда выслушаю тебя и буду рядом. Тебе это важно, а значит важно и мне.

Мне нравилось слушать его голос. Он был приятный и его лицо было красивым. Я ожидала увидеть маму или Эмили, но не этого человека. Я смотрела на него, всматриваясь в нереально синие глаза, и они говорили столько всего. Этот человек был красивым, и даже чуть великолепным, с головы до пят. Его движения были резкими, но какими-то плавными... чушь. Он словно был ходячей натянутой струной, исполняя соло на собственных нервах. Наши взгляды встретились, и мое тело словно окаменело. Я не могла пошевелиться. Его лицо было суровым, мужественным и одновременно захватывающим.

— Я хочу спросить, — прошептала я, когда он сжал мою руку. — Кто вы?

Что, черт возьми, это значит? Что она имела ввиду? Надеюсь, она пошутила, или это из-за стресса. Донна ведь не может забыть меня. Забыть нас. Я не знаю, как быть человеком в мире, в котором нет Донны.

«Мы плохо верим тому, чему неприятно поверить». Публий Овидий Назон.

— Мистер Майколсон, — вошел врач в палату. — Мы сделали кое-какие анализы, и, кажется, у мисс Картер кратковременная амнезия.

— Что вы имеете ввиду? — повернулся к нему.

— Способность людей к запоминанию событий имеет индивидуальные особенности и зависит от психического состояния человека. Вследствие различных душевных потрясений, эмоциональных стрессов, травм и заболеваний может наступить амнезия.

— Господи, — развязал я галстук, словно это помогло бы мне дышать. — Это я виноват.

— Что вы имеете ввиду, мистер Майколсон?

— Я оставил ее. Она была совсем одна и не смогла защитить себя.

— Знаете, — сказал врач, прежде чем покинуть палату. — В своей жизни я встречал столько больных. Столько манипуляторов и притворщиков, что с точностью могу сказать, виноваты вы или нет. Зигмунд Фрейд говорил, что женщина должна смягчать, а не ослаблять мужчину, но разве смотреть, как твоя любимая женщина тебя не помнит, легко? Она вас ослабила. Но такое ослабило бы каждого мужчину, который отдал сердце другому человеку. Однажды большинство из них попадают к нам на стол и просят о его «ремонте».

Я вышел на улицу, чтобы посмотреть на что-то, кроме лица женщины, с которой я по сути теперь не был знаком. Я искал хоть какой-то знакомый взгляд. Через дорогу был ресторан, и как только я распахнул дверь, увидел сидящих за барной стойкой Эмили и Эбби. Они не разговаривали, а лишь пили то, что было в бокалах перед ними. Казалось, они ощутили мое присутствие и повернули головы. Эмили широко улыбнулась, что в купе с невероятно синими глазами подтвердило то, что она выпила слишком много. Эбби же неуклюже помахала мне рукой.

— Привет, красавчик. Хочешь выпить? — спросила Эмили.

Она говорила слегка нечленораздельно, да и само обращение потрясло меня. Трезвая Эмили, да и вообще никакая Эмили не сказала бы такого любому, кроме Брайана.

— Ты в порядке? — присел я рядом.

Ее плечи затряслись от смеха, а Эбби фыркнула.

— Сколько ты уже выпила?

— Недостаточно. Я все еще в сознании.

— Когда она оказалась в больнице, я вдруг понял, что по-настоящему могу ее потерять. Я понял, как мне не хватало ее голоса и шуточек. И я безумно ее люблю.

— Но ты все равно потерял ее, придурок, — выругалась Эбби. — Потому что не был рядом с ней. Это ты виноват! Только ты! Так что проваливай отсюда!

— Эбс, — прервала ее Эмили.

— Нет, Эм. Он не заслуживает ее. Никогда не заслуживал.

Затем Эбби положила двадцатку на стол и ушла, смотря на меня с презрением. Я сделал глоток виски и написал Брайану, чтобы он приехал за своей женой.

Я уже жил без нее. Тюрьма легче. Жизнь без Донны была самоубийством, хотя тогда я знал, что она, несмотря ни на что, любит меня. Донна не может разлюбить. Даже чертового идиота из прошлого она любила, пусть и по-другому. Я представил свою жизнь в будущем, если женщина, которую я люблю, больше не захочет видеть меня. И черт, я пойму ее. Правда пойму. Я сам не захотел бы себя видеть. Я женюсь, потому, что отец скажет, что пора. Со временем заведем ребенка, потом двоих. Будем пить чай на кухне и смеяться. А ночью... ночью я всегда буду думать о женщине, которая не покинет мое сердце. Я буду думать о ее глазах и о забавном лице, когда она сказала очередную шутку, с которой я смеялся. Секс. Секс с женой отойдет на второй план. Или просто отойдет. Он больше не будет важен. В глубине души я всегда буду принадлежать другой. Буду просыпаться утром, она будет целовать меня на прощание, хотя с Донной я бы просто пил кофе, и пока мы оба собирались бы на работу, обсуждали бы очередной вопрос, который сами себе задали за ночь.

Нет. Я не готов к такому. Меня ломает и выворачивает наизнанку. Она не будет мне принадлежать, но я всегда буду только ее. В мире не существует идеала. Идеальной женщины, идеальной карьеры и идеального мира, в котором ты сможешь жить. Это просто невозможно. Все можно сделать еще лучше, чем есть. Но только если к этому прикладывать усилия. Без отсутствия недоступного ориентира нет стремления к совершенству. Иначе люди будут деградировать. И если Донна не сможет вспомнить меня, значит я заставлю полюбить меня еще раз.

— Я думал, ты будешь ненавидеть меня, — сказал я, не смотря на Эмили.

— Я ненавижу. Только я слишком пьяна сейчас.

— Эмили...

— Нет, Адам. Я всегда буду сестрой Донны Картер. И ее враги всегда будут моими врагами. И сделав из нее щит, ты стал моим врагом.

— Эмили, — ворвался в ресторан Брайан, спустя не больше десяти минут. — Ты в порядке?

— Я тут, Брайан, — обняла она своего мужа за шею. — Ты знаешь, что случилось с Донной?

— Ты мне расскажешь, — поднял он ее на руки. — Поехали домой, милая.

— Ты думаешь, я милая?

— Я думаю, ты прелесть, — поцеловал он ее в лоб и качнул мне головой, прежде чем направиться к выходу.

Есть вещи, которые делают больно. Всегда. Мне делает больно правда. Правда, которую я слышал, и правда, которую понял. Есть люди, которые пойдут на что угодно, чтобы узнать правду, а есть я. Я тот, кто всегда убегает от нее, потому что всегда все порчу. Правда не делает меня счастливым, даже когда я пытаюсь спасти тех, кого люблю. Когда я пытался спасти Донну и держался от нее подальше, именно этим сделал ей больно. А потом произошло это. Она просто не захотела больше помнить ничего, включая свою дочь. Включая семью, которую обрела тут, и несмотря на то, что я всегда становился сильнее, от того, что случалось в моей жизни, это сделало меня слабым. Настолько слабым, что я не могу выдержать. Я одинок. А одиночество выдерживают лишь сильные люди.

Я пришел спустя час снова в больницу, но доктор запретил мне входить в палату и навещать ее минимум до завтра, сказав, что я провоцирую ее, и она нервничает. Я приехал к Брайану, и он впустил меня, смотря на меня со злостью.

— Ты мой друг, — следовал я за ним в кухню. — Но Эмили моя жена, и уж извини, но я

приму ее сторону, чтобы снова ее не потерять.

— Я не виню тебя, — вздохнул я, замечая на диване вещи Оливии. — Где девочка?

— Она спит. Не смей ее трогать. А теперь, если хочешь, комната для гостей твоя, а я пошел спать, — направился он к лестнице. — Постарайся не накосячить.

Судя по тому, что я бросил вызов семье Донны я или храбрый, или глупый. Но если учесть, что теперь моими самыми свирепыми соперниками были Эмили, Стейси и Эбби, я в полной жопе, и храбрость тут не при чем.

Черт, я начал верить в семью, которая не зависит от крови, после знакомства с Донной. После знакомства с ее семьей. Я поверил в судьбу, от которой не уйти, и которая в любом случае настигнет тебя. Все рано или поздно возвращается бумерангом. Чувства сильнее разума, и я никогда не смогу приказать своему сердцу и перестать винить себя во всем, что случилось с Донной. Но я и не могу ее бросить, ведь я чертов эгоист. Донна Картер так глубоко затронула меня, и каждый раз закрывая глаза, я вижу ее глаза. Я чувствую боль. Чувствую ее боль, без какой-либо фальши. И я так хочу услышать ее голос. Такой родной. И хочу, чтобы он снова укутал меня. И лишь когда я закрываю глаза, она снова со мной.

Мне удалось поспать несколько часов, и с самого утра Брайан отвез меня домой, чтобы я переоделся и взял с собой мозги. Я сообщил, что не появлюсь на работе ближайшее время, и также рассказал об Алексее. Меня до сих пор передергивало, когда я вспоминал взгляд Донны, и злость снова отбирала весь здравый смысл. Я решил опустошить ее квартиру и перевезти вещи в новую, которую купил для нас. Я забрал все, что считал для нее важным, и запер это ужасное место, пока владелица сама не захочет его открыть. По пути, когда я возвращался в дом Прайсонов, заехал и купил латте для Эмили и капучино для малышки, которой придется пройти еще одно испытание.

— Обезжиренный латте без сахара, — вошел я в дом без стука, поставив на стол чашку. — Кстати без виски.

— Очень остроумно, Адам, — готовила она завтрак. — Что ты тут делаешь?

— Я считаю, что ты не права, — сел я на диван. — Насчет того, что ты сказала мне вчера.

— Так пересчитай, — фыркнула она. — Что ты тут делаешь?

— Решил, что пора поехать к Донне, — закрыл я на мгновение глаза. — Она хочет видеть тебя.

— А ты хочешь видеть ее, — скрестила она руки на груди. — Не подавляй в себе это, Адам. Ты не один такой, и Донну невозможно не любить, узнав ее по-настоящему. И это больно. Но пережить любую боль можно, лишь прочувствовав ее.

«Встреча двух личностей подобна контакту двух химических веществ: если есть хоть малейшая реакция, изменяются оба элемента». Карл Густав Юнг.

— Где моя дочь?

— Брайан отвез ее в школу, — направилась Эмили в ванную. — Я приму душ, а ты собери сумку с продуктами.

— Ты это говоришь тоном, словно упрекая меня, — начал я делать то, что сказала Эмили.

— Потому что так и есть. Когда вы расстались, я два дня практически не выходила из комнаты. Я пила, спала и плакала. У Донны же не было времени горевать. У нее были дочь и я. Она заботилась о нас и так же готовила еду, и разогревала Оливии молоко перед сном. А что сделал ты?

— Ты хочешь, чтобы я чувствовал себя еще хуже? — злился я. — Зачем?

— Я хочу, чтобы тебе было больно, Адам, — ответила Эмили через дверь. — Потому что ты кретин. И я терплю тебя, только потому что Донна любит тебя.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — повысил я голос. — Да, я не готов был. Я не такой как Донна, и...

— Мне плевать, — вышла Эмили с ванной, одетая в халат и смотря на меня со злостью. — Мне абсолютно плевать, к чему ты готов, а к чему нет. — Эбби была права, ты не заслуживал ее ни одного дня. И если она не захочет тебя больше видеть, я сделаю все, чтобы так и было. Потому что теперь у тебя ровным счетом не осталось никого, кто был бы в твоей команде, кроме Брайана. Ты так и не понял, что ей нужно было. Ей нужен был не экстрим и опасность, как говорил Алекс, а жизнь наполненная красками и эмоциями. Ей нужны были не просто встречи, а каждый раз всплеск эмоций. Ей нужна была любовь, страсть, защита, и каждый раз больше и больше. Она металась, сама не понимая, что с ней не так. Она искала минусы в себе, потому что ты вел себя, как козел. Уже тогда мне нужно было помочь ей бежать подальше, но я не смогла. Отношения должны приносить удовольствие, и не только во время секса!

Каждый раз, когда я смотрел за ними двумя, я не понимал, как такое вообще возможно. Вспоминая поведение Донны, когда Эмили была в коме, и теперь, смотря на те же эмоции, только они словно поменялись ролями. Люди же могут пережить потерю, а эти, с самоудушением, переносят даже отсутствие друг друга на короткое количество времени. И теперь я понял, что с Донной справиться всегда было проще. Донна редко была по самому больному, в то время, как Эмили делала это постоянно.

— Я понимаю, Эм, — вздохнул я, смотря на нее. — Иногда я сам с собой не хочу общаться.

— Не дави на жалость, Адам, — пошла она, судя по всему, одеваться. — Потому что к тебе я ее не чувствую.

Эмили оделась, а я взял пакеты, положив их на заднее сидение своей машины. Эмили не поехала вместе со мной, а последовала на своем мустанге, немного отставая по пути. Когда мы припарковались, она хлопнула дверью машины и направилась в палату.

— Донна не должна знать, как я отношусь к тебе, — сказала она, прежде чем войти.

Мне нужна была груша. Или пистолет. Просто любым способом выпустить пар. Вот поэтому я и не уйду из ФБР. Периодически мне нужно срываться, иначе я буду делать это на людях, которые мне дороги.

— Донна, ты не помнишь ничего, что с тобой произошло, пока ты не поступила в колледж, — держала Эмили руки Донны в своих ладонях.

— Эмили, мать его, — выругался я.

— Нет, мне нужно было узнать, — прошептала Донна, не смотря на меня. — Я знала, что со мной что-то не так.

В голосе Донны была только пустота, и я ненавидел это. Я предпочел бы этому что угодно. Ее слезы, или даже крик. Она закрылась, и не только от меня. Донна в одно мгновение закрылась ото всех. Я хотел защитить ее от боли и держать подальше от любой правды.

Я наблюдал за ней и Эмили. Эмили говорила с ней, а я не мог отвести взгляд от женщины, которая совсем недавно была согласна выйти за меня замуж. Я был куском дерьма. Донна хотела забыть все. Ее память хотела забыть и начать все с начала. Научиться

заново водить машину. А она так любила свою машину раньше. Я буду тем, кто научит ее заново получать удовольствие от езды, и буду рядом, когда Донна будет улыбаться, смотря на дорогу. Я не хочу вызывать у нее плохих воспоминаний. Не тогда, когда каждая минута с ней была моим самым любимым воспоминанием.

— Это был достаточно редкий союз, наверное, — засмеялась Эмили. — У вас у обоих огромная сила воли, и ваши цели находились далеко друг от друга. Ты независима и настроена решать мировые вопросы, в то время как Адама куда больше интересуют проблемы насущные. Впрочем, несмотря на это, вас объединяла любовь, — Эмили обернулась и посмотрела на меня, подмигнув. — И судя по всему, отличная сексуальная совместимость.

Донна смотрела на меня пустым взглядом, и это убивало. Я расстегнул пиджак и думал, что должен сделать, чтобы она захотела вспомнить. Чувство ожидания, оно отвратительно. Ты ждешь кого-то или что-то, что по твоему мнению должно произойти. Но в конце концов, наверное, в этом нет смысла. Искать новые пути и возможности трудно. Но какой смысл надеяться, если можно придумать другой план. Как всегда говорит мой отец: «Ждать — это удел ленивых».

— Почему я любила тебя? — спросила меня Донна, и я подошел к ней, сядя рядом.

— Просто я идеальный образец мужчины, — поцеловал ее ладонь. — И ты слишком моя.

— Мне пора, — прервала меня Эмили. — Я приду вечером, милая, — поцеловала она Донну в лоб. — Люблю тебя.

— Давно пора тебе уйти, — не отводил я глаз от моей женщины.

— Я почти уходила, но запнулась об тебя, — ответила Эмили, и через мгновение дверь в палату открылась и закрылась.

— Нет, правда, — нахмурилась Донна, забирая свою руку. — Почему я любила тебя, но не захотела вспомнить?

С настоящей потерей сталкиваешься только тогда, когда теряешь кого-то, кого любишь больше всего на свете. Мы никому ничем не обязаны с самого рождения. За исключением себя. Это факт. Его невозможно оспорить. Но дело в том, что мы хотим быть обязаны. Мы ожидаем лишь того, кому захотим быть верными и перед кем сможем быть слабыми. Кто мы? Кто такие мы с Донной? Не знаю, что я могу сделать для нее, ведь я никогда не был рядом, когда был нужен этой женщине.

— Не знаю на самом деле, — вздохнул я. — Просто мы встретились, хоть и были из разных миров. И мы так не понимали сначала друг друга, но все меняется. Жизнь меняется, и в один момент мы начали обсуждать все. Мы говорили о высоком искусстве и политике. Истории и книгах. О лазанье и хорошей школе для Оливии.

— Не говори мне сейчас об этом, — прервала меня Донна. — Я не помню своего ребенка, и мне интересно, почему я лежу тут, раз ты так любил меня?

— Все изменилось, когда я начал узнавать твое прошлое, которое ты мне рассказала, — поднялся я с места. — Сначала ты не сказала об Оливии, хотя мы уже были вместе. И малышка, когда я увидел ее впервые, выглядела такой маленькой и невинной. Она была совсем не испорченной жизнью и такой похожей на тебя. Я хотел поладить с ней, и в конце концов, у меня вышло. Все твое внимание было сосредоточено на ней, и это было так эгоистично, что я ревновал тебя к твоему же ребенку.

— Меня это не беспокоило?

— Беспокоило, — усмехнулся я. — Но ты никогда не подавала виду.

— Я не помню тебя, Адам, — взяла она стакан воды с тумбы, делая глоток. — И я ничего к тебе не чувствую.

Мою грудь сдавило, и во мне бушевали такие эмоции, из-за которых я не мог даже вздохнуть. Я быстрыми шагами приблизился к Донне и обнял ее, легко прижимая к себе, чтобы не сделать больно. Мое сердце стучало так быстро, и я боялся, что оно выпрыгнет, если я просто не обниму ее.

— Адам, — оттолкнула меня Донна, и я еще сильнее прижал ее к себе. — Адам, не надо.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — выругался я, отходя от нее. — Что? Я в отчаянии.

— Я хочу, чтобы ты ушел и дал мне возможность отдохнуть. Я только третий день в больнице, и у меня до сих пор швы, помнишь?

— Можно, я приду вечером или завтра? Пожалуйста?

— Не надо, — отрицательно покачала она головой.

— Как мне связаться с тобой?

— Лучше не связывайся.

Мы шли через улицу, направляясь к Прайсонам, после того, как я забрал Оливию со школы. Перед этим заехали в детский магазин и купили все, что Оливия хотела, в том числе и одежду. Я не хотел, чтобы она возвращалась в ту квартиру. Никогда. Что, если Донна не вспомнит? Никогда? Если она не вспомнит чувств, которые у нас были. Тогда, я должен заслужить их заново. Ведь я знаю женщин. Они начинают свою любовь со списка требований и галочек рядом с выполненными нами заданиями. Да, мужчина должен иметь определенные качества, наверное, как и женщина. Но, я не знаю, какая на самом деле должна быть идеальная женщина, и Донна точно не должна быть идеальной. И уж точно мне не нужно, чтобы она была лучше всех или пыталась ею быть. Донна — просто женщина, которую хочется любить.

— Эмили, нам нужно ей рассказать об Оливии все. Рассказать о нас, и...

— Нет, — перебила она меня, смотря на меня со злостью. — Если ты не хочешь сейчас смотреть за Оливией, это буду делать я, но не смей ей ничего говорить.

— Кто она тогда?

— Она та, которую она бы хотела, чтобы ты узнал. Она еще без шрамов и без постоянного чувства вины перед самой жизнью. Если ты понравишься той Донне, которую знала я, значит, мы расскажем ей.

— Но ты не можешь выбирать за нее.

— Нет, Адам, — повысила она голос, хватая меня за рубашку. — Но и ты не можешь. Ты не знаешь, сколько боли она пережила, постоянно чувствуя ее. Она плакала, а потом, чтобы не помнить всего, пила. Очень много пила, и закрылась. Она отдала свою дочь. Ты хоть представляешь, что она пережила? — плакала Эмили, и я обнял ее, подвинув к себе. — Дай ей столько, сколько хочет ее мозг. Дай ей немного пожить, — сорвался ее голос. — Пожалуйста, дай ей пожить.

Я так и сделал. Я занимался нашим ребенком и обустроивал новый дом. Оливия посещала занятия, и я научил ее ездить верхом. Она не спрашивала о Донне всю неделю, и спустя это время я не выдержал и приехал в больницу. Я ждал в коридоре, пока в палате были ее подруги. Оливия была с Максом, который теперь был нашей правой рукой. Они с Эмили так похожи. Эмили защищает всех, а Макс защищает ее, однажды предупредив меня,

что если я попытаюсь сделать ей больно, то он будет мстить. Я понимаю, что он не сможет ничего сделать, но в любом случае я качнул головой после того, как молча выслушал его тираду.

Дверь в палату открылась, и оттуда вышла Эбби, говоря с кем-то по телефону. Она стрельнула в меня злым взглядом, и мне это не нравилось. Да, в том, что случилось, была часть моей вины, но полностью виноватым делала меня только Эбби. Я теперь видел всю злость и ненависть в ее проявлении, понимая почему те, кто знал Эбби, не злили ее. Девушка закончила разговор и повернулась ко мне.

— Итак, — стала она напротив меня. — Если ты расскажешь ей о том, что она отдала Оливию, я сама перережу тебе глотку.

— Слушай, в этом есть моя вина, но я не понимаю, почему ты считаешь, что я виноват во всем, — нахмурился я, смотря на нее.

— Ты помнишь один из ваших разговоров с Донной? — теперь смотрела она на меня с разочарованием. — Когда Донна просила тебя оставить эту работу, а ты ответил, что любишь то, чем занимаешься?

— Она спросила, люблю ли я работу больше, чем ее.

— Нет, — села Эбби рядом со мной. — Еще она спросила о семье, друзьях и дочери, — и я начал вспоминать, чувствуя ненависть к себе. — Ты вспомнил?

— Да, — сказал я тихо. — Я ответил Донне, что Оливия не моя дочь. И также сказал, что и не ее, ведь Оливия даже не знает, что Донна родила ее. Откуда ты это знаешь?

— Я сидела в другой комнате и делала музыку громче, чтобы твои слова не услышала Оливия, — поднялась Эбби с места. — Уже тогда я ненавидела тебя.

— Когда я попытался подойти к ней, чтобы успокоить, она взяла нож и порезала им кожу на ладони, говоря, что, если я сделаю хотя бы шаг, она порежет себя еще.

— Я никогда тебя не прощу за ее боль. Ты вел себя очень часто как кусок дерьма, а она все равно, глупая, продолжала тебя любить.

— Ты считаешь, что она не должна была любить меня?

— Я бы никогда не любила.

Они не хотели меня видеть. Донна не хотела меня видеть, и я, просидев еще часа три возле палаты, ушел домой. Оливия делала уроки, и как только я открыл дверь квартиры, она выбежала в коридор и сильно обняла меня за шею.

— Привет, малышка, — улыбнулся я. — Как ты?

— Я делала чай, — ответила она. — Донна... — запнулась Оливия. — Мама, она научила готовить меня сладкий чай.

— Хочешь поговорить об этом? — взял я ее на руки, направляясь в кухню. — Я могу выслушать тебя, если тебе это нужно.

— Я просто сначала была обижена, — посадил я ее на барную стойку, открывая холодильник. — А потом начала злиться. Как она могла бросить меня, а потом еще и врать?

— Она думала, что защищает тебя, Лив, — начал нарезать я овощи для салата. — Но Донне всегда любовь давалась тяжелее, чем остальным. И она любит тебя. Твоя мать была уверена, что защищает тебя, и такая уж она есть.

— Но ты любишь ее.

— Больше всего на свете. А теперь, маленькая леди, — улыбнулся я ей. — Дай мне попробовать свой чай.

Оливия прыгнула на стул, а затем на пол, направляясь к холодильнику. Она наполнила

стакан чаем из пластикового кувшина и дала мне попробовать.

— Давай, пробуй, — сказала она, передавая мне стакан с волнением во взгляде.

Это было вкусно, но мне было недостаточно сахара. Донна так же всегда не добавляла достаточно сахара. Но даже если был этот чай на вкус был бы как дерьмо, я не сказал бы об этом моей девочке. Она смотрела на меня с таким волнением, и я так давно не видел этого взгляда. И пусть я был эгоистом, но мне нужно было просто смотреть в эти любимые глаза. Я выпил весь стакан так быстро, словно это было самое вкусное, что я когда-либо заглывал. Я поставил стакан на столешницу и улыбнулся во весь рот.

— Ты потрясающая, девочка, — поднял я ее на руки, закружив. — И ты сделала лучший чай, который я когда-либо пробовал.

— Спасибо, — поцеловала она меня в щеку. — Почему у тебя нет штор?

— Мне нравятся стеклянные двери, окна до пола, через которые можно смотреть на террасу, и отсутствие штор.

— Отпусти меня, — сказала Оливия. — Я хочу увидеть Донну.

— Милая, — присел я перед ней. — Твоя мама сейчас переживает трудные времена, и она...

— Она не хочет меня видеть?

— Нет, милая, — притянул я ее в свои объятия. — Она любит и хочет видеть тебя. Просто она плохо себя чувствует и не хочет, чтобы ты такой ее видела.

Боже, как я ненавижу вранье. Особенно врать моей девочке. Она смотрела на меня с таким доверием, и мне было плевать, кто был ее биологическим отцом. Она была моей, и теперь Оливия всегда будет лишь моей дочерью. Я оставлю эту работу, если Донна скажет мне об этом, и посвящу свою жизнь лишь им двоим.

Я сделал салат, фри и поджарил курятину с ананасами. Мы поужинали, и я рассказывал ей о моментах из своего детства и своей семье. Она улыбалась, но улыбка была натянутой, и я решил, что пора ей пойти спать. Я читал ей Хемингуэя, и вскоре, когда Оливия уснула, я поцеловал ее в лоб и закрыл дверь в спальню.

Мне всегда нравился запах свежего воздуха и ночи. Я вышел на террасу и прикурил сигарету, делая первую затяжку. Не было людей, и умиротворяющая тишина дарила мне наслаждение.

«У всех мужчин один недостаток — они не умеют гордиться своей женщиной». Тиль Швайгер.

Моя необходимость обезопасить Донну и защитить ее переросла на новый уровень. Она теперь была не просто матерью ребенка, которого я любил, она была женщиной, без которой моя жизнь не имела смысла. Она была моей. Я не хотел, чтобы она просыпалась без меня. Если есть хоть один гребаный шанс, что она снова полюбит меня, то я в лепешку расшибусь, но воспользуюсь им. Я одержим этой женщиной. До нее я никогда никем не был одержим. И после нескольких лет борьбы с собой раньше, я просто сдался и позволил себе чувствовать, и погиб. При первом взгляде на нее, чувствовал, что она сжимала мое сердце в своих ладонях, и я был этому рад.

«Вселенная постоянно вынуждает тебя что-то отпускать. Даже если ты не пожелаешь отпустить что-то, чему пора уходить, у тебя это все равно отнимут. И порой очень грубо. Научись отпускать то, что уже и так ушло». Чак Хиллиг.

С утра меня вызвали на новое дело, и я, откровенно говоря, был этому рад. Когда я приехал, увидел во дворе несколько полицейских, скорую и машину моего бывшего

напарника. Журналистов держала местная полиция, и меня пропустили, когда я показал им значок.

— Что случилось? — спросил я у одного из них.

— Похищение ребенка. Это уже пятый ребенок подряд.

Я последовал дальше, и когда оказался в гостиной, увидел женщину и мужчину сидящих на диване, которые рассказывали что-то полиции.

— Вас нужно перевести в безопасное место, — сказал я, смотря на женщину.

— Я не уеду, — закричала она.

— Вы с ума сошли? В городе психопат, который оставляет за собой дурацкие записки и отсутствие детей, а вы решили остаться дома?

— Она моя дочь, детектив!

— Я не детектив, — повернулся я к камину, остановив свой взгляд.

Я смотрел на фотографию девочки, и видел мою малышку. И теперь она совсем одна. Ее мать ее не помнит. Женщина, которую я люблю, меня не помнит. Донна просто отказалась от настоящего. Она отказалась от прошлого, считая это ненужным. Отказалась от любви, дочери, знакомств, любимых туфель и даже планов на жизнь.

— У меня такого же возраста дочь, — сказал я тихо, когда все покинули комнату.

— У тебя есть дочь? — спросил мой бывший напарник, записывая что-то в своем блокноте.

— Есть, — посмотрел на него со злостью. — И я сделаю все, чтобы спасти эту девочку.

— Верно, тебе ведь нужно совершенствоваться, Адам.

— Я твое лицо сейчас своим кулаком усовершенствую.

— Я помогу тебе, — услышал я голос Брайана. — Вышли мне все материалы дела, Вильямс, — перевел он взгляд на меня. — А ты едешь со мной.

Вильямс качнул головой и вышел из комнаты. Я перевел взгляд на Брайана и смотрел на него, молча задавая вопрос.

— Я слышал об этих убийствах. И так уж вышло, что у меня есть офис, в котором точно нет прослушки и множество народу, в отличии от казино.

— Очень остроумно, Брайан.

— С тех материалов, которые есть у меня, нет ничего остроумного, — последовали мы к машине.

— Из материалов? — завел я мотор машины. — Ты ведешь свое собственное расследование?

— Ты же не думал, что я буду стоять в стороне. И моей жене ни слова.

Конфуций предупреждал, что, встав на путь мести, нужно готовить две могилы. Но за что мстит человек, похищая детей? Или в чем смысл? Но объяснение всегда будет самым банальным. Ничего нельзя утаить, и информацию в том числе.

Я в своей жизни столько раз встречался лицом к лицу со смертью, что уже научился различать все возможные оттенки красного. Это не вызывает смеха на самом деле. И также я не горжусь этим. Но я горжусь умением отбирать людей, и вряд ли чем-то меня еще можно удивить.

— Это жутковато, — направлялись мы уже в кабинет Брайана. — И безумно. Каждый раз он оставляет после себя лишь красные следы, а что они значат?

— Военные, — ответил я.

— Правильно. Этот псих военный. Но еще я узнал, что он делает это по заказу.

— Но я готов поспорить, что он совсем не раскаивается.

— А теперь отведем десять секунд на твои отношения с Донной.

— Не сейчас, — перебил я его.

— Сейчас, — открыл он бар, доставая бутылку воды. — Ты пропадаешь на несколько дней в надежде, что она заскучает за тобой? Она и так тебя не помнит, неужели ты думаешь, что если ты не будешь появляться, то она вспомнит хотя бы твое имя через неделю?

— Что ты хочешь, Брайан? — разозлился я. — Она не хочет меня.

— Да. Но сейчас у тебя есть дочь. А что будет, когда Донну выпишут, и она заберет Оливию? Что у тебя останется?

— Знаешь, только три человека могут отвлечь меня от работы, и Донна — одна из них. Раньше этого не мог сделать никто, и я за это ее искренне ненавижу, как и тебя.

Я вышел из кабинета и, сев в машину, завел мотор, чтобы просто куда-то двигаться. В конце концов что-то привело меня в больницу. Какое-то время я колебался, но все же вошел в палату и увидел, что Донна спит. Я сразу вспомнил момент, когда однажды поздно пришел домой и, войдя в спальню, увидел спящих ее и Оливию. Я хотел поцеловать их, но тогда они оба начали бы кричать, если бы я разбудил. Я улыбнулся и сел рядом с Донной, смотря на нее.

— Мне стыдно, — прошептал я. — Говорят, если все сделать правильно, тогда тебе не должно быть стыдно. Обижаться так же глупо, даже на собственный разум, ведь стыдом я лишь замещаю это чувство.

— Не знаю, как я тебя любила, если ты все время так говоришь, — открыла она глаза. — И ты разбудил меня.

— Привет, — улыбнулся я. — Прости, просто хотел тебя увидеть.

— Кем ты работаешь?

— Я агент ФБР, Донна. И ты это ненавидела.

— Потому что ты вел себя со мной, как агент ФБР?

— Нет, — протянул я ей руку. — Иди сюда.

— Что ты хочешь сделать? — смотрела она в замешательстве.

— Пошли к окну.

Донна вложила свою ладонь в мою руку, и я поднял ее на руки, чтобы она не чувствовала боли.

— Смотри, — посадил я ее на подоконник. — Внизу ресторан.

— Спасибо, — закатила глаза Донна. — Без этой информации я бы не смогла уснуть сегодня.

— На самом деле, — убрал я выбившую прядь ее волос с лица. — Я никогда не показывал этой моей стороны. Смотри, — качнул головой в сторону улицы. — За столом сидит пара. У мужчины слишком дешевый костюм, а это один из самых дорогих ресторанов. Он все время проверяет внутренний карман и вскоре сделает предложение девушке, на которое та определенно ответит да.

— С чего ты взял?

— Смотри дальше.

Донна так и сделала, и вскоре убедилась, что я был прав. А я смотрел лишь на нее. Она снова была в моих руках, и я держал ее за талию просто для того, чтобы касаться такого родного тела хотя бы минуту.

— А ты молодец, — усмехнулась она.

— Да, — взял я снова ее на руки, положив на больничную кровать. — Но ты никогда этого не видела. Мы говорили о важном, и этого было достаточно.

— Я хочу спать, — укрылась она одеялом.

— Конечно, — поцеловал я ее в лоб и направился к двери. — Фантазируй, Донна. Нет ничего прекрасней фантазий, посещающих твой потрясающий разум.

Сегодня у меня впервые было хорошее настроение, и я возвращался домой с улыбкой на лице.

«У нее была собственная философия счастья. Самая простая и истинная. Для нее счастьем было отсутствие несчастья». Януш Леон Вишневский.

Господи, я люблю такую потрясающую женщину, и я чертовски счастливый и удачливый человек. Ведь она любила меня, пусть и однажды. После работы я снова поехал к Донне с жизненной необходимостью ее увидеть. На следующее утро позвонил Эмили, чтоб она приехала, а сам направился в больницу.

— Привет, — вошел я в палату, держа в руках пакет с едой. — Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответила Донна, поднимая глаза от книги. — Завтра меня выписывают.

— Я заберу тебя.

— Нет, — нахмурилась она. — Я буду жить у Эмили. Пока что.

— Ты хочешь вспомнить? — сел я возле нее. — Хочешь?

— Я хочу вспомнить свою дочь, — навернулись слезы на ее глаза. — Но я не могу вспомнить ее, и забыть то, почему попала сюда.

— Я могу тебе рассказать.

— Нет, я не хочу. Точнее, я хочу, но...

— Один умный человек сказал: «Ты целый день ходишь, работаешь, думаешь, видишь, слышишь и ешь, — не дал я ей договорить. — Все части твоего тела работают на тебя и помогают тебе делать то или другое дело. А ночью, когда ты спишь, они отдыхают. Все они находятся в спокойствии. Но есть одна часть тела, которая работает на тебя круглосуточно, без отдыха. Это твое сердце. Поэтому, когда твое сердце что-либо просит, не обижай его и подари ему то, что оно хочет.

— Это несправедливо, Адам, — не сдержалась она и начала плакать. — Никогда не думала, что в тридцать лет у меня будет такая паршивая жизнь. Дочь, которую я не вспомню. Я не замужем, и мать, которая даже не приехала, когда ей позвонила Эмили.

— Слушай, — притянул я ее в свои объятия. — Не опускай руки. Не смей. Даже не думай об этом, ведь потом ты себе этого не простишь.

От каждой женщины пахнет по-разному. От многих пахнет цветами и сладким. От остальных — сексом и желанием. Но от Донны пахло любовью. Это читалось во всем: в одежде, которую она носила, во взгляде, который дарила только мне. В словах, жестах и походке. Оставаясь с ней наедине, каждый раз со мной что-то происходило, и я не мог дышать. Все тело находилось в напряжении, но в то же время оно чувствовало то же, когда она уходила. Не хотеть ее было невозможно. Всегда. Она пробуждала все в моем теле. Даже то, о чем я не подозревал. Ей было невозможно противостоять. Она как ураган. Как буря и волна, все смывающая на своем пути. Донна непредсказуема и так умна. Она всегда сочетала в себе женскую инфантильность, дикую сексуальность и детскую непосредственность.

— Самое большое преступление — страх, — взял я ее лицо в ладони. — Не позволяй страху стать твоим препятствием. И тебе нужно простить себя. Это самый красивый поступок. Не будет выгоды никому от того, что ты будешь злиться или ненавидеть себя.

— Что ты всегда делал по отношению ко мне? — уловил я проблеск ее улыбки.

— Я всегда открывал тебе дверь, — достал я пиццу, отдавая ей тарелку.

— Ты серьезно? — усмехнулась она.

— Даже когда был зол, и ты ненавидела меня, я всегда открывал тебе дверь, и ты позволяла мне это делать.

— Эмили говорила, что мы, кажется, ладили, — вытерла она рот ладонью. — И довольно неплохо.

Я смотрел на ее улыбку, и все становилось на свои места. Она была женщиной, которых я видел каждый день по несколько раз, но все же Донна была особенной. Есть у каждого особенные люди. Люди, которые вне конкуренции. Они родные по-особенному. Они важны. Донна может кричать и оскорблять меня, но это ничего не изменит. Все ее недостатки особенные. И она всегда остается особенной.

— Знаешь, у Эмили есть раздражающая привычка, Ди, — дал я ей еще один кусочек. — Она всегда права. И каждый раз, когда она открывает рот, трудно сохранить чувство собственного достоинства.

— Это правда, — засмеялась она наконец. — Но знаешь, — перевела взгляд куда-то в даль. — В жизни есть справедливость. В итоге каждый получает то, что заслужил. Все мы отвечаем рано или поздно за свои грехи. И если я забыла всех, кого любила, значит я тоже за что-то плачу.

— Да, но все страдания также вознаграждаются в один прекрасный день.

— Но потом бумеранг ебнет тебя с такой силой, что ты будешь в полной жопе, — я промолчал, и она снова перевела она свой взгляд на меня. — Думаешь, я подхожу тебе такой? Такой, которая не помнит ничего?

— Будь ты сама по себе другой, я бы никогда тебя не полюбил.

Я поцеловал ее в губы и прижал к себе, когда она доела пиццу. Донна не таяла больше в моих объятьях, как прежде, но и не была напряжена, как несколько дней назад. Она позволяла мне касаться ее, но держалась на расстоянии. Я обнял ее обеими руками и уткнулся ей в шею, вдыхая ее запах. Я был помешан на этой женщине. Даже нет, я пристрастился к ней. Она превзошла все возможные придуманные миром пристрастия, и я был полностью охвачен. Я сделаю все, что угодно, ради этой женщины. Я оставлю весь мир, просто чтобы держать ее в своих руках.

«Встречаешь сотни людей, и никто из них не трогает, а потом кто-то один меняет всю твою жизнь. Навсегда». Джейми Рэйди.

— Какой ты меня знал, Адам?

— Ты была той, которая не любила подчиняться, — усмехнулся я. — Ты не терпела унижений и приказов.

— Я хотела равноправия?

— Нет. Ты сама не знала, чего хотела, но ты не шла на поводу и подчинялась только тогда, когда сама этого хотела.

— Я выписываюсь и буду жить у Эмили, — сказала она тихо. — Я благодарна тебе, Адам. За все.

— Донна, не отталкивай меня снова, — взял я ее руки в свои ладони. — Пожалуйста.

— Я не отталкиваю тебя, Адам. Я тебя просто не знаю. И ты не знаешь меня, потому что то, что я помню о себе, так это совсем не то, что помнишь ты. Я была доброй и веселой и всегда позволяла помогать себе. Но то, что случилось со мной, говорит о том, что я обречена

на жизнь с несчастьями. Потому что я больше никогда не вспомню ничего, что причиняло мне боль. Возможно, ты хороший человек, но дело в том, что, если ты не со мной, значит, ты ушел. Или дал мне уйти. Зачем ты мне? Зачем я тебе? Если ты любишь, значит делаешь это, несмотря ни на что.

— Донна...

— Нет, Адам. Мы не знакомы. И если у нас все было так сложно, не знаю, стоит ли ставить зеркала в квартире.

— Что ты имеешь ввиду?

— А зачем видеть тело без души?

Томпсон писал: «Это ненадолго. Надолго ничего не бывает. Но сейчас я счастлива».

Я проснулась с самого утра и улыбнулась солнцу, пробивающемуся в окно. Повернув голову, остановила взор на тумбе, на которой стояла красная роза в прозрачном куполе небольших размеров. Эта роза была словно из сказки «Красавица и чудовище». Еще лежала записка, и когда я потянулась и развернула лист бумаги, начала понимать, почему именно Адама ранее выбрало мое сердце.

«Боль — это часть жизни, Донна. Мы должны ее чувствовать. Она делает тебя не только сильнее и мудрее, но еще помогает понять, что на самом деле, несмотря ни на что, жизнь меняется, но все же движется дальше. Не нужно жалеть и изводить себя, милая. В каждом из нас свое сумасшествие. И ты... Донна, ты такая сумасшедшая. У нас всегда было так много мыслей, и ты чаще, чем я, не знала, как их выразить словами. Ты бы быстрее их станцевала что ли, на что я всегда мысленно улыбался. Ты научила меня сочетать крайности. После встречи с тобой я узнал, как действует наркотик. Моё привыкание к тебе началось с самого первого раза, с самой первой твоей улыбки, с первых твоих объятий. Самая первая доза была обречением. Твоя улыбка и твое сердцебиение. Наверное, именно это я и любил больше всего. Мне тебя всегда было мало. Мы с тобой идеально понимали друг друга, потому что чувствовали то же самое. Людям нужно, чтобы их любили. Но мне нужна ты, Донна. Мне нужно, чтобы именно ты любила меня. Твое чудовище».

Я была одета в больничную одежду, и мне не терпелось вернуться домой. Хотя в чей-либо. Я выпила таблетки, лежащие на тумбе, и направилась в душевую. Сняв с себя рубашку и переступив ее, я включила воду. Пар наполнил ванную, и я оставалась под душем так долго, что мои пальцы начали морщиться. Покинув душевую, я вытерла волосы, надела легкое платье, чтобы не задеть еще не до конца зажившую рану, и, убрав вещи в сумку, снова взглянула на подарок Адама.

Теперь было так тихо. Почти ни звука. Порой я ходила ночью по коридорам и слышала тихие голоса из палаты. Когда Адам приходил ко мне последние несколько дней, мне нравилось слушать его. Слушать его голос и смех. Он говорил, что будет помогать мне, но я не ожидала, что он будет столько времени проводить вместе со мной, несмотря на то, что я отвергаю его. Он делал это, и мне нравилось, что бы я не говорила. Хотя нет, вру. Мне это не просто нравилось. Я планировала свой день вокруг этих встреч.

— Привет, милая, — открылась дверь в палату, и я увидела своих подруг. — Ты уже собралась?

— Да, — обернулась я, смотря на них. — У меня вопрос.

— Слушаю, — усмехнулась Стейси, поглаживая свой живот.

— Эмили, почему мои отношения с матерью так испортились?

— Ди, — покачала она головой, пряча телефон в карман. — Зачем тебе это?

— Я не помню никакой боли. Не помню своего ребенка. Не помню мужчину, который говорит, что мы любили друг друга до безумия. Не помню ничего с момента, как поступила в колледж, — обвела я каждую подругу взглядом. — Я не помню даже вас. Никого, кроме Эмили, хотя вы моя семья. Моя мать не приехала, когда узнала, что меня подстрелили. И я счастлива просыпаться, ничего не чувствуя. Не чувствуя все то, что мой мозг хотел забыть.

Но я должна знать о вас, о своем ребенке и матери. Если я не вспомню Адама, значит так тому и быть, но моя девочка и эта женщина — моя кровь. А кровь — это не только боль, это семья.

— Хорошо, — сказала Эбби. — Мы должны все рассказать, потому что я тоже хотела бы, чтобы мне рассказали.

— Но давайте сначала приедем домой, — добавила Долорес.

— И купим бутылку вина, — усмехнулась Ева. — Ну и сок, — подмигнула она Стейси.

«Уникальность всегда идет рука об руку с одиночеством». Джефф Нун.

Я не хотела разговаривать или пить. Я не знала этих людей, и мне, откровенно говоря, было не комфортно. Так что я прилегла на кровать Эмили и смотрела в потолок. Я не могла понять, почему они все молчали. С одной стороны, чем меньше ты знаешь, тем легче тобою управлять, но какая выгода им держать меня в неведении? Людей не всегда обедняет кровь, мировоззрение и общие вкусы. Порой это одинаковые пороки и желание сбежать. И это, я думаю, держит их гораздо прочнее, чем что-либо.

— Ты собираешься остаться тут навсегда? — спросила Эмили, войдя в комнату.

— Да, — не смотрела я на нее. — До вечера так уж точно.

— Тогда подвинься, — пристроилась она рядом. — Знаешь, я слышу твои мысли, и скажу, что хуже неудобных туфель могут быть только сопливые мужчины.

— Ты счастлива со своим мужем?

— Да, — увидела я ее улыбку. — Я — та, ради которой он пойдет на все.

— Судя по всему, мне тоже нужно найти того, кто полюбит меня.

— Ты уже нашла, Ди. И прямо сейчас он любит тебя и твою дочь больше всего на свете.

Я всегда любила ночной город, и когда все уснули у Эмили, я надела куртку и пошла гулять по городу. Я понятия не имела, куда иду и где окажусь в конечном итоге, но знала, что мне нужно просто двигаться. Я шла какое-то время, пока не села на скамью, наблюдая за течением реки. Улицы были пусты, и был слышен лишь отдаленный смех каких-то подростков.

Есть чувства, которые причиняют дискомфорт, боль и даже вредят жизни. Они разрушают отношения, внутренний комфорт, уверенность и мотивацию к поступкам. В мире нет ничего идеального. Это попросту невозможно. Но жизнь находит множество способов помочь нам в самоисследовании и стремлению к счастью. И один из них — мужчина.

Интернет. Очень интересная вещь. Там есть имена, адреса и самое главное — навигация. Я вышла на дорогу и словила такси, говоря адрес дома, в котором раньше бывала, наверное, множество раз. Приехав на место, расплатилась с водителем и быстрым шагом направилась в дом. Спустя несколько минут я уже выходила из лифта, нажимая на дверной звонок несколько раз. Адам открыл дверь, явно прерванный ото сна, и уставился на меня в непонимании.

— Где моя дочь?

— Донна, — покачал он головой.

— Я хочу видеть свою дочь, — оттолкнула я его, входя в квартиру, и осматриваясь.

Я открывала двери комнат, которых было не мало, и как только собиралась кричать, из комнаты вышла девочка.

— Оливия, — прошептала я тихо. — Привет.

— Привет, — чуть смутилась она. — Ты помнишь меня?

— Нет, — почувствовала я подступающие слезы, подходя к ней. — Но ты мой ребенок. Я

это чувствую, — присела я на колени, держа малышку за талию. — Я столько всего, наверное, хотела бы тебе сказать, но я не помню того, что сделала. Но ты моя дочь, Оливия. У тебя мои глаза, и я так тебя люблю. Я не помню этой любви, но чувствую ее. Я хочу, чтобы ты жила со мной. Я хочу гулять с тобой, делать уроки и просто быть рядом. Я хочу смеяться с тобой и греть молоко вечером. Просто кажется, когда ушел весь мир, у меня осталась лишь любовь к тебе, и больше я не позволю чему-либо отнять тебя у меня. Только позволь любить тебя. Потому что я, твоя мама, очень люблю тебя, — она прильнула в мои объятия, сильно сжимая меня своими маленькими ручками. — Я очень люблю тебя.

Эта девочка заставляла любить себя каждой клеточкой своего тела. Я хотела чувствовать ее запах, присущий только ей одной. Слышать ее смех. Я хотела начинать и заканчивать свой день этим ребенком. Я все сделаю для нее. Та Донна, которую я помню, всегда делала все ради людей, которых любила.

Когда я снова взглянула на Адама, поняла, что, должно быть, он оделся для фотосессии. Он выглядел потрясающе и пах также потрясающе. В его глазах скрывалось столько тайн. И еще он был слегка небритый. Хотя зачем бриться, если ты и так выглядишь как бог?

— Мам, — сказала Оливия. — Я пойду спать.

— Иди, моя девочка, — поцеловала я ее в щеку, вытирая слезы. — Спокойной ночи.

Я снова взглянула на Адама, и он смотрел на меня, словно по моим движениям мог увидеть мои мысли. Я действительно верила, что могла любить этого человека. Судя по тому, что я слышала о себе, я стала совсем не той девушкой, которую я помню. Я стала сложной и молчаливой, и выбору мужчин, с которыми за эти года я была вместе, можно «позавидовать». Я не гналась за штампом в паспорте, хотя уже имела дочь. Адам, судя по всему, сильнее меня. Сильнее той, другой меня, и может быть, именно поэтому я и полюбила его? Я стала достаточно умной, чтобы не делать над собой усилия и не принимать любого мужчину, который имел бы хорошие манеры. Зачастую общество не принимает женщин-одиночек и еще меньше — матерей-одиночек, не принимая во внимание, что именно это заставляет их быть сильнее. А исходя из наличия силы женщины, вытекает в большинстве случаев ее одиночество. Но почему Адам принимал меня? Почему он принимал мою силу и независимость?

— Слушай, я тебя не помню, — сказала я, смотря на него. — Я не помню даже твоего запаха. Но, кажется, моя дочь любит тебя, и если ты все еще хочешь меня, то я готова.

— Донна, я...

— Нет, я не хочу всей этой драмы. Правда. Не хочу выяснять, спал ли ты с кем-то за это время или нет. Я не хочу знать, почему у нас все было так сложно. Можем мы сразу перейти к той части, где я буду носить твою футболку, печь блинчики по утрам в новом доме и возвращаться с любимой работы, встречая свою дочь из школы. Я буду согласна отпустить тебя, как только ты сам этого захочешь. Но так уж случилось, что я плохая мать, и мне нужно это исправить.

— Моя спальня свободна, — улыбнулся Адам, хотя его улыбка показалась мне ненастоящей.

— Ты нервничаешь? — нахмурилась я.

— Ты была моей, а потом та ты, которую я знаю, исчезла. Ты сказала, что не хочешь больше видеть меня, а теперь появляешься на пороге дома и говоришь, что хочешь практически семью, — прошелся он рукой по своим волосам. — Я нервничаю, Донна. И я просто не успеваю за тобой.

— Знаешь, — подошла я к Адаму ближе. — Не знаю, какой ты меня знал, но я немного странная, — усмехнулась, качая головой. — У меня сложный характер, и иногда меня трудно понять. Я могла долго молчать?

— Сутками, — притянул Адам меня к себе за талию.

— На самом деле, то, что помню я — это редкое молчание, — отошла я назад. — Какая комната?

— Третья по коридору, Донна Картер.

Я прошла в спальню, и закрыла дверь. Сняв с себя всю одежду, я накрылась серой шелковой простыней, отметив приятный аромат на них. Наверное, бывает так, что человек тебе незнаком, но что-то чувствуешь к нему. Медленное привыкание, которое, скорее всего, было раньше, становится зависимостью. Желание быть с ним, слушать его голос и видеть улыбку становится необходимостью. Странно, но сейчас у меня ощущение полета. И мне это нравилось.

Когда я проснулась, солнце уже освещало комнату. Я хотела принять душ, но почувствовала, что это неправильно, по крайней мере сейчас. Я надела джинсы и футболку и направилась на кухню сделать кофе.

Адам сидел за столом и просматривал какие-то документы. Я наблюдала за ним, и он выглядел таким сосредоточенным и угрюмым в то же время. Он был красивым мужчиной, но я понятия не имела, как им управлять. Мало того, я даже не думала, что это возможно. Адам был непредсказуемым, и порой было сложно угадать, что он сделает дальше.

— Ты уже приняла душ? — спросил он, натянуто усмехаясь. — Доброе утро.

— Доброе, — села я напротив, и Адам отложил бумаги. — Нет, я решила сначала поговорить с тобой. Что это?

— Я расследую похищение девочки, — покачал он головой, вздыхая. — Знаешь, она такая, как наша. Ей семь лет, и у нее голубые глаза. Я хочу найти ее.

— Но что-то тебя мешает? — сделала я глоток его кофе.

— Какой бы выбор я не сделал и что бы я не делал, пытаюсь кого-то спасти, потом кому-то больно или кто-то умирает.

— Адам, ты знаешь, что должен сделать. Просто ты должен быть достаточно храбрым для этого. Ты — отец. Оливия — твоя дочь. И кто-то бы помогал тебе, если бы не дай бог что-то произошло с ней.

— Ты смиришься с этим? Ты ненавидела мою работу.

— Это ребенок, Адам. Я обещаю, что спасение детей никогда не оттолкнет меня от тебя. Я помогу тебе. И сколько бы крови там ни было, я не вздрогну, обещаю.

— Но что-то не так, верно? — нахмурился Адам, когда я направилась в ванную.

— Да, ты прав. Тут есть моя одежда?

— Да. В спальне.

Я молча направилась в спальню и достала из шкафа джинсовый комбинезон и белый топ. Затем открыла комод, и мое нижнее белье лежало вместе с бельем Адама. Это было отвратительно и странно в то же время. Неужели мы были настолько близки? Я не знаю, как это быть с кем-то настолько близким, ведь серьезных отношений, пока я не поступила в колледж, у меня не было, а после я ничего не помню.

Когда я вернулась в кухню, Адам снова сосредоточился на бумагах.

— Я хочу куда-то поехать с Оливией, — остановила я свой взгляд на фото своей дочери, которое висело на стене. — Хочу узнать ее лучше.

— Давай поедим вместе, — ответил он. — Оливия привыкла ко мне, и наверное захочет, чтоб я был вместе с вами.

— Адам, — сказала я предупреждающе. — Ты беспокоишься о ней? Хорошо. Она твоя дочь, и мы будем жить вместе ради нее. Но не манипулируй мной, используя мою дочь.

— Нашу дочь, Донна.

— Нет, мою, — попыталась открыть я дверь ванной, которую Адам захлопнул.

— Нет, Донна, — прижал он меня к двери. — Нашу. Она моя такая же, как и твоя. И пусть у тебя шок и амнезия, но, если ты попытаешься отобрать у меня Оливию, ничем хорошим это не закончится. Я удочерю ее, и я люблю ее. Она моя семья, а семья — самое важное, что есть в жизни. И еще, — сделал он два шага назад. — Поедем в Исландию. Оливия хотела туда, кроме того, там нет ни одного вида комаров.

Я больше не сказала ни слова. На какое-то мгновение дрожь от страха прошла по моему телу, и когда Адам отступил, я направилась в ванную. Я стояла под струями теплой воды и жалела о том, что никогда не вела дневник. В моей книге жизни сейчас лишь несколько страниц, и все это — письма Адама, которые мне принесла Эмили. Я не знаю, любила ли я этот город или ненавидела его. А может именно поэтому я ничего и не помню? Может этот город был полон воспоминаний, которые я хотела бы забыть? Раньше я думала, что худшее в мире — это потерять того, кого любишь всем своим существом. Но я ошибалась. Самое страшное — потерять себя, и не иметь надежды на возвращение.

«Чем дальше запрещать себе любить, тем вернее это умение атрофируется. Возможно потерять способность влюбляться — это худшее, что может с нами произойти». Фредерик Бегбедер.

Я оделась в одежду, которая стала на меня великоватой, и вернулась к Адаму. На столе стоял уже готовый завтрак, и на ноутбуке передавали местные новости. Несколько минут я смотрела на него, не произнося ни слова. Удивительно, как раньше благодаря ему я видела другие краски, и как уходя, он каждый раз забирал их с собой.

— Адам.

— Я знаю этот взгляд, — взглянул он на меня. — Ты что-то хочешь сказать или сделать, что мне может не понравиться. Но что бы это ни было, оно может подождать, пока ты позавтракаешь.

— Ты не знаешь меня, Адам, — села я за стол.

— Знаю, Донна, — сделал он глоток кофе, не отводя взгляд. — Я знаю каждую эмоцию на твоём лице. У меня дохрена расширенный диапазон твоих страхов, смеха и реакций на все. Я знаю, как ты молча паникуешь и кричишь. Я знаю, как ты смеешься, не улыбаясь, и знаю, как плачешь смеясь. Я все знаю о тебе, Донна.

— Но...

— Я не хочу рассказывать тебе историю в кавычках, так что говорить, что у нас все было гладко, не буду. Мы ругались, расставились, мирились и смеялись. Ты была всегда очень пронизательной и любила свою машину. Не смотря на все мои поступки, ты любила меня. И я знал, что даже если ты покинешь мой мир, я все равно буду просыпаться один, но с мыслью о тебе. Мы дурачились, и я должен был часто извиняться.

— Почему?

— Я делал поганые поступки. И если за каждый пришлось бы стать на колени, не смог бы ходить. Но у нас была любовь, а не привычка, Донна. Твой поцелуй успокаивал, и иногда нам было тяжело друг с другом.

Я за поступки. За слова и песни. За звонки среди ночи. За приезды и разговоры до утра. Но вдруг раньше я сама все придумала? Придумала любовь и чувства, лишь потому что в действительности хотела, чтобы это было правдой? Это было лишь разыгранное воображение, и лишь привычка выдавала желаемое за действительное?

«Современный мир избавляет человека от необходимости мыслить. Глаза нам заменяет воспитание, мысли — правила, собственное мнение — стереотипы, желания — рекламные ролики. Все уже придумано, зафиксировано, разложено по своим местам. Не думай, а слушай, смотри и запоминай. О тебе уже позаботились. Мой голову этим шампунем, спи на этих кроватях, носи эти джинсы. Да, конечно, у тебя есть право выбора, но к чему оно? Пока ты будешь выбирать, размышлять, анализировать, время уйдет. Вот и не забивай голову всякой ерундой. Живи комфортно, пусть каждый твой день будет праздником безграничного потребления». Мацуо Монро.

— Почему ты так смотришь на меня? — не отводила я взгляд.

— Потому что ты красивая, Донна, — уловила я чуть заметный проблеск его улыбки. — Ты смотришь глубже, чем другие. Ты можешь сотворить меня, чтобы потом разрушить. Но я брошусь искать и возвращать тебя. Всегда. Посредине дня, ночи или лета. Мы останемся посредине города или неба. Все остальное не важно, — прервался он на мгновение. — И если честно, я очень по тебе скучал.

Мы больше не говорили о чувствах и прошлом, и после завтрака Адам сказал, что хочет мне кое-что показать. Мы приехали в дом, который, я считала, был гигантских размеров. Я вышла из машины и, не дожидаясь Адама, направилась прямо ко входу. Я дернула за ручку, и как раз, когда хотела сказать Адаму, чтобы открыл дверь, он сделал это молча, пропуская меня вперед. Это не был дом, а скорее резиденция с прекрасно продуманным интерьером. Контрастная цветовая гамма, которая была гармонично уравновешена с плавной линией крыши, переходящей к самому зданию. На первом этаже с дугообразной отделкой стены была роскошная гостиная с панорамным остеклением. Она соединялась с частично закрытой кухней, в которой была и кладовая с мини-баром. Дальше по коридору было три спальни, кабинет, ванная и прачечная.

— Еще есть ванная в каждой хозяйской спальне наверху, и в гараже на две машины есть дополнительное хозяйское помещение.

Я взглянула на Адама и снова открывала дверь в каждую комнату, замороженная тем, что видела. Все помещения были соединены длинным коридором. Поднимаясь на второй этаж, я прошлась пальцами по перилам из красного дерева. Все было таким изысканным и уютным в то же время.

Дойдя до конца лестницы, мы оказались в длинном коридоре, когда Адам открыл мне дверь, жестом показывая войти. В комнате все еще было темно, когда я ступила внутрь, и он включил свет. Я увидела огромную кровать, прикроватную тумбу, письменный стол и высокий торшер. Затем из этой комнаты была дверь в другую. Я широко распахнула глаза, когда оказалась в гардеробной, которая была вся в зеркалах. Здесь было столько одежды и туфель. Боже, кто носит туфли все время?

— Я не люблю туфли, Адам, — тихо сказала я, улыбаясь.

— Любишь, — подошел он ко мне. — Ты очень любишь туфли на самом деле, считая это самым важным элементом образа.

Здесь было чисто и пахло свежестью. Я повернула голову, смотря на Адама, когда мой взгляд сфокусировался на фотографии за его спиной. Я подошла ближе, и провела

кончиками пальцев по лицам. Там были все мои подруги, Адам, моя дочь и еще трое мужчин. Один из них обнимал Эмили, другой Стейси, а третий просто улыбался.

— Ты помнишь, что это было за событие?

— Нет, — все еще смотрела на фото. — Кто они?

— Это Брайан. Он мой лучший друг и муж Эмили. Она же тебе рассказывала?

— Да, — прошептала я. — А это?

— Это отец ребенка Стейси. И последний — Кристофер. Он друг семьи.

— Я любила раньше путешествовать, — запихнула я руки в карманы, чтобы хоть куда-то их деть. — Боже, до чего же я любила путешествовать. Эти эмоции, которые вызывали во мне разные места, непередаваемы. Это и страсть, и грусть. Это целая история в одном месте и жизнь стольких людей.

— Знаешь, — прижал Адам меня к себе за талию. — Где мы ни были, и что бы ни помнили, у нас есть это, — качнул он головой на фотографию. — Наш дом. Наша семья. Мы порой ругаемся и ненавидим друг друга, но мы есть, и это самое важное. Мы создали эту семью и навсегда ею останемся.

— Я взрослая, но не чувствую этого. Я словно подросток без истории жизни в собственной голове. Мне словно разрешили повзрослеть по ошибке.

— Нет. Ты никогда не была подростком, Донна. Тебе просто не разрешили. Ты не грязная, но и не говоришь о чистоте.

— Ты мне расскажешь? — притянула я его к себе, смотря в глаза. — Расскажешь?

— Я всегда буду с тобой, слышишь? И я хочу начать все с начала.

Я чувствовала столько всего. И облегчение с отчаяньем, и сладость от его прикосновений. И что-то еще. Адам провел языком по моей нижней губе, и мое сердце распалось на миллион кусочков. Стон вырвался из моих губ прежде, чем я смогла это контролировать.

— Адам, я...

Я даже не знала, что конкретно хотела сказать. В голове было столько мыслей, но мозг словно затуманился, находясь на грани блаженства и разбитого сердца.

— Я для себя уже все решил, Донна, — смотрел он мне в глаза. — И если ты все еще хочешь меня, то я твой.

Я так сильно хотела прикоснуться к нему столько дней подряд. Пройтись руками по его сильным плечам и опускаться ниже и ниже, пока большое и сильное тело не прижало бы меня к любой горизонтальной поверхности.

— Ты точно хочешь этого? — прошептала я. — Точнее, ты уверен, что готов к этому?

— Знаешь, мне никогда не было сложно быть только с тобой. Даже наоборот, мне было сложно без тебя. А ты уверена, что готова начать что-то совсем незнакомое?

Я улыбнулась, и глаза Адама вспыхнули. Я встала на цыпочки, и Адам наклонился настолько, что я смогла губами коснуться мочки его уха.

— Уверена. Но у меня есть условие.

— Я выполю все, что угодно.

— Чушь собачья, — покачала я головой. — Но я хочу правды. Во всем.

— Это все?

— Да.

— Я согласен.

Это не было все, чего я хотела от этого мужчины, но сказать ему это было бы

глупостью. Я не любила его, но по каким-то странным причинам хотела, чтобы он любил меня. Любил всегда, даже когда ненавидел. Скучал, когда был далеко от меня и когда я рядом молчала или кричала. Что бы мы ни делали и где бы не оказались, я хотела, чтобы Адам Майколсон любил меня.

— Спасибо тебе, Адам.

— За что?

— Ты принимал меня такой, какая я есть. С багажом прошлого. И, судя по всему, делал меня счастливой.

— На третьем этаже есть бильярдная, игровая, спортивный зал и кинозал.

Я научусь получать наслаждение от настоящего. В конце концов, я умела это раньше. Это лучшее, что я могу сделать для себя и тех людей, которые любят меня. Жить настоящим и получать от этого наслаждение. Нарушать правила, даже собственные, бывает полезным. Мир от этого не рушится.

Мы вышли на террасу, и я ухватилась за перила. Я хочу море. Хочу смотреть на волны и ощущать, как вода омывает ноги. Я хочу поверить природе и всему, что она дает. Я не хочу быть как все. Хочу быть другой, но на данном этапе хочу плыть по течению. В буквальном смысле этого слова, и, если моя дочь хочет в Исландию, значит мы поедем именно туда. В конце концов, впереди еще целая жизнь, наполненная нереально хорошими событиями и людьми. А все, что было плохое, пусть будет лишь прелюдией к счастью, которого я смогла достичь. Я в месте счастливых людей. Я буду ценить светлую полосу и шанс, который мне дала сама жизнь.

— Куда именно Оливия хочет в Исландию? — спросила я, когда Адам оказался рядом.

— Вик.

— Что там?

— Там черный песчаный пляж. Влажно, но, думаю, ей должно понравиться.

Мы не думали долго и на следующий день собрали вещи, и частный самолет Адама вскоре доставил нас на место. Черный пляж — весьма интересное место. Он состоит из черного гравия и черных валунов.

Прежде чем поселиться в отеле, мы взяли на прокат машину и проехали по кольцевой дороге к югу от Рейкьявика. Вик — сам по себе совсем небольшой городок, или даже деревушка, но инфраструктура в нем развита. Мы заметили небольшую церковь, которую обязательно нужно будет посетить, и несколько ресторанов. Адам был прав, и влажность в Вике была определенно повышена. Говорят, дождь здесь идет 340 дней в году.

— По легенде эти валуны были троллями, — показывал Адам на скалы в океане. — Они не успели спрятаться от солнечных лучей и окаменели.

— Мама, почему песок черный? — спросила Оливия, когда мы гуляли по пляжу.

— Как и в большинстве необычных уголков Исландии, здесь потрудились вулканы, — посмотрела я на нее с улыбкой. — Черная лава во время извержения стекала в океан, остыла в воде, а затем вода долгие годы разбивала ее на мелкий гравий.

Побережье Рейнисфжара — удивительная красота. Морские волны омывают берег необычного черного цвета. И все это было потрясающе. Пространство длиной в пять километров, заполненное мелким чистейшим черным вулканическим песком без примесей антропогенного мусора или камней. На пляже было холодно и сыро. Но мы были единственными посетителями этого волшебства. Я не знаю, в каких местах была прежде, но сейчас чувствовала что-то необыкновенное. От необъяснимого сверхъестественного

восхищения до страха и мурашек по коже.

Я держала за руку свою дочь и в какой-то момент не хотела находиться тут. Из-за Адама. Я нервничала и была напугана самой жизнью. Не знала до сих пор, как вжиться в роль, которую должна была играть. Я чувствую, что мое сердце что-то испытывает к Адаму, но мозг отвергает это. Но он уходил все время. Наверное, за свою жизнь я привыкла к тому, что мужчины уходят. Всегда. Он ушел, и я, не останавливаясь и не думая ни секунды, ушла также. Но чем Адам отличается от других мужчин? Он также уйдет, а потом все исчезнет. Я не буду удерживать его, но как потом соберу себя воедино? Захочу ли я собрать себя воедино? Пусть мне будет не хватать его запаха и нежности, сделанной из грубости. Его ревности, близкой к безразличию. Но я хочу быть рядом с мужчиной, который будет любить меня, несмотря ни на что. Чувствую, что существуют женщины, предпочитающие одиночество. Чувствую, что есть женщины, которые не хотят любви и любимой грубости. Но возможно ли встретить человека, который будет с тобой, несмотря ни на что? Который не уйдет, даже когда ты будешь отдаваться его власти без остатка, безоговорочно доверяя его родным рукам.

Мы сходили в ресторан, еще немного погуляли, и когда Оливия устала, направились в отель, и я уложила ее в кровать. Смена поясов плохо отразилась на каждом из нас. Адам сделал заказ в номер, и я смотрела в окно, попивая зеленый чай. На улице начался сильный ветер, и я наблюдала за тем, как несколько людей убегают из улиц, чтобы спрятаться. Ночь. Самое лучшее и в то же время ужасное время суток. Именно ночью чувства человека обостряются, и он начинает чувствовать в сотни раз больше, чем днем. Свидание, прогулки, любовь и признания. Но также слезы, ужас от потери и непреодолимое желание забыться.

«Ужасно хочется сесть и просто поговорить с кем-то по душам. Говорить всю ночь напролет. Смотреть вместе на ночное небо, обсуждать что-то, яростно спорить, молчать. Мне не хватает такого времяпрепровождения. Безумно не хватает». Фридрих Ницше.

Адам сел возле меня, и я прикоснулась к нему, пропуская его волосы сквозь пальцы. У него были мягкие пряди, и когда я притянула его к себе, он закрыл глаза, охотно подаваясь вперед.

— Зная мой характер, — чуть слышно прошептала я с улыбкой, — тебе нужно иметь много терпения.

— Ди, зная твой характер, — засмеялся Адам, — нужно иметь, кроме терпения, еще и постоянный запах коньяка. — Я улыбнулась и закрыла глаза. — Я расскажу тебе историю, — забрал он у меня чашку, и обнял. — Маленькая птичка летела на юг, чтобы перезимовать. Было так холодно, что она замерзла и упала на землю в большом поле. Пока она там лежала, мимо прошла корова. Лежа в коровьей лепешке, птичка вдруг поняла, как ей тепло. К жизни ее вернуло то, что мы всегда скрываем. Птичке вдруг стало так хорошо, что она запела, чтобы выразить свою радость. Пробежавшая мимо кошка услышала пение и решила разобраться, в чем тут дело. Следуя к источнику звука, кошка нашла птичку, раскопала ее и съела.

— И что ты хотел мне сказать? — удивленно посмотрела я на него. — Что в жизни и так много дерьма? Это я знаю без этой истории.

— Нет, — слышала я его улыбку. — Не каждый, кто нагадил на нас, наш враг. Не каждый, кто достает нас из дерьма, наш друг. И даже когда ты глубоко в нем, лучше держать рот закрытым.

Я провела рукой по его щеке, и мы не сводили глаз друг с друга. Адам не шевелился, а я

исследовала каждый дюйм его лица. Его слегка небритую щетину и очертание губ, которые хотелось поцеловать. Когда я положила свою ладонь на грудь Адама, считая удары его сердца, он уткнулся лицом в мою шею.

Адам приучил мое тело к своим рукам. Я знала это. Я чувствовала, что оно знает его, и все во мне в какой-то степени его. Я обнимала его шею, а он держал меня в своих руках.

— Я не хочу, чтобы ты исчезла, Донна. Я готов бежать и отдать все, чтобы все вернулось на свои места, — сильнее я прижалась к нему. — Я помню все. Помню касание губ, и как по венам текла боль сладких мук. Я тебя буду ждать. Всегда, слышишь?

— Да, — прошлась я краткими поцелуями по его виску, щеке, а затем снова вернулась к шее. — Я слышу тебя, Адам.

— Я так часто задавал себе вопрос, почему ты не уходишь. Особенно по ночам, просыпаясь рядом из-за того, что ты шевельнулась или сильнее прижалась ко мне. А когда ты все-таки ушла, бессонница стала моим постоянным попутчиком. Обиды и страх отошли на второе место, ведь на первом была твоя безопасность. Я вспоминал, как ты отдавалась мне без остатка, и я сходил с ума от понимания этого. Наши отношения были разные, но все же прочны. Они были в приоритете для нас обоих, и между нами было немое понимание этого.

— Послушай, — положила я его руку на биение своего сердца. — Сейчас в моем пульсе бьется твое имя.

То прошлое, которое мы будем вспоминать в будущем, и есть наше настоящее. Я не знаю, стала ли тем человеком, которым хотела и видела в детских мечтаниях. Но одно я знала точно — я получила любовь, о которой всегда мечтала.

— Зачем ты меня отпустил?

— Ты начала управлять мной. Если ты не можешь отказать себе в чём-либо, например, в мороженом, то мороженое начинает управлять тобой. Если ты ограничиваешь себя в мороженым, то оно имеет над тобой двойной контроль. Поскольку теперь к дискомфорту по поводу его отсутствия примешивается ненависть к себе и чувство вины в случае, если ты не смог удержаться. Если же полностью отрицать мороженое, то оно властвует над тобой, ведь ему удалось отрезать кусочек твоей реальности. Борющийся за демократию оппозиционер никогда не станет свободным гражданином — он раб борьбы. Монах-аскет никогда не победит «страсть плоти» — он останется рабом отрицания.

— Но ведь мудрость заключается в балансе, — сказала я. — Между фатальным экстазом и самоограничением можно найти баланс.

— Да, — поцеловал он мои волосы. — И я понял это только благодаря тебе.

— Почему ты ушел, когда узнал об Оливии? Если ты любил меня долгое время, то наверняка знал, что у меня есть дочь.

— Донна...

— Нет, — смотрела я Адаму в глаза. — Я хочу знать. Я заслуживаю знать.

— Тебе будет больно, — видела я борьбу в его глазах.

— Мне и так больно, — сорвалась с места я. — От незнания мне больно.

— Ты не жила с Оливией все время. Ты отдала ее на воспитание другой семье, а когда ее родители погибли в автокатастрофе, забрала назад.

Ощущение вакуума. Будто нет ни звуков вокруг, ни воздуха в легких. Я хотела, чтобы мое сердце остановилось, но нет, оно стучало. Громче, чем в остальное время. Пытаясь словить губами воздух, я упала на пол и зажала рукой молчаливый крик, который издавала.

Я никогда не думала, что может быть так больно. Что можно чувствовать столько всего одновременно. Мир — иллюзия. Раньше я считала, что треть населения этой планеты — это бесформенная масса, которая считает, что, посмотрев телевизор, они личность. И так я никогда в жизни не думала, что душа может болеть. Я была уверена, что у меня нет души, и вдруг благодаря одному человеку мой мир перевернулся с ног на голову.

— Донна, — рванул ко мне Адам, прижимая к себе. — Случается так, что ты будто и не ты. Смотришь на себя и видишь незнакомца. Прошло много лет. — Мой плач перерос в истеричный крик, и я не могла остановиться. — Боже мой. Донна, прости меня.

Я не могла понять, как стала таким отвратительным человеком. Как могла отдать своего ребенка? Что вообще может подтолкнуть женщину отдать свою кровь, кроме смерти.

— Адам, что я наделала? Как я могла?

— Донна?

— Когда я была маленькой, я всегда говорила себе, что буду следовать своему сердцу. Буду следовать свету во всей темноте, а потом я выросла и стала дьяволом в женском обличье. Я не могу завершить все это, ведь просто не помню, когда все началось. Разбуди меня! Разбуди меня, пусть все это наконец-то прекратится. Что я искала? Кого я искала все время?

— Донна...

— Нет! Я нашла тебя, но потеряла себя. И себя я потеряла гораздо раньше.

— Ты взвалила на себя слишком много, Донна! — кричал Адам, смотря на меня с ужасом. — Донна, ты просто много пережила. Ты взвалила мир на плечи, но не забывай, что они хрупки, и у тебя только две руки. Жизнь — игра, милая, — прижал он меня к себе, когда я не переставала плакала на его плече, впиваясь ногтями в бицепсы. — Играй. Не строй планов, и я прошу тебя об одном — останься. Останься и борись.

— Мне негде прятаться.

— Тогда не прячься. Не беги от кого-то, и не убегай от себя. Ты монстр лишь у себя в голове.

Такое чувство, что прошло сотни часов. Было пролито литры слез и скурено тысячи сигарет. Килограммы размазанной туши вокруг глаз. И всё. В итоге — вакуум. Меня наказывают за что-то, или это необходимость наглой абсурдности — опыт? Все эти года научили меня главной науке — человековидению. Всё остается внутри. Оно не забывается, не выветривается и не исчезает. Это как будто бросаешь камень в море: сначала брызги, потом на дно. Внутри каждого, наверное, целый мегаполис камней, людей и слов, которых ты так и не забыл, хоть и обещал.

— И ты любил меня даже тогда, когда узнал, что я оставила своего ребенка? — спросила я спустя какое-то время.

— Да, Донна, пусть и ушел на какое-то время. Ты отталкивала меня. Ты мстила так, как умела, и это работало.

— В каком смысле?

— Твоя месть была аккуратной, тихой, такой, чтобы я какое-то время даже не понял, почему это происходит.

Люблю порой тишину. В ней много правды, без которой этому миру просто не быть.

«Отпустить — не значит сдаться. Чаще всего это единственное верное решение, победа над обстоятельствами». Эльчин Сафарли.

— Что вы помните?

— Ничего, — ответила я, смотря на женщину-психиатра. — Я помню, как мы закончили школу с Эмили и поступили в университет.

— Вы учились на разных факультетах?

— Да.

— Как вы думаете, почему вы оставались с Адамом, несмотря ни на что?

Я на мгновение задумалась и перевела взгляд на порез на своей ноге. Кто-то сказал, что человек должен научиться отпускать даже тех, кого любит. Это лишь великий закон привязанности. Когда ты держишься за человека из-за страха потерять свою любовь, то теряешь больше. Нужно лишь сделать глубокий вдох и позволить каждому отвечать за собственную жизнь. Ведь все люди в этом мире принадлежат только себе.

— Я думаю, что встретила его, когда была напугана. Он не отвернулся от меня, и я в свою очередь не смогла этого сделать. Люди не должны быть одинокими, и в конце концов, я думаю, что он мне просто показал, каково быть любимой. Потому что до этого я не знала, какой должна быть любовь.

— Мы не можем изменить других людей, Донна. Но мы можем выбирать тех, кто нас окружает.

— Больше всего в этом мире я не люблю людей без запаха. А со всем остальным смогу смириться.

— Вы должны стремиться быть лучше.

— Нет, — поднялась я с места, не отводя взгляд от женщины. — Я никому ничего не должна. Я смотрю на вас и вижу обычного человека, полного грехов и пороков, а вы рассказываете мне, какой я должна быть чистой и доброй. Вам-то откуда знать какой я должна быть, если вы сами далеко не ручей кристально чистой воды? Не пытайтесь учить жить других, когда после пожатия вашей руки людям хочется ее помыть.

— Да, но вы, Донна, не должны быть такой, как я.

— Никто не должен. Мы должны быть собой. И нет, я не говорю, что сама чиста. За мной, судя по всему, грехов на две жизни хватит, но я не поправляю нимб перед вами.

— Донна, — окликнула меня женщина, когда я собиралась уже открыть дверь. — Я вам не враг. И напоследок дам вам совет — сохраните мужчину, который есть в вашей жизни. Говорите ему, что ждали его и чего-то не могли сделать. Он сделает все, что вы захотите, несмотря на усталость или даже боль.

— Спасибо за совет, — ответила я с раздражением, выходя за дверь.

«О ней я думал всегда такими словами, как «неуловимая», «ускользающая», «редкостная». В ней была какая-то утонченность, не то, что в других, даже очень хороших. Она была для знатока. Для тех, кто понимает». Джон Фаулз.

Что такое любимый человек? Нет, даже не так. Что такое половинка? Это человек, который дополняет тебя, или это тот, с кем ты смеешься? Все хотят найти правильного человека, но для чего? В чем смысл? Чтобы он любил тебя или для постоянного секса? Или же людям нужно, чтобы их барьеры рушили и заставляли пробудиться от этой скучной жизни. За эти дни я слишком часто говорила себе: «Я с ним только из-за дочери». Я

повторяла себе все это слишком часто. Так часто, что из моих слов выветрился весь смысл.

Однажды я увижу море снова. Я надеюсь, что, когда буду смотреть, и в следующее мгновение, увидев «океан», снова утону в нем без остатка. И это новое имя заберет всю боль из прошлого.

«Я никогда не знал, до какой степени безумства может полюбить женщина. Без границ. Без рамок. Без принципов. До одурения полюбить. Женщины настолько сумасшедшие в любви, что от этого даже страшно. Она готова вложить в эту любовь все, что у нее есть. Она будоражит в тебе кровь. Она всегда знает, когда нужно уйти, а когда остаться рядом. И самое интересное, что она ничего не требует взамен. Ничего. Она просто говорит: «Я хочу знать, что ты есть». Тебе все кажется таким сумасшедшим и идеальным, потому что ты тоже в нее влюблен. Все, в кого мы влюблены, кажется нам совершенными».

Приехав домой, я увидела множество букетов цветов, расставленных по кухне, ванной и спальне. Смех моей дочери был слышен из ее комнаты, и когда я поднялась наверх и открыла дверь, увидела Адама, Эмили и ее мужа. Они о чем-то болтали, и когда взгляд Адама встретился с моим, я застыла. Жизнь сложна сама по себе. Она меняется, и меняются сами взгляды на нее. Но она хороша.

— Донна, у нас проблемы, — сказала Эмили, поднимаясь с пола.

— Насколько серьезные по пятибалльной шкале? — перевела я взгляд на нее.

— На семь.

— Милая, — обратился Адам к Оливии. — Мы пойдем поговорим, а ты поиграй сама.

— Папа, я не маленькая, — засмеялась она. — Идите.

Моя жизнь изменилась. Я улыбалась Адаму, а он все время говорил мне «я люблю тебя», когда злился или думал, что то, что происходит сейчас, плохо. Когда мы пришли в кафе, и Оливия вела себя как обычный ребенок, а я смеялась, Адам сказал, что любит меня. Она кричала, веселилась, и каждый раз, когда отказывалась от еды, Адам качал головой и улыбаясь смотрел на меня, говоря: «Я люблю тебя, Донна». Наша жизнь представляла собой постоянное веселье и проблемы, которые мы обсуждали дома, воспитывая потрясающую девочку.

«Знаешь, что по-настоящему сексуально? Чувство юмора. Вкус к приключениям. Внутренний свет. Бедрa, за которые хочется ухватиться. Открытость. Уверенность. Скромность. Здоровый аппетит. Интуиция. Непосредственность. Находчивость. Другими словами — женщина, которая осознает, насколько она прекрасна». Кортни Мартин.

Мы спустились вниз, и Брайан отправился делать кофе.

— Мне с коньяком, — сказала я.

— А мне с коньяком, но без кофе, — добавил Адам.

— Итак, — сосредоточилась Эмили на мне. — Я разберусь с обстоятельствами и буду его адвокатом.

— Не поняла.

— Адама обвиняют в убийстве Алекса.

— Но он ведь...

— Да, — перебила меня подруга. — Он агент ФБР, который убил человека, избив его. И все как бы секретно, но нужно поиграть на публику некоторое время, чтоб мы смогли выпутаться из этого.

— Господи Боже, — прошептала я, потирая виски.

— Не проси у Бога то, что тебе может дать твой мозг, язык, чувство юмора и адвокат, —

ответила подруга.

Я верила в то, что Эмили сделает все, чтобы защитить Адама. Но также я не знала правды, и, судя по неловкости в глазах Адама, он был виновен по всем пунктам.

— Эмили, я надеюсь, ты не будешь устраивать спектакль? — спросил Адам.

— Буду. И ты будешь со мной в главных ролях.

— Милая, почему ты всегда такая упрямо-проницательная? — поставил Брайан поднос на стол.

— Я юрист, дорогой. А тебе нет оправданий.

Она была в своей среде. Я не знала, что мне говорить и как себя вести, но один взгляд Эмили дал мне понять, что все будет в порядке. Она всегда была безжалостной и порой использовала насилие, чтобы добиться нужного эффекта. Но эта женщина не умела узко мыслить и соответственно все, что она делала, было замечательным.

— Кажется, я вновь буду при смерти, — прошептала я чуть слышно.

— Я никогда не видел тебя более живой, — прижал меня к себе Адам. — Если кто-то говорит тебе, что ты не сможешь, ты доказываешь обратное.

— Ты думал обо мне сегодня?

— Я живу тобой всегда. И думаю, всегда буду любить тебя без возможности и желания что-либо с этим поделаться.

За несколько недель он стал моей слабостью. У нас не было интимной связи, но я привязалась к нему и привыкла к его вниманию. В нем есть что-то такое, в чем я просто не могла себе отказать. Смотреть на его улыбку и касаться рук. Ему нужно было всего секунд десять, чтобы заставить меня улыбнуться, и максимум одиннадцать, чтобы я разразилась заразительным хохотом. Я помнила себе гордой, сильной, пусть и наивной. Но первый раз в жизни я готова была сдаться, и эти чувства, которые я испытывала, были пугающими и окрыляющими в одно и то же время.

— Я не люблю такого, — посмотрела на экран телефона Эмили. — И, кажется, нам придется поехать через час в участок.

— Ты снова вернулась к адвокатуре? — спросила я.

— Только на время. Вы моя семья, и вам определенно нужна моя помощь.

— Я устала, — вздохнула я. — Почему все так сложно?

— Люди становятся честнее, когда испытывают усталость, — поцеловал Брайан Эмили в висок. — Поэтому ночные разговоры более откровенны.

— Почему хорошие парни платят порой так дорого? — взглянула я на Адама.

— Знаешь, Ди, — усмехнулся он. — Из всех существ, живущих на земле, только человек платит за все, чтобы жить.

Говорят, что поведение влюбленного человека похоже на поведение человека с нервным расстройством. И теперь, немного узнавая себя, поняла, что я именно тот человек, у которого есть только две скорости: ноль или максимум. Я или одержима, или мне безразлично. И также мою любовь невозможно заслужить. Я или люблю, или нет. Можно быть нежным, заботливым. Можно быть постоянно рядом и бесконечно предлагать свою помощь, но это ничем не поможет. Я верю, что любила Адама. Нет, я знаю, ведь когда он рядом со мной, я чувствую то, чего никогда не чувствовала ранее. С ним я сумасшедше-счастливая, и этого более, чем достаточно.

«В жизни бывают встречи, которые связывают навсегда». В. Гюго.

Если бы у людей не было глаз, мы бы даже не подозревали о существовании цвета. Так

что вполне возможно, что мы не знаем о существовании чего-нибудь важного только потому, что у нас нет органа для восприятия этого неизвестного.

Мы провели вечер в кругу друзей, и когда я захотела спать, просто ушла. Что происходит? Разве не все женщины хотят этого? Хотят семью и замуж? Ребенка и друзей? Большой дом и собаку? Так почему я не вижу в ней места? Адам заботится обо мне, но он совсем меня не знает. Я словно что-то ищущу, но ищущу не там. Не в том месте. Мужчина получает удовольствие от удовольствия женщины, но что у нас? Безумная прелюдия? Извращенное представление о семье? Джаред Лето сказал, что все когда-нибудь заканчивается, и не имеет значения, смс-кой или разговором за чашкой кофе. А может он прав? Ничего не длится вечно, и все на самом деле когда-нибудь заканчивается.

Я спустилась в гостиную и провела пальцами по деревянному столу. В этом доме пахло теплотой и даже чопорностью. Ремарк говорил, что у каждого есть места о которых забыть невозможно, хотя бы потому, что там воздух помнит твоё счастливое дыхание. И тут я поняла, а чего жду я? Я хочу узнать себя. И раз уж не смогу вспомнить, тогда нужно что-то делать. Просто двигаться дальше и уйти из жизни, которая не моя. Чего я жду? Что я вспомню или смогу понять, почему оставалась с ним, когда он этого не хотел. Я жду какого-то дурацкого воскресенья или что на меня снизойдет озарение. Но в чем смысл? Мы становимся старше, но не по паспорту. Мы думаем, и порой даже о правильных вещах. Ты видишь по-другому и чувствуешь по-другому. Нет, ты просто чувствуешь. И именно в этот момент все меняется. Чувства прибавляют громкость, и тогда тишина. Да, это то, что нужно людям. Прибавлять громкость чувств и запахов.

«Я никогда не принадлежал к числу тех, кто терпеливо собирает обломки, склеивает их, а потом говорит себе, что починенная вещь не хуже новой. Что разбито, то разбито. И уж лучше я буду вспоминать о том, как это выглядело, когда было целым, чем склею, а потом до конца жизни буду лицезреть трещины». Маргаретт Митчелл.

Я вышла на террасу и, закрыв лицо руками, горько заплакала. Внутри у всех есть темная сторона, и все мы монстры. Уставившись на ночное небо, я слушала вой сирен и сигналы машин, которые все еще не спали. Я не знала, хотела ли находиться тут какое-то время назад, но была уверена, что это не мое место сейчас. Но как сказать об этом Адаму и моей дочери?

— Ты настолько несчастна? — услышала я голос за спиной.

Обернувшись, я всмотрелась в лицо Адама и чувствовала какое-то странное волнение. Какую-то странную близость. Он словно почувствовал пламя внутри меня. Словно знал, что за моей улыбкой и согласием скрывается метание и непонимание самой себя. У меня было столько мыслей, но ничего не задерживалось надолго. Эмили пыталась уберечь меня от правды, но становилось только хуже. Я чувствовала себя чужой, и никто в целом мире не мог мне помочь. С Адамом я была в безопасности, но кроме этого его знало лишь мое тело, но не мое сердце. Я не узнала его, когда забыла, и точно не узнала бы в следующей жизни. Был ли смысл в этой любви? И есть ли смысл искать смысл в чем-либо? Лицо Адама менялось от непонимания до злости и страха.

— Я не хочу быть замужем, Адам, — ответила я спустя несколько секунд. — Я просто не хочу быть тут, не зная, где мое место по-настоящему. И я не хочу, чтобы тебе было больно.

— Какую бы боль я не претерпевал, я делаю это ради любимых, Донна.

Я закрыла лицо руками и заплакала. Адам обнял меня, и я сжала кулаками его

футболку. Просто вся моя прошлая жизнь осталась в прошлом. И не имеет значения, это хорошее или плохое, просто однажды, проснувшись, ты понимаешь, что пора уходить, и боль со временем обязательно утихнет. Ты получаешь чистый лист, и теперь все зависит от палитры твоих красок.

— Я просто не смогу с этим справиться тут, — все еще чувствовала я боль. — Пожалуйста, Адам, отпусти меня. Отпусти меня и дай возможность жить дальше. Я не хочу быть в этом городе и мучить нас обоих.

— Знаешь, Донна, — поцеловал он мои волосы. — Я понимаю. Не хочу, но понимаю. Многие люди всю жизнь ищут недостатки других. Они осуждают кого-то, чтобы удовлетворить себя. Этим людям нужно утешение, что они не хуже. Но не ты. Ты не такая. Для тебя семья всегда была на первом месте, и я знаю, что ты не любишь меня. Больше не любишь, — надорвался его голос. — Ты не помнишь. Но я очень люблю тебя, Донна. Я буду любить тебя вечно. Поэтому я отпускаю тебя. Я дам тебе возможность увидеть мир, а если ты не захочешь больше ничего, отпущу, чтобы ты сама себе стала целым миром.

Мы больше не сказали друг другу ни слова, и время шло. Воздух становился теплее, и вскоре вошло бы солнце. Какое-то время я находилась в его объятьях, и внутри меня завязывался узел еще потуже. Я отошла от Адама, и прежде, чем открыть дверь, чтобы зайти в дом, услышала его голос:

— Когда ты улыбалась, я восхищался. Ты излучала человека, который испытал столько боли и страданий. Но когда ты улыбалась, Донна, — взглянула я на него в последний раз, — это было прекрасно.

«Вся жизнь женщины — это история ее привязанностей». Вашингтон Ирвинг

Каждый раз я чувствовала, что умираю. Я хотела метаться, но в то же время не хотела устраивать истерик. Это было невыносимо. Потеря памяти не похожа ни на что другое. Ты словно живешь чужой жизнью, которая тебе не принадлежит. Тело, которое ты помнишь, тебя не слушает, и семья, которая была раньше, больше не твоя. Последние дни я все время закрывалась в ванной и плакала часами. Я жила с Адамом и играла в любовь лишь ради дочери, которой я так же не помнила.

— Нет! — закричала я. — Пожалуйста, останови это. Я не могу больше выносить такого! Сделай что-нибудь. Я понимаю, что отвечаю за что-то, — не сдерживала я слезы. — Но, пожалуйста, забери эту пустоту.

«Однажды поняв и приняв факт мимолетности всего и неизбежности перемен, ты можешь радоваться удовольствиям, пока они есть, не испытывая ни страха потерять их, ни тревоги за будущие». Экхарт Толле.

Спустя приблизительно полчаса я начала собирать свои вещи и вещи Оливии, когда она вошла в комнату. Она смотрела на меня несколько секунд, а затем я заметила, как слезы текли по ее щекам. Когда я собиралась подойти поближе, она бросилась в мои объятия и заплакала.

— Я не могу поехать с тобой, мама, — говорила моя девочка, обнимая меня за шею, когда я опустилась перед ней. — Я понимаю тебя, правда. Папа мне все рассказал, но я останусь с ним. Тебе нужно время, и я буду мешать тебе.

— Ты моя дочь, Оливия, — взяла я ее личико в свои ладони. — Ты никогда не будешь мешать мне.

— Да, но я останусь с папой. А ты приедешь, когда будешь готова.

— Я люблю тебя, Оливия.

— Я тоже люблю тебя, мама, — отошла она от меня, словно защищаясь. — Я знаю тебя. Ты будешь сама мучаться, чтобы сделать кого-то счастливым. Но не нужно все время причинять себе боль, ведь я знаю, что ты не позволишь чему-либо случиться со мной.

— Оливия... — сорвался мой голос.

— Ты хорошая.

— Я тебя родила, милая, — провела я рукой по волосам. — Ты так говоришь, лишь потому что я твоя мама.

— Вот именно. Ты моя мама. И я знаю тебя. И я горжусь тем, что я твоя дочь.

— А я горжусь той девочкой, которой ты выросла.

Я взяла сумку, и когда приехало такси, быстрым шагом направилась к машине, чтобы просто быстрее убраться отсюда. Мои чувства были похожи на что угодно, но не на счастье. Человек выбирает человека вопреки всему, а не благодаря чему-то. Время, расстояние и трудности можно преодолеть. Но обстоятельства порой сильнее нас, и сейчас тот, к которому рвалась раньше душа, становится просто обычным прохожим. Но дело, наверное, даже не в потере памяти, а в потере доверия. Когда ты перестаешь верить, следующий раз просто так не можешь положить другому человеку в ладони свою веру. И не потому что не хочешь, а только потому что теряешь часть себя, которая все еще умела доверять.

Я хотела человека, которого выбрала бы из миллиона других. И мои действия не объяснило бы ничего. Никакие логические доводы не помешали бы тому, что я чувствую. Я хотела встречать с ним рассвет и говорить, говорить, говорить. Строить планы, которые бы обязательно сбылись. Жить моментом и смаковать каждый его проблеск. Пить остывший кофе, который сделали час назад, и забыть о нем за поцелуями.

— Ты хотела уехать, не попрощавшись? — услышала я голос Эмили, когда сидела в зале ожидания в аэропорту.

— Ты...

— Адам сказал, — присела она рядом. — И плевать, куда мы летим, главное, что мы вместе. Я с тобой, Донна. Я всегда буду с тобой, несмотря ни на что.

Я вытерла рукавом клетчатой рубашки очередные слезы, и Эмили притянула меня к себе.

— Эмили.

— Будь сильнее, милая. Но будь собой.

— Рождественский сказал по-другому, — обняла я ее в ответ.

— Да, он говорил быть слабее, — объявили посадку, и мы поднялись с места. — Знаешь, мы выросли и менялись. И из нас двоих я всегда не знала сочувствия. — Я засмеялась, и Эмили подмигнула мне. — Правда. Должен же кто-то быть старшей сестрой и мужиком одновременно.

«Чтобы быть счастливым, нужна смелость». Федерико Моччиа.

Что такое память на самом деле? Картинки детства, которые чаще всего хочешь забыть, или моменты взрослой жизни, которые не хочешь вспоминать? Попытки пойти на занятия танцами, когда мама запрещает выход даже на балкон, или сообщения от мужчины, который тебя любит, в то время, когда ты сидишь в аэропорту, уезжая от него как можно дальше. Желания узнать отца и страх узнать, сделала ли я это к тридцати годам своей жизни. Память — это знание и понимание, что это было, и больше не будет никогда. Это принятие семьи, которая у меня была так давно. По крайней мере лично у меня. Вообще, если подумать, все в нашей жизни относительно, мимолетно и непостоянно. Возможно, именно поэтому нам и

нужна память. Просто чтобы помнить, что то, что так относительно, мимолетно и непостоянно, было. И самое главное: память — это чувства. Потому что мы чувствуем, когда вспоминаем, и самое странное, порой даже больше, чем в тот самый момент этого события.

— Почему мы тут? — спросила Эмили.

— Эта деревня стала известна после 1958 года, когда нидерландский режиссёр Берт Ханстра показал её в своей знаменитой комедии «Фанфары».

— Как она называется?

— Гитхорн.

Эмили улыбалась, и я наконец-то вздохнула полной грудью, смотря на это великолепие. Кажется, я нашла самое уютное и неспешное место на земле. Пока летела в самолете, прочла, что у этой деревни есть множество названий — Голландская Венеция, деревня без дорог и еще несколько других. В старой части Гитхорна не было машин, автобусов и дорог. Нас привезли на машине, а дальше мы взяли в аренду катер. Вместо асфальта была вода. Буквально напротив каждого дома деревянный мост. И если некоторые мосты — это как бы часть улицы, то другие — это часть входа в частный дом. Мини-ворота как бы охраняли, но и поднимали настроение. Если в Нью-Йорке ты видишь таблички: «Осторожно! Злая собака!», то в Гитхорне: «Заходи. Сделай мой день».

— Тишина, — прошептала я.

— Да, — ответила так же тихо подруга. — Потрясающе.

«Оставаться собой в мире, где все пытаются изменить тебя, — наивысшее достижение».

Ральф Уолдо Эмерсон.

Участки возле дома никто не прячет от окружающих, а, кажется, наоборот старается сделать что-то особенное, чтобы привлечь внимание. Идеальные газоны. Меня начал мучать вопрос: кто они, те невидимые феи или гномики, которые, похоже, по ночам стригут газоны возле домов в таких деревушках? Лужайки, клумбы, кусты в идеальном состоянии — и при этом я практически ни разу не видела, чтобы их кто-то стриг.

После того, как мы приехали и оставили чемоданы в домике, который арендовали, снова взошли на катер, и нас отвезли в Grand Cafe Fanfare, названное в честь фильма, благодаря которому Гитхорн, собственно, и стал известным и популярным местом.

— Хочешь поговорить? — спросила Эмили, когда официант принес нам еду.

— Нет.

— Тогда говорить буду я.

— Эм...

— Нет, — перебила она меня. — Тебе нужно проговариваться.

— У меня есть психолог.

— Которому ты ничего не говоришь.

— С чего ты взяла?

— Маргарита Наваррская сказала, что обида имеет больше власти над женщиной, чем любовь, особенно если у этой женщины благородное и гордое сердце. Может быть, ты обижена на него?

— Я не помню, Эм, понимаешь? — разозлилась я. — Я ничего не помню. Я словно в клетке, из которой нет выхода. Откуда я могу знать, что он подходит мне, и могу ли я быть уверена, что подхожу ему, если я ничего не помню. Я не помню способны ли мы делать друг друга счастливыми, и даже если способны, хотели ли мы этого. Я не чувствую счастья, когда он счастлив, но и не помню, чувствовала ли его раньше. И наконец, я совсем немного о нем

думаю или скучаю. Да, наверное, я люблю Адама, но я в него не влюблена. Потому что я не помню ничего.

— Донна, но он пытается.

— А мне это не нужно, — крикнула я, спустя мгновение пожалев. — Не хочу. Даже когда мы не хотим любить, это не помогает. Мы любим просто потому, что так случается, и как бы ни говорили, что не хотим, не жалеем. Может быть потому, что это лучшее время в нашей жизни, и пусть оно не повторится, но то, что это было, уже гораздо больше, чем можно хотеть. Безумие, доверие, душа и чувства наполняют тебя изнутри, и ты становишься сумасшедшей. Это невозможно объяснить. Ты никогда не сможешь понять этого со стороны, пока не прочувствуешь сам. Ты идешь по улице и видишь картинку того, как раньше вы сами ходили по ней, держась за руки. Перед глазами появляется картинка, как вы были счастливы. А знаешь, что вижу я, идя по улице и даже в доме, в котором мы живем? Ни-че-го, — проговорила я по слогам. — Ничего, Эмили.

— Знаешь, когда я лежала в коме, ты была тоже близка к смерти. Я этого не знала, пока Брайан не рассказал, — усмехнулась она грустно. — мы всегда были друг у друга, и я тоже сейчас чувствую твою боль, — положила она свою ладонь на мою. — Я правда ее чувствую, но просто не знаю, как помочь. Я пыталась вернуть тебе обстановку, которую ты помнишь, пыталась сделать хоть что-нибудь, но это не помогает. Ничего не выходит.

Последние слова Эмили прошептала с болью в голосе, и я поняла, что моя боль не принадлежала лишь мне. Ее чувствовали все, кто любил меня. И плевать, куда понесет нас ветер. Мы вместе, и нет GPS лучше. Места, в которых мы были или побываем, останутся в наших воспоминаниях, как на открытке, а разве этого мало? Я всегда буду помнить, как мы убегали из пар, чтобы прогуляться городом. И мы до сих пор тут, и до сих пор семья. Чего еще можно желать? Ведь этого и так более, чем достаточно, для одной жизни. Мы столько лет не имели ничего, но в то же время у нас было все.

Сегодня, я уснула с мыслью об Адаме и своей дочери. Периодически просматривала сообщения от Адама и наблюдала, как на моем телефоне увеличивается число пропущенные. Мы приехали домой, когда начался сильный ливень, и он медленно усыплял меня, пока я не провалилась в сон. Я думала о его голубых глазах и пустой комнате, в которой находилась сейчас. Когда утром открыла глаза, то ждала, что станет легче, но этого не произошло. Не стало ни хуже, ни легче. Я повернулась на бок, игнорируя пение птиц, и смех, доносящийся из улиц. Мне не нужна была драма, и я надеялась, что, приехав сюда, все изменится. Что меня не будет обременять тяжесть притворства в проявлении чувств. Но это фикция.

— Никогда не любила слово «всегда», — вошла Эмили в комнату с двумя чашками кофе. — А что думаешь об этом ты?

— Я думаю, что оно достаточно неплохое, — усмехнулась я, делая первый глоток. — Почему ты спрашиваешь?

— Я тебя проверяю.

— Что ты имеешь ввиду?

— До того момента ты считала это слово лицемерным. Ты хотела, чтобы лучше человек сказал правду, что-то вроде: «Будь со мной до конца этого вечера», — изобразила она кавычки. — Но не хотела лжи, где звучало бы слово «всегда».

«Покой — это когда тебя не тревожат лишние мысли. Когда ты не беспокоишься, что завтра может произойти то, чего тебе не хочется. Когда тебе не нужно идти туда, куда ты не хочешь. Когда то, что ты делаешь, — это и есть радость. Это когда ты перестаешь

анализировать окружающий мир и понимаешь — он просто есть. И ты — просто часть его. И на этом все вопросы замолкают. И вот если этот покой внутри найден, то можно и другим дарить это спокойное, умиротворённое, радостное состояние своей души». Артур Дарра.

— Знаешь, что я думаю? — поднялась она с места.

— Нет, и мне не интересно.

— Завтра мы уезжаем на остров Майорка, который у городка Порто-Кристо.

— Зачем?

— На глубине 25 метров располагаются удивительные пещеры Куевас-Дель-Драк, достигающие в длину 2,5 километра. Там всего 4 пещеры и все они соединены между собой. Название комплекса переводится как «Пещеры Дракона», ведь согласно легенде, там хранились огромные богатства, которые охранял могущественный дракон.

— О Боже, — вздохнула я. — Ни за что.

Я не пытаюсь спорить с Эмили, возможно, слишком много лет, потому что сегодня, спустя несколько часов наших разговоров обо всем, я все таки согласилась, и она снова выиграла. Этот день мы провели, гуляя по городу, который исследовали пешком вдоль и поперек, а на следующий — полетели в Испанию. Пока такси везло нас в отель, мы пили шампанское и орали песни, которые звучали по радио. Когда мы остановились перед отелем, Эмили сказала, что оставит водителю хорошие чаевые, и он открыл дверь, чтобы мы лучше слышали музыку, танцуя под нее.

— Ты знала, что два самых высоких показателя IQ когда-либо зафиксированных на Земле, принадлежат женщинам? — крикнула она, виляя бедрами под звуки музыки.

Это так странно и что-то такое сумасшедше-непередаваемо, когда кто-то такой же, как ты. Когда кто-то такой же сумасшедший. Когда кто-то думает и чувствует, как ты. Вы делаете одинаковые безумные вещи и говорите одинаковыми фразами. Вам хорошо и комфортно вместе, и наплевать что думают совершенно посторонние люди.

Может быть, тогда в первом классе я почувствовала ее. Я почувствовала, что Эмили тот человек, с которым я буду всегда. Человек, которому я могу довериться. Я не позволяла промахов и «черных дыр» ни в жизни, ни в людях, которые меня окружали. Доверие — это всегда паршиво. Но я благодарна за то, что Эмили в тот момент столько лет назад защитила меня, и мы развивали друг в друге слишком многое. Чутье, доверие, независимость, взгляды, и в конце концов, любовь. Я могу подпустить сейчас к себе лишь ее, и не понимаю, почему не чувствую своей крови. Все люди совершают ошибки, но почему все так должно быть так трудно?

«В воскресенье вечером все задумываются о счастье, видимо сказывается конец недели. Кто-то не переваривает субботу, другие не переваривают понедельник. Вопрос счастья по-прежнему открыт, как форточка, в которую можно увидеть звезды, а можно просто курить». Ринат Валиуллин.

Пока мы снова летели на самолете в другое место, я все время думала о том, что на самом деле чувствую. Я не счастлива, но и не могу сказать, что полностью несчастна. Я многими людьми любима, а это гораздо больше, чем имеют многие живущие на земле. Возможно, человек просто привыкает к тому, что он одинок. Или возможно то, что я помню — это одиночество, и я привыкла к этой мысли или памяти о ней. Может быть, именно поэтому мне настолько трудно смириться с мыслью о том, что сейчас есть слишком много людей, которые рядом. И когда мне говорят, что я любила их всех и была с ними рядом, для меня это как гром среди ясного неба. Потому, что кто бы что ни говорил, когда ты отвык от

людей, тебе физически больно привыкать к ним заново. Но дай возможность себе привыкнуть к ним хотя бы на мгновение, как тебе покажется, что, если они исчезнут, ты исчезнешь вместе с ними, не имея при этом желания остаться.

Пещеры Порто-Кристо были темными и прохладными. Это, возможно, главная достопримечательность Майорки. Мы заказали экскурсию, и группы из нескольких сотен человек одновременно перемещались по двухкилометровому пути в сопровождении гидов, которые рассказывали нам на четырех языках, как интерпретировать причудливые сталактитовые образования — здесь кактус, там флаг, театр фей, ванна Дианы и все в этом роде. Часовая экскурсия закончилась концертом, во время которого музыканты проплывали на лодках по подсвечиваемому озеру Мартель — крупнейшему подземному водоему Европы.

— Ты знала, что это озеро названо в честь французского геолога Эдуарда Мартеля, который первым исследовал эти пещеры в конце XIX века по указанию эрцгерцога Людвига Сальвадора? — спросила меня Эмили, улыбаясь.

— Ага, — пробормотала я. — Он мне как раз об этом рассказывал.

— Ну же, Ди, — засмеялась она. — Разбуди свое воображение.

— Я думаю, что сталактиты, которые свисают с потолка, похожи на морковки. И я думаю, что эти пещеры идеальны для нового мультика Уолта Диснея.

Эмили лишь покачала головой, улыбаясь, и мы снова переключили свое внимание на рассказ экскурсовода.

— Куевас-дель-Драк образовалась под воздействием вод Средиземного моря, — рассказывал гид. — Первым исследовал и описал пещеры Эдуард Альфред Мартель, его же считают отцом основателем спелеологии. Мартель открыл огромное подземное озеро протяженностью 115 и шириной 30 метров, глубина озера колеблется от 4 до 12 метров. Озеро назвали Мартель, а вода в нём имеет солоноватый привкус. В 1935 году в пещеры дракона провели освещение и начали организовывать концерты. Во время концертов посетителей всегда усаживают на скамейки у озера, и к ним на лодках плывут музыканты, исполняющие композиции таких композиторов, как Кабальеро, Шопен, Оффенбах.

Концерт длился десять минут, после чего мы пошли осматривать пещеры. Многие плыли на лодках, но мы предпочли идти пешком под сталактитами, геликтитами и другими причудливыми образованиями из известняка. Хотя размеры пещер и были огромны, но протяженность маршрутов не превышала одного километра. Гиды проводили нас по всем залам и коридорам, показывая самые интересные места в Куевас-дель-Драк. Хорошее освещение позволяло осмотреть все уголки пещер, а также разглядеть мельчайшие камушки на дне озера Мартель.

— Я тебе хочу кое-что рассказать, — сказала Эмили, когда мы пешком возвращались домой.

— Если ты хочешь сказать, что у пингвинов Адели только один партнер на всю жизнь, и они делают предложение, вручая своей избраннице идеальный камушек, — изобразила я кавычки в воздухе, — то я и так это знаю.

— Нет, — засмеялась подруга. — Но это не менее интересно. У вас с Адамом порой все было сложно, и пока ты не вернула Оливию, чтобы побыть одной, иногда ты проводила время у меня в доме. Очередной раз, когда ты вечером пришла ко мне, я ушла спать, и сейчас уже не вспомню, когда точно, но Адам разбудил меня посреди ночи, перед этим пробравшись в дом.

— Отлично, — хмыкнула я. — Он еще и маньяк.

— Он обыскал весь дом, прежде чем прийти ко мне в спальню и спросить о тебе, Донна. Он обыскал каждую комнату, уголок и кровать. Тебя нигде не было, и мы отправились искать тебя. В конце концов поехали на Бруклинский мост, и нашли тебя именно там. Ты лежала на капоте своей машины, и смотрела на небо. Я была взволнована, но Адам тогда улыбался. Ты погружалась в свои мысли, и я всегда боялась этого. Когда я хотела подойти к тебе, он остановил меня, схватив за руку, и какое-то время ты смотрела на небо, а мы на тебя. Ты словно почувствовала, что за тобой наблюдают, и одним резким движением поднялась на ноги. Повернувшись, ты сначала глазами нашла Адама, а потом уже меня, — видела я страх, смешанный с отчаяньем, на ее лице. — Тогда я и поняла, что он все для тебя. Когда между мной и им ты выбрала его. Ты делала это молча, без лишних слов и без боли для меня. Так просто произошло, и тяжелее всех именно тебе было принять тот факт, что ты больше не одна. Что ты больше никогда не будешь одна. Ты любила его, Донна. Ты так сильно любила Адама, что хотела помнить каждый ваш момент. И не потому что это приносило слишком много счастья, а потому что ты чувствовала боль, даже от малейшей вероятности его потери. Он был твоим. Он был важным. Тебя были важны его слова и улыбка. И тебе было важно, чтобы он любил тебя больше всего на свете.

— Что я сказала, когда обернулась? — улыбалась я сквозь непролитые слезы.

— Ты крикнула Адаму, чтобы он рассказал тебе историю, — сжала она меня в объятьях. — Это было так глупо, но тебе нравились его истории обо всем, и даже в момент, когда земля была для вас двоих мала, ты хотела слушать его, наблюдая при этом за выражением его лица. Вы знаете каждую эмоцию на лице друг друга, и...

— Боже, — заплакала я. — Ты знаешь меня лучше, чем я себя сама. Ты помнишь все, а я совершенно ничего, — с каждым словом мой голос все больше похож на крик. — У меня даже прошлого нет.

— У тебя есть настоящее, Ди, — сильнее прижала меня к себе Эмили. — И будущее. Разве этого мало?

— Эмили, думаешь, они все будут ждать меня?

— Мы всегда будем ждать тебя, милая. Всегда.

«Раз я знаю, что ты придешь, я могу ждать сколько угодно». Альбер Камю.

Я слышала стук своего сердца и музыку, которая играла в наушниках Эмили. Наверное, она включила ее, чтобы заглушить звук моих мыслей.

«Музыка своей мелодией доводит нас до самого края вечности и дает нам возможность в течении нескольких минут постичь ее величие». Томас Карпейль.

— Дай мне морфий, — сказала я тихо.

Эмили словно почувствовала, что я больше не молчу, и лежа со мной рядом на кровати, сняла наушники.

— Ты что-то сказала? — спросила она.

— Да, я попросила морфий.

— Слишком поздно для наркотиков, — усмехнулась подруга.

— Для наркотиков никогда не поздно.

— У меня на руках крови больше, чем у любой из нас, Ди, — взяла она меня за руку. — Но, если с тобой случится хоть что-то, тогда я готова добавить еще.

— Ты как Омежник.

— В каком это смысле? — снова засмеялась она.

— Это ядовитое растение, которое в момент смерти вызывает у жертвы улыбку.

Вскоре Эмили уснула, а я так и не смогла этого сделать. Я открыла список своих контактов и случайно нажала на имя Майкла. В трубке начали звучать гудки вызова, и я начала жать кнопку отбоя. Я надеюсь, что не разбудила его, но увидев спустя максимум секунд 20 его имя на экране, поняла, что ошиблась.

— Привет.

— Привет.

— Это Майкл.

Я думала промолчать, ведь не знала, что ответить, но он продолжил:

— Я просто хочу узнать, как ты.

— Может быть, завтра поедем домой.

— Я хочу тебе рассказать, или хоть кому-то, ведь у нас со Стейси все так сложно, но...

— Я не помню даже своей истории, Майкл, но одно я знаю точно, если ты действительно любишь, не закаляй ее своим безразличием. Привяжи ее к себе. Сделай так, чтобы она не смогла без тебя обойтись.

— Она не хочет меня.

— Она вынашивает твоего ребенка, Майкл. Ты сам веришь тому, что говоришь? Просто однажды, выплакав все слезы, она перестанет звать тебя, а со временем и замечать вовсе.

— Я гость на ее пороге два раза в неделю.

— Потому что тебя не было рядом. Она должна была чувствовать твою заботу. А ты играл с ней, отводя ей роль временного события в твоей жизни.

— Донна, — перебил меня Майкл, и его голос смягчился. — Я рад, что ты возвращаешься.

В последнее время я часто думаю о том, что мы оставляем в чужих жизнях. И оставляем ли мы что-то вообще? Кто-то, кого мы знаем так мало, может в одно мгновение изменить все. Мировоззрение, логику, религию, смысл всей жизни. Слова, которые он говорит, становятся твоими. И если говорить о мужчинах, то, конечно, каждая, наверное, хочет идеала, но что такое идеал? Я думаю, он и она что-то кому-то должны, в конце концов в этой жизни. С моей точки зрения ни одной женщине не нужен нерешительный, который не способен не то, что отстоять свои права на женщину, а и выбрать носки в одиночку. Умение признавать ошибки — это то, что этому миру задолжали оба пола. Самопровозглашенные короли и королевы никогда долго не правили, так почему столько людей думают, что смогут изменить историю? ореол таинственности, конечно, замечателен, но наводить его, показывая всем свою глупость и «крутость» ничего не изменит. В конце концов, глупо смотреть порно, когда в соседней комнате есть любимый человек, и я имею в виду не только секс в принципе.

«Потом мы заснули. Вернее, она заснула. Я обнимал ее сзади. Впервые я подумал о женитьбе. Я знал, что, конечно, где-то в ней есть недостатки, их пока не видно. Начало отношений — всегда самое легкое. Уже после начинают спадать покровы, и это никогда не кончается. И все же я думал о женитьбе. Я думал о доме, о кошке с собакой, о походах за покупками в супермаркете. У меня ехала крыша. И мне было до балды». Чарльз Буковски.

Какой смысл пытаться поймать момент, если это все равно бессмысленно. Просто нужно его прожить, ведь он больше не повторится. И когда я сказала Эмили, что хочу увидеть Адама и Оливию, через полтора часа мы уже были в аэропорту, и подруга просто держала меня за руку, не говоря лишних слов.

Элчин Сафарли сказал, что мечта должна быть важнее и выше возможностей. Что за

мечту нужно держаться, как бы вас не пытались оторвать все ветра сомнений. Добраться до мечты — значит пройти тест на выживание. Но что, если это и была моя мечта? Что, если в попытке вернуть себя старую, я потеряю все настоящее.

Когда Адам открыл дверь и улыбнулся, произошло что-то поистине волшебное. Словно я и не уезжала, и за это время он не заменял настоящего родителя моей дочери. Оливия взглянула на меня, и уголки ее губ поднялись. Она закрыла глаза буквально на мгновение, а когда открыла их снова, я почти перестала дышать. Она улыбалась даже глазами, и спустя несколько секунд бросилась в мои объятия. Я вдыхала запах своего ребенка, и чувства переполняли меня. Тут мое место. Рядом с этими людьми. В этом доме, и только эти запахи и есть мой дом.

Когда Оливия ушла обратно в комнату, я усмехнулась Адаму, протягивая руку.

— Мы еще не встречались официально. Я Донна.

— Извините за мои манеры, — положил он руку на сердце с напущенным ужасом. — Я Адам.

— Кто-то сказал, что мы жаждем совершенства, а вокруг торжествует пошлость.

— Ты такая ненормальная, — засмеялся Адам, смотря на меня.

— Это что вы хотите сказать этим, молодой человек?

Его выражение лица сексуальное, и его глаза за несколько секунд от безэмоциональных стали подобны синему омуту, который готов был перевернуть весь мир ради тебя. Я боюсь. Боюсь момента, когда он что-то скажет, и боюсь самых слов.

— Ты все время кидаешься в крайности. Ты то любишь меня, то твой мозг решает меня не помнить. Ты надевала шикарное платье, но, приходя домой, была готова влезть в нем под душ, чтобы просто смыть с себя день. Ты считала, что мороженное и пицца — лучшее средство для поднятия настроения, и тебе было все равно, кто и что подумает о тебе. И ты чувствовала, — притянул он меня к себе. — Ты всегда все чувствовала.

«Я хочу проживать свои настроения, хочу полностью отдаваться каждой секунде. Чувства — это и есть жизнь». Айрис Мердок.

Мне так нравятся сумасшедшие люди. Я взяла его руку и сплела наши пальцы. Его сердце такое открытое для меня, и душа так доверчива. Он не боится глупых суждений и порой наивных помыслов. Несмотря на жизнь, полную предательства и вранья, Адам радуется новому рисунку Оливии и моей улыбке. Он так же чувствует. Может быть, слово «навсегда» не просто пустой звук? Может, он и правда не отпустит, не предаст и, не осуждая, поймет? Будет рядом, несмотря ни на что. Может, мне это не просто кажется? Может, я просто наконец-то смогу внутренне успокоиться?

В следующее мгновение в дверь позвонили, и я отошла, направляясь открывать ее. В дом вошли двое мужчин, и, когда они показали свои значки, я почувствовала страх.

— Адам Майколсон, — сказал один из детективов. — Вы арестованы по подозрению в убийстве. У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть и будет использовано против вас в суде. Также вы имеете право на адвоката. Если вы не можете его себе позволить, вам предоставит защитника государство.

Все было как в замедленной съемке. Наручники, взгляд Адама, обнимающая меня Оливия, захлопнувшаяся дверь и мои слезы. Адам ничего не говорил. И когда на следующий день я пришла к нему, он был абсолютно спокоен.

— Кажется, я люблю тебя, Адам, — сказала я, когда в тот день дверь за ним захлопнулась. — Кажется, я по-настоящему тебя люблю.

«Женщины — это бесконечность, наполненная противоречием. Когда жалуешься мне, что не можешь ее понять, выглядишь смешно. Ты говорил об этом с таким серьезным видом, что я чуть не подавился кофе от смеха. Нет никакой причины и никакой необходимости пытаться понять природу женщины. Не трать свои силы — это пустой труд. Женская природа — великая тайна, — бездна без начала и конца. Ни одна женщина сама не знает и не понимает сути своей природы. Она, как ветер, меняется постоянно. Надо принять это как факт, ибо принятие этого факта дает многое. Твои обиды и непонимание — это твоя преграда. Многие мужчины делают две главные ошибки: первые слишком упорно бегают за женщинами и навязывают им свою любовь, чем пугают и душат их, а вторые сами ждут от женщин, когда те придут и начнут, но в итоге женщины не приходят, так как им нужно внимание. Оба варианта неправильные.

— Совсем запутался. Как тогда быть, если бегать за ними неправильно и не бегать тоже неправильно, что тогда? — спросил он с обиженной усмешкой.

— Встать у них на пути».

Роман «Ирбис» Дмитрия Брилова я перечитывала десятки раз, и каждый из них открывала для себя что-то новое. В конечном итоге задумалась, смогу ли вообще когда-нибудь постичь разум этого человека. Может ли человек до конца постичь разум другого в принципе? Да, ночные разговоры и неожиданные приезды доставляют удовольствие. Смешные истории и заумные разговоры — также великолепно. Кажется, что в этом нет ничего сексуального, не считая, конечно, глаз, которые смотрят на тебя в тот самый момент. Взгляды людей, наверное, самое сексуальное, что придумала вселенная, но все же разум — это целая библиотека. Это и истории, и образы, и дороги, которые когда-либо пересекались или все еще планируют. И когда человек, который не прочувствовал этого ни разу говорит, что может контролировать свои чувства, мне становится смешно. Люди не могут контролировать по большому счету ничего, даже тягу к сигаретам, а что говорить о чувствах, когда мир еще не создал ничего сильнее?

С тех пор прошло два дня, и я впервые полноценно дала волю слезам. Я не хотела быть одна, но и не хотела звонить подругам. Поэтому, сев в машину, я поехала в дом, где наверняка меня поймут без слов. Все новости говорили о задержании Адама, так что я предпочла ехать в полной тишине, не включая радио. Когда GPS показал, что я уже на месте, то припарковалась возле дома Майколсонов. Меня встретил мужчина, и судя по его чертам лица, это был родственник Адама.

— Я отец Адама, — прикурил он сигарету. — Ричард. Десять лет не курил.

— Ричард, я...

— Мой сын будет в порядке, — перебил он меня.

— Почему вы, мужчины, так уверены, что в конечном итоге все кончится хорошо?

— Ты видела его руки?

— Наверное да.

— Они в шрамах. И это ведь был далеко не единственный раз, и он справился. А ради того, чтобы быть с тобой, мой сын проломит стены при необходимости.

Что такое реальные отношения? Рано или поздно ты думаешь об этом, и приходишь к

определенному выводу. Говорят, что это когда задыхаешься без человека, но почему не наоборот? Почему не тогда, когда дышишь. Глубоко. Всегда. Когда чувствуешь свободу и желание дышать день ото дня. Когда нежность и доверие как само собой разумеющееся, и тебя не раздражает ни дикий нрав, ни глупые привычки и потребности, которые порой вызывают смех. И нет, я не считаю, что у меня есть или были какие-то особые требования к людям или к мужчине, с которым я хотела бы связать свою жизнь. Честность, открытость, возможность обсуждать и смеяться, и самое главное — чтобы он ни на мгновение не сомневался, что я именно та, кто ему нужен. Я не хочу быть королевой, но хочу быть на его пьедестале. Нет, не надо меня поднимать, чтобы в случае неудачи напоминать мне об этом в будущем. Я сама поднимусь, и, если этот человек будет способен видеть это, этого будет достаточно. Наверное, я просто хочу быть нужной кому-то, кто так сильно нужен мне.

Я простояла с мужчиной не больше пяти минут, а затем вошла в дом. Услышав звук телевизора, направилась в кухню. Войдя, заметила Изабель — маму Адама, которую видела ранее на фото. Она сидела за столом и смотрела альбом с фотографиями. Когда женщина подняла на меня глаза, я заметила, что они были красными от слез.

— Он был сказочным ребенком и всегда всю вину брал на себя.

Я села с ней рядом и молча взяла ее за руку. Из моих глаз потекли слезы, и женщина обняла меня, прижимая к себе. Возможно, это действительно правда. Сын для матери в каком-то смысле собственный герой. И суть даже не в ребенке, а в идеальном мужчине, которого можно родить лишь самой. Ведь как бы ни было, не создала природа еще людей без изъянов, даже если мы ищем и теряем всю свою жизнь.

Что-то случилось в этот момент. Меня словно осенило, и воздух, после длительного отсутствия, снова вернулся в легкие. Память всегда живет в нас, даже когда мы ее теряем. Она как свет, который дан нам при рождении. Оказывается, человек может по большому счету выдержать абсолютно все, ведь свет светит всегда, и наполнить его может лишь любовь. Без нее мы пусты, словно изгнаны из рая, в котором жили раньше. Меня пронзили все воспоминания в одно мгновение, и тяжесть боли, которую ты причиняешь другим людям, грузом ложится на твои плечи. Да, я вернулась, но скорее всего, в мире еще не придумали таких слов, благодаря которым я смогла бы сочинить оправдание для людей, которые все еще рядом. Я пошатнулась и всмотрелась в глаза Изабель. Она изучала меня какое-то время, а затем на ее лице появилось понимание.

— Ты вспомнила.

— В меня стреляли, — прошептала я. — Алекс стрелял.

Я хотела знать, где он, хоть и понимала, что моя надежда, что он жив — лишь остатки наивности. Я никогда ни за кого не боролась. И пребывая на грани смерти какое-то время, поняла, что за важные вещи стоит бороться. Они просто так не идут в руки. После нескольких пробуждений в ту фатальную ночь Адам все время был рядом. Он пил кофе, смотрел на меня, или спал, положив голову на больничную койку. Я улыбалась, радуясь, что он рядом, и чувствовала огромное разочарование каждый раз, когда он уходил. Я вспомнила, как пыталась встать с койки, и боль пронзила мое бедро. Я вспомнила, как он смотрел за моей дочерью, и отпустил меня, чтобы просто сделать счастливой. В конце концов можно миллион раз за свою жизнь влюбиться. Но однажды приходит именно та любовь, вместе с которой ты понимаешь, что это на всю жизнь. Любовь, от которой не пропадает аппетит, а которая открывает новые блюда, и твои вкусовые рецепторы не знали, что раньше еда может быть такой потрясающей. Эгоизм меняется на нежность, и все меняется. Абсолютно все. Это

и было то, что я чувствовала к Адаму всегда. Он изменил для меня весь мир, и самое главное — изменил меня. И если он думает, что для меня ничего не значит, когда я снова чувствую, и что снова позволю ему уйти, то он ошибался. Тот выстрел изменил все, и я не собиралась больше отпускать то, что было мне важно впервые в жизни.

— Что ты чувствуешь?

— Правильность.

Наверное, можно было бы сказать миллионы слов, и каждое из них было бы уместным. Но на самом деле именно «правильность» подходило идеально. Я молчала, но слышала один голос, который говорил мне совсем незнакомые слова. Только потом я поняла, что это голос в голове. Когда человек о чем-то думает или даже что-то читает не вслух, в его голове звучит голос. Он может быть и мужским, и женским. Люди чаще всего не задумываются об этом, но, если остановиться хотя бы на мгновение, можно услышать себя. Тембр, и как его слышит вселенная. Каждый голос идеален. И не только его тембр, но и сама дикция, тональность и даже паузы между словами. Это и есть человек. Это голос нашей души.

«В каждом человеке есть солнце. Только дай ему светить». Сократ.

Я выбежала из дома, и рванула к машине, даже не попрощавшись, и поспешила к своей дочери. Она была в школе, но с ее рождения и навеки останется первой, кому я захочу рассказать что-либо, даже если в ответ услышу тишину. Когда директор сказала, что вскоре Оливия спустится, я прокручивала кольцо на пальце, которое так и не сняла. Это меня удивляло, ведь в какой-то степени я была чужой, но не смогла полностью выбросить все, что было. Просто не сумела. И возможно когда-нибудь я начну копать в себе, но не сейчас. Сейчас я хотела все исправить или попытаться сделать чуть счастливее тех, кто долгое время делал это для меня.

— Мама, — слышу я голос дочери спустя несколько минут.

— Лив, — направила я к ней быстрым шагом. — Привет.

— Что-то случилось?

Я присела перед своим ребенком и взяла ее личико в ладони. Всматриваясь какое-то время в ее глаза, мне стало так невыносимо жаль, что есть поступки, которые уже не исправить. Моменты, которые уже никогда не повторятся, и я не смогу пережить их снова. Я бы хотела пережить еще раз рождение этой девочки и вернуть все ее детство в свою жизнь. Конечно, будут и другие моменты, и другие поступки, но то, что было самым важным тогда, уже никогда не повторится. И то, что оставило самые теплые воспоминания, больше никогда не вернуть.

— Я вернулась, — смогла лишь вымолвить я. — Прости меня.

Ее маленькие ручки сильнее сжали мою шею, и я услышала всхлипы. Когда не хочется жить, и чувствуешь, что ты одинок, кто-то сверху напоминает тебе, что ты никогда не будешь один. У тебя есть, конечно, друзья, но самое главное — у тебя есть ребенок. Есть тот, кто будет любить тебя, несмотря ни на что. Я нужна ей гораздо меньше, чем она мне, но эта девочка в состоянии заменить мне весь мир.

— Мама, — отошла от меня Оливия, чуть улыбнувшись. — Ты потеряла очень многих людей. Но сейчас ты тут, и ты осталась сильной. И ты все еще моя мама.

Я чувствую, что мы связаны. Не знаю, может быть, я хочу верить, что просто перечеркну всю горечь и обиду, причиненную ей. Может быть, это мечта о настоящей семье. Но сейчас я чувствую, что снова на плаву. Мой круг общения очень маленький и крайне отсортирован. Нет, я не обижаюсь. Я циник и слегка высокомерна, но не мстительна.

Мне нужен именно мой узкий круг, благодаря которому я чувствую безопасность и уверенность. Мне нужен мой круг, а не «светский сброд» лицемеров.

— Ты поедешь к Адаму?

— Да, — ответила я, когда мы сели в машину. — Я обязательно верну твоего папу. Обещаю.

— Ты останешься теперь тут навсегда?

Я пересадил ее к себе на колени и заглушила мотор.

— Все, чем я живу, Оливия, связано лишь с тобой, — смотрела я в ее потрясающие глаза. — Я надыхалась уже для себя, и могу сказать лишь то, что с меня хватит. Теперь я хочу дышать лишь для тебя. Жить лишь для тебя. Я столько лет была одержима мыслями о тебе, фантазиями, что ты вот так будешь сидеть у меня на коленях, и я смогу рассказать тебе все. Но я потеряла это и никогда не смогу искупить свою вину. Все, что могу обещать — пытаться, — прижала я ее к себе. — Обещаю, что сделаю все, чтобы ты никогда не пожалела о том, что впустила меня в свою жизнь. Ты моя дочь. Ты моя мания и самая большая слабость.

— Я лишь рада, что ты приехала.

Слезы жгли мои глаза, и я больше не сдерживала их. Как я могу быть настолько другой с этой девочкой? В ее глазах я мать, а не монстр.

— Ты будешь в безопасности со мной, — завожу я мотор машины. — Обещаю. Я никому не позволю причинить тебе боль.

— Я знаю, мама, — лишь усмехается она. — И еще я знаю, что мы защищаем семью любой ценой.

Когда мы подъехали к дому, Оливия взяла меня за руку. Но я не могу просто сделать этого. Я не готова вот так войти. Прислонившись лбом к деревянной двери и пытаюсь собраться с мыслями, мне стало казаться, что это сон, и вскоре, когда я проснусь, снова не буду ничего помнить, а мой ребенок снова будет не со мной.

— Мам.

— Лив, — опускаю я свой взор на дочь. — Не переставай жить сказками, слышишь? Живи ими и мечтай.

— Я верю.

Я приседаю перед своим ребенком и спустя несколько секунд обнимаю, слыша собственные всхлипы. Я никогда не позволяла себе столько плакать, как в последнее время.

— Я всегда буду верить, мам, — успокаивающе она гладит меня по волосам. — Только не плачь. Я буду делать то, что ты захочешь.

— Милая, — беру я ее личико в ладони. — Я плачу не из-за этого. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И даже, когда потом ты вырастешь и ступишь на тропу взрослой жизни, я хочу, чтобы ты верила в сказки. И однажды вернулась к этому разговору. Вернулась к сказкам, уже говоря это своей дочке.

Оливия больше не сказала ни слова, а лишь взяла меня за руку, ведя в дом. Я улыбнулась ей, понимая, что это мой семилетний ребенок. Моя девочка гораздо взрослее, чем я. Меня учили жить слишком поздно, а ее — с самого детства. Возможно, мне сейчас почти что и невозможно разбить сердце, но в отличии от меня, у Оливии есть сердце. Эта девочка обладает умением разжигать огонь и улыбаться даже дистанционно. И каждый раз, когда я думала, что все потеряно, что во всем потерял смысл, она снова возвращала меня к жизни, вызывая острую необходимость дышать.

Когда Оливия сказала, что ей нужно принять ванную, я, ничего не ответив, пошла исследовать кухню. Я заметила, что на холодильнике, магниты держат множество фотографий Оливии. Еще заметила, что все баночки для приправ и круп одной серии, так как я и люблю. В верхнем ящике возле мойки находилось несколько бутылок моего любимого вина, и вся эта кухня в принципе была создана словно специально для меня.

— Я начинаю думать, что мы с тобой похожи.

— Эмили, — оборачиваюсь я, затаив дыхание на мгновение.

— Ди, — сжимает она меня в объятьях. — Я соскучилась. Боже, я так чертовски по тебе соскучилась.

— Ты знаешь, — обнимаю я ее в ответ.

— Я вижу тебя в твоих глазах, — надрыдается ее голос от слез. — Я снова вижу себя в знакомом взгляде.

— Я рада, что ты тут.

— Ты самый сильный человек, которого я встречала, Донна.

— Подскажи, как мне наконец-то убрать яйца, которые я отрастила в прошлых отношениях?

Мы начинаем хохотать, и я наконец-то немного расслабляюсь. Кажется, если бы луна могла улыбаться и быть человеком, она имела бы облик Эмили. Она имела бы ее тонкие пальцы и длинные ресницы. Имела бы жесткий характер и оставляла после себя каждое мгновение, которое бы вспоминали другие, как «впечатляющее». Она прекрасна и уничтожающая в одно и то же время. И она та, кто была рядом, несмотря ни на что. Она — семья. А семью мы защищаем любой ценой.

— Расскажешь мне, что я пропустила, — говорю я, когда мы уменьшаем громкость нашего смеха. — Пока Оливия пошла принимать ванную.

— Ты ей рассказала? — занимает Эмили место за столом.

— Первой, — накрываю я на стол, понимая, что Адам на самом деле отличные отец, судя по заполненному холодильнику. — Знаешь, она все понимает.

— Она слишком умна, — задумывается подруга на мгновение. — Она похожа на тебя.

— Как у вас с Брайаном?

— Мы пытаемся завести ребенка, но пока не очень выходит.

— Ты в порядке?

— Да, — ободряюще она улыбается. — На самом деле я не знаю почему не хотела ребенка раньше. Я не знаю, зачем делала и совершала столько всего.

— О, Эм, — снова смеюсь я. — Фразой «я не знаю зачем это делала» можно описать всю мою жизнь.

— Потрясающий тост.

— А как девочки? — ставлю я бокал с виски на стол. — Как Эс?

— О, — смеется Эмили. — Кажется она в порядке.

— Майкл в итоге оказался дураком?

— Никто из него дурака не делает. Это полностью его инициатива. Ева рассталась с последним парнем.

— Почему?

— Он сказал ей, что она должна принимать его таким, какой он есть.

— И она закончила прием? — снова рассмеялась я.

— Поехали сегодня на девичник? — становится она серьезной в следующий момент.

— Я не...

— Можешь, — хмурится она. — Они не видели тебя целую вечность, и...

— Не надо, Эм, — перебиваю я ее. — Просто не надо. Я правда по вам всем соскучилась, но сегодня я хочу обнимать моего ребенка, пока она свернется калачиком возле меня. Я буду делать все это, пока она мне будет разрешать, потому что, откровенно говоря, я этого совсем не заслужила.

Эмили поджмает губы, и я вижу, что она определенно хочет что-то добавить. Я отрицательно качаю головой, замечая то, что, возможно, не заметил бы никто, кроме меня. Я знаю эту женщину лучше, чем себя, и она смотрит на меня пронизательным взглядом, пытаюсь что-либо прочесть по моему лицу. Я делаю очередной глоток виски, пытаюсь через мгновение избавиться от жжения в горле, а Эмили, больше не сказав ни слова, подходит ко мне и после того, как, целует в лоб, направляется к двери, захлопывая ее за собой.

— Слава богу, я не похожа на то, через что прошла, — говорю я сама себе, направляясь на второй этаж к Оливии.

Когда я стучу в ванную, и дочь разрешает мне войти, я смотрю на картину, где она лежит в ванной вся пене, и музыка, которая играет в колонках, совсем не для девочки семи лет. Адам обустроил ей все, вплоть до ванного столика с резинками и феном.

— Кажется, что ты все контролируешь.

— Так и есть, — усмехается она. — Ты звонила тете Эмили?

— Она только что уехала.

— Ты спросила за папу?

— Я сейчас это сделаю, хорошо? — целую я ее в лоб. — Есть будешь?

— Нет, — пожимает Лив плечами. — Я хочу посмотреть с тобой какой-то фильм.

— Тогда ты вылезай с ванной, а я иду звонить Эмили.

«Ты должен осознать, что люди имеют право мыслить не так, как мыслишь ты, и не делать того, чего ты от них ожидаешь. Они, вероятно, любят тебя, но их любовь может проявляться не так, как ты хочешь». Бернард Шоу.

Пять часов до встречи с Адамом кажутся самыми долгими в моей жизни. Вчера я заняла себя всевозможной работой, но все было тщетно. После просмотра фильма я лежала в кровати, обнимая Оливию, потом приготовила ребрышки и выкинула ненужный хлам из своей спальни. Адам был повсюду. Его запах, его губы и улыбка, которая появлялась каждый раз на его лице, когда он заглядывал в комнату, смотря как я наношу макияж. Я так невыносимо скучала по нему. Тосковала до дрожи во всем теле. Его не хватало в каждом мгновении и в каждом прожитом мною дне со дня выстрела. Ночь проходит практически без сна, и, вставая с кровати в пять утра, я неторопливо готовлю завтрак Оливии, собираю ей рюкзак и в семь утра подхожу к ее кровати, пробегая пальцами по розовому с оранжевым балдахинному покрывалу. Когда отвожу Оливию в школу и снова возвращаюсь домой, просто не знаю, куда себя деть. Эмили должна приехать с минуты на минуту, и за пол часа до моего визита к Адаму я нахожусь на грани нервного срыва.

— Ты готова? — спрашивает Эмили, входя в спальню. — Нам нужно выезжать.

— Да, — качнула я головой. — Ты в порядке?

— Я рядом, Ди.

— Хочешь уволиться? — улыбаюсь я, поднимаясь с места.

— Все идет к тому. Но дело в том, что ты будешь звонить мне 24 часа в сутки, говоря, — Эмили прочищает горло, и ее голос становится выше, имитируя мой. — Блин, Эмили, я опять в дерьме. Исправь все это.

На Востоке существует поверье, что птицы не умеют грустить, так как награждены вечной свободной. Когда они в чем-то разочаровываются, то надолго улетают в небо. Чем выше, тем лучше. Летят с уверенностью в том, что стремительный полет приблизит их к новому счастью. Порой я думаю, что людям есть чему поучиться у птиц. Крыло ведь всегда может быть сломано, но от того, что ты бездыханный упадешь на землю, ничем не выиграешь.

«И однажды ты посмотришь назад и поймешь, что весь полученный тобой опыт, каждая кажущаяся ошибка или тупик на самом деле были прямой дорогой к той тебе, какой ты и должна была стать». Рей Гринберг.

Мы проходили сквозь решетки и железные ворота. Меня проверили на металлоискателе, и каждый раз я не понимала, почему именно моя семья что-то переживает. Почему любовь не может быть сильной и даже вечной без чего-то пережитого? Почему все романы повествуют лишь о том, что на самом деле в конце какие-то отношения должны себя оправдать, обязательно должна присутствовать драма. Что мы все время ищем, даже когда возвращаемся назад?

«Жизнь изменяется не числом вдохов-выдохов, а моментами, когда захватывает дух». Джордж Карлин.

Я сидела на холодном кресле, и мне было ужасно одиноко. Я не могла понять, как тут все еще дышит Адам. Как он, человек со своей натурой, до сих пор не взвыл тут волком. Теперь, когда все вернулось на свои места, я снова вспомнила всю палитру чувств, которые испытывала рядом с этим человеком. Любовь, ненависть, нежность, жесткость, бесконечное желание и абсурдную зависимость быть рядом. Я послала бы в ад самого дьявола, чтобы только почувствовать еще хотя бы раз его руки на себе. Ты ощущаешь счастье, а потом дикую боль, когда оно исчезает без остатка. Мы не сможем забыть таких людей, и это разница между теми, в кого мы порой влюбляемся, и кто предназначен для нас.

Я долго не выдержала и подорвалась с места, опираясь спиной на металлическую дверь, отчего целый ряд засовов впираются мне в спину.

— Донна, — услышала я голос единственного человека на целой планете, который вызывает столько пожара и спокойствия одновременно.

— Адам.

— Я не могу, Донна, — делает он два шага назад. — Я не подхожу тебе. И мне нечего предложить тебе, кроме своей защиты. Но моя защита — это жесткость.

— Я согласна, — вздохнула я, подходя ближе, пока мои руки не обняли его за талию. — У тебя в прошлом было много жестокости, но все же ты остался человеком, пусть и не целиком. Ты рискуешь собой ради тех, кто тебе дорог. И за то время, что мы были вместе, ты дал возможность понять гораздо больше, чем другие за всю мою жизнь. Да, мы были вместе, я просто поздно это поняла. Ты прикасаешься ко мне, и я чувствую себя живой.

Я глубоко вдыхаю, наполняя воздухом свои легкие. Адам неуверенно поднимает свою руку и проводит ею по моей щеке. От этого движения по моему телу пробегает дрожь, которая скорее мучительная, чем приятная. Я закрываю глаза, усиливая хватку своих рук на его одежде, и считаю до десяти, чтобы успокоиться. Он так близко, и его губы касаются

моего правого виска. Мое дыхание сбивается, и, к моему удивлению, его тоже. Адам обхватывает ладонями мое лицо и наклоняется, так, чтобы наши лица почти соприкасались.

Однажды ты встречаешь его. Правильно человека. Он перевернет всю твою жизнь. Твое мышление и религию. Он переделит твою жизнь на две части, и все изменится. Больше ничего не будет, как прежде, и прошлая жизнь останется лишь мгновениями на фото. И самое главное — изменишься ты сам, и больше не захочешь возвращаться.

— Я не позволю уйти, если ты скажешь мне «да». Никогда. Я могу делать все по-своему и злиться. В моем сердце осталось буквально одна капля, которая не была пропитана тобой, и, если это случится, я не смогу жить без тебя. Если ты уйдешь снова, я умру, Донна.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, — прошептала я, прикоснувшись своими губами к его, не отводя взгляд. — И я выбираю нас. Навсегда.

«Признаюсь вам, что чем дольше я живу, тем яснее понимаю, что главное в жизни — это твердо знать, чего ты хочешь, и не позволять сбить себя с толку тем, кому кажется, будто они знают лучше». Пэлэм Грэнвил Вудхаус.

— Я рада, что повстречала мужчину. Что повстречала тебя, Адам. Я целую вечность не улыбалась при мысли о ком-то. По правде, я вообще никогда не улыбалась при мысли о ком-то, кроме тебя. Ты — мое чудо. И я стала видеть его повсюду. Да, мы делали глупости и совершали дурные поступки. Я не хотела помнить, и прости, что ты вошел в момент тех воспоминаний. Ты самый неудержимый человек, с которым я знакома. И мне нравится, что ты не уступаешь мне. В моем окружении никогда не было такого мужчины, и ты стал мне просто необходим.

Адам поднимает меня на руки, отрывая мои ноги от пола. Я вздрагиваю и закрываю глаза лишь на долю секунды. Глаза Адама темнеют, и он смотрит на меня, когда огрубевшие кончики его пальцев скользят по моему лицу, убирая несколько прядей волос.

— Ты выглядишь слегка ошеломленной, — слышу я его улыбку.

— Это не так, — усмехаюсь я в ответ.

Он целует меня в висок, затем прокладывая дорожку поцелуев к моим губам. Я прижимаюсь к нему всем телом. Адам Майколсон — это идеальное сочетание мышц, сексуальности и нежности. Он обнажает меня. Обнажает мои чувства и тело. И самое удивительное, что я позволяю делать это с собой.

— Тогда как?

— И истощена самой жизнью, — отвечаю я честно. — Но сейчас все идеально. Сейчас все именно так, как и должно быть.

«Она прогоняла его холод, а он охлаждал ее жар». Карен Мари Монинг.

Его плечи расслабляются, и он улыбается немного вымученной улыбкой.

— Я тебя не звал.

— Я не играю по твоим играм, Майколсон, — убираю я его светлые пряди волос с лица. — Я больше не разваливаюсь на части, и теперь мы, кажется, равны.

— Если бы не камеры, мы сыграли бы по моим правилам.

— И мы сыграем, — целую я его. — Мы будем играть всю жизнь.

Когда ты любишь человека, секс перестает быть чем-то грязным и в плохом смысле пошлым. Ты становишься связанной с другим человеком на каком-то уровне. Этого человека не сравниваешь с семьей, друзьями или даже дочерью. Это что-то другое. Вы живете порознь, работаете, порой даже делаете друг другу до невыносимости больно, но вы связаны. Говорят, что такие люди встречаются нам в течение всей жизни. Но я не верю в это. Я

думаю, что если вы встретите такого человека хотя бы однажды, то это уже больше, чем можно желать. Вы можете быть знакомы всю жизнь, прежде чем понять, что он тот правильный человек, или совсем наоборот — появляется из ниоткуда, при странных и совершенно нелепых обстоятельствах, но в конце концов это также происходит. И вот однажды, выйдя утром на балкон или просто во двор, ты понимаешь, что даже воздух изменился. На улице может быть та же погода, но пахнет иначе. Уже сильнее всего обжигает не солнце, и не ветер целует твои плечи. Ты прощаешь, несмотря ни на что. Ты прощаешь, даже когда нельзя всего прощать. Кто-то верит, что это обстоятельства, удача, или судьба. Но я думаю, что это просто лимит. В один момент ты понимаешь, что вот-вот будет лимит твоего желания видеть вечную зиму, как вдруг — он. Тогда и наступает ваше лето.

Приехав домой, я поняла, что больше не жалею себя. Я смотрела, как горит огонь в камине, а Оливия лежала у меня на коленях, накрытая сверху пледом. По телевизору шла какая-то дурацкая мелодрама, и один бокал недопитого вина стоял на кофейном столике. Я узнала, что Долорес сейчас собирается в аэропорт, и, наверное, в ее квартире сейчас играет музыка. Странно, почему именно это пришло мне в голову?

«В мире есть города, которые созданы для тебя. Может быть, ты об этом не знаешь, но они есть. И они тебя ждут». Тибор Фишер.

Я взяла ручку и лист бумаги, чтобы написать Адаму письмо. Он столько сделал для меня. Он сделал меня лучше и научил любить. В этот момент я вспомнила слова Эмили: «Брайан научил меня любить, и за это я всегда буду в неоплатном долгу перед ним».

«Кажется, мы прошли все стадии отношений. Я не знаю эталона любви, но да, мне есть с чем сравнивать. Вся наша жизнь — какой-то дурацкий блокбастер, но я все равно хочу видеть в главных ролях лишь тебя. Говорят, что люди не замечают 40 % наших дефектов во внешности. Но, наверное, одна из стадий — у нас спала пелена с глаз. Мы не видим друг друга красивей или лучше. Мы делаем друг друга красивей и лучше. Почему из стольких миллиардов людей нашелся именно ты? На твоём фоне после поблекло все, вплоть до самого мира. Ты являешься полной противоположностью всему, что я искала. Всему, что я хотела. Ты разрушил иллюзии и дурацкие идеалы, и я больше ничего не могу с этим поделать. Я больше не хочу ничего с этим делать. Каждый твой пройденный шаг стал дорог мне, разве не банально? Я так медленно тонула в тебе день за днем, что в конце концов утонула. Нет, нет, чушь. Нельзя утонуть в любви. Ты стал моей спасательной лодкой. И вот в два часа ночи я смотрю какую-то мелодраму и никак не могу допить бокал любимого красного вина. Оливия спит на моих коленях, а мне так чертовски не хватает тебя рядом. Это не сравнимо с друзьями, детьми или семьей. Ты — что-то совсем другое. Ты то, что не сравнивают. Ты нежность, сердце, чудо и целое небо в одном флаконе.

Мы зависимы и независимы. Звучит, конечно, как самая нелепая глупость, но это так. Зависимы, но не созависимы. Можем жить друг без друга, но не существуем порознь. Ты даешь мне сил и вдохновляешь становиться лучше. Ведь я заметила, как ты изменился. Я хочу, чтобы ты был рядом, не для фальшивого служения, а ради себя самого. Твои психологические границы я буду уважать, хоть и размажу к черту при общем желании. Ты — мой собственный жемчуг. Ты не требуешь никакой обработки».

Я так и уснула вместе с Оливией. Она разбудила меня на следующее утро, и все снова происходило заново. Та же рутина — завтрак, улыбка, поцелуй и ее взмах рукой, прежде, чем она убежала на уроки. После я поехала в свою квартиру и спокойно пережила воспоминания. Я поняла, что там не осталось ровным счетом ничего, что бы я хотела забрать

и чего бы Адам не заметил.

Я вышла на балкон и прикурила сигарету. Я успокоилась. Да, он был. Алекс подарил мне Оливию, и я, правда, настолько сильно ему благодарна. Но не было между нами любви, оказывается. Похоть? Да. Страсть? Также положительно. И это все. Со временем и то угасло. С ним я все время снимала пальто. А с появлением Адама я поняла, как сладко надевать его поверх нижнего белья и идти на крышу дома. Слезы и злость были моими вечными спутниками много лет, но в чем смысл? Однажды один случайный знакомый, которого я уже и не вспомню, как зовут, сказал, что ты никому ничего не должен. Но также и тебе никто ничего не должен. Сейчас я понимаю, что он ошибался, но в то же время он был прав. Конечно, люди, которые тебе нахрен не нужны в жизни, не должны даже появляться в твоих мыслях. Но когда тебе кто-то важен, ты сам хочешь быть что-то должен.

Около двух часов я понимаю, что какие-то звуки будят меня. Они звучат на весь дом, и я надеваю синюю рубашку Адама, которая висит на кресле. Спускаясь вниз, единственное, о чем я переживаю — Оливия. Она сама не своя. Она скучает по Адаму сильнее, чем даже я наверное. Идя на звуки, я понимаю, что это играет рояль. Открывая дверь в гостиную, я вижу открытые настежь стеклянные двери во двор и вдыхаю запах сигарет. Какое-то время я всматриваюсь в спину человека и понимаю, что это Адам. Я словно каменею и вижу по тому, как напрягаются его плечи, что он также ощущает мое присутствие. Я опираюсь на дверной косяк и слушаю звук клавиш, пока он не заканчивает. Адам без рубашки и без обуви, а лишь в паре джинс, которые низко сидят на его бедрах. Этот человек поглощает меня. И каждое его слово я повторяю словно мантру.

— Давайте познакомимся, — говорит он, поворачиваясь на стуле ко мне лицом.

— Как ты тут оказался? — все еще не могу пошевелиться. — Завтра суд.

— Ты любишь комедии, — усмехается Адам, подходя ко мне. — Пену для ванной с запахом лаванды, и при каждом ее приеме выливаешь пол бутылки. Зубную пасту со вкусом клубники, — появляются слезы на моих глазах. — Оливия, кстати, похожа этим на тебя. В детстве ты все делала с точностью наоборот. И считаешь, что проваляться весь день перед телевизором, есть чипсы и пиццу — одно из лучших исходов выходного дня.

— Может, ты оденешься? — провожу с кончиками пальцев по его груди. — Это отвлекает.

— Действует?

— Иди сюда, — притягиваю его к себе, вонзаясь ногтями в его кожу.

— Прости, милая, что ты увидела меня таким, — обнимает меня Адам, и я до собственной боли в руках держу его.

— Это была твоя худшая сторона, — бормочу я тихо. — Но ты всегда будешь лучшим. У каждого свои демоны, и я, Адам, — поднимаю голову, смотря ему в глаза, — всегда буду заодно с твоими.

Мы смотрели друг на друга, и весь мир стал на паузу. Словно не могли надыхаться друг другом, сохраняя эту близость, как мир от разрушения.

— Донна, — почти с мольбой произнес он. — Ты выйдешь за меня?

— Обними меня, — прошептала я, окуная руки в его волосы. — Пожалуйста, просто обними меня и ни о чем не спрашивай. Коснись моих щек и откинь волосы, как делал это всегда. Дай мне вспомнить, ведь я так и не смогла забыть, — Адам прижал меня к себе, зарываясь снова лицом мне в шею, а я никак не могу заткнуться. — Я так скучала по тебе. Скажи, что и ты скучал по мне, Адам. Хотя, нет, ничего не говори, просто обними.

— Донна, — взял он в ладони мое лицо, всматриваясь в глаза. — Я скучал по тебе.

— Это почти не ПК.

— ПК? — засмеялся Адам. — Что такое ПК?

— Полит-корректно.

Адам усмехается и в следующее мгновение захватывает мои губы в плен своих. Толкая меня спиной к холодной стене, он берет меня за руки и переплетает наши пальцы. Его язык дразнит меня, и Адам отпускает руки, чтобы взять в ладони мою грудь, разорвав перед этим пуговицы на рубашке. Когда рука Адама опускается ниже моего живота, мое дыхание сбивается, и один его палец, а затем и другой проскальзывает в меня, и его рука начинает двигаться жестко и быстро. Я извиваюсь, и в какой-то момент, клянусь, думаю, что начинаю умирать. Мне критически не хватает воздуха, и когда я хочу закричать от переизбытка эмоций, Адам прикусывает мою губу, и другой рукой прокручивает мой сосок. Его руки, теплые и немного с огрубевшей кожей, разводят мои ноги шире, и Адам тяжело дышит мне в ухо. Когда он надавливает пальцем на клитор с такой силой, что я кончаю, я понимаю, что в этот момент больше ничего не имеет значения. Адам осторожно вытягивает свои пальцы из моего тела, я снова дрожу. Я только пытаюсь восстановить дыхание, как чувствую язык Адама, который движется вдоль всей моей щели.

Я чувствую себя потрясающе, но в тоже время чуть дезориентированной. Я терпеливо ожидаю его дальнейших шагов, действий и даже указаний. Проводя своей рукой по моей, Адам снова переплетает наши пальцы, и смотрит мне в глаза.

— Ты все еще хочешь меня, Донна?

Я знаю, чего именно он ожидает от меня — очередного ухода. И он знает, что я достаточно отвратительный человек, чтобы дать ему это. Но я лишь киваю головой, не произнося ни слова. Адам с легкостью поднимает мое тело, и усаживает на рояль. Я хочу увидеть его эмоции, и то как потемневшие синие глаза будет переполнять страсть и все чувства обострятся. Мне нравится смотреть на его реакцию от его рук на моем теле. То, как краснеет моя кожа, и как я дрожу в моменты прикосновений Адама.

Неожиданно моя спина ударяется об крышку рояля, когда Адам надавливает на мой живот, чтобы я полностью оказалась в лежащем положении. Я слышу шуршание джинс, и в следующее мгновение мои глаза видят лишь темноту. Запах, который я чувствую, дает мне ясно понять, что Адам завязал мои глаза своим галстуком, и когда его руки запутываются в моих волосах, он помещает свое тело поверх моего, и приподнимает его так, чтобы член практически выскальзывал из меня.

— Что ты чувствуешь, Донна? — рычит Адам. — Что ты чувствуешь, понимая, что ты не принадлежишь сейчас сама себе?

— Адам, я...

— Не смей кончать, пока я не разрешу тебе, — усиливает он хватку на моих волосах.

Адам резко толкает бедрами, оказываясь внутри меня снова и снова. Я качаю головой, понимая, что не могу вымолвить ни слова, и его губы снова обрушиваются на мои. Я ощущаю вкус ментоловых сигарет, и, кажется, язык и член Адама двигаются в унисон, доводя мое тело до предела, пока я не теряюсь в происходящем. Пока я не начинаю умолять его, и Адам не разрешает мне кончить.

Я чувствую его сперму на своем животе, и как он покусывает мою грудь, после облизывая места укуса. Это был лимит. Лимит, когда не хочется больше ничего. Ни общения, ни сообщений ни даже знакомств. Не хочется подбирать фразы и говорить красивые слова.

Плевать на удобства и комфорт. На разочарования и ошибки. Память не сотрешь, но вышло так, что я и не хотела больше ее терять. Мне нравилось все помнить, и понимать, что я нашла кого-то. Что я наконец-то нашла себя.

Когда Адам развязал мне глаза, то я увидела спокойствие в его взгляде. Я не видела его так долго, что сама улыбнулась и легко прикоснулась своими губами к его.

— Адам, — повернула я голову направо. — Мне нравится этот пятидесятисантиметровый стакан для вина. Сейчас.

— Ди, — начинает он смеяться. — Это ваза.

— Я люблю тебя, — произношу я шепотом эти слова. — Я могла бы сказать это громче...

— Это не нужно, — перебивает он меня. — Даже если ты будешь говорить шепотом всю оставшуюся жизнь, это будет громче любого крика на земле.

«Все люди в мире улыбаются на одном языке». Ом Ананда.

— Что случилось?

— Он уехал на год, — усмехнулась Эбби. — А потом, когда приехал, рассказал мне, что мы больше не можем быть вместе.

— В чем, ты думаешь, было дело? — сделала я еще один глоток вина. — В нем или в тебе?

— Нет, я просто думаю, что люди в музыкальной сфере не могут быть вместе.

— Ты музыкант? — чуть не поперхнулась я, удивившись.

— Да, — также засмеялась Эбби. — Была. А после бросила все к черту, окончила Гарвард и больше никогда не брала в руки гитару.

— Почему ты любила музыку?

— Что значит любила? — задумалась она, опустив глаза. — Музыку нельзя разлюбить, полюбив однажды. В музыке любая банальность имеет смысл, и это всегда будет лишь в музыке.

Я подала знак официанту и заказала еще бутылку вина, лист бумаги и ручку. Девушка посмотрела на меня с недоумением, но все равно принесла то, что я попросила. Затем я протянула Эбби все это, и выжидающе посмотрела.

— Это будет великая песня.

— О чем ты? — засмеялась она.

— Ты и Эмили самые умные люди, которых я знаю. И если Эмили пишет книги, то почему ты не можешь написать песню? Это будет твое лучшее творение. Оно будет глупое, но, черт возьми, самое идеальное во всем мире.

— Дайте мне гитару, — вскрикнула Эбби. — Я хочу гитару.

Я засмеялась, понимая, что, кажется, Эбби сошла с ума, но была этому рада. Она всегда настолько зажата, что порой я думаю, роботы в ней больше, чем человека. Она разучилась расслабляться и перестала пытаться это исправить, кажется, много лет назад.

— Вы серьезно? — сначала услышала я Стейси, а затем и увидела. — Твой брат в полной заднице, Долорес сходит с ума, я беременна, а вы пьете и настраиваете гитару?

— Правильно, — усмехнулась я. — А теперь заткнись и слушай.

И Эбби спела. Она спела не свою песню, но снова взяла гитару в руки, и я видела совершенно другого человека. Я не знаю этой женщины совсем. Боже, я столько лет видела столько людей. Знакомилась с ними и узнавала, но мне не хватает жизни, чтобы знать тех, кто рядом со мной.

Когда Эбби закончила играть, за столом собрались еще Эмили и Ева. Они молчали, и каждый просто пил вино и улыбался.

— Мне казалось, что если он уйдет, я умру, — сказала Эбби, и я видела, что она заканчивает свою историю. — Не могла даже осознать этого первые дни, когда его не стало. А потом он ушел, и я закрылась. Ад был рядом с ним, но и без него все было не так. Никто больше не бесил меня, не проверял и не запрещал ничего. Я разложила мысли по полочкам и поставила снова себя на первое место. Начала ценить людей и уделять больше времени маме и брату. И единственное, чему я рада, так это то, что после нашего с ним расставания она снова улыбается.

— Мы все желаем счастья своим детям, — тихо добавила Стейси, а затем молча обняла Эбби за плечи.

«Собирай только тех, кого хочешь обнять. Это очень важный момент. С теми, кого не хочешь обнять, ничего не получится». Всячеслав Полуниин.

Вскоре, выйдя из ресторана, я сразу увидела машину Адама. Ее дверцы открылись, и он вышел из нее с улыбкой на лице. Я никогда не пойму этих отношений до конца. Мы порой кусались, как собаки, и вступали в схватку, как два тигра. Но в следующее мгновение сжимали друг друга в объятьях, вдыхая любимый аромат. Мы то ненавидели друг друга, то лежали вместе, чувствуя необъяснимое умиротворение. Мы такие разные и так безумно не подходили друг другу. Но также безумно друг друга любили. Любить Адама было чем-то странным и невозможным. Это было как проснуться после длительной комы и вспомнить моменты лишь из прошлой жизни — после этого уже никогда не будешь прежней.

— Просто знай, — поцеловал он меня в лоб, притягивая к себе. — Ты многое значишь для меня в этом мире. Ты все для меня в этом мире. Ты — то, лучшее, что есть во мне.

— Адам?

— Я устал прощаться с тобой, Донна.

— Не надо больше прощаться. Мы сделаем все вместе, — взяла я его за руку. — Мы семья, что бы ни произошло.

— Но мы всегда защищаем тех, кто не может защитить себя сам.

— Да, — села я в машину, захлопнув дверь. — Но мы также защищаем и себя.

— Твой отец приехал, — сел он рядом. — Он у нас дома, и Оливия у моих родителей.

— Хорошо, — сглотнула я, сжимая руки в кулаки.

— Ты как?

— Не важно, насколько я сломлена, — покачала я головой. — Я все еще верю в любовь. Так уж случилось, что я теряла все, что любила. И я боюсь что-либо снова обрести.

— Пожалуйста, только не плачь, — с мольбой произнес Адам. — Я столько живу и столько всего видел. Но до сих пор не научился справляться с твоими слезами. Наверное, никогда не научусь.

Я улыбнулась, но улыбка так и не коснулась моих глаз. Как порой хочется уйти от всего. Например, к морским волнам. Когда вода моет твои щиколотки, и легкий ветерок касается лица. Этот шум, который в море и за его пределами, ни с чем не сравним. Пролетающие птицы и необходимость забыться. Но правда в том, что море никуда не денет ваши чувства и тревоги. От моря вы уедете в любом случае, но настоящая жизнь будет, даже если остановиться на несколько недель.

— Знаешь, Ди, я не хочу больше работать в органах, — завел Адам мотор. — Я в конце концов дошел до той самой планки.

— Ты хочешь знать, что я думаю?

— Да.

— Я ненавижу твою работу, и ты знаешь об этом, Адам. Но я не ненавижу тебя. И мне плевать, чем ты будешь заниматься, ведь я рядом с тобой и приму все, что ты выберешь.

— Просто раньше ты говорила, что тебе не нужен муж.

— А ты мне и не муж, помнишь? — усмехнулась я. — На самом деле в этом мире существуют сотни вещей, которые нужны мне больше, чем муж, но нет ни одной, которая нужна мне больше, чем ты.

— И какие это сотни вещей? — засмеялся Адам. — Наверное, весь женский пол всегда

так и останется загадкой даже для самых умнейших мужчин на планете.

— Например, страдания. Да, жизнь коротка, чтобы тратить свое время на это, но ведь страдания тоже имеют право быть, верно? Если все перестанут чувствовать боль, тогда что останется этим чувствам? Так же я бы начала заниматься чем-то другим. Открыла бы другой бизнес, ушла бы с головой в совершенно другую степь, потому что, если работа не приносит удовольствия, будь у меня муж, он бы тоже мне не помог.

— А знаешь, что важнее могло бы быть жены?

— Что? — сняла я обувь и села так, чтобы положить ноги Адаму на колени.

— Самодостаточность. Конечно, потрясающе все уметь делать, да и делать, если умеешь. И нет ничего более вдохновляющего, чем знать, что ты можешь со всем справиться. Но дело в том, что как бы долго твоя самодостаточность не шла с тобой рука об руку, сначала ее нужно заработать. Выработать. Созреть для нее в конце концов. Тогда и только в такие моменты больше всего нужна жена.

— Только в такие моменты?

— Да. Но таких моментов может быть сотни в день.

— Эс однажды сказала, что больше всего в мире ее раздражает то, что общество до сих пор придает огромное значение замужеству. И каждый раз, когда у нее спрашивают, замужем ли она, и она дает отрицательный ответ, то люди на нее смотрят так, что она чувствует себя неудачницей.

— Ты считаешь, что быть замужем — это плохо? — погладил он мою ногу, сжав кончики пальцев в ладонях.

— Нет, но в то же время нет ничего ужасного если человек и вовсе не смог найти кого-то для себя.

— Когда ты выйдешь за меня замуж и станешь моей женой, я буду каждый день пить тот кофе, который ты мне приготовишь.

— Если я неделю подряд каждый день буду готовить тебе кофе, то на восьмой день добавлю в него яд.

— А я бы все равно его выпивал, — поднял он одну мою ногу и, поцеловав щиколотку, остановил машину возле дома. — Я пойду против всего святого в этом мире, чтобы быть с тобой, Донна Картер.

«А ведь это очень важно — прочувствовать и принять погоду друг друга. У всех она разная. Один живет в вечной осени с равномерными и безучастными дождями, другой — в одухотворяющей весне, где после дождливого дня непременно наступает солнечный. Важно не заставлять ближнего быть тем, кем ты хочешь его видеть. Не упрекать. Все равно он останется собой, вернется в свою погоду, пусть и самую холодную на планете. Лучше с самого начала принять погоду любимого человека, ее светлые качества, показать ему лучшие качества своей и создать один на двоих общий климат». Эльчин Сафарли.

Прежде чем открыть дверь в дом, Адам поворачивает меня к себе и тянет в объятия. Мужчина улыбается, и на мгновение я замечаю страх в его глазах.

— Знаешь, я подумал о том, что хорошо, что нам не придется жить без мужа и без жены.

— Адам? — теперь и меня охватил страх.

— Ты выйдешь за меня? Я знаю, что это должен быть другой момент и другая

обстановка. Наверное, ужин при свечах или полет на шаре. И я должен стать на одно колено, — что он и делает. — Но мы это уже проходили, а сейчас я просто хочу, чтобы ты стала моей женой.

Все в мире ищут эмоций. Сильных. Всепоглощающих. Выносящих мозг и уничтожающих изнутри. Чтобы все горело и полыхало синим пламенем. Но это нужно лишь в самом начале. Нет, нет, не отношений, а твоей жизни. Когда тебе 16–20 лет, ты хочешь чего-то для своего возраста. А потом тебе просто нужно увидеть в человеке человека. Да, я все правильно сказала. Людей так много, а человек лишь один.

— Тогда давай установим правила, — нахмуриваюсь я. — Личное пространство все еще мое. Не лезь в мои личные вещи, все вопросы по поводу Оливии мы обсуждаем вместе, и я ненавижу абрикосы.

— Что-нибудь еще? — смеется Адам.

— Да. Если я вдруг куда-то уйду, то не ищи меня и не ходи за мной. Это, опять же, личное пространство.

— Ты выйдешь за меня? — поднялся он с колена, все еще улыбаясь.

— Да, — провела я ладонью по его щеке. — Я выйду за тебя.

— Тебе понравится быть моей женой.

— А если нет, то я уйду, и ты не сможешь меня искать.

Адам взял меня на руки и закружил. Касаясь легко своими губами его, я впервые при поцелуе не закрывала глаза. Я хотела видеть его, и Адам разрешил мне это. Я чувствовала столько всего одновременно, и поняла, что на самом деле счастливая женщина. У меня сверкают глаза при одном упоминании о другом человеке. А как часто вы встречаете таких людей? Просто счастливых?

— Помнишь, как мы были на черном пляже?

— Да.

— Я бы хотел съездить с тобой куда-то. Может быть, на следующей неделе. Мы там многому научились, я так думаю. Более того, думаю, любые путешествия учат гораздо больше, чем что бы то ни было.

— Иногда один день, проведенный в других местах, дает больше, чем десять лет жизни дома.

— Кто сказал?

— Это не важно, — провела я ладонью по его волосам. — Главное, что кто-то раньше чувствовал то же, что и мы.

«Мне хотелось вновь и вновь заходить в разнообразные тупики на причудливом континенте, где можно сесть на поезд и через час попасть в другую страну, где говорят на другом языке, едят другую пищу, работают в другие часы. Я хотел быть туристом». Билл Брайсон.

— Адам, — открыла я дверь. — Дай я войду одна.

— Донна.

— Пожалуйста.

Когда я закрыла дверь перед носом Адама, то направилась прямо на кухню. Прежде, чем проверить гостиную, я сделала глоток виски и сняла туфли, поднимаясь босиком по лестнице. Я увидела его. Мой отец стоял спиной, держа руки в карманах. Он был широкоплечим, высоким, и у меня были его темные волосы.

— Как ты жила все это время? — спросил он, прежде чем обернуться.

— Рассказать тебе, как я жила? — горько усмехнулась я, все еще не приближаясь к нему. — Сначала я просыпалась и каждый день спрашивала у матери, когда придет отец. Когда немного подросла, смотрела на телефон сотни раз на день, не пропустила ли я какой-то неизвестный звонок. Если бы ты позвонил мне в лет девять и сказал «привет», я была бы счастлива. Засыпала и просыпалась я всегда с мыслями о тебе. Почему ты меня бросил. А затем я встретила кого-то, кто, как я думала, похож на тебя. И он испортил мне много лет жизни. Ты знаешь, что у тебя есть внучка?

— Донна.

— Не смей, — ударила я кулаком об стену. — Не смей говорить мое имя так, словно ты знаешь меня.

Когда мне было девять, то только предстояло понять, что в жизни бывает всякое. Хорошие моменты, конечно, наполняют нашу жизнь, но бывает плохо и ужасно. Без этого никуда. И пытаться заменить что-то плохое на лучшее не имеет смысла. Потому, что, во-первых, ты можешь разочароваться, а во-вторых, этот человек может быть ни в чем не виноват, а ты все равно на его месте будешь видеть другого. Все, что мы можем — это снова научиться любить. Просто так. Не за качества, а вопреки им. Не за сердце, а вопреки ему. Учиться каждый день любить другого человека и понимать, что он и есть твоя опора. Ведь тот, кто ушел, никогда по-настоящему не мог любить тебя.

— Мы ничего не получаем бесплатно, милая. Ты моя дочь, и так уж случилось, что ты пережила гораздо больше, чем я хотел бы. Ты отвечаешь за мои грехи, и чтобы уберечь тебя, я решил исчезнуть вовсе.

— И чем ты платил всю свою жизнь? — сжала я руки в кулаки. — Ты не знаешь ничего. Ты не знаешь жены, которую, как ты говорил, любишь, ты не знаешь своего ребенка, которая выросла без твоей помощи. Ты не знаешь, что моя мать всю жизнь слишком опекала меня из-за тебя, а потом, когда я стала на тебя похожа, она перестала появляться вовсе. Ты не знаешь о моей амнезии, и что я даже в этот момент была без матери! — перешла я уже на слезы с криком. — Я столько раз хотела тебя увидеть и спросить почему. Но вот ты сейчас стоишь передо мной, и все, что я хочу, так это чтобы ты уехал и никогда больше не возвращался.

— За улыбку все платят слезами, а за любовь — одиночеством.

— Ты ничего не знаешь о любви! Ни-че-го! Ты думаешь, что это цветы и романтика, а потом сделать ребенка и уйти, говоря, что все равно любишь? Нет, — смотрела я на него с ненавистью. — Это совсем не это. Романтики на самом деле мало, хоть ты и находишь ее в каждом мгновении, цветы — периодически, обычно после ссоры или перед ней. Но это не самое ужасное. Прежде, чем вы получите свою сказку, если получите вообще, пройдете не через одну ситуацию, наполненную дерьмом. Ссоры, обиды и вранье. Много вранья. Для того, чтобы это было, вы должны пережить все, чтобы в будущем верить. И я знаю, что готова отдать Адаму свою жизнь. А кому отдаешь ее ты? Что ты вспомнишь, прежде чем закрыть глаза? И кто вспомнит тебя, когда это произойдет?

— Донна, я виноват перед тобой, — достал он руки из карманов. — И я рад, что и ты, и твоя мать нашли кого-то, за кого готовы отдать жизнь. Но ты ошибаешься, Донна. Я готов до сих пор отдать жизнь за вас двоих. Даже спустя столько лет лишь вы двое — моя единственная семья, и ты все еще моя дочь.

Я стала рядом с ним, смотря через окно на день, который нес каждую минуту непосильное бремя — страдания людей. Возможно, сейчас какая-то женщина подарила

жизнь ребенку. И, возможно, какой-то человек попал в аварию и умер. Или дедушка, который прожил много лет и увидел четыре поколения своей семьи, умер. Во сне, ничего не чувствуя, и ему стало легче. Может быть, он увидел жену, к которой так сильно хотел. Не знаю. Может быть именно в этот момент происходят множества событий, но одно остается неизменным — это все непосильное бремя для мира.

— Никогда не любил день, — сказал он спустя несколько минут молчания. — Но больше всего люблю ночь.

— А я море, — ответила я тихо. — Почему ты ушел?

— Знаешь, милая, выбирая жену или мужа, проверяй прошлое. Это как покупка бэушной машины, — поцеловал он меня в лоб, и я разрешила ему это. — Как только ты за нее заплатишь — она полностью твоя.

— Знаешь, до него я молчала. До Адама мои демоны все время молчали. А когда начинали говорить, они лишь кричали и истязали меня, — потекла слеза по моей щеке, и мужчина прижал меня к себе. — А Адам... он заставил их всех замолчать. Он изгнал их.

«Не нужно бояться. Ты можешь потерять лишь то, что должно быть потерянно. И хорошо потерять это как можно скорее, потому что чем дольше оно сохраняется, тем становится сильнее». Ошо.

— Какая она? — слышала я нежность в его голосе. — Маленькая Оливия?

— Любящая, — улыбнулась я в ответ. — Храбрая и улыбчивая. Верная и сентиментальная, как и каждый ребенок. Но также она сильная, вспыльчивая, порой язвительная и слишком честная.

— Я буду приходить к тебе всегда, девочка моя, — снова поцеловал он мои волосы. — Даже когда ты не будешь меня видеть, я все равно буду приходить к тебе. Когда ты будешь грустить или плакать. Когда выйдешь замуж и родишь еще одного потрясающего ребенка, я буду возвращаться к тебе. А потом, когда я умру, увижу лишь твое лицо перед смертью. И буду приходить к тебе во сне.

— Кем ты работаешь?

— Я хочу, чтобы ты просто сохранила эту улыбку для меня, — отошел он и взял пакет из пола, передавая его мне. — Открой его, когда я уйду. Я очень люблю тебя, Донна. Ты можешь мне верить.

— Выпьешь со мной кофе?

— У меня нет иммунитета в США, так что я надеюсь, что свадьба будет на другом континенте.

Затем он ушел, а я смотрела ему в след. Лишь спустя несколько минут сбежала вниз и, открыв входную дверь, не увидела никого. Это была тихая боль, и не было истерик и невыносимого крика. Ты не хочешь говорить и не хочешь чувствовать, но уже легче. Боль, которую чувствуешь из-за чего-то, лучше и слаще, чем из-за того, с чем не знаком. Но нужно понять, принять это и жить дальше. Ведь теперь я знаю его лицо. Знаю, кого видела во снах, когда была ребенком, и могу говорить о нем. Пусть он и не был папой, но он был единственным отцом, которого я знаю.

«Ты никогда не думаешь, что последний раз — это последний раз. Ты думаешь, что будет еще шанс. Ты думаешь, что у тебя есть вечность, но это не так».

— Ди, ты в порядке? — услышала я голос Адама. — Иди ко мне, родная.

— Да, — вложила я свою ладонь в его руку. — Я в порядке. Это был мой отец, — усмехнулась я. — Мой отец, и он наконец-то встретился со мной.

— Донна, я, правда, очень рад, что тебе легче, но помнишь то дело, в котором похитили девочку?

— Да, — нахмурилась я. — Что-то случилось?

— Да, и мне нужно уехать.

— Хорошо, — поцеловал меня Адам в щеку, прежде, чем направиться к машине. — Адам? — окликнула я его. — Можно мне с тобой?

И тут он посмотрел на меня таким взглядом, которым не одаривал никогда ранее. Словно весь мир не имеет значения, и он наконец-то начал мне верить.

— Ты серьезно? — застыло удивление на его лице. — Ты хочешь поехать в место, которое больше всего ненавидишь?

— Ты сделал многое ради меня, Адам, — подошла я к машине, останавливаясь со стороны водителя. — И я готова сделать это ради тебя.

Когда мы приехали в участок, все смотрели на меня с удивлением и некоторые даже с презрением, но Адаму, кажется, было плевать. Я, похоже, на их больших экранах была знаменитостью, но только сейчас и мне было плевать.

— Это та девочка, — показал Адам фото на экране. — А это девочка, которую нашли.

— Они идентичны, — нахмурилась я. — Что не так?

— Донна, будь повнимательней. Дети растут, и глаза — зеркало души, но даже они могут меняться. Но кое-что не меняется, а лишь растет. А теперь посмотри внимательно на фото и скажи, что тут не так.

Я подошла вплотную и осматривала каждый дюйм двух фото. И тут я заметила.

— Уши, Адам, — вскрикнула я, поворачиваясь к нему. — Уши разные, хотя девочки идентичны.

— Верно, Ди, — усмехнулся он. — Уши не меняются. И тут возникает вопрос, как у обеих девочек идентичная внешность, идентичное ДНК и разные уши.

— Когда ее вернули? Как она вернулась домой?

— Ее высадили возле дома после выкупа, которые все-таки перевели на счет родители. Они говорят, что это их ребенок, но мне не сходятся уши.

— Адам, родители чувствуют своего ребенка. Даже когда я не помнила Оливию, то все равно чувствовала, что она мой ребенок.

— Донна, я знаю, что прав, — бросил он бумаги на стол. — Но не могу этого доказать. И я не могу понять, где другой ребенок, и почему девочки так похожи.

— А что их родители?

— Родители утверждают, что это их дочь, но вот, — взял он планшет, снова на экране показывая новое фото. — Но это уже не первый случай, и меня ужасно бесит, что я не могу доказать, что прав.

— На счет чего, Адам?

— Детей убивают или подменяют, но этим делают операции, и возвращают родителям под идеально сделанным лицом.

— Адам, это ведь маленькие дети, — присела я на стул. — Кто такое может делать?

— С таким спросом на детей и органы, желающих по миру хоть ложкой ешь.

В течение следующих нескольких дней мы полностью погрузились в работу. Мы искали улики, смотрели на каждый похожий случай, осматривали дом, когда девочки не было. Она была совсем маленькой, как и моя дочь. И она нуждалась в защите и огромной любви. Все люди нуждаются в этом, но лишь дети ее поистине заслуживают.

— Что ты думаешь, Адам? — осматривала я документы, смотря на стену. — Что ты думаешь по поводу спокойствия родителей?

— Я думаю, что им все равно, — нахмурился он. — Они просто счастливы, что их дочь вернулась.

— Ладно, а что ты думаешь на счет Майкла?

— Что ты имеешь ввиду?

— Его отношение к Стейси.

— Он счастлив, что малышка скоро родится.

— Я уловила запах, — склонилась я над столом, за которым сидел Адам.

— Какой запах?

— Твоего вранья, — прищурила глаза. — И сейчас, Майколсон, тебе не поможет ни один парфюм.

— Что ты хочешь от меня услышать, Ди? — засмеялся он. — Он был уверен, что она никуда не денется, а для Стейси, это как: «На старт, внимание, марш», — изобразил он кавычки.

— Знаешь, я думаю для них заниматься чем-либо, кроме секса, является диким. Странно находиться рядом и пытаться чувствовать себя нормально. Для них секс — норма, но быть друзьями — что-то из рода вон.

Адам поднимается с места и обходит стол, поворачивая меня к себе. Он останавливается напротив меня, и как только я собираюсь сказать, что сейчас не время, и мы на его работе, Адам приглушает мои слова, накрывая мои губы своими, грубо припадая к моему рту. Это именно тот поцелуй и те эмоции, от которого замирает дыхание. Мы все время играем в какие-то дурацкие игры, и я знаю, что не смогу выиграть ни в одну из них. Но правда в том, что, когда дело касается Адама, я не жажду победы.

— Моему боссу не нравится что ты тут, — говорит Адам с улыбкой мне в губы. — Но я сказал, что без тебя плохо работаю.

— Я бы с удовольствием всем нравилась, — смотрю ему в глаза. — Но в моем плотном графике нет места, чтобы лизать кому-то зад.

Адам знал, что я скажу что-то в этом духе, ведь изучил меня на все сто процентов. Он знал каждый мой взгляд, каждую реакцию и каждый жест. Он знал, какое у меня будет лицо в следующий момент, и без подсказок угадывал мое настроение, что бы ни происходило минуту назад. Мы словно вместе целуем вечность и все, что между нами, в целом так давно.

Дверь внезапно открылась, и на пороге стоял начальник Адама. Я засмеялась, а Адам лишь повернулся к нему лицом и спрятал меня за свою спину, что рассмешило меня еще больше.

— Майколсон, сколько я должен говорить, что ее не должно тут быть.

— Она со мной, — ответил Адам. — Кроме того, это мое последнее дело, и именно Донна причина тому, что я все еще тут.

— Ты вернешься сюда, — стрельнул он в меня злым взглядом и хлопнул дверью с другой стороны.

— Если он хочет от меня избавиться, то может найти лампу с джином, загадать ему два желания, а на третье попросить выловить себе золотую рыбку, — видела я, как медленная улыбка расплывается по его лицу. — Затем загадает ей два желания, а на третье попросит вызвать старика Хоттабыча. Загадывает ему два желания, а на третье Конька-Горбунка, от которого напоследок получит цветик-самоцветик. И вуа-ля, — смеялся Адам, свернувшись

пополам. — Никаких ограничений, — взмахнула я рукой, отходя от него. Нужно только найти джина, а дальше как по нотам.

Он смеялся, словно сумасшедший, и я поняла, что вернулась бы к нему, несмотря ни на что. В жизни каждого человека есть такие люди, и мы возвращаемся лишь потому, что рядом с ними чувствуем себя полноценными. Я чувствую себя с ним женщиной. Во всех сферах и смыслах этого слова. С ним я живая и настоящая, а не девочка, которую можно запугать или руководить.

Когда мы приехали домой, Оливия делала уроки, и я решила немного расслабить свой мозг, который вскоре вскипит, и залезла в ванную. Я никак не могла понять, в чем подвох. Как невинный ребенок может быть загадкой для всех? Теперь чаще всего в моей голове у меня мелькали мысли, что именно родители девочки всему виной. Когда я вылезла из ванной, то какое-то время смотрела на себя в зеркало, застыв. Я столько времени уже не уделяла ни себе, ни своему телу. У меня не сделан маникюр, и мои волосы нуждаются в хорошем парикмахере. Завернувшись в полотенце, я помыла ванную и как только собиралась выйти, Адам вошел в помещение, закрывая за собой дверь. Он улыбался и обнял меня за талию, поворачивая лицом к зеркалу. Я смотрела на наше отражение, и Адам сдернул полотенце, оставляя меня полностью обнаженной. Я вдыхала его восхитительный аромат, который исходил, кажется, от каждой частички его тела, и, убрав мои волосы с плеч, он обнажил мою слишком бледную кожу на шее. Адам вдыхал запах моего тела, и мое дыхание участилось. Я ведь каждую минуту желала его ничуть не меньше, чем он меня, просто чаще всего притворялась равнодушной по старой привычке. Адам слегка царапнул зубами мою кожу, прикусывая ее.

— Она слишком нежная тут, и я не хочу ее ранить.

— Я доверяю тебе, Адам, — ответила я, переплетая наши пальцы. — Я, кажется, полностью доверяю тебе.

Отношения невозможны без доверия. Нет, они, конечно, существуют, но невозможны. Я знаю, что доверила Адаму жизнь своего ребенка, свою жизнь и всех своих демонов. Я искренне делю эту жизнь с ним, и в какой-то из всех этих моментов поняла, что действительно все строится на доверии.

«В жизни очень важно уметь не переступить грань. Грань — это еле уловимая черта между страстью и ненавистью, уважением и унижением, упорством и наглостью, добротой и пофигизмом. Прогуливаться по ней любят многие, но далеко не все умеют удерживать равновесие».

— Я люблю твою грудь, Донна, — сжал он их в ладонях. — Я люблю каждый дюйм твоей безупречной кожи и люблю такую редкую уязвимость в твоём голосе. Ты превращаешь каждое мгновение в счастье, — взглянул он в мои глаза через зеркало. — Тебя словно создали специально для меня.

— Адам, — повернулась я к нему. — Я не хочу тебя пугать, но хочу еще детей. Не сейчас, но в будущем...

— С чего ты взяла, что пугаешь меня, Донна? — прервал он меня.

Я рассматривала его лицо, не отрываясь. Оно было безупречное. Его синеватые глаза, родные губы и идеально начертанный подбородок. Я до сих пор так благодарна, что он со мной. Мой пульс всегда учащается, когда я только думаю об этом человеке.

— В твоих глазах всегда есть капля страха, когда дело заходит об Оливии, не говоря о том, что будет, когда будет еще один ребенок. Именно теперь я поняла, что мне нужно

больше, — провела я языком по нижней губе Адама. — Немножко больше.

— Ты думаешь, я боюсь? — хохотнул он, переместив одну руку на мою шею. — Я люблю тебя больше всего на свете, Донна, конечно, я боюсь. — Адам опустил голову и провел языком по моей шее. — Я люблю твою шею. И я люблю твое тело. Я знаю его лучше всего прочего на земле. Просто разреши мне быть с тобой на одном дыхании. Давай просто будем уже вместе без драм и прочего дерьма. Переедем до конца в новый дом, ты дашь мне разрешение на удочерение Оливии, и мы наконец-то поженимся. Мы так похожи...

— Ты чувствуешь дрожь? — положила я указательный палец на его губы, и Адам поцеловал его. — Я растрачу всю эту жизнь на нас. И да, мы похожи. В книге жизни я написала именно те главы, в которых говорится, о тебе, Адам, — смотрела я на отражение мужчины, которого люблю. — Почему-то, когда я полюбила, все остальное перестало иметь значение, и твоя любовь в то же время стала беречь меня. Я так люблю слушать твой голос, и ты — самое прекрасное, что я могу видеть во сне и наяву. Ты такой разный, и мне нравится, что рядом с тобой я всегда чувствую себя не только любимой, но и женщиной. Ты научил меня покупать билеты не просто в отпуск, а в вагон счастья. Ведь куда бы мы не отправились, ты видишь не только небо, но и знаки на нем из облаков. Ты всегда оборачиваешься на мой голос. У меня не было ничего счастливого в жизни. Никаких счастливых историй. Но с твоим приходом, все, что я делаю, и есть счастье.

Он так сильно обнял меня, что, уверена, услышал хруст моих костей. И в этот момент я кое-что поняла. Я отошла от Адама и завернулась в полотенце. Затем открыла дверь из ванной и направилась в спальню быстрым шагом. Я усмехнулась по пути Оливии, которая уже сидела на кухне и что-то ела, но даже не остановилась.

— Я поняла, Адам, — сказала я, разбрасывая по кровати фотографии. Я знала, что он пойдет за мной. — Я поняла, почему ДНК одинаково, но отпечатки разные.

— Почему? — был он в замешательстве.

— Мы не задумались, что девочек могло быть две.

— Донна, твою мать, — злился уже Адам. — Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, кто такие однояйцовые близнецы? — показала я фото девочки до и после. — Они ведь пробуждают у общественности не только огромный интерес, но и огромное непонимание. Родители близнецов, наверняка, не задумываются о том, какие отпечатки пальцев у их детей, пока не сталкиваются с этим напрямую, — открыла я ноутбук, вводя сайт ФБР, — показала я жестом ввести пароль. — Однояйцовые близнецы практически не различаются по набору генов. Однако отпечатки пальцев — это характеристика, которая не полностью обуславливается наследственностью. Ученые любят приводить ее в качестве примера в извечных спорах о том, что главнее в человеке — наследственность или среда. Отпечатки пальцев, как и другие физические черты, относятся к фенотипу, то есть определяются взаимодействием генотипа человека и всей окружающей его среды в широком смысле слова.

— Считается, что форма папиллярного узора складывается во время беременности под влиянием средовых факторов, — появилось понимание в глазах Адама. — Питание, кровяное давление, расположение в матке и скорость роста пальчиков в первом триместре. Таким образом, рисунок на кончиках пальцев однояйцовых близнецов может быть похожим, однако отпечатки будут различаться, ведь принадлежат разным людям.

— Верно, Адам. Но дело в том, что если зигота разделится на две или больше частей, то каждая часть начнет развиваться как отдельный организм, но такое развитие пойдет по

общей для них программе. Все новые организмы будут нести одинаковый набор ДНК, — показала я на две других фотографии девочки. — Одинайцевые близнецы — это набор хромосом одной яйцеклетки и одного сперматозоида. Такие близнецы всегда одного пола и практически неотличимы друг от друга.

— Ты хочешь сказать...

— Да, да, Адам, — бросила я фотографии на кровать. — Я хочу сказать, что девочку подменили, и о том, что существует два ребенка, могли знать лишь их родители.

Я открыла шкаф и достала первые джинсы и футболку, которую увидела. Затем собрала все документы из кровати, на мгновение взглянув на лицо Адама, который находился на грани злости и недоумения. Затем направилась на кухню к Оливии и села напротив.

— Детка, нам с папой нужно кое с чем разобраться, — смотрела я на нее без тени улыбки. — Сегодня я не смогу отвести тебя никуда, ты могла бы посидеть дома?

— Мама, но мне нужно ехать.

— Я знаю, Лив. Но дело в том, что нам нужно помочь человеку. Ребенку, если быть до конца честной. Она такая как ты возрастом, и мы можем ей помочь, понимаешь? И я не хочу переживать, как ты доедешь, или кто тебя заберет, потому что должна быть сосредоточена на другом. Сегодня. Пожалуйста, Лив, ты же взрослая.

— Ладно, — вздохнула дочь. — Хорошо. Но ты мой должник.

— Это точно, — услышала я голос Адама, который держал мою куртку в своих руках. — Мы оба, и до конца своих дней, — подошел он к Оливии, поцеловав ее в щеку. — Ты лучшее, что есть в нашей жизни, Лив. Ты — мой ребенок. Но мы помогаем тем, кто не может помочь себе сам, понимаешь? И пусть это не причина уделять время кому-то другому, — усмехнулся он, смотря на нее. — Имею ввиду, твое время. Время, которое должно предназначаться лишь тебе, но она совсем маленькая. Или возможно, если твоя мама права, это две девочки, которые страдают. И если мы им не поможем, это будет худшее, что мы сделаем. Но мы люди, верно, детка? Мы добрые по своей природе и не имеем права что-либо менять.

Когда я наблюдаю за отношениями Адама и Оливии, у меня складывается такое впечатление, что он заботится о единственном человеке во всем мире — именно о ней. Нет, он любит свою семью, друзей и меня, безоговорочно. Но они вознесли друг друга на такой пьедестал, из которого уже и не скинуть, и к которому другим уже и не подняться. Адам сражается в битвах, думая лишь о ней. Делится с ней мыслями, не пытаюсь учить уму-разуму, и меня всегда завораживает, как именно Адам Майколсон, человек, который разбивал сердца, и словно руководил подиумом моделей Victoria's Secret, становится щенком. Щенком, влюбленным в ребенка. В девочку семи лет, и готов прибежать в любой момент, когда дело касается Оливии. И так сейчас все время — она падает, он прибегает.

Мы закрыли дверь на замок, и когда Адам завел мотор мотоцикла, я обняла его за талию и прижалась к его спине. Мы ехали, и у меня было лишь это время подумать. Что будет дальше? Как я поступлю? И если в будущем изменится мое мировоззрение после этого, примут ли эти изменения близкие мне люди?

— Спасибо тебе, Донна, — сказал Адам, паркуясь.

— За что?

— За Оливию, — я нахмурилась. — Раньше я видел сны лишь о себе, а теперь у меня есть дочь, и теперь я вижу ее.

Я не ответила ничего и отправилась в дом. Когда женщина открыла мне дверь, я оттолкнула ее и пошла дальше, поднимаясь по лестнице, чтобы найти девочку. Нужно было

найти другого ребенка, и единственной зацепкой была ее сестра.

— Что вы тут делаете? — кричала женщина. — Что вам нужно?

— Где ребенок? — спросила я, открывая дверь в детскую. — Где она?

— Убирайтесь.

— Я знаю, что вы сделали, — открывала я шкафы и шифляды. — Вы, преступники, всегда думаете, что женщина не может сделать вещей, которые может сделать мужчина. Но может, правда? Вы ведь и так это знаете, Софи, да? Но вам не знать, что может сделать мать, которая однажды потеряла ребенка. Как ее мировоззрение меняется, и на что она способна.

— К чему вы ведете?

— У вас две дочери, не так ли? Близнецы. Вот почему мы не могли сразу понять, в чем дело. У них одинаковые ДНК, но разные отпечатки. И дело в том, что вы меняли дочерей. То одна исчезала, то другая. Никто ничего не мог понять, потому что никто и не знал, что у вас две дочери. Вы родили их дома, а потом просто продавали, как игрушку.

— Что вы несете?

— Заткнись, — повысила я голос. — Просто заткнись и скажи мне, где девочки. Иначе клянусь богом, я убью тебя.

— Впечатляет, — засмеялась она. — Женщина, которая не боится прийти в дом, как вы говорите, к убийце и бросаться обвинениями.

— Кроме того, что она не одна, — появился Адам в дверях.

— Как и я, — достала она пистолет из-за пояса.

Иногда то, чего мы хотим, не является лучшим вариантом для нас. Но в этот момент я как никогда была благодарна мужчинам, которые окружали меня в жизни. Была благодарна их жесткости и своему конечному характеру. Я выбила пистолет из ее рук, давая Адаму возможность схватить ее, и ради собственного удовлетворения наступила ей сапогом на пальцы. Это минимум, чего она заслуживала после того, что сделала.

Когда мы приехали в участок, Адам не пустил меня в комнату допросов и сказал не выходить из его кабинета. Я взяла телефон и хотела позвонить Эмили, но что ей сказать? Как я должна себя вести? И должна ли я просто сидеть, сложа руки? Все время посматривая на часы, я открыла компьютер Адама и стала читать данные из этого дела.

«Детей продавали через интернет за 25 тысяч евро, выставляя на торги их тела».

— Ты ведь не можешь сделать хоть что-то, как сказано, да? — вошел Адам в кабинет, закрывая за собой дверь.

— Адам, мне нужно хоть что-то, — поднялась я с места.

— По словам руководителя общественной организации по борьбе с педофилией, извращенцы разыскивают детей в социальных сетях. В последнее время работы у охотников за педофилами увеличилось втрое. Неблагонадежные родители все чаще выставляют на торги своих детей. И мы попали именно на такую семью. Социальные сети для них, как клондайк.

— Где девочки, Адам? Я была права? — подошла я к нему впритык. — Мне не нужна гребаная статистика, а лишь факты и их местонахождения.

— Ее допрашивают, а отца, — показал он кавычки, — нет на месте. Так что мы в тупике.

— Да вы нахрен издеваетесь! — вскрикнула я. — Им семь лет, ты помнишь?

— Ди, мы не можем ничего поделать.

— Нет, можем, — взяла я куртку и направилась к двери. — Мы можем делать. Я делаю

это по личным причинам, а ты как будто чтобы поставить галочку возле очередного имени в списке.

Я открыла дверь и вышла на улицу. Пройдя не более триста метров, остановила такси и набрала номер Эмили. Я снова поехала в дом, где живут девочки, и решила ждать. Может быть, я смогу что-то найти, потому что я даже представить себе не могу, в каком состоянии они приезжают после. Мне ничего не сходило. Ни похищение ребенка, ни выкуп, ни слезы этой суки. Боже, сколько на самом деле таких детей на земле? Скольким детям никто так и не сможет помочь?

— Ди, — сказала Эмили. — Тут сказано, что любой извращенец может заказать ребенка с доставкой прямо домой. В социальных сетях созданы целые интернет-сообщества по продаже детей для сексуального развращения, которые маскируются под прикрытием магазинов детской одежды.

Я вошла в дом и снова сразу направилась в их комнату. Я хотела бы найти их совместное фото, но уверена, что его не существовало. На самом деле мы все уверены, что наши проблемы — это глобально, но никто не думает о важных вещах. Важных по-настоящему. О детях, которые без родителей, или о наличии таких. О том, что многие женщины должны продавать свое тело, чтобы выжить и прокормить семью. О том, что мужчина не имеет по большому счету никакой ответственности после того, как уходит, перекладывая всю жизнь и заботы ЕГО ребенка лишь на женщину. Почему мы, люди, думаем, что разбитое сердце — это глобально? Что такое разбитое сердце после ухода по сравнению с детьми, у которых забрали в детстве всю их жизнь.

— Ты могла мне просто сказать тебя привести, — открыл Адам дверь. — Я бы сделал это.

Я смотрела на него, и только сейчас до меня дошло, что я поступила неправильно. Нет, конечно, я имею право на собственное мнение и на поступки, которые правильны по моему мнению. Но дело в том, что Адам мой будущий муж. По тому, что мы пережили — уже старая семейная пара. Но я даже не спросила, хочет ли он того же, чего хочу я. Чего он хочет вообще? И что он думает о всей этой ситуации?

— Прости Адам, — прошептала я. — Я сглупила.

— Это не так, — подошел он ко мне, обнимая, и прижимая к себе. — Ты просто делаешь то, что считаешь правильным.

— Да, но сейчас все по-другому. Мы — семья, — посмотрела я на него. — Ты всегда считаешься со мной, но я не посчиталась с тобой.

— Мы связаны с тобой, Донна. И наша семья в любом случае является величайшей силой, даже когда мы порознь. Мы не говорим друг другу сладкие слова, когда они не нужны, но поддерживаем, несмотря ни на что. Так что ты хотела спросить?

Дверь открылась, и в дом вошли несколько мужчин и две женщины, которые держали на руках по одной девочке. Я бросилась к одной из них, и когда Адам направился к другой, она закричала. Он отошел, и я сказала, чтобы все вышли. В комнате остались только женщины, и я видела синяки и страх в их глазах. Они были так беспомощны, и по взгляду двух женщин-врачей я поняла, что была права на счет всей истории.

— Милые, как вас зовут? — спросила я. Они ничего не ответили. — Я не трону вас, обещаю. Не сделаю вам больно, и вы больше никогда не увидите тех людей. Все будет хорошо, — сжала я руку в кулак, чтобы почувствовать физическую боль. — Обещаю вам, что все будет в порядке.

Им укололи успокоительное, и мы перенесли их в машину, отвозя в наш дом. Всю дорогу я молчала и просто смотрела на них, а потом, когда Адам перенес малышей в комнату, положив на кровать, пока они еще спали, я не выдержала и решила поговорить с ним.

— Я хочу у тебя кое-что спросить, — взяла я его за руку. — Пожалуйста, только не отпускаяй, мне сейчас это нужно.

— Я никогда не отпущу твою руку, — поцеловал он меня в лоб. — Ну и денек.

Я обняла Адама, и когда подняла на него глаза, он все понял. Молча покачивая головой, Адам находился в растерянности и недоумении. Страх мелькнул в его глазах, и я, не выдержав, расплакалась.

— Пожалуйста, Адам, — прошептала я, когда он еще сильнее сжал мои плечи. — Мы помогаем тем, кто нуждается в нас, помнишь?

— У нас будет много врагов, Донна. Я не могу подвергать тебя такому. Не могу подвергать такому нашу дочь. Оливия будет против. Ты подумала, как это на ней отразится? Сейчас опасно, а потом ты думаешь, что внезапно наступит Диснейленд?

— Мама, — услышала я голос Оливии и обернулась. — Ты хочешь оставить этих девочек у нас?

— Только если ты не будешь против, — направились я к ней, обнимая. — Если ты скажешь, что не хочешь, значит, ничего не изменится. Потому что ты мой ребенок, Лив, и я сделаю все ради тебя.

Она посмотрела на меня, а затем перевела взгляд на Адама, и снова на меня.

— Папа против, но ведь вы всегда помогаете тем, кто нуждается в помощи, — пожалала она плечами. — Как ты думаешь, Бог есть?

— Конечно, милая, — чуть усмехнулась я.

— Но если маленькие девочки так страдают, может тогда его и нет? Как он может такое допускать?

«Человечность — это способность участвовать в судьбе других людей». Иммануил Кант.

Вы когда-нибудь гуляли по ночному Нью-Йорку? Заходили на вокзал и слушали музыкантов, которые ночуют на скамейках? Огни освещают этот город, и он становится волшебным. Другого такого больше не существует на всей планете, и поверьте, я знаю, о чем говорю. На самом деле настоящие причины для счастья всегда не вески, и сегодня была одна из таких причин. Прогулка по ночному Нью-Йорку одна из лучших причин для счастья.

— Ты знала, что Манхеттен был выкуплен у индейцев за 24 доллара?

— Ты не хочешь со мной поговорить, Адам? — сильнее сжала я его руку. — О нас, о всех наших девочках?

— Ди, что ты хочешь услышать?

— Я не знаю.

— Давай не будем всего усложнять, милая, — остановился он, смотря мне в глаза. — Ты — мой воздух, и я хочу дышать. Если ты хочешь, то и я хочу. Мы не делаем ничего плохого, просто я боюсь, что мы не справимся.

— Адам...

— Нет, — перебил он меня, обнимая. — Я имею ввиду, что я злился раньше из-за Оливии, потому что ревновал. Я ревновал тебя к твоей дочери, потому что хотел быть источником твоего вожделения. Твоей радости, счастья, внимания, восхищения, обожания и всех твоих чувств. Я даже хотел быть единственным, к кому бы ты чувствовала злость. Боже, — засмеялся Адам. — Я больной на всю голову. Я хотел владеть тобой и всем, что связано с тобой.

Адам всегда говорил правильные вещи, даже когда я не хотела их слышать. Он умел сказать даже самое ужасное так, что я хотела прижать его к себе и целовать до боли в губах. Этот человек приносил столько яркости и красок в мою жизнь каждый день, и я понимала, что все может быть хорошо и без его присутствия в ней. Но с ним всегда все было ярко и сказочно. С ним даже поход по магазинам был сумасшедшим приключением.

Воздух был теплым, даже ночью, и Нью-Йорк ожидал лета. Дома подходили вплотную к деревьям на парковой зоне, а велосипедная дорожка освещалась фонарями. Мне нравился этот покой, и запах зеленой листвы предвещал тепло.

— Ты нужен мне, Адам, — притянула я его к своим губам за волосы. — Ты чертов отдельный орган и кровь в моих венах. Ты — и есть два основных компонента всей моей крови.

— Какие они? — засмеялся он, проводя своим носом по моему.

— Какой позор, — наигранно изобразила я ужас. — Я говорю тебе о чувствах, а ты даже не знаешь, что означают эти вещи.

— Это плазма и взвешенные в ней форменные элементы.

Объятия — самое сильное проявление чувств. Только они могут сказать, насколько мы важны человеку.

Мы сами себе ставим границы. Мы сами создатели своей судьбы. Мы выбираем, где работать и с кем жить. Какие оценки получать в школе и какого цвета будет наш диплом после окончания университета. Наши мечты — наш собственный выбор. Мы сами ставим перед собой цели и те же границы, которые не всегда нужны. Мы должны думать о родных

людях, но должны думать о совершенно посторонних, чего я никогда не делала раньше. В конечном итоге, каждый день — наш собственный выбор.

На следующий день мы с Адамом были сначала в участке ФБР, затем участке полиции, потом нас отправили на медосмотр, и в конце к юристу. Меня напрягала вся эта ситуация, хоть я и делала все, чтобы наши с Адамом кандидатуры одобрили. Я хотела этих детей. Может быть, я их еще не любила, но была вполне готова дать им заботу, опеку и хорошее будущее. Только недавно я поняла, что мы совсем не делаем ничего доброго. Мы откупаемся деньгами, чтобы сделать вид, что заботимся о ком-то. Но что потом? Эти деньги дают теплую одежду, а не тепло. Они дают возможность просто есть, но совсем не теплый ужин с нежным поцелуем от мамы в щеку. Как мало на свете людей, которые действительно что-то делают, и кому не жалко год за годом отдавать кому-то, а не только требовать и хотеть что-то получать.

— Почему вы думаете, что будете хорошей матерью этим детям? — спросила женщина-психолог, когда мы с Адамом проходили индивидуальное собеседование. — Вы живете с мужчиной, который был за решеткой, у вас у самой есть дочь семи лет, кроме того, вы часто разъезжаете...

— Вы хотите убедить меня или проверить? — перебила я ее, продолжая спокойным тоном. — Я не собираюсь высылать этим детям график, по которому они будут общаться со мной. Мне хватит времени на них и на разъезды, — показала я кавычки в воздухе. — В жизни каждого есть множество людей, ради которых стоит жить, а знаете, ради кого всегда жила я? — оперлась я на спинку стула. — Ради себя. Лишь ради себя. Я боролась и продолжала жить только поэтому. А потом в моей жизни появился Адам. Мужчина, который сидел, — снова изобразила я кавычки. — И он полюбил меня. Я привыкла видеть шум и гам, а с ним заметила тишину. Я всегда держала марку, и мне завидовали даже тогда, когда я умирала. Но сейчас этого не нужно делать. Я хочу этих детей. Я хочу этих двоих девочек, и уже, наверное, люблю их. А Адам любит меня. Он любит все, что связано со мной, как бы эгоистично это не звучало.

Женщина слушала меня внимательно, и я сделала глоток воды, когда словно ком застрял мне в горле. Я никогда не говорила столько откровений незнакомому человеку, и, наверное, впервые в жизни на что-то надеясь, выразила это вслух. Обычно я хотела, шла к этому или сдавалась, понимая, что в этом нет смысла. Но сейчас в этой ситуации я мучила себя заранее, понимая, что действительно, надежды у меня почти нет.

— Может быть я не буду против и дам вам свои рекомендации, — сказала наконец женщина после длительного молчания. — Но у девочек должна быть семья, а семья — это мама и папа, и что бы не говорил 21 век, клятвы и штамп в паспорте все еще что-то значат.

Когда я вышла из кабинета, не увидела Адама в коридоре и решила покинуть здание. Выйдя, заметила через дорогу кофейню и направилась туда, написав Адаму смс, что буду его ждать.

Я заказала салат и стейк, и когда открыла страницу алкогольных напитков, который сейчас был бы кстати, что-то остановило меня. Я могла бы сказать, что это исключительно мораль, но это не правда. Я достаточно времени была с Адамом и понимала, что пить даже безалкогольное пиво сразу после того, как вышла из самого трудного собеседования в жизни, было бы неуместно. Так что еще я заказала кофе и позвонила Эмили. Она была сейчас с девочками, и я немного переживала за нее. Она хотела ребенка, но что-то было не так. У них с Брайаном не получалось, и Эмили переживала, хоть и не подавала виду. Шекспир сказал:

«Мы раздражаемся по пустякам, когда задеты чем-нибудь серьезным».

— Ты в порядке? — появился Адам спустя не меньше полу часа.

— Наверное, — ответила я, когда он поцеловал меня в щеку и сел напротив. — А ты?

— Я не знаю, — позвал он официанта, делая заказ. — Просто они говорили правильные вещи, которых так трудно придерживаться в обычной жизни. Они спросили, собираюсь ли я на тебе жениться, — усмехнулся он. — Конечно, я не рассказывал им нашу всю историю, потому что тогда бы нам точно отказали, но потом они спросили, люблю ли я тебя.

— И что ты им ответил? — откинулась я на спинку стула, делая глоток кофе.

— Я знаю, что люблю тебя, но потом понял, что это слово такое ничтожное по сравнению с тем, что чувствую к тебе. Я не хочу от тебя какой-то непредсказуемости или разлуки, потому что мне не нужна все эта мучительная любовь, — прервался он на мгновение. — Я хочу просто быть с тобой и видеть тебя. Я хочу владеть тобой и всей твоей жизнью. Я на стенку лезу, когда тебя нет, и мне нужна наша семья. Можно ли назвать это чувство лишь «любовью»?

— Если бы у меня было только единственное желание во всей жизни, — взяла я его за руку, через стол. — Я бы загадала всегда быть с тобой.

— Это у тебя и так есть, Ди.

— Ну тогда у меня есть все, чего я хочу.

«Вкус жизни можно ощутить, только если не принимать ее как должное. Возможно, в этом и заключается вся философия того мира, в котором мы живем. Если бы мы жили вечно, то кто бы ждал завтрашнего дня? Если бы не было темноты, кто бы смог насладиться солнцем? Тепло после мороза, пища после голода, вода после жажды, любовь после отсутствия любви, отцовские чувства после долгого отсутствия, домашний уют и сухость после поездки под дождем, мир и тепло очага после схватки с врагом. Без контрастов не было бы и удовольствия».

— Адам, — увидела я блондинку, которая подошла к нашему столику.

— Мелони, — спокойно ответил он, хоть я и заметила беспокойство в его глазах.

— Я давно хотела с вами познакомиться, — посмотрела она на меня, слишком сладко улыбнувшись.

— Донна, — качнула я головой. — И вы...

— О, мы спали раньше с Адамом, — засмеялась она. — И сейчас я живу в одной из его квартир. Он всегда мне помогал.

Я перевела взгляд на Адама и увидела, как в его глазах мелькает злость, отчаянье и в конце стыд. Я не слабая. Или слабая, но лишь до тех пор, пока могу себе это позволить. Я наиграно прокашлялась и поднялась с места, все еще не отводя взгляд от Адама. Он так же поднялся с места и через мгновение расслабился.

— Мы уходим вместе с моей невестой, — перевел он глаза на Мелони. — У Донны кашель, и ей срочно нужна чашка горячего шоколада.

— Адам, почему именно горячего шоколада? — усмехнулась я.

— Потому, что только оно успокаивает больное горло и подавляет кашельный рефлекс.

Затем он взял меня за руку, и я сильнее сжала ее. Адам бросил две сотни на стол, и Мелони окликнула его.

— Почему ты забыл меня?

— Ты не была забыта, Мелони, — вздохнул он. — Просто я тебя так и не смог запомнить.

Когда мы вышли из ресторана, я не отпустила его руку, и мы направились в машину все так же молча. Адаму нравилась моя ревность, и я видела это по блеску и искоркам в его глазах. И черт подери, он был самым красивым мужчиной в мире. Я бы никогда не смогла его разлюбить. Он мой родной человек, которого я целовала. Целовала везде, и всегда буду любить в нем абсолютно все.

— Ну ладно, — сказал Адам, закрывая дверь машины и смотря на меня. — Ты молчишь слишком долго. Скажи, что я сволочь, и выскажи все, что думаешь. Скажи, что ревнуешь или...

— Нет, — перебила я его, доставая телефон, когда уведомление поступило на мой телефон. — Я не ревную тебя, но и не собираюсь тобой делиться. — Я расстегнула только что застегнутый ремень безопасности и пересела к Адаму на колени. — Просто прикоснись ко мне, — шепчу я возле его уха. — Просто давай наконец-то у нас все будет хорошо, или хотя бы сделаем вид.

Адам притягивает меня к себе, и я прижимаюсь к его губам. Он проводит языком по моей нижней губе и наконец-то углубляет поцелуй. Его тепло укутывает меня, и когда такое любимое тело почти вдавливают меня в свое, я чувствую эйфорию. Адам становится все более неистовым, и я снова очарована им и тем, как он меняется, и как все остальное не имеет значения, когда мы вместе.

— А теперь, — прерываю я поцелуй, и показываю экран телефона. — Нам пора домой.

— Что-то случилось?

— Лив пишет, что хочет поговорить.

— Ты можешь остаться в таком положении, но мы едем домой. Если наш ребенок хочет с нами поговорить, значит мы бросим все на свете, и нет ничего более важного в этот самый момент.

Я обняла его за шею, а Адам завел мотор. В таком положении мы и добрались домой. Я подумала о том, что каждому мужчине просто жизненно-необходима дочь. Она всегда сможет сделать то, что не сможет ни одна другая женщина. Он научится понимать все без слов, и лишь по взгляду предугадывать желания и потакать каждому капризу. Да, все-таки мужчине жизненно необходима дочь, иначе он так и не сможет стать мужчиной.

Как только я собиралась открыть дверь, Адам схватил меня за руку и нажал на блокировку двери.

— Дай мне еще какое-то время только наедине с тобой.

— У нас будет вся жизнь впереди, Адам, — взяла я его лицо в ладони. — Кажется, я тоже этого хочу.

— Ди, прости...

— Не проси у меня прощения за то, что уважаешь того, к кому не имеешь никакого отношения.

— Ты изменилась.

— Просто захотела быть женщиной, которой тебе захочется угодить.

— Что ты имеешь ввиду? — улыбнулся Адам.

— Я всегда была самостоятельной. Всегда была в состоянии заработать, купить и получить желаемое. Конечно, большинство вещей я могу сделать в жизни одна. Но когда появился ты, и после всего, через что мы прошли, я стала уверенной. Я стала уверенной не только в себе и Эмили, но и в тебе. Ты пытаешься влиять на мою самостоятельность и постоянно меня удивляешь. Пусть каждый поступок и не вызывает у меня восторга, но я

счастлива, даже если не показываю тебе этого.

Адам смотрел мне в глаза какое-то время, а затем его губы накрыли мои. Тепло его тела поражало меня, и я надавила своей промежностью на его уже твердый член. Адам растегнул пуговицу, а затем и молнию моих джинс, и я немного подняла попку, чтобы Адам мог снять их. Резким движением большого пальца он раздвинул влажные губы, и проник двумя пальцами внутрь.

— Я хочу трахнуть тебя, Донна, — зарычал Адам. — Сейчас и жестко.

Он сказал это так грубо, и мое дыхание стало тяжелым. Я выгнулась, когда он надавил на клитор и снова впился поцелуем в мои губы, чтобы заглушить стоны.

Из всех мужчин, которые прошли через мою жизнь, и я имею ввиду серьезные и мимолетные связи в том числе, почему именно Адам привлек меня? Какая ирония. Я всегда пыталась держаться подальше от таких мужчин — физически сильных мужчин. И еще красивых, обстоятельных, опасных и особенно от тех, кто обладает острым умом и не менее отточенным чувством юмора.

— Сделай это, Адам, — вцепилась я ногтями в его плечи. — Просто сделай это, черт возьми.

Адам провел рукой по всей своей длине, и подняв мои бедра, опустил на его твердый член. Я чувствовала, как мое собственное безумие смешалось с его, и сильные руки Адама сильно держали меня за попку. Мои бедра бились и терлись о его с тяжелым однообразием, и когда он растегнул мою блузку и взял в рот сосок, покусывая его, я закричала. Не знаю, что я чувствовала каждый раз, но всегда было как впервые.

У меня появилось странное чувство, будто каждая косточка тела изогнулась и стала, как пластилин. Это ощущение было таким возбуждающим, что я забыла обо всем, в том числе о боли, которую причинила Адаму вцепившись ногтями в его кожу. Своими цепкими пальцами он нашел мою самую уязвимую точку, и я ловила ртом воздух. Все, что меня окружало, стало расплывчатым, и границы растворились. Крик вырвался из моего тела, и я услышала рычание Адама.

Я уткнулась лицом в его шею, и засмеялась. Адам порой был так невыносим, но с ним я чувствовала себя так хорошо, как никогда ранее.

— Я люблю тебя, — усмехнулась я. — И еще я люблю секс с тобой.

Его грудь тряслась от смеха, и он поцеловал мои волосы, обнимая за плечи.

— Я хочу кое-что попросить, — отклонилась, смотря Адаму в глаза. — И я понимаю, что, возможно, прошу слишком много, но мне это нужно.

— Что ты хочешь, Ди?

— Я хочу попроситься с ним, — сказала я слишком тихо. — Просто понимаешь...

— Я понимаю, — сплел наши пальцы Адам. — Я против, но понимаю. Я принимаю, что большинство смертей в мире подстроены или случайны. Я принимаю, что дедукция — это врожденное, и я принимаю тебя. В любом твоём виде. И знаю, что в следующий раз тебе с твоим характером и умением держать марку нужно покупать не сексуальное бикини, а любое белье в мужском отделе.

— Ты скотина, — засмеялась я. — Но...

— Я тоже люблю тебя, Донна, — провел он пальцами по моей щеке. — И я отвезу тебя, чтобы ты попрощалась.

— Эти слова идеальнее, чем вся моя жизнь до тебя.

— Почти как большинство тортов, которые я видел.

Адам застегнул мои джинсы, а я, смотря на него с улыбкой на лице, застегивала его брюки. Вот такой стала наша жизнь — работа, дети и секс в машине, пока у нас есть немного времени. Потом садик, школа и мука для пирога. Говорят, что есть что-то постоянное в отсутствии постоянного, но какой смысл в постоянном, если оно в любом случае отсутствует?

Мы шли по тропинке к дому, оставив машину за пределами ворот. Вдыхая запах влажной земли после недавнего дождя, я наслаждалась видом саженцев, которые, судя по рассказам Оливии, Адам сажал их вместе с ней. Каждая клетка моего тела радовалась этому дню, даже несмотря на то, что, кажется, нам предстоит немало работы в будущем.

— Знаешь, Ди, он любил тебя, — сжал Адам мою руку, открывая дверь. — Любил какой-то странной и немного сумасшедшей любовью, и просто не знал, что с этой любовью делать.

— Я думаю, что нет подходящего момента, чтобы умереть, и мне жаль, что я забыла того человека, которого встретила однажды. Жаль, что он забыл того человека, которым был однажды.

«Всегда говори то, что думаешь, и делай то, что тебе кажется правильным — это твоя жизнь, и никто лучше тебя ее не проживет». Жан Рено.

Придя домой, я усмехнулась, смотря как девочки вместе с Оливией ели мороженое.

— Пожалуйста, скажи, что тут нет всего твоего класса, — сказала я Оливии, усмехаясь.

— Есть, — ответила Эмили. — Но они устанавливают карбюраторы на мотоциклы в гостиной.

— Очень смешно, — поцеловала я каждую дочку в лоб.

То же самое сделал Адам, и сказав мне, что ждет меня в ванной, поднялся наверх. Нам обоим нравилось иметь дочек, но все же еще я хотела сына. Хотела мальчика со светлыми волосами и голубыми глазами. С белоснежной улыбкой и ярким воображением. И самое главное — с чистым и добрым сердцем.

— Спасибо, — сказали в унисон Аннабель и Джулия. — Можно включить мультики?

— Конечно, — взяла я их за ручки и, включив мультики в гостиной, вернулась на кухню.

Эти милые семилетние девочки были такими очаровательными, несмотря на все, что они пережили. Я надеюсь, что они смогут войти в эту семью и будут счастливы. Завтра мы подпишем бумаги об удочерении, я — две, а Адам — три. Каждый раз, когда я вспоминаю их глаза, как их привезли, у меня подкатывает комок к горлу, и прекрасно, что в такие моменты никого не бывает поблизости, потому что на моих глазах все чаще и чаще выступают слезы.

— Я хочу кое-что переделать в этом доме, и нужно посадить цветы во дворе.

— Ты, наверное, единственная женщина во всем мире, которая не нуждается в помощи, — сказала Эмили, вытирая вымазанный подбородок Оливии.

— Есть еще ты, — достала я бутылку вина из шкафа.

— На самом деле каждая нуждается в помощи, — посмотрела на меня Оливия, нахмурившись.

— Милые, — сказала Эмили, направляясь к двери. — У меня важный звонок, я скоро вернусь.

Когда Эмили ушла, я села напротив Оливии и взяла ее крошечную ручку в свою.

— У тебя все будет хорошо, моя маленькая девочка, — смотрела я на нее. — Я обещаю. Я обещаю, что, когда тебе будет 8 или 10, или даже 18 лет, я буду оберегать тебя от боли

всеми возможными и известными мне способами. Но нет, ты не будешь чувствовать себя слабой. Я просто буду сражаться за тебя, несмотря ни на что. У тебя будет то, чего не было у меня. Ты всегда будешь такой храброй и будешь уметь любить. На твоём сердце не будет шрамов, и твой отец всегда будет рядом с тобой.

Я поцеловала её головку, а она лишь усмехнулась. Я часто говорила своей дочери такие слова. Она хотела их слышать, ведь я помнила себя в её годы. В ней я видела от Алекса больше, чем многие могли представить, но хотела сохранить это, а не изувечить. Я видела его темперамент и силу духа. Я видела его улыбку и искорки в глазах. Она была собственником в теле ещё маленькой девочки, но в то же время неутомима и так добра.

Услышав крики в гостиной, я одарила Оливию улыбкой и направилась к Аннабель и Джулии. Они порой ругались, и я видела, что они были полностью ранеными. Думаю, нам предстоит не один год тяжелой работы, чтобы они пришли в себя, но я знала, что сделаю все для того, чтобы они стали счастливыми. Я знала, что вся наша семья сделает для этого все, и даже больше.

— Тааак, — выключила я телевизор. — Почему вы деретесь? Какие могут быть счеты между сестрами? Мы семья, и вы её часть, слышите?

Они закивали, и затем я услышала, как разбилось какое-то стекло в кухне. Я побежала туда, зная, что там сейчас Оливия.

— Оливия, — вскрикнула я. — Олли!

— Мам, — ответила она, когда увидела меня. — Мне больно.

Я увидела, как осколки чертовой вазы разбросаны на полу, и её маленькие пальчики были порезаны. Я не знала, что делать, и как себя вести. Именно в такие моменты ты понимаешь, что никудышная мать. Когда не знаешь, что делать сначала, забирать ребенка или звать на помощь кого-то другого.

Кое-как я попыталась справиться с нервами и взяла дочь на руки, а после посадила на стул, осматривая раны. Затем взяла перекись, но услышала голос Адама, который отодвинул меня.

— Нет, Ди, это не так, — потянулся он к Оливии, беря на руки. — Дай мне её сюда.

Адам сначала взял полотенце и намочил его. Затем вытер кровь и только потом промыл рану перекисью. Я хотела сказать ему, что будет жечь, но он начал дуть воздух и сверху намазал ещё какой-то белой смесью.

— Мам, не переживай. Все в порядке, — выступили слезы на глазах Оливии, которые она пыталась скрыть. — Папа уже делал это, и он знает, как обо мне заботиться.

Господи! На моих глазах выступили слезы, и дело было совсем не в том, что нашему ребенку было больно. Что с ним произошло? Откуда он знает, как о ней заботиться? Адам вовсе не походил на мужчину, который будет печь вместе с детьми шоколадный торт, а затем поливать шоколадной глазурью. Нет, он совсем не походил на домашнего мужчину почти с физической необходимостью заботиться о дочурке, но все же Адам Майколсон был именно таким.

— Посмотри на меня, Оливия, — сказал он. — Если тебе больно, ты можешь поплакать, но помни, что это ничем тебе не поможет. Эти порезы есть, но они заживут. Ничто не вечно.

Когда она качнула головой и на мгновение взглянула на меня, я, не выдержав, заплакала, закрывая лицо руками. Я наблюдала за ними, и они были в своём собственном мире. Кровь — это не всегда семейные узы. Семья — это нечто большее. Нечто глубже, и ДНК меркнет по сравнению. Адам поднял её на руки и начал тихо петь какую-то песню. Он

двигался под музыку собственного исполнения и покачивал бедрами. Наблюдая за ними, я почувствовала, как меня охватывает чувство умиротворения, и все, чего я хотела, так это назвать этого мужчину своим мужем. По документам. По кольцу в том числе. И по моей подписи, которая бы давала согласие на удочерение его любимой девочки. Аннабель и Джулия прибежали в кухню и стали так же танцевать. У них получалось это так смешно, и Адам пересадил Оливию себе на шею, а близнецов подхватил под мышки и закружился вместе с ними.

— Это и есть семья, — услышала я голос Эмили, которая вернулась в дом.

— Мамочка, — смеялся Адам. — Потанцуй с нами.

«Однажды шторм закончится, и ты не вспомнишь, как его пережил. Ты даже не будешь уверен в том, закончился ли он на самом деле. Но одна вещь бесспорна: когда ты выйдешь из шторма, ты никогда снова не станешь тем человеком, который вошел в него. Потому что в этом и был весь его смысл». Харуки Мураками.

Они веселились, а мы с Эмили пошли в спальню. Я хотела рассказать ей о том, что сказали мне юристы, психологи и юристконсульты. Я хотела услышать, что она думает, и услышать, что она все еще рядом со мной. Что она будет со мной, несмотря ни на что.

— Ну ладно, — села я на кровать, смотря на подругу. — Мы должны пожениться, потому что у нас дети, но...

— Я буду с тобой в течении всего твоего девичника, а потом и всей свадьбы. Я буду крестить твоего ребенка от любимого мужчины, и поливать цветы, которые ты все время будешь пересаживать в вашем саду.

— Спасибо Эм, — обняла я ее. — Правда, спасибо, что ты все еще рядом со мной, несмотря ни на что.

— Глупенькая. Я помню, как мы приехали сюда и жили в съемной квартире в Бруклине, — я засмеялась. — Помню, как копили деньги и не ели парой по два дня.

— Ага, — хохотала я, вспоминая. — А потом твой отец узнал об этом, и дал нам столько денег, что я сразу открыла салон, а ты защитила диплом. А потом спустя три года постоянного вкалывания, недосыпания и текилы мы переехали в наши квартиры на Манхэттене. Наши девичники и твоя встреча с Брайаном, которая перевернула и мою жизнь тоже.

— Все намного хуже, чем я полагал, — услышала я голос Адама за спиной. — Кажется, вам нужно время побыть только вшестером.

— Забирай ее у меня, — поцеловала меня Эмили в щеку, прежде чем уйти.

— Нам нужно планировать свадьбу, Ди, — одел он кольцо мне на палец, и я улыбнулась. — Мне нужна ты. Мне нужны мои девочки. Мне нужна моя семья.

— Я всегда хотела свадьбу на свежем воздухе, — сплела я наши пальцы. — На вершине скалы, и чтобы волны омывали берег.

— Я не против. — Адам достал портмоне из кармана и отдал мне банковскую карту. — Я согласен на все, Ди, и ты сделаешь это, потому что я прошу тебе об этом. — Я ничего не ответила, и он добавил, используя сарказм: — Свадьба на берегу моря толкает меня на мысль, что этим обрывом пользуются не только для свадьбы, но и чтобы прервать ее.

— Ты идиот, Майколсон, — засмеялась я, прижимая его к себе. — Но я все равно тебя люблю.

— И почему же?

— Есть множество факторов. Дети, твое чувство юмора, и необходимость быть

рядом, — пожалала я плечами. Но на самом деле — это то, что мне не нужно жертвовать чем-то ради тебя. Имею ввиду, сейчас, когда уже все встало на свои места, у меня нет необходимости в самопожертвовании, чтобы быть с тобой. Ты знаешь меня, и все еще любишь, а это то, что встречается крайне редко. Ты меня понимаешь. Понимаешь мои слова и мое молчание, и разделяешь мою мораль, хотя иногда категорически ее не воспринимаешь. Ты знаешь меня и остаешься рядом, несмотря ни на что. И именно поэтому я люблю тебя.

«Если вы начнете с самопожертвования ради тех, кого любите, то закончите ненавистью к тем, кому принесли себя в жертву». Бернард Шоу.

Я отошла от Адама, включила музыку и, повернувшись к нему, затанцевала в такт. Он заулыбался и снял футболку через голову.

— Мне нравится, — провела я пальцами по его бицепсам. — Но я хочу кое-что изменить в этом доме. Хочу поставить фотографии и переделать еще одну комнату для девочек.

— Если ты хочешь другой дом...

— Нет, Адам, — перебила я его. — Я люблю этот дом. Но его нужно изменить, ведь я не чувствую, что он до конца мой. И не предлагай мне деньги, я и так своими не пользуюсь.

— Я твой муж, пусть и не по бумагам еще, — поцеловал он меня в губы. — И я всегда буду рядом.

Музыка сменялась одна за другой, а мы переставляли мебель и выбрасывали ненужные вещи. Расставляли рамки фотографий нашей семьи и друзей, находясь в своем собственном мире. Я получала впервые в жизни непередаваемое удовольствие от уборки. Может быть, и правда все дело в том, с кем убираешь.

— Знаешь, я думаю, что наша дочь перестала быть ребенком, когда я оставила ее одну.

— Мы все это исправим, Ди, — достал он фотографию из тумбы, где он вместе с Оливией. — Мы исправляем это каждый день.

Когда я уложила спать девочек, а Адам сделал это с Оливией, я сказала, что хочу поехать на кладбище. Именно когда было темно и поздно, и когда город погрузился в сон вместе с большинством его жителей, я поехала добавить последний пазл.

Эмили ехала по улицам с таким видом, словно дорога принадлежала лишь ей. Она была королевой улиц, и, наверное, главной женщиной для целой собственной вселенной нескольких десятков людей. Она постукивала пальцами по рулю в такт песне, слов которых я не могла, да и не старалась разобрать. В своем мустанге Эмили выделялась среди прочих смертных. Я чувствовала, как горит моя кожа — то ли от быстрой езды и холодного ветра, то ли от самого понимая, куда я еду, и что мне предстоит сделать. Адам дал мне номер могилы и хотел поехать со мной прежде, чем сдался и отпустил с тем, кому доверяет. Мне нужно было попрощаться. И если Эмили даст мне поплакать или покричать, то только не Адам.

Мы вышли из машины и направились к могиле. Увидев ее, я подошла ближе, и мои ладони вспотели. Это так странно, быть на его могиле, не побывав на похоронах. Я провела пальцами по выгравированным буквам на склепе и присела напротив. Я успокоилась. Правда, успокоилась.

— Привет, — сказала я тихо. — Вот и произошло то, чего я столько лет боялась. Наверное, в жизни каждого есть человек, который не поддается логике, и у меня такой человек — ты, Алекс. Я всегда знала, что у нас не будет ни будущего, ни семьи, но ты все равно был полюсом притяжения. Моего притяжения. Животная страсть и разговоры. Поступки, которые мы совершали, были дикими, но все было всепоглощающим. Мы

сходились и расходились, говорили, писали глупые смс-ки, но все же любили. И у нас есть потрясающая дочь, — вытерла я слезы. — У меня есть наша дочь. Я перестала любить тебя, но начала жалеть, Алекс. А всем известно, что любовь и жалость вещь несовместимы. И теперь вспоминаю эти моменты, воспоминания, словно из короткометражки прошлой жизни. Все началось из малого, Алекс. Началось из ничего. И этим же закончилось.

— Знаешь, я думаю он просто задавал себе не те вопросы, — услышала я голос Эмили, которая держала в руках бутылку вина и два бокала. — Это нам.

— В каком смысле?

— Он хотел тебя, но не хотел вашего ребенка. А значит, он не хотел тебя по-настоящему. Мужчина не может любить женщину и не любить ее ребенка.

— Но это был и его ребенок, — заплакала я. — Она была и его девочкой. Эмили, каждый раз, смотря на нее, я вижу его. Как и моя мать, когда раньше смотрела на меня. Она видела моего отца, Эмили. Во мне моя мать видела того, кого ненавидит, но я в Оливии вижу лишь счастье. Она сделала меня матерью, и я всегда ею буду, даже если столько лет не заслуживала, чтобы меня так называли.

— Но она похожа на тебя, Ди, — налила она вина в бокалы. — Боже, у меня всегда есть вино в машине.

— Самое смешное, что у тебя есть бокалы.

Мы засмеялись, и я положила голову ей на плечо.

— У нее его взгляд и улыбка, — прошептала я. — Этого никто не увидел бы, потому что не знал его так, как я. У нее есть слишком много от его характера. Она справедлива и честна. Она улыбочива, но в то же время в ее глазах чаще всего искорки отсутствуют. Ей семь лет, но она почти не улыбается и всегда говорит вещи, которые не присущи даже детям возраста гораздо старше.

— Плохие вещи случаются с тобой, Донна, — допила Эмили вино и поднялась, протягивая мне руку. — Ты не можешь от них спрятаться, даже если очень хочешь.

«Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится». Федор Достоевский.

Я вложила свою руку в ее ладонь, и мы направились к выходу. Мы выбросили в урну бокалы и бутылку, и я последний раз обернулась, понимая, что назад пути уже нет и никогда не будет. Все получают конец, и все проживают свою сказку.

— Просыпайся, милая, — почувствовала я поцелуй Адама на своей щеке. — Вскоре я буду твоим мужем.

— Будь другом сначала, — ответила я. — Сделай кофе.

— Мне нужно поговорить с тобой, Донна, — слышала я улыбку в его голосе, хотя сама не открывала глаза. — Но кофе уже готов. Я знаю, что ты не будешь говорить со мной без него.

Я повернулась к нему и всем своим видом показала, что меня не радует то, что мне пришлось проснуться так рано.

— Помнишь ресторан, который так любит Эмили? — передал он мне кофе.

— И?

— Так уж случилось, что нам всем грозит опасность, и неизвестно, когда она снова

настигнет нас.

— Ты меня пугаешь, Адам.

— Там есть подвал, и в нем мы сможем обсуждать и помогать другим.

— Адам, я не знаю, что ты надумал себе, но я против.

— Ди...

— Нет, — перебила я его. — У нас три дочери, и я не хочу больше переживать, что в один день один из нашей семьи может не вернуться.

— Донна, Донна, — прижал он меня к себе, целуя мои щеки и губы. — Твои привычки — мои. Я слушаю тебя, потому что твои слова важны, Донна. Они важны для каждого нерва в моем теле. И я люблю говорить о тебе по причине того, что лишь в эти моменты мои глаза действительно выражают чувства.

Я улыбнулась и легко дотронулась своими губами к губам Адама.

— А теперь уходи, и увидимся завтра у алтаря, Адам Майколсон.

«Время невозможно остановить, но ради любви оно иногда замирает». Перл С. Бах.

Эпилог

— Тебя это украшает, Эм, — взяла я на руки Джозефа.

— Что?

— Твои сыновья. Они украшают тебя и твое сердце.

Ты больше никогда не почувствуешь такого тепла, как от рождения ребенка. И твое сердце больше никогда не будет принадлежать только тебе. После, ты всегда начинаешь поступать правильно. И я рада, смотря на семью, которую создала, на семью сестры, которая есть у нее, что все, что мы прошли, в конечном итоге стоило этого. Пусть раньше я, Донна Картер, могла жить без счастья, без угрызения совести и чувства долга, но я никогда не могла жить без семьи.

Джозефу было пять, и сейчас мы старались проводить все наше время с детьми. Все слишком изменилось, и ресторан Эмили чаще всего служил не для праздников, но и в этом была своя прелесть. Мы защищали друг друга и знали все, что происходит за пределами наших домов. Мы следили за нашими врагами, держа их всегда неподалеку, и лично мне это давало гарантии.

— Мама, — позвала меня Оливия. — Кажется, Себастьян проснулся.

— Милый, — отдала я своего крестника Эмили. — Мне нужно отойти.

Джозефу уже и было пять лет, но мы до сих пор носили его на руках, как младенца. Он был настолько уникальным ребенком. Его обаяние притягивало, и улыбка могла заставить забыть при любом наплыве злости.

Сегодня мы праздновали день рождения Эстель и находились в доме Вудсов. Я поднялась на второй этаж, и пока все смотрели за детьми, пили вино и жарили ребрышки, я открыла дверь в комнату для гостей и подошла к своему сыну. Ему было всего два месяца, и он был поразительно похож на Адама. Себастьян был светловолосым мальчиком и первым мужчиной, которого я полюбила, не следуя списку. Да и с того момента, как я «выросла», прошло достаточно времени, и списки перестали иметь значения. Конечно, я совру, если скажу, что все всегда гладко. С Адамом мы до сих пор ругаемся и спорим, но потом так же страстно миримся.

— Привет, мой мальчик, — взяла я сына на руки, держа головку. — Mamочка рядом. Ты

как?

Он замолчал и смотрел на меня заинтересованным взглядом. У него были такие же глаза цвета морской волны, и казалось, что этот ребенок был лишь копией Адама, но также я замечала проблески себя в его взгляде. Я взяла бутылочку из тумбы и легла на кровать, положив Себастьяна рядом. Он начал есть, и я улыбалась, целуя своего сына в носик.

— Привет, — услышала я голос Адама, когда он пристроился с другой стороны возле нашего сына. — Ты хотела со мной поговорить?

— Это правда, что ты допрашивал одноклассника Оливии, который приходил к нам вчера?

— Да, и прежде чем ты начала на меня злиться, я скажу, что буду так поступать впредь. Пока всем нашим детям не стукнет 18, прежде чем они будут с кем-то говорить, те будут спрашивать моего разрешения.

— Помнишь, однажды ты сказал, что сделаешь для меня, что угодно?

— Да.

— Ну так найди мне другого мужа.

Он улыбнулся и поцеловал меня в губы, потянувшись через нашего сына. Адам был единственным мужчиной во всей вселенной, которого я могу не видеть несколько дней, но то, что я чувствую к нему каждый раз, напоминает какую-то глупую мелодраму, которая никак не заканчивается. Иногда я думаю, что мое сердце вот-вот биться перестает от переизбытка счастья, которое я получаю каждый день со своей семьей. Мы до сих пор смотрим друг на друга взглядом, где дается обещание над тем, что мы будем делать ночью. Секс — это не просто секс, когда любишь человека. И ты любишь не потому, что хочешь ребенка, а хочешь ребенка, потому что любишь. Я люблю Адама совершенно по-особенному, доверяя ему, но порой все равно ревную. Понимаю, что он никогда меня не предаст, просто не посмеет, но ничего не могу с собой поделаться. Но пусть внутри это чувство съедает меня порой, я никогда не показываю вида и не посягаю на его свободу. Только он единственный в одно мгновение может превратить мою жизнь в Ад, а в следующее — в Рай.

Адам взял Себастьяна на руки, и прежде, чем мы покинули комнату, поцеловал меня. Мы делали это при каждой удобной возможности, и потеряв столько раз, ценили то, что имели. Вот и вся правда жизни — люди никогда не ценят что-то просто так. Они будут отворачиваться и перечить своему счастью, если им дать его просто в руки. Мы ценим лишь то, что теряем, или когда теряем, и, наверное, никогда не будет по-другому.

— Давай ее, — крикнул Майкл, купаясь в бассейне.

— Никогда, — ответила Стейси, держа Эстель на руках. — Она маленькая.

— Ну же, Эс, она справится. Она всегда справится.

— Папа, — закричала Эстель.

— Ну она точно твоя дочка, — изобразила Эс напыщенное недовольство, но сделала то, что просил ее Майкл.

Я смотрела как Майкл держал маленькое тельце своей дочери, купая ее в воде. Их дочь улыбалась, а он смеялся, наслаждаясь ее улыбкой. Майкл всегда знал, что ей понравится по-настоящему, и всегда знал, как о ней заботиться. Я не перестаю удивляться этому на самом деле.

Когда он стал отцом, все изменилось. Дети — самое потрясающее, что есть в жизни каждого из нас. Я сама начала жить по-настоящему, лишь когда у меня появились дети, и с рождением Себастьяна мое мировоззрение изменилось еще сильнее. Но вот для Стейси ее

дочь — нечто другое. Для Эс, Эстель смысл жизни. И порой это пугает.

— Зачем ты притворяешься, что тебе это не нравится? — спросила я у Стейси, подходя к ней.

— Мы поругались, — ответила она. — Но это не новость, мы ведь все время ругаемся.

— Что случилось? — засмеялась я.

— Вот правда, Ди, я считаю себя умной женщиной, но порой во время ссоры или пререканий с Майклом, я такую херню леплю, что не могу остановиться, пока все это не вылетит из моего рта.

— У вас странная прелюдия, — подошла к нам Ева.

— Зато секс потом этого стоит.

Мы — шесть женщин, которые смогли приручить Нью-Йорк. Каждая из нас что-то потеряла на пути к успеху, но также что-то обрела со временем. Кто-то сумел стать женой, а кто-то и матерью, и каждая расскажет свою историю со счастливым концом, ведь без счастливого конца не может быть настоящей истории.

Счастье — быть собой с тем, кто принимает тебя такой, какая ты есть. Счастье быть с человеком, который может заставить тебя улыбнуться в самый черный день твоей жизни. Когда мы, шесть женщин, стали вдохновением таких же прекрасных шестерых мужчин, все перевернулось. Каждый из них теряет голову от вида его вдохновения, и именно этим они дарят нам счастье. Мы перестали бояться жить, и теперь каждый миг наполнен сумасшедшей любовью.

«А ты попробуй не спешить. И все успеешь». Ган.

Больше книг на сайте - Knigolub.net